

*Ассоциация
литературных
объединений
Новочеркаска*

ПРОЛОГ

*литературно-художественный
журнал*

№ 1

Новочеркасск
Лик
2013

УДК 82(470+571)
ББК 84(2Рос=Рус)6
П 80

П 80 **ПРОЛОГ**. Литературно-художественный журнал. - Новочеркасск:
Лик, 2013. - 192 с.

Журнал является частью проекта Ассоциации литературных объединений Новочеркаска.

помимо новочеркасских авторов, помещены произведения авторов из Ростова-на-Дону, Брянска, Москвы и других городов. Освещена творческая деятельность городских библиотек, краеведов.

Представлены произведения молодых литературно-творческих талантов.

Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке Почётного гражданина города Новочеркаска, ветерана Великой отечественной войны Ивана Георгиевича Скоморохова.

ISBN 978-5-9947-0378-6

© Авторы.,2013

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация
«Творческий клуб «ВЗЛЁТ» www.vzlet-novochek.narod.ru

Главный редактор А.А.Чекулаев

Общественный редакционный Совет:

С. В. Агеева, Новочеркасск

В. А. Владыкин, Брянск

И. Ю. Городецкая, Новочеркасск

Е. П. Мезина, Новочеркасск

И. Г. Скоморохов, Новочеркасск

М. А. Хоперский, г. Кубинка, Московская область

А. В. Чекулаева, Новочеркасск

А. С. Юркова, Новочеркасск

Корректор: Л. В. Бирюкова

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Редакция не несёт ответственность за точность имён, фактов и цифр, за достоверность которых отвечают сами авторы.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Призведения и иллюстрации к ним принимаются только в электронном виде без макетирования и архивации по адресу: chekanat37@mail.ru .

Справки: 89043434094

На обложке: Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина. Бюст поэта. Фото Михаила Кондюрина

К читателю!

В России Новочеркасск знают не только по всемирно известным электровозам, но и как город глубоких литературных традиций. В Новочеркасске бывали: Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Иван Бунин, Владимир Гиляровский, Сергей Есенин, Михаил Шолохов, Алексей Толстой, Михаил Исаковский. Здесь писал свой «Железный поток» Александр Серафимович. Это о нашем городе строки Маяковского: /По-новому/улицы Новочеркасска/черны сегодня —/от вузовцев./

В романе «Новочеркасск» всем россиянам поведал о своём городе Геннадий Семенихин. Возможно, по Сенному базару ходил задумчивый, с доброй улыбкой цыган Будулай, которого заметил из окна своего дома Анатолий Калинин.

Очевидно, сам воздух Новочеркасска вдохновляет прозаиков и поэтов и в наши дни. В городе несколько литературных объединений. Подрастает талантливая поросль. Двенадцать лет работает с одарёнными в литературном творчестве детьми и молодёжью творческий клуб «Взлёт» (руководители А.А.Чекулаев и А.В.Чекулаева). В этом году в Новочеркасск второй раз съехались молодые таланты со всех концов Ростовской области на проводимый клубом литературно-творческий фестиваль-конкурс «Взлёт».

Не удивительно, что клуб выступил с инициативой создания городского литературно-художественного журнала «Пролог». Пусть это будет прологом к дальнейшим творческим успехам любителей литературы нашего города.

В добрый путь!

Ариадна Юркова, член Союзов журналистов СССР (с 1957 г.) и России.

Иван Скоморохов

НА ОЧНОЙ СТАВКЕ С ПРОШЛЫМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. М. Горький говорил, что каждый бывалый человек может написать хорошую книгу.

Иван Георгиевич Скоморохов - человек более чем бывалый. Со своим огненным взводом он в составе 5-го Гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного Будапештского корпуса прошел путь от предгорий Кавказа до Австрийских Альп.

Мне посчастливилось в предгорьях Кавказа, в Кизлярской степи, оказаться в тот самый момент, когда по приказу Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина создавался из разрозненных частей этот корпус и с ходу вступал в бой.

Это был момент, сопряженный с переломом в ходе Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками. Создаваемые Донской и Кубанский корпуса вступали в бой на южном крыле грандиозного наступления Советской Армии, начатого в Сталинграде.

В этих боях донские казаки и «помирились» с советской властью, с которой у них были некоторые счеты, и оказались столь боеспособными, мобильными, что гитлеровцы сразу же почувствовали себя при встрече с ними плохо. Ни одного поражения на пути от Терека до Австрийских Альп не потерпел 5-й Донской казачий кавкорпус, увенчав свой путь освобождением Дона, разгромом крупнейшей группировки немцев в районе Корсунь-Шевченковского, победой над отборными частями вермахта на озере Балатон в Венгрии. За эту победу 5-й Донской казачий кавкорпус и получил почетное наименование «Будапештский».

Все это время огневой взвод Ивана Георгиевича Скоморохова находился на острие атак донцов. Сам Иван Георгиевич был отличным офицером-«пушкарем», замечательным товарищем, приходящим на помощь своим боевым друзьям в самую трудную минуту.

И вот теперь сердце позвало его рассказать о пути, пройденном донским казачеством на войне с немецким фашизмом. Рассказать, строго придерживаясь фактов и

чутко вслушиваясь в сердцебиение корпуса.

Получилась честная, взволнованная и проникнутая любовью к родной земле и к своим фронтовым товарищам книга воспоминаний.

Наряду с известными книгами о Платове, Бакланове и других полководцах и героях казачьего войска прошлых времен, книга Скоморохова убедительно представляет образ донского казачества нашего времени.

Повторяю, автор предельно достоверен. Очень нужна такая книга сегодня донским читателям - не только ветеранам, но и молодежи - внукам и правнукам участников славного похода 5-го Донского корпуса. Необходима она современному казачеству еще и потому, что история походов от Терека до Австрийских Альп остается «белым пятном» в литературе о советском казачестве.

Книга Скоморохова способствует исчезновению этого «белого пятна». Издатели книги внесут большой вклад в летопись Дона и его доблестных сынов, защитников России, славных патриотов своего Отечества. Тем более, что эту книгу подкрепляет замечательная фотоколлекция однополчан И. Г. Скоморохова из более чем 2 тысяч фотографий, которые не раз экспонировались на выставках Раздорского этнографического музея-заповедника донских казаков и многих других музеев России, Украины.

Кстати сказать, он не только хороший рассказчик, но и прекрасный фотомастер. Фотографии Ивана Георгиевича Скоморохова - это тоже убедительная часть героической летописи донского казачества.

*Анатолий Калинин
Хутор Пухляковский, Усть-Донецкий район
Май 2000 г.*

ЧАСТЬ 1

Посвящается нашему люлодолсу поколению. Будьте достойны своих отцов и дедов донского казачества.

«... История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она - следствие наблюдения ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление».

М.Ю.Лермонтов

Солнце только что оторвалось от горизонта и, радуясь безоблачному голубому простору, поднималось ввысь, приветливо и ласково поливая яркими лучами пробудившийся город. Стояла убаюкивающая тишина, и все располагало к неге и блаженству.

Я только что под музыку духового оркестра с маршевой батареей проводил на фронт своих друзей по авиашколе Володю Сединкина и Федю Мараева. На душе было пусто и тоскливо. Прощание было тяжелым. Мы так подружились, душевно сблизились, стали, как родные братья и не мыслили жизни друг без друга. Они уехали на фронт, а меня оставили в запасном полку и перевели в кандидатскую батарею. Опять неизвестность, опять неопределенность, и надо свое желание подчинить новым обстоятельствам.

И вот нас, человек сто, отобранных в кандидатскую батарею, в одинаковых шерстяных гимнастерках с голубыми петлицами, в темно-синих шароварах, заправленных в хромовые сапоги, в шапках с золотыми «крабами», бывших курсантов авиационных школ со всем своим немудреным имуществом: вещмешками, котомками и скатками, вывели из военного городка и повели в сторону аэродрома, зеленым ковром раскинувшегося в живописной пойме Иргиза.

На противоположной стороне взлетной полосы виднелись почерневшие от времени деревянные строения, и около них стояли два самолета «У-2», на которых я закончил первоначальное обучение летному делу. На флагштоке тряпкой висела полосатая «кол-

баса», указывала, что в воздухе полный штиль.

Вид аэродрома и самолетов, прозрачный, мягкий воздух, появившиеся в синеве неба в розовом наряде редкие кучевые облака, нерушимая тишина вмиг всколыхнули в наших сердцах тоску по прежней жизни в авиации. Вдруг все обрадовались, загалдели, стали строить догадки: не возвращают ли нас обратно в небо, овеванное свежими ветрами.

Нас остановили у кромки зеленого поля аэродрома у странного на вид сооружения, внешним видом скорее напоминавшего овощехранилище, чем жилое помещение, покрытое толем. Венцов пять-шесть свежеструганых бревен выступало над землей, в которых по обеим сторонам сооружения были прорублены узкие подслеповатые окна для поступления внутрь дневного света. Облагораживал помещение высокий, как вздыбившийся конь, вход, увенчанный красной звездой и облицованный досками с резными украшениями.

Мы со вниманием и любопытством осматривали таинственное помещение, где будем размещаться, и окрестности вокруг. Тут было предусмотрено все для нормальной жизни и учебы. Слева - место для курения, скамейки квадратом; посередине врытая в землю бочка для окурков; чуть поодаль - самодельный умывальник с множеством сосков и крышей из оцинкованного железа; далее - дорожка, посыпанная желтым песком, вела к туалету, за ним - проволочная изгородь, за которой виднелись конюшни. Справа от сооружения - пожарный щит, доска для расписания занятий. По бокам отраспорованных линеек, посыпанных белым песком, множество щитов с призывами: «Все для фронта, все для победы», «Наше дело правое, мы победим».

Навстречу нам из распахнутой зияющей пасти черного входа в сооружение вышел стройный, крепко скроенный старшина, и невольно по всему строю, пораженному его безукоризненной строевой выправкой и внешней опрятностью, прокатился гул удивления: «О-о... у-у...!»

Старшина остановился перед серединой строя, с фланга на фланг окинул нас приветливыми темными глазами, как клинком срезал наше удивление и тотчас пленил наше внимание.

Мы уже повидали разных щеголей, нарушавших установленную форму одежды, которые пытались носить военную форму с каким-то особым шиком, изяществом, привносить в нее свое, особенное: то в воротник гимнастерки вошьют красный кант, чтоб сильнее оттенить белизну подшитого подворотничка, то укоротят гимнастерку, то выше поднимут тулью фуражки, то козырек уменьшат, то брюки навыпуск расклячат, да мало ли еще каких причуд ни придумают, чтоб как-то выделяться из всех и привлечь к себе внимание, особенно со стороны слабого пола.

Старшина не был похож на таких щеголей. Трудно было поверить, что можно так аккуратно и изящно соблюдать ношение военной формы одежды. У нас было такое впечатление, словно старшина не из землянки появился, а сошел со страницы иллюстрированного журнала. От золотистого блеска пуговиц и пряжек наплечного ремня рябило в глазах. Без единой морщинки шевиотовая гимнастерка цвета хаки, заправленная под широкий ремень с португеей, плотно облегла крутую грудь старшины; острые складки на синих отутюженных бриджах отбрасывали тень, а до зеркального блеска начищенные сапоги отливали синевой неба. Черный околыш ровно надетой фуражки словно сливался с коротко подстриженными темными волосами, оттеняя смуглую кожу крепкой шеи. Ему лет тридцать, крупного телосложения, но достаточно разбитной и скор в движениях, чувствуется недюжинная физическая сила и крутой нрав.

Стоял перед нами, не шелохнувшись, чуть приподняв скуластый подбородок, без подобострастия и высокомерия, а просто, с достоинством, как подобает держаться любому начальнику перед подчиненными. Представляясь нам и объясняя порядок дальнейшего нашего прохождения службы, он говорил отработанным командирским голосом, как топором рубил, чеканя каждое слово, каждую фразу, словно отдавал боевой приказ:

- Старшина батареи Моргун. Вы отобраны кандидатами для поступления в военное училище. Пока мы будем знакомить вас с артиллерийским делом. Зарубите себе

на носу: спрос будет, как требует военная обстановка. Ни малейшего отступления от требований воинских уставов. Будем строго спрашивать за упущения по службе и наказывать за провинности.

При этих словах из строя невольно вырвался вздох удивления: «О, круто берет!» Но стоило старшине окинуть сверлящим взглядом строй, как все притихли и потупили глаза, почувствовали, что он не шутил.

Я с большим вниманием присматривался к старшине, под командой которого должна проходить моя новая служба. В его манере и поведении было что-то отличное от всех, с кем мне доводилось прежде встречаться. Как с ним сложатся мои взаимоотношения, что ждет меня впереди?

Держит себя независимо, взгляд тяжелый при гневе и суровый, чувствуется непреклонная решительность в поступках и строгость в поведении. Я не горел желанием оставаться в кандидатской батарее, мне были ближе и дороже друзья и желание вместе с ними ехать на фронт. Теперь же делать нечего, надо подчиняться обстоятельствам.

После разлуки с друзьями чувствовал полное одиночество и, стоя в строю со скаткой на плече, с железным сундучком у ноги, ожидал команду на размещение и присматривался к сослуживцам. Хотя некоторых знал в лицо по полковой школе, но не был с ними близко связан, в основном были незнакомые все лица, и, как новому человеку между незнакомыми людьми, мне надо было заново знакомиться с ними, и, прежде всего, заслужить о себе хорошее мнение, завоевать их доверие, а потом уж с кем-то душевно сблизиться.

Наконец, очередь дошла до моей фамилии. Вышел из строя. Старшина окинул меня пристальным изучающим взглядом с ног до головы, удостоверившись, что внешне отвечаю всем требованиям его стандарта, взмахом подбородка дал знак следовать в помещение и занимать место.

С яркого солнечного света узкий и крутой вход в мрачное помещение показался мне совсем темным. Я наощупь спустился по ступенькам и остановился на пороге. Терпкий запах хвои перехватил дыхание, и я застыл, не в силах двинуться с места. Закружилась голова. Я с наслаждением вдыхал с детства знакомый аромат, представляя себя в хвойном лесу. Тут сзади меня подтолкнули, и я открыл глаза.

По середине просторного помещения, залитого снопами ярких лучей солнца, сочившихся из проемов узких окон, с мириадами клубившихся в них изумрудов пылинок, я увидел во всю длину помещения двусторонние, в два яруса нары, сколоченные из свежих сосновых досок, испускавших дурманящий голову хвойный аромат.

В клубах солнечных снопов, занимая места, шумно, с криками, суетились курсанты, на нары летели скатки и вещмешки. Я заметил сержанта, рукой подзывавшего к себе, и поспешил к нему. Он показал место размещения нашего взвода.

- Выбирай, внизу или наверху, - предложил он.

Я сориентировался и выбрал место на втором ярусе напротив окна. На полку в изголовье поставил сундучок и принялся уминать жесткую солому в подушке, выравнивать комковатый матрац; наслаждаясь ароматом хвои, развалился на постели.

Тут мимо меня пролетает к изголовью скатка, и вслед за ней плюхается с глубоким вздохом на матрац ее владелец.

- Ты, брат, шустрый. Хорошее место занял, напротив окна, светло. Можно будет читать, - не то с укором, не то с одобрением проговорил он глуховатым, с хрипотцой, баритоном.

Я обернулся.

- Давай знакомиться, все же рядом будем спать. Меня звать Виктором. Нижегородец из Горького, - опершись на локоть, он протянул мне руку.

Я назвал себя и, протянув навстречу ему свою руку, почувствовал крепкое, как тиски, пожатие сильной и широкой ладони.

«Ого, вот это силища», - подумал про себя.

Он заметил, как я от боли скривился, лукаво улыбнулся уголками ровного рта и не придал этому значения.

Его лицо озаряла неподдельная радостная улыбка. Спадала на лоб прядь прямых

каштановых волос, показавшихся мне в лучах яркого солнца огненно-рыжими. Аккуратный нос, чуть вздернутый, лицо круглое, с мелкими, едва заметными крапинками веснушек, приятное. Весь его облик излучал доброжелательность. Беззастенчивой открытостью и откровенностью он меня обескуражил и покорило сразу. У меня тотчас же сложилось впечатление, что мы с ним знакомы давным-давно, расстались на днях и вот неожиданно вновь встретились.

Он старательно и аккуратно укладывал вещи и так же ловко взбивал подушку и матрац.

- Как ты думаешь, - спрашивал он, - в этих хоромах задержимся надолго?

Я пожал плечами, не зная, что ответить.

- Нас долго здесь держать не будут, - рассуждал Виктор. - На фронте дела неважные. Видимо, подучат нас кое-чему - и туда. Мой товарищ попал в маршевую батарею, и я проводил его на фронт. Просился у командира, который отбирал людей на фронт, но меня почему-то не на фронт направили, а сюда.

- Подобная история приключилась и со мной, - признался я.

Удивительно просто и откровенно разговаривал Виктор. Эта простота и откровенность все сильнее подкупали меня и располагали к нему мое внимание. По мере того как перебрасывались незначительными фразами, я продолжал внимательно изучать его. Нет, я не мог вот так, как он, встретив впервые человека, сразу рассказывать о себе и делиться впечатлениями с друзьями, пока не узнавал в них единомышленников, не обнаруживал единства интересов и родства душ.

У Виктора же душа нараспашку. Вот это мне понравилось, и я стал платить ему откровенностью.

- В тот день, когда фашисты напали на нашу Родину, у нас вечером, по случаю окончания средней школы, был назначен выпускной бал. Но, услышав по радио об объявлении войны, я поспешил в военкомат с просьбой, чтобы меня направили на фронт. Что там творилось! Военкомат ломился от добровольцев. Меня уговорили ехать учиться в Вольскую авиатехническую школу, откуда я и попал сюда, в Пугачев, в запасной артиллерийский полк, - рассказал о себе Виктор.

Я спросил:

- Ты жалеешь, что попал сюда?

- Я жалею? Нисколько. Наоборот. Ставлю десять против одного, что отсюда скорее попаду на фронт. - Помолчав с минуту, с гневом выдал: - Мне, брат, с фашистами надо свести личные счеты.

В порыве мимолетного вспыхнувшего гнева его добродушное и открытое лицо с ясными приветливыми глазами преобразилось, стало злым и страшным. Я поежился. Плотно сжав губы и насупив брови, он с яростью схватил подушку и попеременно каждой рукой с ожесточением стал наносить кулаками по ней удары, сминая хрустящую солому.

- Я готов за Бориса перегрызть глотку каждому фашисту, которого встречу. Ты же видишь, какие злодеяния они творят на нашей земле. Враг наглый и жестокий и за это должен понести заслуженное возмездие, - Виктор не унимался в своем негодовании.

Задумавшись, он молчал с минуту, я же, еще не зная, кто такой Борис, в это время разглядывал его, наблюдал за его поведением. Он мне нравился и в хорошем настроении, и в порыве неожиданно вспыхнувшего гнева. И преображался он быстро. Успокоившись, продолжал рассказывать, а я, подложив руку под голову, продолжал с интересом слушать повествование о судьбе Бориса.

- Борис - мой старший брат. Он мне дороже родного отца. Мама получила от него письмо в самом начале войны. Он служил на границе и там же принял первый бой. Писал, чтоб мама не беспокоилась за него: «Бьем фашистов и не отступим ни на шаг. Будем их бить так, как это делал Иван Павлович в Испании». Иван Павлович - двоюродный брат, кадровый командир, танкист, участвовал в боях против фашистов в Испании, потом на Халхин-Голе, в освобождении Западной Украины и финской кампании. Сейчас, как и Борис, - в действующей армии и сражается с гитлеровскими за-

хватчиками. Награжден многими боевыми наградами, только за испанские события имел два ордена Красного Знамени и Красную Звезду. Когда я ходил с ним по улицам города, с какой завистью люди смотрели на него, а я восхищался до головокружения. Если подходили к кассам кинотеатра или театра, очередь расступалась и предлагали без очереди брать билеты. Вот какое было уважение к орденоносцу.

О Борисе я тебе недосказал. После того памятного письма переписка оборвалась. Борис как в воду канул. И тут как-то, вскоре после того письма, по Всесоюзному радио сообщение: «На энском направлении сержант Шляпников вступил в неравную схватку с фашистскими оккупантами и огнем из пулемета уничтожил до взвода гитлеровцев». Остался жив или погиб, ничего не было сказано. Мама писала ему письма по прежнему адресу и просила командира сообщить о судьбе сына, но ответа так и не получила. Вот уже более полугода, как нет от него никаких вестей.

Виктор замолчал, и глубокая тень грусти упала на его лицо. Он искренне переживал. Потом снова заговорил:

- Ты не представляешь, каким он был человеком! С железным характером, крутой, но справедливый и честный. За друга ничего не пожалеет. А как любили его мальчишки! Сколько пришлось ему со мной повозиться, чтоб из баламута человека сделать. Мама на работе, он тоже. Я предоставлен сам себе, полная свобода. Прихожу из школы, брошу учебники и айда гайки гонять до полночи. О каких уроках думать, когда устанешь? А что мама? Конечно, ругала, она же и жалела. Иногда для острастки наградит подзатыльником, на том все воспитание и закончится, а я опять за свое.

Борис терпел-терпел, увещевал меня, чтоб за ум брался, но когда увидел, что увещевания для меня пустой звук, взял в ежовые рукавицы.

- Я из тебя, балбеса, дурь выколочу, - приговаривал он.

Ты думаешь, он бил меня? Нет. Если бы он ударил, от меня бы мокрое место осталось. Сильный был, двухпудовой гирей баловался, как мячом ею играл.

Воспитывал меня, как принято в армии, личным примером и справедливой требовательностью. Встает спозаранку и меня поднимает. Мама за меня заступается: «Что мальчишку поднимать, пусть позорюет». А он свое: «Не мешай, мама, воспитывать нового человека». Мама очень любила его. Для нее Борис был святым человеком. Никогда голос не повысит, худого слова не скажет. Очень уважительный, тактичный и вежливый, даже с озорными мальчишками. А сколько книг перечитал, и не перечислишь. Так вот, он делает гимнастику - и меня заставляет, обтирается холодной водой - и меня обливает. Он на Волгу - и меня с собой. Куда только ни водил: в кино, театры, музеи, — а потом интересуется, что мне понравилось, почему? Дотошный был. Придет с работы - и за мой дневник. Что получил, что задали? Вначале я был зол на него, шагу без спроса не ступишь, но постепенно стал убеждаться в преимуществах такой опеки. Другими глазами стал смотреть на учебу, вообще на жизнь, и кругозор расширился, физически окреп.

Я слушал Виктора и завидовал, что у него был такой наставник, а мне до всего приходилось доходить самому.

- Кто разрешил валяться на постели? - слышали мы грозный окрик и пулей слетели на пол.

Перед нами стоял старшина и испытующим строгим взглядом сверлил нас.

- Извините, пожалуйста, мы заговорились... - начал я робко извиняться перед старшиной, чтоб загладить свою вину.

- Чтоб это было в последний раз, - старшина погрозил пальцем и удалился по казарме.

- Упрек старшины справедливый. Я виноват, как-то увлекся и забылся, где мы находимся, - оправдывался Виктор. - Я сам люблю порядок, к этому приучил меня Борис.

Виктор Семенович Шляпников родился на берегу Волги в городе Бор Горьковской области, в семье потомственных рыбаков. Все его детство связано было с этой многоводной богатырской рекой. После смерти отца семья переехала в город Горький. Все свободное время проводил на Волге, среди речников и пароходов, и река была для него

всем миром. Плавал на пароходе по Оке и Каме, по Волге до Астрахани и вверх до Москвы.

Борис приучил его к литературе, и Виктор боготворил Пушкина, Маяковского, сыпал цитатами из Горького, и я поражался его знаниям.

В тот прохладный майский вечер мы не скупались на откровенность, словно исповедовались, беззаботно предавшись воспоминаниям, до отхода ко сну бродили по дорожке у кромки зеленого поля аэродрома. Мы забылись в неизбывной радости общения, как будто давно не виделись и, соскучившись друг о друге, радуясь неожиданной встрече, спешили выговориться. Не заметили, как и когда потухла вечерняя заря и подымавшаяся от земли темнота обступила нас, военный городок, исполин-элеватор, строения на аэродроме, даже не ощутили, как крепчала ночная прохлада и резче запахло свежестью весенней зелени.

В процессе общения я себя сравнивал с Виктором и понимал, что отличался от него, как заметно отличается любой житель сельской местности от своего городского сверстника. Его кругозор и знания были гораздо шире. Он превосходно знал историю своего города, современных героев. Постоянное посещение музеев, театров, которыми богат город, приобщили его к культуре, искусству и обогатили его память.

Вот так с первого взгляда, с первой встречи я проникся к Виктору любовью и уважением, и моя душа и сердце незаметно для себя прикипели к нему на всю жизнь. С этого дня у нас завязалась крепкая дружба, выдержавшая испытания в суровые годы войны и во все остальные годы нашей жизни.

Моя судьба сложилась совсем иначе.

Я родился в Зауралье, в глухой деревне Замиралова, одаренной богатой живописной природой, на слиянии двух безымянных речушек, впадавших в Ницу.

Из дошкольного периода в моей памяти довольно глубоко запала в душу именно эта самая веселая и беззаботная пора детства. Наверное, в ту пору я был ребенком занимательным и общительным, без капризов, интересным для занятий, забавным для развлечения, потому братья и сестры отца и матери, мои дядья и тетки (а их было много с той и другой стороны, и у них были уже свои дети), мои бабушки и дедушки брали меня гостить, безмерно баловали и всячески потакали моим затеям.

С рук на руки из одной семьи передавали в другую. Неделями гостил то у одних в своей деревне, то в Захаровой или на хуторе Вязовка. Мама жаловалась: «В конце парня отвалили от дома, скоро не будет признавать нас за родителей».

Но в познании окружающего мира моим первым учителем был дедушка Степан, отец моего отца. Всю свою жизнь он трудился не разгибая спины, под конец жизни занемог, и недуг окончательно свалил его с ног. К тому времени все его сыновья отделились, их было пятеро, и одна дочь, обзавелись семьями и самостоятельно вели хозяйства.

Отцу досталась половина его дома, дед же остался с самым младшим сыном Александром.

Следы ужасной внутренней борьбы с недугом отражались на его измученном лице. Он старался скрывать душевные муки и недуг и со смиренной покорностью коротал время зимой на печи, летом на завалинке дома. Когда он появлялся на завалинке, чтобы погреться на солнце, мы, малыши, как мухи к сладостям, липли к нему. Тотчас его грустное лицо, заросшее белой окладистой бородой во всю ширину груди, преобразилось, и из-под кустистых седых бровей умиленно светились глаза; высокий лоб, собранный в морщины, расправлялся, и приветливая улыбка из-под пожелтевших от частого употребления нюхательного табака усов появлялась на губах.

- Табачку понюхать захотели? - с лукавым видом он обращался к нам и трясущейся рукой доставал из широких холщовых штанов, заправленных в валенки, табакерку, выточенную из нароста березы. Пожелтевшими от никотина пальцами брал щепотку нюхательного табака, как-то ловко вталкивал его в ноздрюшки, глубоким вдохом втягивал внутрь, закрыв глаза, запрокидывал назад голову и ждал, пока аромат не защемит легкие и не вызовет чихание, словно наслаждался. Потом притворно громко с наслаждением чихал, вызывая у нас на лицах гримасы тошноты и отвращения к этому

зелью.

- Кто смелый, налетай! - предлагал нам, дрожащей рукой протягивая нам табакерку. Мы шарахались в стороны, как от проказы. Он смеялся от нашего испуга, одобряя наше поведение. Он, как мог, старался ублажить нас и рассказывал сказки, разные истории, приключавшиеся с ним. Бывало, недуг одолевал его так, что он на полуслове замолкал; тухли серые глаза, веки закрывались, и голова невольно клонилась на грудь. Тогда мы оставляли его одного подремать на солнышке.

Когда же поспевали ягоды и наступала пора сбора урожая грибов, в деде пробуждался азарт охотника. Он вооружался сверхъестественной храбростью. Навешивал через плечо холщовую сумку, брал меня за руку и, опираясь на суковатый посошок, вел в лес на заветные, ему одному известные, ягодные и грибные места. Никогда не проходил мимо родника на опушке соснового бора, чтобы не испить целительной, кристально чистой ключевой холодной воды, обжигающей зубы. Он сам обустроивал родник. Установил над истоком сруб и от него уложил широкое выдолбленное корыто, по которому и текла полноводная струя. Были годы, когда наши речушки промерзали зимой до дна, и этот ключевой родник был единственным источником питьевой воды для всей деревни.

Пока дедушка Степан имел силу передвигаться, мы обошли с ним все окрестности: сосновый бор со стройными вековыми деревьями, поймы речушек с берегами, густо заросшими черемухой, хмелем и тальником, березовые рощи, осиновые колки. Общаюсь с ним, я делал для себя открытия, развивал созерцательность, становился пытливым и наблюдательным, и природа стала для меня источником радостей и забав. После смерти дедушки в голодные 30-е годы я по проторенным с дедушкой тропинкам водил сверстников за ягодами и грибами.

Беззаботное детство резко переменялось с началом коллективизации крестьянских единоличных хозяйств. Новое на селе рождалось в великих муках. В нашей деревне первоначально была создана коммуна, обобществлено все, вплоть до носильных вещей и домашней утвари, не говоря о живности и инвентаре. Питались все в одной столовой.

Нас, детей дошкольного возраста, свели в детский сад. Несусветная скука царил в нем. Коротая день до прихода родителей с работы, мы изнывали от безделья. Няни не знали и не умели чем-либо нас занять. Предоставленные сами себе, мы не придумали ничего лучшего, как гоняться друг за другом по двору, лазить по заборам и крышам, играть в прятки в дворовых постройках или устраивать потасовки между собой, выясняя отношения. Няни же были заняты тем, чтобы мы не разбежались по домам, разнимали драки, мирили, унимали слезы и вытирали разбитые носы.

Коммуна развалилась, когда по весне возвратились отправленные зимой на лесозаготовки мужики с одной сбруей, без саней и лошадей. От бескормицы на лесозаготовках лошади подошли. Не на чем было обрабатывать землю. Стали из коммуны организовывать артель.

Наблюдая в то время за поведением отца, сильного, бодрого, мужественного и по тому времени относительно грамотного, по натуре необыкновенно горячего человека, я часто видел его в состоянии возмущения над перегибами коллективизации. Он вышел из артели и подался на отхожие промыслы плотничать и коновалить. Потом завербовался на металлургический завод и перевез нас в город Надеждинск.

Поиски лучшей доли и там не увенчались успехом. Отец с мамой работали в сорто-прокатном цехе, сестра Маруся домовничала, а меня нужда заставила проводить время в очередях за отовариванием продовольственных карточек. Я был горд таким знаком доверия родителей и старался прилежно оправдать его. Хотя не посещал еще школу, но уже умел читать, писать и считать благодаря тому, что еще в деревне вместе с мамой посещал ликбез и вместе с ней научился грамоте, и это оказалось кстати.

С начала весны и все лето мы жили в рабочем поселке на самом берегу быстроводной горной реки Каквы, в деревянном бараке, жильцы которого метко окрестили его клоповником. Никакие предосторожности, даже постоянно горевший в ночное время свет, не мешали кровососущим паразитам совершать нашествия на людей. Даже самые

толстокожие и терпеливые жильцы, от усталости валившиеся с ног, впадали в бешенство от пыток клопов.

Барак из-за скученности в нем семей, отгороженных друг от друга домашним скрабом и спавших вповалку на полу, скорее походил на зал ожидания захудалого вокзала на станции, где редко останавливаются проходящие поезда.

В бараке постоянно стоял неугомонный гвалт, перебранки, крики и плач детей, змеиное шипение примусов, на которых готовили пищу. Терпкий запах керосина, гари от продуктов, человеческих испражнений и нечистот до тошноты и головокружения раздражал обоняние. Я не сожалел и был даже рад тому, что в очереди у магазина приходилось коротать ночь до его открытия. Это помогало мне быстро забывать огорчения, причиняемые клопами. К тому же магазин, к которому мы были прикреплены, находился в центре города, недалеко от драмтеатра.

Я не терял зря время, бродил по улицам, доходил до проходной металлургического завода, заглядывая в светящиеся окна больших домов, ходил вокруг театра и рассматривал с неописуемым любопытством афиши и само здание, не решаясь проникнуть внутрь, старался оставить в памяти все, что попадало в поле моего зрения, чтоб потом в деревне похвалиться перед друзьями увиденным.

К театру подъезжали зрители на легковых автомобилях, в фэтонах с раскрытым верхом, на пролетках и дрожках, а городские мальчишки-озорники, пользуясь случаем, мостились на задки и на них катались по городу.

Дурной пример заразителен. Мною овладел соблазн самому испытать это удовольствие. Вначале робость сковывала меня, но все же отважился: «Что я, хуже их?» Смело и решительно вскочил на задок отъезжавшей от театра пролетки и затрясся по булыжной мостовой. От радости и удовольствия «раззявил рот до ушей» и закрутил по сторонам головой, высматривая завистников, совсем забыв о всякой осторожности.

Наверное, кучер давно был зол на нашего брата - мальчишек, не мог терпеть озорства и решил примерно наказать меня. Я даже не успел испугаться и, показав свою прыть, покинуть пролетку, как над головой услыхал свист кнута - и боль, как от прикосновения к каленому железу, сквозь ситцевую рубаху обожгла бок до самого пояса. От испуга и неожиданности кулем плюхнулся на мостовую и больно ушибся. Клял кучера недобрым словом, ругал себя за неосмотрительность и, потирая огнем горевший рубец на теле, ушибленное при падении бедро, поковылял к магазину.

Мне было стыдно из-за безрассудной выходки показаться на глаза людям, и я, преодолевая стеснительность, виновато присел в сторонке. Они же хорошо знали меня, с родительским вниманием и теплотой всегда опекали, разрешали отлучаться из очереди в город. Знакомые по моему кислому выражению и отчужденности, сразу заметили неладное и стали меня пытаться. Пришлось во всем сознаться и показать вспухший рубец. Одни сочувствовали моему несчастью и оправдывали: «Что тут такого, что захотел прокатиться. Но какой бессердечный кучер, замахнулся кнутом, что, у него своих детей нет?» Другие же, наоборот, оправдывали кучера, осуждали меня: «Подделом огрел. В другой раз не посмеет цепляться». Вот и разберись, кто из них прав, а кто виноват.

Привлекал мое внимание магазин «Торгсин», где за золото можно было приобрести любые продукты, какие угодны душе. Не раз околачивался около него.

До тошноты испытывал предвкушение удовольствия, наслаждаясь втихомолку, сквозь витрину жадными глазами, глотая слюну, невиданными яствами и фруктами. Не испытав вкуса, покидал витрину не солоно хлебавши, с грустным сожалением.

Однажды вечером шел занимать очередь и увидел объятый пламенем «Торгсин». Когда я подбежал, крыша уже рухнула и пожарные баграми стаскивали обугленные стропила. Из дымного помещения выкатывали бочки, выносили мешки, коробки, вокруг сновали в суматохе люди, милиционер с револьвером в руке пытался навести порядок, оттеснял людей от продуктов: не разобрать, кто спасает имущество, а кто занимается грабежом.

Тут и там в стороне от милиционера в темноте возникали кучи людей, и все мое внимание было устремлено туда. Я догадался, чем они заняты. Кровь бросилась в голову, лицо побагровело, и пробирала дрожь при одной мысли поддаться соблазну и

взять чужое. Как ни крепился, а искушение с выгодой поживиться оказалось сильнее. Я поддался увлечению людей, врезался в толпу между ног взрослых и пробился к цели. Только успел из бочки обеими ладонями схватить урюк, как был смят толпой и оказался на земле. Свернулся в комок, прижал кулачки к животу, чтобы не выронить добычу, и ждал, пока не расступится толпа. Как раз в это время прискакала конная милиция, и я освободился из плена. Дал ходу и с толпой растворился в темноте. Нелегко досталось лакомство, зато впервые в жизни, всю ночь напролет, обсасывая косточки, смаковал урюк.

Родители в городской жизни испытывали большие трудности. Вырвавшись из когтей деревенской, попали в кабалу городской нищеты. Вначале мирились с неудобствами барачной жизни, терпеливо переносили невзгоды и тяжелый физический труд, потому что заработок принес некоторое довольство. Экономя на всем, пытались скопить денег и тем самым на какое-то время похоронили в своих сердцах тоску по дому.

Суровый климат, скудное и однообразное питание, житейская необустроенность сказались на здоровье родителей. Я не видел радости в их глазах, не слышал смеха и шуток между ними. Следы усталости, нездоровая бледность читались на их лицах. Они не посвящали меня в свои заботы, но я по-детски чувствовал их тревогу, потому терпеливо выполнял все их поручения.

Мама все чаще стала жаловаться на слабость и головокружение, ее одолевала бессонница. Чтоб облегчить маме страдания, поздней осенью отец перевез нас из барака на Богословскую улицу в городе. Комната оказалась сырой и холодной.

Наступила зима, ударили холода, и «буржуйка», поглощавшая уйму дров и угля, не могла нас обогреть. Пришлось искать другое жилище.

На самой окраине города, откуда открывался превосходный вид на окрестные увалы, заросшие хвойными лесами, в деревянном доме нас приютила сестра мамы Наташа, приехавшая с мужем тоже на заработки. Они проживали в тесной каморке с одним окном, в которое никогда не заглядывало солнце.

Тут я совсем лишился свободы распоряжаться собой. В школу не ходил, не приняи, потому что не было места, все первые классы были переполнены. Кроме обязанности отоваривать продовольственные карточки, мне надо было ходить на железную дорогу собирать уголь для топки печи, запастись питьевой водой. Из-за слабого напора вода из крана едва сочилась, и очередь ожидающих вытягивалась на всю длину квартала.

Родители и Наташа во мне не чаяли души и похваливали:

- Чтобы мы делали, если бы не Иванко.

Их лестный отзыв был плодом моего прилежного старания и ободрял меня.

Однако не сбылись надежды и чаяния моих родителей прижиться в городе. Безысходное отчаяние, тоска по дому, пошатнувшееся здоровье мамы, беспокойство за меня, что не посещал школу, вынудили их по весне возвратиться к родному очагу.

Отец так и не смирился с крушением веками устоявшегося единоличного уклада деревенской жизни и созданием коллективных производственных отношений на селе. Он не стал вступать в артель и опять поддался заниматься отхожим промыслом. Через год скитаний вернулся и устроился бухгалтером сельпо в деревне Пелевина, а оттуда уехал учиться в город Пермь на межобластные курсы бухгалтеров.

Мы жили в постоянной тревоге за его метания в поисках лучшей доли, сильно переживали, что нам делать, как жить, не по миру же идти, и, повинувшись судьбе, остались в колхозе.

Мама, переживая за мужа, за нас с сестренкой, за нашу нелегкую долю, старалась мужественно скрыть от нас свои страдания, но я часто сквозь сон слышал, как она, уткнувшись лицом в подушку, чтоб мы не слышали, плакала навзрыд. Потом мама тихо вставала с полатей и подолгу перед иконой, читая шепотом молитвы, разговаривала с Богом и просила у него помощи облегчить ее горе.

А тут еще в нашем дворе разместили два десятка коров с быком-производителем и поручили маме уход за ними и дойку. Естественно, я на свои детские плечи взвалил непосильный труд: помогал поить, кормить коров и убирать навоз, а летом выгонять их на выпас.

За исключением занятий в школе, я не имел времени для общения со сверстниками и был лишен многих детских радостей в играх и забавах: с раннего утра и до позднего вечера, зимой и летом, испытывал непосильный каторжный труд.

Не вполне еще осознанно, но стал я понимать, что в жизни деревни не все так просто и слаженно. Это вселяло в мою детскую душу смутную и непонятную тревогу, причиняло огорчения и нравственные страдания.

Особенно трудными для нас являлись голодные тридцатые годы. На приобретение хлеба у нас ушли все сбережения, накопленные в Надеждинске, были обменены все носильные вещи, остались только те, что мы носили на себе. Муку смешивали с лебедой, с разными травами. Мы все же нашли другой выход. По совету дедушки Степана я ходил под Бурнатову в березовый лес и там копал марьин корень. Белый, крепкий. Его мы сушили, толкли в ступке, и мама его подмешивала в муку. Лепешки получались белее, чем с лебедой или трухой сена, не горчили и не так рассыпались, были намного вкуснее, казались даже сладкими.

Вскоре нашим огорчениям и переживаниям пришел конец.

Отец окончил годичные курсы, устроился на работу инспектором в финансовые органы и перевез нас в районный центр село Байкалово.

Тут я вздохнул полной грудью и пустился наверстывать упущенные в деревне развлечения. Учеба давалась легко, и я, не обременяя себя зубрежкой, безрассудно стал расточать свободное время на игры и забавы, походы по окрестным лесам, катание на лыжах, являясь зачинщиком и организатором всех вылазок. Только в седьмом классе, когда меня избрали председателем совета пионерского отряда, я взялся за ум и с головой окунулся в общественную работу. Стал жить интересами класса, школы, следить за событиями в стране и мире, испытывая счастливое удовлетворение от нужности людям. Меня увлекало все: занятия в кружках, самодеятельность, спортивные соревнования, сдача норм на значки. Во всем старался подражать великим патриотам Отечества, героям Гражданской войны, прославленным летчикам, совершившим героические полеты, знатным людям страны.

Недолго длилась эта счастливая полоса в моей жизни. Нашу семью явно преследовал злой рок, а мне слал новые испытания.

Вдруг неожиданно заболел и слег отец, и все мои планы и надежды на будущее полетели в таргарары.

В сильную пургу он пешком возвращался из командировки домой. Сбившись с дороги, заблудился, выбился из сил и замерз, занесенный снегом. На него нечаянно наткнулся охотник, вернее, его собака. Еле теплилось дыхание, когда охотник доставил его в больницу. Врачи определили крупозное воспаление легких, которое впоследствии переросло в скоротечную чахотку. Как лег в кровать, которую поставили при входе в комнату, так с нее не поднялся ни на один день до самой кончины.

По натуре будучи неуравновешенным, как и отец, не имея твердой воли и навыков руководить собой, в угаре безысходности я метался в поисках выхода, не зная, как отразить нападение злого рока, свалившегося на нашу семью. Твердая духом мама стойко боролась за жизнь отца, но и она теряла силы, изменилась до неузнаваемости. С ее осунувшегося лица не сходила кручина, потускнел взгляд, виски смолистых черных волос, как пеплом, запорошила преждевременная седина. И это в тридцать пять лет?! И мне в пятнадцать лет надо было взвалить на свои плечи все мужские обязанности.

Первым делом по ранней весне, с началом сокодвижения, пока не распустились почки на березах, надо было на зиму заготовить дрова, ни много ни мало, десяток кубометров. Раньше мы с отцом управлялись за три, максимум четыре дня, и длинные высокие поленицы дров оставались в лесу до глубокой осени.

С отцом я обрел некоторые навыки и сноровку, как удобно свалить дерево, очистить от сучьев и распилить на чурки, и отважился самостоятельно действовать. Для отца спилить несколько берез толщиной в обхват не составляло особого труда, мне же с грехом пополам еле-еле удавалось разделить по одной березе. Словно перышком, легко и ловко орудовал отец колуном. Взмахнув им над головой, крикнув для порядка, одним сильным ударом он разваливал пополам любой толщины чурбак, даже самый

вязкий комель. Я пытался действовать подобным образом, но, как назло, колун только впивался в древесину, обозначая еле заметную трещину. Пыхтя, с дрожью в коленях, взваливал чурбак на плечо, чтоб использовать его собственную тяжесть, старался с силой, крича как отец, ударить обухом об опору и расколоть его. Но все мои потуги были напрасны, явно не хватало силенок, колун еще глубже застревал в чурке - и ни туда, ни сюда. Тогда призывал на помощь клинья и разваливал толстые чурки. Медленно росли мои поленицы. Две недели торил тропинку на делянку. За это время солнце поднялось выше, распустились почки, и лес оделся в весенний зеленый наряд.

Мое желание после окончания восьмого класса провести с друзьями каникулы как вздумается, бродить по окрестным лесам и лугам, резвиться в играх, от скуки беспечно предаваться лени, явно шло вразрез с возможностями. Подошла сенокосная пора, и мама говорит мне:

- Ты уж, Иванко, не обижайся, но надо заготовить сена на зиму. Нам с тобой не на кого надеяться. Кого-либо нанять я не могу. И так еле-еле свожу концы с концами. Сам видишь, не маленький, какое наше положение. В отце едва теплится жизнь, я тебе не помощница, не могу оставить его без присмотра. Без корма корова не перезимует, а без нее нам не выжить. Я не неволю. Сколько накопишь. Иди.

Беспросветная нужда окончательно лишала меня свободы и радости общения со сверстниками.

Разумом я понимал и соглашался с мамой: действительно, кроме меня, ей не на кого положиться, а душой противился такой неволе, улица влекла сильнее, чем сенокос. На отца без сердечной боли я уже не мог смотреть. Он лежал на кровати, как желтый скелет, и разговаривал с нами одними потухшими глазами, ввалившимися в глазницы. Когда он пытался что-то сказать, голоса не было слышно, только едва шевелились побелевшие губы. Одна мама могла по их движению догадаться, о чем он спрашивает.

Проклиная свой удел, свою нелегкую долю, с болью в висках собирался я на сенокос.

На прощание отец пытался глазами улыбнуться, ободрить меня, но от его потуги только увлажнились глаза и в уголках сверкнули скупые слезинки, вызвавшие в моей душе целую бурю жалости и сострадания. Я чуть не расплакался. Мама заметила замешательство, сердцем поняла мое состояние, подошла ко мне и с душевной теплотой, перекрестив, примирительно сказала:

- Ну, ступай. Бог тебе в помощь.

Неумело и робко скрывая сыновьи чувства, я деловито поправил на плече котомку, потупил сурово глаза и молча вышел из комнаты.

Какие только думы не передумал, пока дотасился с нелегким скарбом до делянки в Занинском лесу, где мы прежде с отцом занимались сенокосом. Тут Всевышний, видя мое поверженное и угнетенное настроение, снизошел ко мне и вдохнул прилив новых сил. Вдруг я воспрянул духом, трепетно забилось сердце от нахлынувших воспоминаний пребывания тут с отцом. Все узнаваемо, все знакомо. Елань с высоким, выше колен цветущим разнотравьем, путавшим мне ноги; зарубки на деревьях, со всех сторон теснивших поляну; каждая веточка на кустах по опушке, под которыми я собирал землянику и костянику; особенно родничок, хоронившийся в густых зарослях ивняка; в траве примятая к нему тропинка, по которой ходил за водой, куда навевались и лесные жители на водопой; та же неугомонная разноголосая перекличка птиц в лесу. Я любил, спасаясь от зноя, часами сидеть в тенистой прохладе у истока родника и, замороженный его загадочной жизнью, наблюдать за тихим таинственным бурлением. До рези в глазах всматривался в гладь поверхности, которая временами неожиданно вспучивалась, образуя незримую волну, края которой разбегались кругами в стороны и, так же неожиданно таяли. С детской наивностью ожидал появления выдуманного мною неведомого существа, которое живет на дне и волнует неиссякаемый источник, - ведь должно же оно непременно показаться, всплыть на поверхность, - но почему-то так и не показалось мне на глаза.

Время неумолимо подгоняло меня. Солнце уже висело над макушками берез и, удлиняя тени, катилось на покой. С сожалением, глубоко вздохнув, прогнал от себя

мимолетную слабость предаваться воспоминаниям, в одиночестве занялся обустройством лагеря: соорудил шалаш, заготовил сухостой для костра, разместил принадлежности для большого покоса.

В лесу я всегда чувствовал себя, как дома, никого не боялся и заходил в самые глухие дебри, ни разу не заблудился даже в ночное время. Но жить в лесу в одиночестве не приходилось. Надо было преодолеть себя и победить страх одиночества.

Выпавшие на мою долю переживания как-то притупили чувство страха и опасность за жизнь, но первые ночи с тревожным ожиданием неведомой опасности проводил у костра. Несмотря на то, что ночи были светлыми, - в наших краях в ту пору заря с зарей сходятся и всю ночь напролет поют соловьи, рулады которых мы с отцом слушали до полуночи, - все равно на душе было тревожно и беспокойно. Отбиваясь от атакующих комаров, я зорко всматривался в темные кусты, чутко ловил каждый ночной звук и шорох, прислушивался к угрожающим уханьям филина, предостерегающим крикам чибиса.

Постепенно свикался с одиночеством, и о какой предосторожности было думать, когда непосильный труд косаря выматывал меня до полного изнеможения и мною владело желание скорее добраться до шалаша и забыться в непробудном сне.

Все же в один из вечеров сам на себя нагнал страх. Уже собирался ложиться спать, поправлял в костре догоравшие головешки, как до моего слуха донесся подозрительный шорох в кустах, или просто мне померещилось. Мгновенно насторожился и стал пристально всматриваться в темные кусты. После яркого пламени костра глаза не сразу свикаются с темнотой. «Кто это может быть?» - гадал я, а сердце от волнения готово было выскочить из груди. Сразу в руки схватил топор, готовый к защите. Сколько ни напрягал зрение, ни прислушивался, но никаких признаков присутствия кого-либо не было.

«Если это человек, для чего ему таиться, подошел бы к костру. Если волк, я бы по светящимся глазам определил его присутствие, так же как рысь, но эти звери летом всегда избегают встречи с человеком. Тогда кто же?»

Мои размышления о неведомом существе распалили пылкое воображение, от чего с каждой секундой становилось страшнее. По телу пробежали мурашки. Сон как рукой сняло. Напрягся до предела.

«Ишь, как притаился. Выжидает...»

Мне стало невтерпех. Наконец, не выдержал: «Ну, гад, держись! Я тебе покажу!» - преодолевая страх, решительно двинулся в темноту, сжимая в руках топор. Шумно обшарил все кусты, подступавшие к шалашу, и никого в них не обнаружил. Это послужило для меня хорошей разрядкой. Возвращаясь к костру, вслух стыдил себя за трусость и малодушие, но, залезая в шалаш, все же прихватил с собой топор и положил под бок, так, на всякий случай.

Вскоре после этого я сидел в тени под ветвистой березой и отбивал литовку.

Старался следовать примеру отца. Не знаю для чего, или это была привычка, но он после нескольких ударов по лезвию литовки подносил молоточек к губам, слонявил ударный конец и вновь продолжал занятие.

Я тоже с полным упоением, не поднимая головы, наносил точные удары по самому острию затупившегося лезвия, звонкими ударами молоточка оглашал окрестности. И так увлекся, что не заметил, как перед самым носом появились две пары больших запяленных босых ног с засученными по самые икры штанинами.

От неожиданного меня охватила оторопь, и я испытал неподдельный испуг. Вмиг глаза поднял вверх и вскочил на ноги. Передо мной стояли два мужика, возраста моего отца, совсем незнакомые, в одинаковых голубых выцветших косоворотках поверх брюк. Разница между ними состояла в том, что один был блондин со взлохмаченными волосами, светлоглазый, а второй - брюнет с гладко зачесанными назад волосами и высоким открытым лбом, как у моего отца. Когда увидел их улыбающиеся приветливые лица, у меня сразу отлегло от сердца, и я облегченно вздохнул, убедившись, что это не разбойники.

- Испугался?- спросили они.

Я мотнул головой.

- Ты балуешься или серьезно занят делом? — поинтересовались они.

- Да вот, пытаюсь отбить литовку, притупилась.

- А где же отец?

- Я один... - признался им. Они переглянулись, и я увидел, как от удивления у них брови полезли наверх и округлились глаза.

- Совсем один? И не боишься?... - переспросили они.

Я неопределенно пожал плечами и потупил глаза, не желая откровенничать с незнакомыми людьми.

- Да, совсем один... - тихо пробурчал в ответ.

- Где же отец? - уже серьезно допытывались они.

Тут я поведал им грустную историю болезни отца. Веселое выражение вмиг сбежало с их лиц, они прониклись жалостью и явно сочувствовали мне:

- Тебе, брат, не позавидуешь. Но ты молодец. Вон сколько травы повалил.

Белобрысый тотчас сел на мое место, стал показывать, как правильно наносить удары молоточком по самому острию лезвия литовки, и посоветовал:

- Удар наноси с потягом на себя, с оттяжкой. Понял?

- Я так и стараюсь, да не получается, - отвечал ему.

- Ладно, нос не вешай и не унывай, коли у тебя такое несчастье. Видно, что ты парень толковый, старательный. Потребуется помощь, кликнешь нас. Мы будем жить за перелеском, тут совсем рядом. Мимо тебя будем ходить по воду и водить кобылу на водопой, так что встречаться будем часто. Бывай здоров, - сказал брюнет на прощание.

Так у меня завязалась дружба с мужиками, приехавшими на сенокос. Общаясь с ними, уверовал: теперь в случае опасности есть кого позвать на помощь. Не оставят меня в беде.

Во всем пытался подражать тому, как поступал отец. Вставал по заре, когда первые розовые лучи солнца нежно и робко, как мать ребенка, целовали верхушки крон, а в лесу еще держалась молочная мгла, и трубный голос лося, обитавшего недалеко от моей стоянки, делал побудку сородичам, а мне служил будильником.

С неохотой, преодолевая сонливость, выползал из шалаша, потягивался, прислушиваясь к резвившимся на заре соловьям, и по росистой траве, босыми ногами ощущая бодрящую свежесть, шел к роднику умываться холодной водой, сгонять дрему, и брался за косу.

Отец тоже спозаранку, пока солнце насыщается росой, наполненной нектаром душистых трав, старался пройти как можно больше прокосов. Он косил легко, размашисто, литовка, как бритва, без особых усилий впивалась в траву и широким пластом аккуратно клала ее на землю. С молодецкой удалью, чуть избоченясь, припадая на правую ногу при замахе, он просто играючи, широким шагом шагал по покосу. Намахавшись вдоволь, по моему зову на завтрак с радостью на лице подходил к шалашу. Снимал рубаху, от пота промокшую до нитки, и просил меня охолонуть. Прямо из ведра я оказывал водой его разгоряченное мускулистое тело. Широкими мозолистыми ладонями растирая тело, он громко отфыркивался, от души хохотал. Выпрямившись, озорно оглашал лес громким криком: «Ого-го-го! - а потом, приложив ладонь к уху, вслушивался в утихающее эхо в согре. - Вот так-то, сынок, а теперь за кашу. Сегодня мы славно с тобой поработали», - приговаривал он, присаживаясь на бревно у костра.

Он ел так же, как и работал, азартно, с аппетитом, при этом прихваливал мои кулинарные способности: «Ну, Иванко, каша что надо, вкусная, - и добавлял, озабоченно поглядывая на хмурившееся небо: — Успеть бы до ненастья закончить сенокос. До обеда косим, после обеда будем сгребать в валки».

В самый зной он позволял себе отдых в шалаше. Лежа курил крепкий самосад. Едкий дым самосада я не переносил и уходил в согру за ягодами или отсиживался в прохладной тени родника. За неделю мы управлялись с заготовкой сена.

Мне же теперь понадобились необычайные усилия, чтоб одолеть делянку, и потекли монотонные безрадостные дни. Призвав на помощь все присутствие духа, изо дня в день по трубному зову лося со стоическим упорством, выбиваясь из последних сил,

я настырно множил рядки покоса. Иногда от усталости, которая одолевала меня постоянно, погружался в отчаяние, отчего туманились слезой глаза. Но внутренний голос и мучительное сознание подсказывали, что кроме меня некому вынести это непосильное бремя, возвращали к действительности, и я сызнова принимался трудиться. Спешил еще потому, что в небе все чаще стали сгущаться предвестники грозы, мощные кучевые облака, а из-за леса доносились отдаленные раскаты грома, но, к счастью, грозы как-то обходили делянку стороной.

Наконец, покос завершен, и моя делянка покрылась копнами. Преодолевая робость, осмелился обратиться к соседям за помощью - сметать копны в скирду. Они ежедневно, не раз проходя мимо меня, видели, как я стойко переносил трудности, в поте лица преодолевая немощь. Они хвалили мое старание, и их поощрение прибавляло мне сил.

- Нас совесть загрызет, если не поможем тебе, - добросердечно ответили они на мою просьбу и тут же, отложив свои дела в сторону, принялись запрягать лошадь в сволоки.

- Садись верхом, и приступим к делу, - предложили мне, закидывая на свои плечи вилы.

С искренней признательностью и благодарностью я взгромоздился верхом на кобылу и, как в детстве, с озорством с места пустил ее вскачь, от души радуясь подвалившему счастью.

С помощью соседей я перевез все копны в одну кучу и по середине елани вскоре был сметан островерхий и пузатый скирд, такой же красивый, какой сметывали мы с отцом.

Как мог, поблагодарил мужиков за бескорыстную помощь и, полный радости, что сенокос закончил, как на крыльях, понесся домой.

Жизнь отца увядала на глазах, как поздней осенью увядают листья, опавшие с деревьев на землю. Я не в силах передать, что чувствовал, для меня это была катастрофа, крушение всех надежд. Отчаяние и полная беспомощность помочь маме что-либо предпринять, облегчить страдания и муки отца, приводили меня в мрачное расположение духа, угнетали до душья, доводили до потери разумности в поступках, только тревога за судьбу мамы и сестренки удерживали от крайности.

Как было без тайного, суеверного страха, приводившего в трепетное содрогание, видеть безгласный неподвижный скелет с заострившемся носом, побелевшими губами, тупым подбородком, пожелтевшую кожу, высохшую до тонкого пергамента, на высоком лбу с зальсынами поседевших волос, отрешенный взгляд, смотревший на нас. Я не выдерживал, уединялся на сеновале или в погребке и слезами утешал себя, облегчал свое горе.

Самым ранним утром в первый день бабьего лета, когда темноту ночи уже теснил молочный свет и становились узнаваемыми предметы и строения, наступила развязка. Мой чуткий сон был прерван громким душераздирающим плачем. Мама, не позволявшая при нас показывать слезы, на этот раз, не сдерживая отчаяния от навалившегося горя, рыдала навзрыд и, задыхаясь от слез, едва выдавила из себя:

- Дети, вставайте. Отец умирает.

Меня словно кипятком ошпарило. Бросило в жар. Сон как рукой сняло. Сердцу стало тесно в груди. Одним махом слетел с полатей. Как ни старался до этого отогнать от себя прочь мысли о смерти отца, но она неотвратимо приблизилась.

Мое волнение было велико, решительно не знал, что делать в такой момент, как вести себя, какими словами утешить маму, как и чем помочь отцу в последние минуты его жизни.

Мама подкрутила фитиль в настольной лампе, и яркое пламя осветило комнату. Встала в изголовье кровати, прикладывая конец фартука к глазам, навзрыд плакала; уткнувшись лицом в ее подол, плакала сестренка. Я встал рядом с ними, стараясь крепиться, чтобы не проронить слезу, до тошноты сдерживая в горле подкатившийся ком.

Отец умирал тяжело и долго, всеми силами цеплялся за жизнь, сопротивлялся наступившей агонии, испытывая великие муки. Я весь дрожал от страха. Пластом лежавший скелет вдруг обрел подвижность, зашевелился, судорожно задергались конечности,

пробудился голос и слышались хриплые звуки со стонами, какие-то неразборчивые, несвязные слова. Отец торопился высказаться, видимо, что-то хотел сказать нам на прощание. Напрягая слух, мы ловили слова, пытались понять их значение, связать их в единую мысль, но у нас ничего не получалось. Это был просто предсмертный бред. Мне все же удалось уловить свое имя - Иванко, или это мне просто слышалось так, но сердце больно резануло, словно кто-то полоснул ножом.

«Что же он хотел сказать мне?..» Тут меня прорвало. Я проглотил ком, заклинивший горло, зашмыгал носом, слезы ручьем потекли по щекам, и тотчас во рту ощутил их соленый привкус.

Он еще пытался приподнять голову, обращая глаза в сторону окон, в которые уже струились первые лучи солнца, заполняя светом комнату. Мы с мамой вместе с подушкой приподняли отца. Он выпучил оторопелые, безумные глаза на солнечный свет и на мгновение притих. Потом вдруг по его телу пробежала судорога, он дернулся, вздрогнул, распрямляясь, вытянулся... голова с широко открытыми глазами, открытым ртом упала на бок подушки, и он затих.

Я вздрогнул, онемел от волнения и неожиданности. Мне стало жутко, впал в какое-то странное и необъяснимое замешательство. Взгляд с отца перевел на маму и был поражен ее переменной, чуть не лишился чувств, все поплыло в глазах. Мамино лицо, красное и мокрое от слез, было искажено до неузнаваемости, ее душили слезы. Она тискала на груди кофточку, словно та стесняла ей дыхание. Безутешное горе довело ее до иступления; она больше не сдерживала себя, дала полную волю своим чувствам и забилась в истерику.

Хотя я еще не до конца понимал, но догадывался, что смерть отца для нее значила больше жизни. Закатывая глаза к потолку, мама вцепилась пальцами в свои растрепанные волосы, упала на отца, рыдая, погрузилась в безграничное отчаяние, тормозила безжизненное тело, словно будила его, а из сдавленной слезами гортани вырывались хриплые причитания:

- На кого же ты оставил нас, сиротинушек. Как же мы, горемычные, будем жить без тебя, горе мыкать, кто за нас теперь заступится...

Выплакав слезы, пережив лихорадочное потрясение, чувствуя и понимая, что слезами не воскресить отца и не поможешь горю, мама глубоко вздохнула и устало поднялась на ноги, вытерла заплаканное лицо, сохраняя уравновешенное состояние и спокойствие, обрела ясность ума и деловито распорядилась, чтобы о смерти отца я сообщил братьям в деревню, на место его работы, оповестил милицию. Тут я с облегчением вздохнул и бросился исполнять ее поручения.

Вскоре из деревни приехали братья отца Иван и Федор, и выполнили все обязанности для христианского погребения в последний путь.

Хоронили отца под вечер, когда вдруг разгулялся холодный ветер, небо затянула низкие облака, и тяжелая сырость моросившего дождя нависла над нами, сама природа проявляла к нам сочувствие и выражала глубокую скорбь об усопшем отце.

Пока я бегал по организациям с оповещением о смерти отца, пока наша малочисленная семейная процессия следовала за гробом на сельское кладбище, я как-то отвлёкся от горя и забылся, тем более был занят заботой удерживать под уздцы серую кобылицу, которая, чуя покойника, лежавшего в телеге, вела себя возбужденно и беспокойно. Кобылица прядала ушами, фыркала, мотала головой и глазами пугливо косилась на гроб, нервно перебирала ногами, стремилась сбиться с шага и пуститься вскачь. Только у могилы гулкой стук молотка больно отозвался в сердце и пробудил мое сознание: «Мы хороним отца... Опору нашей семьи, а как же жить нам без него?» Слезы и причитания мамы только усиливали мой страх и беспокойство за будущее существование без отца. Меня охватило такое безутешное горе, что слезы из глаз невольно полились ручьем. Я не успокоился и тогда, когда могила была зарыта, и взрослые прощались с отцом, желая ему царства небесного и чтобы земля была ему пухом.

- Не убивайся, не надо предаваться таким страданиям, - успокаивал меня крестный отец, дядя Федор.

Но это утешение и сочувствие только усиливали их.

Я чувствовал какую-то слабость, полную опустошенность, утомление, мне хотелось забиться в одиночестве. Отрешенный от всего, возвращался домой, словно во сне, не замечая под ногами хлюпающей грязи, не ощущая порывов ветра, холодных капель дождя, бивших по разгоряченному лицу.

Придя домой, с трудом переживая несчастье, забился на полати и весь отдался в рабство душевных мук и бесплодных размышлений.

Прошла всего неделя после похорон отца, а на нас навалилось новое несчастье. Мы лишились последней надежды на выживание: пала корова, наша кормилица.

Беда следовала за бедой, и судьба явно издевалась над нами. Отчаянию мамы не было предела. И как ей было не переживать: разве на заработок уборщицы в семьдесят рублей можно содержать семью?!

Было от чего растеряться. Кроме того, она сама нуждалась в усиленном питании - болела туберкулезом.

Беспросветная нужда придавила нас, наступила самая тяжелая пора. Всем сердцем сочувствуя маме, я сильно переживал, но не знал, как и чем облегчить наше положение.

В первое время, не находя выхода, я примирился с несчастьем; стыдясь своей бедности, все же продолжал посещать школу, но от бывшего задора и энтузиазма не осталось и следа. Плыл просто по воле событий, ни в чем не проявляя инициативы. На уроках был рассеянным, чаще бездумно смотрел в окно, безучастно, без всякого внимания слушал учителей, ничем не отвлекал и не гнал от себя тягостных дум, не старался переменить образ жизни и вернуть себе бодрое настроение. Учителя знали и видели мое угнетенное состояние и не упрекали за пассивность. Не отвернулись друзья, но я сам избегал с ними общения, предпочитая уединение.

Молодости не свойственно долго предаваться унынию, и я усиленно стал шевелить мозгами в поисках выхода из создавшегося в семье тяжелого материального положения, настойчиво подавлять мрачные мысли и чувства. Все чаще стала посещать меня мысль бросить школу и идти работать, другого выхода я не видел. После долгих раздумий пустился на поиски работы.

К моему горькому сожалению, мое предприятие не увенчалось успехом. Во всех организациях, куда я обращался, меня радушно принимали, внимательно выслушивали и вежливо отказывали:

- Исполнится шестнадцать лет, тогда приходи.

Тут в пору было окончательно растеряться и впасть в уныние, но мир не без добрых людей. Возвращаясь домой в самом плохом расположении духа, повстречался с заведующим районо Ильей Ивановичем Сединкиным. Он был классным руководителем, а я - председателем пионерского отряда. Он же дал мне рекомендацию для вступления в комсомол.

Вид мой поразил его. Он заботливо, по-отцовски, осведомился о причине удрученного состояния, внимательно выслушал и, немного подумав, предложил:

- Хочешь работать учителем?

- Как учителем? У меня же нет образования, - удивленный его предложением, растерянно переспросил я. У меня даже в помыслах не было быть учителем. В моем воображении и представлении учитель - высокообразованный, много знающий человек, с Божьим даром учить людей, просто человек, недоступный для моего понимания.

- О таланте и способностях учить людей поговорим в другой раз. У нас разговор не об этом. Ты будешь учить взрослых в вечерней школе, - продолжал убеждать и настаивать Илья Иванович.

- Не знаю, справлюсь ли, - неуверенно высказал свое сомнение.

- Почему не справишься? Ты хорошо учишься, твоих восьми классов вполне достаточно, чтобы научить грамоте людей. И не боги же горшки обжигают. У нас не хватает учителей. Будешь учить людей и сам учиться. Я помогу перевести тебя на заочное отделение Ирбитского педучилища. Направлю в артель инвалидов труда. Там организовано два класса, третий и четвертый. После работы в вечернее время будешь приходить к ним и проводить занятия. Как, договорились?

Обескураженный необычным предложением, пожимая плечами, я колебался,

справлюсь ли, и все же решился:

- Если вы поможете, то я согласен.
- Вот и хорошо. Приходи в районо, и мы тебя оформим на работу.

Как на крыльях летел я домой порадовать маму. Так я стал учителем Байкаловской школы для взрослых, восстановил душевное равновесие, и мною овладела жажда новой деятельности. Одновременно поступил на заочное отделение в Ирбитское педагогическое училище.

На первых порах моей учительской деятельности Илья Иванович находил время приходить ко мне на занятия. Вначале у меня язык заплетался от волнения, мел не держался в руках из-за присутствия на уроке заведующего районо. Но Илья Иванович очень внимательно и тактично подсказывал мне, как лучше построить урок, как доходчивее объяснить материал, помогал составлять конспекты для уроков. Я откровенно старался во всем подражать Илье Ивановичу: как он преподавал нам географию, как вел себя на уроке с нами. Часами просиживал в методическом кабинете районо, изучая и перенимая опыт лучших учителей районо. Так я постигал мастерство учителя, и все увереннее чувствовал себя среди учеников, которые годились мне в отцы и матери.

Первая получка... Сто восемьдесят четыре рубля с копейками - зарплата за месяц. Как драгоценный груз, зажав деньги в кулак, нес их домой, опасался положить в карман штанов: а вдруг по дороге они нечаянно выпадут.

Вывалил деньги на стол, мама, всплеснув руками, так и шмякнулась на стул, от удивления раскрыв рот. Я никогда не видел такого глупого испуганного выражения на ее лице, впечатление было такое, словно совершил какой-то неблагоприятный поступок и принес деньги, добытые нечестным путем.

- Чего ты испугалась, мама? Это же моя зарплата.
- Сколько же тут... - шепотом еле выдавила она из себя и, не смея дотронуться, робко тыкала пальцем в купюры.

Я назвал сумму, сгреб деньги со стола и высыпал на ее широко раскрытые ладони.

- Бери, мама. Теперь каждый месяц буду приносить столько.
- Боже мой. Как много... - чуть громче прежнего сказала она, все еще не веря, что они принадлежат ей, и она может распоряжаться ими по своему усмотрению. Вдруг ее глаза просветлели, уголки губ поползли вверх, озаряя лицо улыбкой, и слезы радости ручьем хлынули из глаз.

- Мама... К чему это?
- Сынок, это от нашей женской слабости. Горе - слезы льем, счастье привалило - опять в слезы. Плачем по всяким пустякам.

Она долго перебирала в руках купюры, как будто пересчитывала, видимо, раз-мышляла и прикидывала, как с толком потратить их. После некоторого раздумья тыльной стороной ладони провела по глазам, смахивая слезы, глубоко вздохнула и решительно заявила:

- Тут их довольно, чтобы купить тебе костюм и на ноги ботинки. Хватит, уже стыдно нам с тобой носить одни. Теперь ты не Иванко и не Ванька, как кличут ребята, сам должен понимать, учитель Иван Георгиевич.

Я и сам стал замечать перемену в себе. Раньше, выскочив из-за стола, с порога и до школы бегом, да и в центр села никогда не ходил шагом. Теперь же приходилось сдерживать мальчишескую прыть, надо было обретать степенность в походке, как подбавляет серьезному человеку, и при встречах раскланиваться. Теперь на педагогических советах и совещаниях я на равных сидел с учителями, которые учили меня в школе. Постепенно менял образ жизни и поведения, становился серьезнее, взрослел на глазах.

Учебный год позади. Мой труд учителя отмечен по районо благодарностью и ценным подарком. Лучезарными рисовались мне летние каникулы. Заранее предвкушая удовольствия, строил планы, как с пользой по своему усмотрению проведу их. Судьбе опять угодно было распорядиться иначе, вразрез с моими желаниями.

Илья Иванович срочно вызвал в районо. Всю дорогу я размышлял, для чего понадобился ему, и тревожное предчувствие холодило мне сердце.

Он принял меня, стоя за столом с озабоченным видом. Поверх очков, опущенных на

кончик носа, собрав морщинки на высоком с залысинами лбу, с замершими на плотно сжатых устах словами, пристальным взглядом светлосерых глаз внимательно и выжидающе изучал меня, словно видел впервые. Сцена затянувшегося молчания была мне в тягость и приводила в смущение. Сердце сильно билось, щеки пылали, робость перед неизвестностью приковывала мои глаза к полу.

Видя мое смущение и замешательство, Илья Иванович многозначительно и приветливо улыбнулся, в глазах появилось дружелюбное выражение, и предложил сесть на стул.

- Я принял решение назначить тебя инспектором по ликвидации неграмотности в культпросветучреждении.

Раскрыв рот, я онемел, не в силах молвить слово, кровь бросилась в голову, застучало в висках. А он продолжал:

- Мы до сих пор не можем закончить в районе ликвидацию неграмотности на селения. Плохо работают избы-читальни, а кое-где их совсем нет. Надо провести тщательное обследование их работы и добиться, чтобы они были очагами культуры в деревнях. Знаю, что молод, но рассчитываю на твой энтузиазм и упорство в работе. Действуй смело и решительно.

Я еле дышал, слушая его. Мое волнение было велико. Это назначение смутило, и испугало, я растерялся. Попытался возразить:

- Илья Иванович, у меня же нет никакого опыта, я даже не имею представления, с чего начинать и как организовать работу.

- Ничего, справишься. Занимай свое место в отделе, и за дело.

Заручившись поддержкой заведующего районо, на ватных ногах вышел из кабинета, зажав ладонями стучавшие от волнения виски, плюхнулся на стул. Меня тотчас же окружили сотрудники отдела, интересуясь: «Что случилось? Тебе плохо?» Они предполагали, что я получил выволочку, но когда узнали истинную причину моего удрученного состояния, от души смеялись, искренне поздравляя меня.

Было от чего мне впадать в уныние. С чего начинать, как себя вести? Ведь за год работы учителем я еще не смог избавиться от юношеских забав и проказ, порой был не прочь покурлесить. В моем возрасте как раз приходит пора увлечения девчонками, и я был уже влюблен в одну. Как же поступать теперь?

Вначале мне казалось все возможным. Я судил по работе районного Дома культуры, где жизнь кипела ключом, куда вечерами тянулись люди. Ежедневно демонстрировались кинофильмы, работали самодеятельные кружки, играл духовой оркестр, не пустовали читальный зал библиотеки и спортивные площадки.

С самым прилежным старанием оправдать доверие Ильи Ивановича пустился я по деревням инспектировать избы-читальни, изучать состояние ликвидации неграмотности. Первая же поездка по деревням развеяла мой романтизм и остудила энтузиазм. Часто заставал на дверях изб-читален замки, редко в какой деревне в читальне по вечерам светился огонек, где в дыму самосада пожилые мужики судачили о житье-бытье, чесали языки, перемывая кое-кому из селян косточки. Молодежь для развлечений и любовных утех предпочитала темные закоулки, нежели участие в самодеятельных кружках. Печальная картина деревенской жизни удручала. С наступлением сумерек словно жизнь замирала. Не слышно было ни одной гармонии, ни треньканья балалайки, ни разудалых песен молодежи, ночную тишину нарушал до утра лишь стук деревянной колотушки бодрствовавшего ночного сторожа да лай потревоженных собак.

Обреченные на нелегкий труд от зари до зари в поле и домашнем хозяйстве, крестьяне не всегда могли выкроить время для личных нужд и развлечений, поэтому с неохотой шли на занятия в вечернюю школу и редко посещали очаги культуры. Но были деревни, где энтузиасты-массовики смогли вокруг себя собрать актив и пробудить в людях интерес, желание и стремление к знаниям, общению между собой. В тех деревнях в избах-читальнях мало было места от наплыва посетителей, и горел огонек до полуночи, и вечерние школы не пустовали без учащихся.

Илья Иванович внимательно выслушивал мои доклады о поездках по деревням, старался помочь, но при этом не делал мне никаких поблажек и скидок на молодость,

не признавал ссылок на трудности, настаивал, чтобы я не давал покоя колхозным руководителям, сельской интеллигенции, тормозил их повернуться лицом к этим важным мероприятиям.

А тут еще из-за отсутствия учителей в байкаловской школе взрослых мне пришлось осенью сорокового преподавать математику и физику в пятых-седьмых классах. Еще работа подвалила из военкомата. Более пятидесяти человек призывного возраста не имели начального образования. Совместно с военкомом вызвали их на сборы, и в течение трех месяцев подтягивали грамотность.

Крутился, как белка в колесе, уставал до изнеможения, лишив себя юношеской свободы и увлечений. Жизнь теряла все краски. Нет, не по силам и возможностям взвалил я на себя обязанности, и надежда, вначале горевшая в моей душе, сдвинуть с мертвой точки ликвидацию неграмотности, оживить работу изб-читален стала с каждым днем тускнеть. Тень отчаяния от мизерных результатов моей работы закралась в сознание.

Я начал тяготиться работой, не находя в ней удовлетворения. Что делать? Что принять?

Шло заседание исполкома райсовета, и слушали меня о ходе ликвидации неграмотности в районе. Илья Иванович на заседании не присутствовал, он находился на областном совещании в Свердловске.

Положение с ликвидацией неграмотности в районе было тяжелое. Люди в деревнях понимали, что учиться надо, но, ссылаясь на разные причины, шли на занятия неохотно. Посещаемость была плохая, низкая. Крепко досталось мне на орехи, три пота скатилось, пока я выслушал критику своей работы и приняли постановление. Моему отчаянию не было предела.

После заседания исполкома подходит военком, выражает сочувствие и предлагает:

- Я могу избавить тебя от таких неприятностей.
- Каким образом?
- Хочешь стать летчиком?

Неожиданное предложение меня застало врасплох, мое лицо от удивления вытянулось и округлились глаза: «Куда он клонит? Решил разыграть?..» - подумал я и включился в игру:

- Ледчиком по добыче и доставке льда...

- Нет, я серьезно. К нам поступила разрядка на учебу в авиашколу в город Красноуфимск на одного человека. И стипендия приличная - 220 рублей. Приходи в военкомат. Я дам направление на медицинскую комиссию. Если признают годным для авиации, поедешь сдавать экзамены.

Заколотилось сердце: «Это же мечта каждого мальчишки, и комсомол призывают взять шефство над авиацией. Если есть возможность, почему не попытаться осуществить ее. Физически крепкий, лыжи не снимаю с ног, мотаюсь по деревням. Участвовал в областной зимней спартакиаде на Уктусских горах под Свердловском».

Как утопающий за спасительную соломинку, ухватился за эту идею и спешил домой наикратчайшим путем, каким раньше бегал в школу, напрямик, даже сугробы снега по колено не были препятствиями. Мысли бежали еще быстрее, в мечтах я парил уже в небе. Прямо с лету настезь распахнул дверь и вместе с клубившимся облаком стужи влетел в нашу низенькую комнату.

- Закрывай дверь! Выстудишь тепло, - крикнула мама от печи.

Не оттряхивая голиком снег с валенок, закрыл дверь, на ходу скинул пальто и шапку, бросил на кровать и подлетел к маме, по пути щелкнув по голове сестренку, сидевшую у окна под божницей.

- Вот сумасшедший... — поправляя поседевшие волосы, выбившиеся из-под платка, с удивлением говорила мама. - Давно не видела тебя таким. Говори, что случилось.

Я мялся, не знал, с чего начать, как сообщить новость, чтобы не всполошить и не расстроить ее. Меж тем она поставила на стол картошку, крынку молока и села на табуретку, натруженными руками расправляя на коленях фартук, а проникновенный взгляд не спускала с моего разгоряченного лица. Приличия ради проявляя сдержанность, я

сел за стол, принялся за еду и пересказал ей разговор с военкомом.

- А мы как же будем жить без тебя? - помрачнев, спросила мама и обеспокоенно продолжала перечислять свои заботы: - Кто же нам огород вскопает, а заготовка дров, сена? Разве я управлюсь?

- Представь себе, мама, я буду ежемесячно высылать тебе по двести рублей. Это больше, чем я получаю. Ты сможешь нанять людей огород вспахать, дров нарубить и сено заготовить. На эту зиму дров хватит, еще останется, вон две поленицы через весь двор стоят.

В своем желании поехать учиться и стать летчиком я был непреклонен и продолжал убеждать:

- Ведь через год меня все равно призовут в армию, все равно придется расстаться. А за год я уже стану летчиком. Представляешь, из нашего села один я - летчик!

Не спуская глаз с ее лица, отложив в сторону ложку, нетерпеливо ждал ее согласия. После длительного колебания вместо ответа лицо мамы вытянулось, сморщилось, уголки губ поползли вниз, из глаз покатались слезы, и согбенное туловище затряслось.

- Ну тебя... - вытирая слезы концом платка, шмыгая носом, проговорила она. - Все равно на своем настоишь... Но пойми, как же нам жить без тебя?

Маруся, наблюдавшая за нами, не выдержала, положила книгу на стол, прильнула к маме, поглаживая плечо.

Я тоже не выдержал всхлипываний и причитаний мамы, примирительно обнял за худые плечи, потом положил руки на ее горячую голову, продолжая убеждать в преимуществе своего предложения. Разговор был долгим.

Трудно было понять маме, что я, уже оперившийся птенец, горю желанием испытать чувства самостоятельного полета, познать новую жизнь и рвусь покинуть родное насиженное гнездо. «Бедная моя, родная мама! Мне очень и очень жалко тебя! Но у жизни свои законы, и с этим надо мириться. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше».

Наконец мой уговор увенчался успехом, и мама сдалась:

- Бог с тобой. Видимо, такова наша судьба, - сказала она в ответ, вытерла глаза, глубоко вздохнула, опершись руками в колени, устало поднялась со стула и подошла к божнице. Перекрестилась, прошептала молитву и, обернувшись ко мне, благословила: - Поезжай. Да хранит тебя Господь Бог!

Едва скоротал ночь. Спозаранку с поспешностью бросился в военкомат. Получил направление на медицинскую комиссию, успешно прошел ее и поехал в город Красноуфимск сдавать экзамены.

Сердце волновало мою душу, в заоблачных далях витал рассудок, когда очутился у военной кассы за билетом на поезд вместе с командирами Красной Армии. Их безупречный внешний вид, кубари и шпалы в петлицах, наплечные ремни, строевая выправка возбуждали смутное желание непременно быть таким же бравым, подтянутым.

Налюбовавшись их внешним видом, возбудил свое воображение до помутнения рассудка. Уже видел себя в новенькой летной форме с золотой кокардой на головном уборе. «Эх! Заявлюсь в такой форме в родное село. Девчонки от удивления ахнут, а друзья от зависти лопнут!» Мне непременно захотелось во что бы то ни стало стать летчиком.

Все складывалось наилучшим образом. Успешно сдал вступительные экзамены, прошел придирчивую медицинскую комиссию и получил документ, удостоверяющий, что зачислен кандидатом в авиашколу и обязан явиться на занятия 4 апреля 1941 года. Радость распирала сердце от нетерпения тут же у стола начальника штаба заглянуть в справку, убедиться, что это не сон. И не выдержал, поборол смущение, развернул, не веря глазам своим, что это правда, чуть не крикнул: «Ура! Я - курсант!» Все же благоразумие удержало от громогласного выражения восторга, и я поспешил на вокзал, чтобы уехать домой.

С неостывшей радостью и гордостью, что зачислен курсантом в авиашколу, приехал домой, написал заявление об увольнении с работы и ввалился в кабинет заведующего районом, сгорая нетерпением обрадовать новостью Илью Ивановича. Поздоровал-

ся. Илья Иванович, не отрывая головы от бумаг, ответил:

- Присаживайся, я вот подпишу документы и поговорим.

Не прошло и минуты, как он оторвался от бумаг, увидел мое сияющее лицо и приветливо улыбнулся:

- Что у тебя? Какое-то приятное известие? Как у тебя дела в мое отсутствие? Докладывай.

- Все хорошо, Илья Иванович. Я поступил в авиашколу. Вот документ о зачислении, а вот заявление об увольнении с работы. Подошел к столу и подал документы.

Моментально с его лица исчезла приветливая улыбка. Кустистые брови сдвинулись к переносице, глаза сурово сощурились, порозовели впалые щеки, плотно сомкнулись тонкие губы, и мелко задрожал в руках листок моего заявления. Вмиг почувствовал неладное, в груди похолодело, по спине пробежали мурашки, а на голове зашевелились волосы. «Как я опрометчиво его огорошил... Эх, не так надо было поступать, зная вспыльчивый характер Ильи Ивановича». Вижу, пунцовое лицо Ильи Ивановича стало мертвенно белым. Я не на шутку испугался. «Что это, сердечный приступ?» - и бросился к графину, чтобы в стакан налить воды и подать ему.

Илья Иванович мгновенно вскочил со стула и, не сдерживая негодования, ударил по столу кулаком так, что подпрыгнул графин. Я оторопел, совсем растерялся, все еще не догадываясь о причине его негодования, и стал робко пятиться к дверям, чтобы выскочить из кабинета.

- Нет, постой! Ты что задумал, сукин сын, а? - сует мне под нос мое заявление и хрипло выдавливает из себя: - Никуда ты не поедешь. Твое место здесь, а не в задрипанной авиации. Ишь, куда замахнулся. Понимаешь! - перешел он на истеричный крик.

-Здесь твое место! Вот! - и к моим ногам посыпались клочки заявления, порванного Ильей Ивановичем. Я был ни жив ни мертв.

- Все сделал тайком. Это подло. Почему не посоветовался со мной? Посчитал себя вполне самостоятельным? Уже не нуждаешься в опеке?

Я видел, как потрясен Илья Иванович, и это терзало мое сердце. Я понял свою опрометчивость. Он явно покровительствовал мне и готовил для будущей карьеры на поприще просвещения, видимо, угадал во мне задатки.

Встретив бурю, взрыв бешенства, я сделал попытку оправдаться и объяснить причину, побудившую меня поступить подобным образом, но Илья Иванович так разошелся в гневе, что не дал и рта раскрыть:

- Молчать! Не смей перебивать, пока старший говорит.

После продолжительного раздумья, наверное, чувствуя за собой вину, что напрасно погорячился и дал волю своим чувствам, он перешел на примирительный тон. Как на исповеди, выложил все, что обо мне думал. Как внимательно следил за моим становлением и работой, как незаметно старался направлять и помогать, какие надежды возлагал на меня.

Я оправился от первоначального шока, и у меня предательски защемило сердце. Мне стало жалко Илью Ивановича, и я готов был уже отказаться от авиашколы. Столько искренних и лестных отзывов выслушал. И это для меня было открытием. А я-то думал, что Илья Иванович все время напрасно придирается ко мне, все время недоволен, гоняет меня как нерадивого и не видит моего старания. Как я сильно ошибался!

- Иди и подумай о своем поступке, - сказал он в конце разговора.

До конца рабочего дня я не мог сосредоточиться на работе, все валилось из рук. Что мне делать? И отступить не хочется, и Илью Ивановича жалко. Кто из моих сверстников не мечтал тогда стать летчиком? А может быть, это мое призвание, судьба...

Только к концу рабочего дня Илья Иванович пригласил к себе в кабинет и сказал, чтобы я переписал заявление об увольнении с работы.

- Извини. Я погорячился. Нервы сдали. Я тебя люблю поотцовски. Поезжай. Учись на летчика. Я желаю тебе только добра. Не обижайся.

Он подошел ко мне, крепко обнял, потом молча толкнул к двери и отвернулся к окну.

Угрызения совести щемили мне сердце, слезы туманили глаза. Душевное волнение мешало сделать правильный вывод, но я чувствовал, подсказывала совесть, что поступил безнравственно. За внешней недоступностью, строгим видом, за придиричивостью к мелочам не заметил у Ильи Ивановича отцовской заботы и искренней доброты ко мне. Ведь был за ним, как за каменной стеной, и нужно же было, переоценив свои способности, погнаться за сиюминутной выгодой, чтобы избавиться от трудностей в работе, бросить учебу на последнем курсе педагогического училища и совершить ложный шаг, тем самым попасть в опасное положение и непредсказуемое для последствий жизненного пути. Сколько же еще мне придется совершать дурных поступков, допускать ошибок в жизни, чтобы найти себя, свое призвание, добиться истинного предназначения на земле...

В точно указанный в предписании срок я приехал в Красноуфимск, куда уже съехались все, кто был зачислен курсантом в 72-ю учебную эскадрилью, и у меня сразу голова закружилась от вихря перемен.

На раскачку нам не отвели времени ни секунды. Тотчас повели в баню. Под нулевку остригли волосы, облачили в новое, с иголочки, темно-синее обмундирование. Каждый старался подобрать по росту китель и брюки навыпуск, хромовые ботинки и фуражку с кокардой.

С любопытством мы осматривали друг друга с ног до головы и, восхищенные необычным перевоплощением, стремглав бежали к зеркалу. Толкались у него, теснили друг друга, чтоб обследовать свой внешний вид.

Не узнавал я себя: то же лицо, и в то же время совсем другое, незнакомое и, казалось, более мужественное.

Любуясь собой, с трепетным волнением разворачивал в воображении самые радужные надежды, которые лелеял в мечтах.

На общем построении с юношеской наивностью всю старался с первого взгляда понравиться начальникам. Развертывая грудь, пока на спине не сомкнулись лопатки, вытягивал подбородок и, затаив дыхание, глазами ел командира эскадрильи, обходившего строй.

Среднего роста, чуть сутулый, с уверенным и спокойным взглядом, необычайно благодушно и приветливо настроенный, он медленно шел вдоль строя, пытливо глядясь в наши настороженные лица, как будто искал среди нас знакомого человека. Обойдя строй, вышел на середину и обратился к нам:

- Я хочу, чтоб каждый, стоящий в строю, припомнил, сколько человек претендовало на место быть курсантом нашей учебной эскадрильи. Приемная комиссия каждого просеивала через самое мелкое решето. Вы - как отборное зерно, лучшие из лучших, удостоились быть курсантами. Я не думаю, что кто-то из вас пошел в авиацию не по зову сердца, без призвания, без высокой и благородной мечты быть таким же, как прославленные летчики Чкалов и Громов.

Командир эскадрильи говорил тихо, мягко, доверительно, словно беседовал по душам. Я слишком поддаю под власть воображения, и мне было трудно поверить, мой ум не мог еще вместить, что это не сон, а действительность, что я приобщаюсь к авиации. Слушая командира эскадрильи, предавался сладкому ощущению, тому радостному замиранию перед новой жизнью, какую рисовал он. Меня не пугали трудности, о которых он говорил.

- Нет еще самолетов, нет наглядных пособий для обучения. Пока будете проходить теоретическую подготовку. Получим самолеты, переедем на аэродром. Хочу предостеречь от благодушия и беспечности, в авиации нет мелочей, и любое пренебрежение ими может стоить жизни, полеты таят много опасностей.

К началу учебного года в военных училищах вы должны научиться летать и уметь выполнять фигуры высшего пилотажа. От того, какие покажете знания в процессе обучения, как будете вести себя в воздухе на самолете, определится дальнейшая судьба каждого: кому быть летчиком-истребителем, кому - в бомбардировочной или транспортной авиации.

Кроме интереса к авиации, он пробуждал в нас чувство патриотизма, стремление

честно служить социалистическому Отечеству.

- Мы надеемся, что вы оправдаете наши надежды, и мы не сомневаемся, что каждый сделает все, чтоб отличной учебой, примерным поведением доказать советской Родине свою преданность и быть ее достойным защитником.

Тут же нам были представлены командиры отрядов, звеньев и инструкторы учебных летных групп.

Я был зачислен во вторую летную группу к инструктору-летчику Крошкину. Командир звена - Михеев, командир отряда - Орлов.

Крошкину было лет тридцать, не более, чрезвычайно живое и веселое лицо, белокубая улыбка, которая подкупала собеседника и располагала к откровенности. На голове - шапка волнистых светло-русых волос, из-под почти бесцветных бровей искрились светло-голубые глаза, обворожительно привлекательные, как васильки в спелой ржи. Голос отличался приятным тембром. Он был прост в обращении и всегда в бодром настроении. Остроумный весельчак, умел где надо блеснуть знаниями и эрудицией не только по своей специальности: с одинаковой легкостью судил о художественной литературе, искусстве и живописи. В процессе обучения я убедился: не было предмета ни в одной области знаний, о котором он не мог бы высказать свое суждение.

Старшим в летной группе был назначен Коля Мальцев, старше меня на два года. У него было плоское квадратное лицо, приплюснутый нос, узкий лоб, широкий подбородок. Он отличался твердостью убеждений и строгостью в поведении, держал нас в ежовых рукавицах. Запомнился милый, наивный Вася Морозов, круглолицый крепыш с одутловатыми щеками, по характеру своенравный и своим поведением дававший повод к насмешкам. Он постоянно был мишенью для розыгрыша, особенно со стороны Берната. Тот был умный, начитанный, хорошо учился, и мы с ним соперничали в учебе. Гриша Трапезников - тугодум, малоразговорчивый, замкнутый, но пример прилежного поведения и аккуратности во всем. Несмотря на различие характеров, жили дружно, царил атмосфера взаимовыручки во всем. Но больше всего я привязался к моим соседям по койке: Володе Сединкину и Феде Мараеву. Меня сблизило с ними особенности характеров. Володя, горячий, пылкий, был необыкновенно веселым и шумливым, забавлял всех фамильярностью, вел себя со всеми запанибрата, отменно и виртуозно отбивал чечетку. На первых порах меня смущало его поведение, но затем, когда он стал постоянным объектом всеобщего внимания, мне понравилась его веселость.

Федя, наоборот, был холодным, рассудительным, вел себя степенно. Прежде чем что-то сказать или сделать, долго размышлял, прикидывал в уме. Внешним видом был полной противоположностью мне и Володе. Низенького роста, коренастый, широкоплечий, грудь навывкат. Хотя замыкал строй эскадрильи, но в физической силе не уступал силачам Васе Зырянову и Татарину, которые ежедневно баловались поднятием тяжестей.

Наше общежитие размещалось в центре города на углу площади, в здании с просторным двором, огороженным высоким кирпичным забором. Рядом - церковь, за ней, на берегу реки Уфы, - кинотеатр. Отсюда мы трижды в день совершали переходы в столовую, на самую окраину города, за железнодорожный мост, где находилась охранная рота. Проходя по улице, вымощенной булыжником, старались показать свой внешний вид, выправку, как на параде, молодецки рубили строевым шагом, высекая подковками искры из мостовой, неокрепшими голосами, как молодые петушки, горланили дружно «Если завтра война», «Пропеллер, громче песню пой», вызывая у прохожих и жителей домов чувства гордости и почтительного уважения.

Послушный призыву командира эскадрильи, я сразу загорелся, с энтузиазмом отдался первому порыву и ринулся навстречу своей изменчивой судьбе, не теряя на раскачку время и, как одержимый, настойчиво стал штурмовать высоты теории авиации. От одних названий и формул пухла голова: аэродинамика, авианавигация, теория полета.

Учиться было трудно: по одним учебникам, и времени в обрез, каждая минута на счету. Старались помогать друг другу. «Один за всех, все за одного», - таков был у нас девиз. Кроме того, мы были охвачены высоким азартом соревнования за лучшую

летную группу в эскадрилье. Инструктор Крошкин на первых порах опекал нас, как малолеток в детском саду. Все часы самоподготовки проводил с нами, добиваясь от каждого полного усвоения изучаемого материала. У него был индивидуальный подход к каждому, в наших характерах и поведении он видел то, чего не дано видеть другим. Мы любили его, и авторитет его для нас был непререкаем.

В упорной учебе незаметно летели дни и недели. Прошел апрель, наступил май. Эскадрилья получила самолеты, пора было переходить на практические занятия, но от проливных дождей раскисла земля. Каждое утро с нетерпением смотрели на небо, не проглянет ли солнце. Наконец, небо прояснилось, во всей своей ненаглядной красоте засияло солнце, жаркие лучи пригрели землю и буйно пошла в рост зелень.

Наступила прекрасная сухая погода.

Как сейчас помню тот ясный солнечный день 14 мая. Мы только что пришли с завтрака и до начала занятий под лучами благодатного солнца предавались неге на бревнах, накатанных у забора, как вдруг появился наш инструктор и, показывая на нас с Бернатом, приказал надеть летные комбинезоны.

- Поедете со мной на аэродром, - добавил он, а зачем, что делать, не сказал. Никто из курсантов не удивился, что пригласил нас: все хорошо знали, что он отличал нас в учебе и всегда ставил в пример остальным.

От неожиданности у нас вытянулись лица, мы переглянулись и в самом счастливом состоянии бросились бегом в каптерку переодеваться. Строили самые разные предположения, чем будем заниматься:

- Ясно, что сопровождать при рулежке самолеты.
- Может, вздумает прокатить нас? — гадал я.
- Вот будет диво, всем на зависть. Первыми поднимемся в воздух... - мечтательно ответил Бернат.

Наш отъезд никого не оставил равнодушным. Сгорая от любопытства к загадочности поездки, все, кто находился во дворе, высыпали на улицу проводить нас. Радостные, охваченные сильным волнением, мы вскочили в открытый кузов пикапа и покатали на аэродром, который находился недалеко от города.

Меня все радовало и приводило в восхищение: сама поездка, ясное и тихое солнечное утро, свежесть воздуха, зелень весны, живописные пейзажи за городом; даже занавеса пыли позади машины не раздражала.

Я пытался унять, привести в равновесие разволновавшееся сердце, но, восприимчивый ко всем новым впечатлениям, не мог совладать с собой — это единственная моя слабость: не могу скрыть от посторонних свое состояние, тогда как Бернат отнесся к поездке с полным равнодушием, словно ехал отбывать очередной наряд.

Видя в каком состоянии мы пребывали, инструктор нет-нет да бросал в нашу сторону пытливым, изучающим взгляд, еще сильнее приводивший меня в смущение, тайно улыбался уголками губ и, вновь отворачивался в сторону.

Подъехали к стоянке самолетов, у которой техники и мотористы занимались предполетной подготовкой, а на взлетной полосе огромного зеленого поля аэродрома было уже разложено белое полотнище буквой «Т», и у него виднелся человек с белым и красным флажками в руках.

- Вот и приехали. Вылезайте, - скомандовал Крошкин. - Пока присматривайтесь, осваивайтесь с аэродромной жизнью. Скоро аэродром будет для вас родным домом. Я немного покручусь в небе, а потом скажу, чем будете заниматься.

Все было в новинку, интересно, и мы не спускали глаз, следили за каждым движением инструктора: как он подходил к самолету, выслушивал доклад техника о готовности к вылету, садился в кабину, заводил мотор. Я сразу же услужливо ухватился за консоль крыла и сопровождал его до взлетной полосы. Финишер поднял флажок, разрешая взлет, наш инструктор взмыл в воздух, и мы глазами стали сопровождать его в зону. Как зачарованные, не спускали с него глаза. Самолет в руках инструктора выделял невероятные и замысловатые фигуры. Мы впервые видели каскад фигур высшего пилотажа, не могли уловить, когда кончалась одна и начиналась другая, и это приводило нас в неопишное восхищение. Наше воображение отказывалось осмы-

слить, что он творил в воздухе. Неужели нас научат летать подобным образом!

То слышался надрывный рев мотора, подобный реву раненого зверя, то вдруг он умолкал и наступала тишина, сквозь которую над головами слышно было пенье жаворонка, то самолет немыслимо кувыркался, то крутил петли, то спиралями поднимался ввысь и таял в голубизне неба, превращаясь в букашку, то в вихре штопора ввинчивался вниз, у нас дух захватывало от страха, что врежется в землю, а он, едва не касаясь колесами земли, вновь взмывал вверх.

Мы потеряли счет времени, восхищенные полетом своего учителя. Прилетел, заглушил мотор, давая остыть ему, вылез из кабины, снял с головы шлемофон с очками и, сияя белозубой улыбкой, подошел к нам.

- Хорошо... Отвел душу... - довольный полетом говорил он, похлопывая рукой по груди. - Как, понравилось вам?

- Еще бы, мы же в жизни не видели ничего подобного, - почти в один голос отвечали ему мы.

- Хочу научить вас летать так же, как я. Будете летать лучше - буду рад, что не зря вас учил.

Тут же, обращаясь ко мне, в упор спрашивает:

- Хочешь полетать?

Я опешил. Меня словно опалило пламенем. Мыслимо ли такое? Весь вспыхнул, лицо загорелось, глаза заискрились, от радости внутри что-то оборвалось, и нервная судорога сжала горло, стою, как вкопанный, и хлопаю глазами. Понадобилось огромное усилие над собой, чтоб в знак согласия кивнуть головой. Видя мою растерянность, Крошкин захохотал и рукой дружески подтолкнул к самолету:

- Садись. Поступай так, как положено наставлением по полетам, - предупредил вдогонку.

Пребывая в душевном опьянении, задыхаясь от радости, быстро залез в кабину, разобрался с ремнями, пристегнулся и стал оглядываться. Только по картинкам в учебнике и на плакатах видел приборы и ручки управления, и вот они в реальности перед глазами: как тут не растеряться и не изумиться. Сильно колотилось сердце, голова шла кругом, из памяти испарились все знания, что к чему, приемы и последовательность в действиях. Чтoб как-то укротить себя, унять душевное возбуждение, принялся трясушимися руками ощупывать приборы, трогать рукоятки, двигать ногами педали.

Техник стоял у винта и, задрав голову, со вниманием смотрел на мою суету. Бернат держался за консоль крыла, готовый к сопровождению самолета. Крошкин занял свое место, оглянулся кругом и говорит мне:

- Запускай мотор...

- Вы мне?

- Не Бернату же. Не он в кабине.

«Где магнето? Куда запропастилось? Нашел... С чего начинать? - рассуждаю сам с собой. - Ну, Иванко, соберись с духом, возьми себя в руки. Восстанавливай в памяти всю последовательность действий при взлете».

- Чего медлишь? - торопит Крошкин.

- Сейчас... - буркнул я, и кричу технику: - Внимание!

- Есть внимание! - отвечает техник и начинает проворачивать пропеллер до компрессии.

- Контакт.

- Есть контакт!

- От винта! - включаю магнето. Мотор кашлянул и в вихре лопастей пропеллера замелькал силуэт техника. Рад без памяти - запустил мотор с первого раза.

- Рули на старт! - слышу в наушниках команду инструктора.

- Как, самостоятельно? - переспрашиваю.

- Да, да. Рули, - кивает в ответ головой.

Трогаю рукоятку, жму на педали, а самолет ни с места. Стоит, окаянный. Забыл про газ. Вспомнил - и, не жалея усилий, жму на сектор газа, даю такие обороты, что мотор взревел, самолет сорвался с места, качая крыльями, понесся по неровностям поля, как

раненая птица. Бернат не удержался, оторвался от крыла, споткнулся и растянулся на траве.

Крошкин заливается смехом, глядя в мою сторону, с укором качает головой из стороны в сторону и тянет ручку сектора газа на себя, сбавляя обороты.

- Ты же не на взлете, только рулишь, для чего так газовать, - подсказывает инструктор.

Остаток пути до взлетной полосы я рулил уже спокойнее и увереннее.

- Сейчас будем взлетать, - слышу Крошкина, - наблюдай и повторяй за мной все движения.

Все произошло в одно мгновение. Я даже не успел как следует осознать и почувствовать движения рулей управления, как взревел мотор, и самолет, оставляя за собой клубы пыли, сорвался с места, какая-то неведомая сила прижала меня к спинке сидения. Самолет выровнялся, чуть подпрыгнул и оторвался от земли. Какие-то секунды, увеличивая скорость, мы еще неслись над землей; не успел я испытать наслаждение брющего полета, как взмыли вверх. Земля медленно уплывала от нас все дальше и дальше.

- Делаю первый разворот... Смотри влево... Видишь «Т»? - слышу Крошкина, а самому от счастья хочется смеяться и петь.

Я утвердительно кивнул головой:

- Вижу.

Вижу, как уплывает, уменьшаясь, буква «Т» с финишером; Берната с техником, самолетом на стоянке; строения, повисшую от безветрия полосатую «колбасу» на флагштоке. Справа вдали проплыло село с голубым зеркалом озера; показались отроги гор, заросшие зеленеющим лесом, под нами по пашне колесный трактор, сверкая шипами, тянул пылившую сеялку. Мое внимание было полностью поглощено полетом, я даже забыл о предупреждении инструктора следить за его действиями и приборами.

Летим с набором высоты. Небо чистое, голубое, и земля раскрывает передо мной необозримые просторы, одну картину прекраснее другой. Не в силах оторвать глаза от земли, кручу головой из стороны в сторону. Крошкин молчит и только, вижу в зеркале, улыбается, глядя на мое сияющее лицо.

Душа поет. Сердцу мало места в груди, небесный огонь обжигает его. Еле сдерживаю себя от восторга и счастья полета, хочется кричать: «Ура!»

Думаю о том, что надо до мелочей запомнить все увиденное: ведь ребята непременно будут спрашивать о впечатлениях.

А природа дарила такие невероятные краски расцвета весны, которые не каждый художник может запечатлеть на полотне.

Впереди раскрывалась роскошная излучина Уфы с прибрежными лесами и деревнями, полосы озимых полей, ровные квадраты одноэтажных домов окраины города, железная дорога, и по ней паровоз, испуская клубы белого пара, тянул игрушечные вагончики, рядом лента шоссе.

Впечатления с избытком затмили мне сознание, и я утратил чувство реальности. Вдруг голос Крошкина:

- Бери управление на себя!

Я вздрогнул. Мотнул головой, очнулся как от спячки. «Как же так? Мне вести самолет?»

Испарина выступила на лбу. Вдруг исчезли небесные грезы, и я ухватился за ручки управления.

С трудом заставил себя преодолеть волнение и избавиться от пленительного впечатления, унять трепетную дрожь всего тела. Видя, как инструктор положил руки на борта кабины и весело улыбнулся, я замешкался, засуетился, что отроду со мной не случалось, сжал крепче рукоятку, уперся ногами в педали, опасаясь: вдруг не справлюсь с управлением и самолет камнем рухнет на землю.

Ровно гудел мотор самолета, стрелка высотомера медленно ползла вверх. Слышу:

- Делай разворот...

Только теоретически знаю, как надо координировать движения рук и ног, следить за

шариком указателя поворотов, чтоб он находился в середине, но практических навыков никаких. Начал неумело совершать маневр и в спешке все перепутал: шарик загнал в угол, так завалил глубоко самолет на левое крыло и задрал капот, что самолет стал терять скорость.

- Так можем свалиться в штопор... - слышу в шлемофоне предупреждение. Следует решительное вмешательство Крошкина в мои действия и выравнивание самолета в горизонтальное положение.

В мучительном волнении ожидал выволочки за неумелые действия. Он, заметив на моем лице выражение глубокого огорчения, сочувственно подмигнул, ободряюще кивнул головой, демонстративно положил опять руки на борта кабины, вальяжно откинул туловище на спинку сидения, давая понять, что не причастен к управлению. Час от часу не легче.

Пытаюсь оправдать его доверие и загладить свою вину, принуждая себя не впадать больше в восторг от прикосновения к красотам природы на земле, хотя чувства и радости переполняют мне грудь.

Вижу, шарик указателя поворота плывет в сторону, самолет кренится и капот задирается, скорость падает.

«Что делать?» - клоню туловище вправо и тем самым стараюсь выровнять крен, не предпринимая руками и ногами никаких усилий, а в наушниках тихий, спокойный голос:

- Левый крен, левый крен, скорость, скорость, — подсказывает инструктор. Краска стыда заливает лицо. Бесцельно смотрю на приборы, тупо размышляю: «Что же делать?». Наконец, чувствую легкий толчок по ручке, и качнулась педаль. Тонкий намек Крошкина. «Как же я не догадался? Какой пустяк... Вот чудак, - упрекаю себя, ободренный поддержкой, исправляю крен и выравниваю самолет.

- Делай третий разворот... - поступила команда.

«Теперь-то я справлюсь», - самоуверенно размышляю и начинаю действовать. Опять допускаю ошибки, но не столь критические, чтоб свалиться в штопор, хотя шарик не удержал по середине, но с горем пополам разворот получился.

- Ну, хватит. Теперь внимательно следи за мной, пойдём на посадку, - передает мне Крошкин, - убираем газ, идем к четвертому развороту.

Машина планирует. Сразу стало тихо, зазвенело в ушах, только ветер посвистывает в расчалках, видно, как винт рассекает воздух. Навстречу нам мчится земля.

- Последний разворот. Идем на посадку. Наблюдай за землей.

Земля вся ближе, ближе, стремительно мчится навстречу.

- Скользи взглядом по земле с той же скоростью, с какой мы летим. Учись. Выравниваю, выбираю ручку на себя. Сели.

Я почувствовал, как самолет коснулся земли одновременно и колесами и костью, сели впритирку. Вырулили к старту. Опустив голову вниз, сидел и стыдился за оплошности, допущенные в полете.

- Вылезай. Позови Берната, - приказал Крошкин.

Быстро щелкнул замком, сбросил с плеч ремни и, выключив мотор, вылез из кабины.

- Ну как? - на ходу спросил Бернат. В ответ я молча неопределенно махнул ему шлемом. И опустив голову, отошел в сторону.

- Отличник... Только посредственность может хвалиться. Переоценил себя... Лапоть, - в отчаянии я корил и клял себя.

Как Бернат вел себя в полете, об этом он мне не говорил, да и я не проявлял любопытства, но, видя после полета такое же удрученное настроение, догадывался, что не лучше меня.

Возвращались в город в том же пикапе. Сидели, мрачно молчали, не смотрели друг на друга и не поднимали глаз на инструктора.

Наша стыдливость не могла быть незамеченной, и Крошкин по-отечески утешал:

- Не будьте слишком восприимчивыми ко всем впечатлениям. Я понимаю, как-кие муки терзают вас. Ошибки и оплошности вполне закономерны и естественны.

Я тоже с этого начинал. Если бы мы вас учили не по плакатам, а на тренажерах или в самолете, все было бы по-другому. Не огорчайте себя напрасно и не отчаивайтесь. Все мы учимся на ошибках. В очередной раз, я уверен, вы уже не допустите их.

При этих словах я сразу почувствовал, как тяжесть, давившая меня, свалилась с плеч. Стало легче и радостнее, а он продолжал:

- На вашем горьком примере хочу сегодня предостеречь курсантов от тех пустяковых оплошностей, которые допускали вы. Только очень прошу при этом не огорчаться и не обижаться на меня, если в разговоре где-то несколько преувеличу впечатления и сгущу краски. Договорились?

«Вот тебе на... Ничего себе сюрпризик», — мелькнуло в сознании.

В глубоком молчании мы переглянулись и в знак согласия неопределенно пожали плечами. Не хотелось быть выставленными на посмешище, а что оставалось делать?

Мы договорились до прихода Крошкина в общежитие записаться терпением и хранить гробовое молчание. Но стоило нам появиться во дворе, как тотчас мы были атакованы курсантами и попали в плотное кольцо окружения.

- Летали? Не томите... Рассказывайте, - наседали они. Мы отнекивались и на вопросы отвечали скупно.

- Было такое. Летали. Так себе, ничего особенного. Вечером обещал прийти инструктор. Обо всем подробно расскажет.

Не вытянув из нас подробностей, курсанты, разочарованные, отстали от нас.

Мои друзья Володя Сединкин и Федя Мараев отвели меня в сторонку.

- Что ты притворяешься. По твоим глазам видно: что-то случилось важное. Рассказывай, как было, - настаивали они.

Хотя я натянул на лицо маску притворства, но радость распирала мне грудь. Горел желанием поделиться с друзьями впечатлениями полета. В то же время не хотел навлечь на себя позор, при случае бахвальство может дать повод трунить им над моей особой; откуда мне знать, сдержит слово Крошкин или нет.

Сдерживая страсть, я пустился в повествование. Но новизна испытанных впечатлений так увлекла, что я расхрабрился, забыл о всякой предосторожности и без утайки поведал им все, как было на самом деле.

Володя, симпатизируя мне, смеялся над моим незадачливым поведением. Федя, улыбаясь уголками губ, был сдержаннее:

- Что тут такого. На первых порах никто из нас не избавлен от ошибок. Надо быть готовым пройти такое испытание, - глубокомысленно заявил он.

Летная группа, не в пример моим друзьям, не проявила особого интереса, никто из ребят не пытался узнать, чем занимались мы на аэродроме, но обед нам принесли, и мы с удовольствием опорожнили котелки.

Как только солнце село на крышу общежития педагогического училища, в нашем расположении появился инструктор Крошкин и тотчас был окружен курсантами.

- Рассаживайтесь на бревна, - предложил он, - хотел поведать о сегодняшнем событии только своей группе, но раз есть желание послушать всем, извольте, я к вашим услугам.

Посадил нас с Бернатом рядом с собой и начал рассказ.

- У меня было намерение просто провезти курсантов, как говорят, прокатить с ветерком, дать почувствовать красоту полета, ощущение скорости, высоты, свое поведение в кабине самолета, но когда увидел, как курсанты уверенно чувствуют себя в кабине, решил проверить, испытать, что получится, если доверю им управление при выполнении некоторых элементов полета...

Вот тут и началось... Нам места было мало, мы не знали, куда деть глаза от стыда. Крошкин рассказывал, как артист на сцене, жестикулировал руками, мимикой изображал на лице ужимки, гримасы, какие видел на наших лицах в моменты самостоятельного управления самолетом, все подробности поведения, приправляя рассказ для красного словца острыми словечками. До коликов в животе смеялись курсанты, катаясь на бревнах.

- Это для затравки, вас повеселить. На самом деле их действия и поступки за-

служивают похвалы, тем более первый раз управляли самолетом, - остудил инструктор пыл развеселившихся курсантов, поправляя белокурую шевелюру.

Потешив юмором, он, как истинно признанный воспитатель и учитель, вдруг переменялся и более серьезно сделал разбор каждой нашей ошибки при самостоятельном выполнении элементов полета. Это вначале казалось, что выставил нас на посмешище, чего мы так опасались, искренне переживали, краснея до ушей. И вдруг наши действия и поступки при выполнении элементов полета обратил в достоинства для подражания, и мы в глазах своих товарищей сразу выросли и выглядели чуть ли не героями. Как мы были благодарны инструктору и еще большим уважением прониклись к нему!

Буквально на следующий же день из душного общежития нас перевезли на аэродром. Целый день ушел на обустройство палаточного городка, и только после этого приступили к практическим занятиям.

Я уже не говорил себе, как буду чувствовать себя в самолете. Искушенный полетом, испытавший в воздухе первые ошибки, переживший небывалое волнение души, подходил к самолету, как бывалый облетанный курсант, без прежней горячки и суетливости, смело и уверенно. В это же время мои товарищи, млея от счастья, робко и несмело осматривали самолет, ощупывали руками перкалевую обшивку, поглаживали мотор, заглядывали в кабину, в смотровые лючки; ощупывая тросы на роликах, трогали расчалки и элероны, словно убеждались в прочности и надежности самолета, на котором предстояло подняться в воздух. После знакомства нас учили запуску мотора, рулению, и только после этого начались полеты.

Для меня воздух, как для птицы, становился своей стихией.

Зарядившись мужеством и энергией, на которые способны только люди кроткого нрава, поощряемый похвалами инструктора за старательность, с головой устремился овладеть летной подготовкой. Честолюбие и преувеличенная самоуверенность удесятерили мои силы, иногда в полете терял даже осторожность.

- Сегодня летал лучше, чем вчера, - так обычно оценивал Крошкин мои действия и делал замечания, которые я не должен допускать в очередном вылете.

С первых полетов у меня получалось все так, как требовал он. Как-то легко и быстро освоил один из самых сложных и трудных элементов полета - посадку. У меня не было боязни земли и проблемы ощущения высоты, хорошо был развит глубинный глазомер, поэтому четко определял высоту начала выравнивания самолета при посадке и точно приземлялся у полотноща. Некоторых моих товарищей по группе инструктор возил по низкополетной полосе больше всех, особенно этим страдал Вася Морозов, у которого, кажется, совсем отсутствовал глазомер при расчете на посадку: то он «недомазывал», то «промазывал» посадочное «Т» и делал такие «козлы», что трещали шасси, что приводило в ужас инструктора.

Не хотелось обманываться в своих предположениях, но я чувствовал, что добился заметных успехов. Крошкин во всем отличал меня, кроме похвалы я не знал иных оценок, всегда меня ставил в пример остальным. В то же время он упрямо не выпускал меня в самостоятельный полет, а так хотелось первым в эскадрильи совершить самостоятельный вылет.

Такой чести удостоился Николай Кузнецов из третьей летной группы, за ним выпустили моих друзей Федю и Володю. Сколько было шуму! О них писали в «Боевых листках», их портреты висели на Доске почета. Они чувствовали себя именинниками и ходили с высоко поднятыми головами. После этого моя надежда окончательно потускнела, и тень отчаяния легла на мое лицо.

Всегда чутко опекавший меня инструктор заметил мое подавленное настроение и грустное выражение лица. Подошел ко мне, улыбнулся, по-отцовски обнял за плечи и, заглядывая в глаза, сказал:

- Не огорчайся и не держи обиду на меня. Да, я мог тебя выпустить в самостоятельный полет раньше их, но мне противна эта показуха. Ты же будущий летчик-испытатель. Я хочу научить тебя летать так, чтобы ты самолет чувствовал, как самого себя, работу мотора - как биение своего сердца, а руки и ноги, независимо от сознания, автоматически выполняли бы твою волю при маневрах. Только при таких условиях

ты будешь настоящим летчиком, сможешь смело вступить в поединок с соперником и рассчитывать на победу.

Он и тут развивал во мне охоту к военной службе. Что мне оставалось делать, не показывать же свой норов, только следовать его совету. После разговора командир звена Михеев, командир отряда Орлов проверили меня в полете и в зоне, только тогда на место инструктора взвалили мешок с песком, для центровки самолета, и Крошкин выпустил меня в самостоятельный полет. Кажется, я никогда в жизни так не ликовал ни сердцем, ни душой, как тогда. С тех пор, побуждаемый желанием и стремлением непременно освоить тонкости выполнения всех фигур, как требовал Крошкин, я с особым упоением и прилежностью стал относиться к полетам и скоро достиг заметных успехов.

В тот день, 22 июня, я с друзьями поехал в город, чтобы отправить маме денежный перевод, а Федя с Володей решили побродить по городу из любопытства, если удастся, встретиться со знакомыми девчонками из педагогического училища. Теперь-то было о чем с ними поговорить. Небось видели и слышали, как с раннего утра и до самого вечера стоял гул над аэродромом, один за другим взлетали и садились самолеты, барражировали в зонах, одна из которых находилась над самой ок-райной города, наблюдали, как мы кувыркались в небе, выписывая разные фигуры.

Отправил перевод, затем мы пошли бродить по городу, заглянули в свое общежитие. Проходя по улице, видели хмурые и озабоченные лица людей, спешивших на площадь. Там, у громкоговорителя, собралась уже толпа.

«Будут передавать важное правительственное сообщение», - узнали мы из разговоров прохожих и поспешили присоединиться к ним.

Из динамика доносилось, что гитлеровская Германия, вопреки пакту о ненападении, вероломно вторглась в пределы Советского Союза...

Оглушительное известие, как первый удар грома, застало всех врасплох и заставило вздрогнуть от неожиданности.

Тревога за свою судьбу и судьбу страны мертвой тяжестью повисла над толпой. Испытанное потрясение сковало не только ноги, но и языки. С лицами, отуманенными грустью, мы стояли друг перед другом, прислушиваясь к биению своих сердец.

Гнев и возмущение коварством фашистов сжигали наши души, внутри все кипело и бурлило. Наступили самые тяжелые минуты, когда каждая секунда, словно острым ножом, полосовала по сердцу.

Страна и так жила в тревожном состоянии и ожидании войны, и вот она нагрязнела. Мой друг детства Димка Вздорнов, служивший в воздушно-десантных войсках на Дальнем Востоке, вдруг прислал письмо из города Вознесенска на Южном Буге.

Уже можно было догадаться, что это не случайная переброска, не для маневров. Из сообщений на политинформациях, из докладов о международном положении замполита Хмелева мы были осведомлены о замыслах Гитлера, стянувшего войска к границе Советского Союза, но жили надеждой, что он не посмеет нарушить договор о ненападении.

И вот как резко прервалась наша прежняя мирная жизнь, что-то вдруг рухнуло в ней. Предчувствия теснили мне грудь, надо думать о тех важных событиях, которые меняли обстановку в стране и на фронте, находить свое место.

Не дожидаясь окончания передачи, поспешили на аэродром. Были возбуждены, и все думы, весь разговор вертелись вокруг войны.

- Как же так? - вслух размышлял Федя. - Ведь у нас с Германией был договор о ненападении. И вдруг, внезапно, без всякого повода вторгнуться на нашу советскую землю. И какое изуверство - на рассвете бомбить мирные города!

Уверенный в неукротимой силе Красной Армии, Володя убеждал:

- Вряд ли нам доведется воевать. Пока учимся - война закончится. Красная Армия покарает врага, навсегда отобьет у Гитлера охоту посягать на мирную жизнь советских людей.

На аэродроме состоялся митинг. Замполит Хмелев выступил с сообщением о нападении Германии и призвал нас все силы и знания посвятить учебе, настойчиво ов-

ладевать летным мастерством и готовить себя пересесть на боевые самолеты, быть достойными сынами Советского Отечества.

После митинга мы долго не расходились, собирались небольшими группами и взволнованно обсуждали, как нам быть. Каждый стремился определить свое место во всенародной борьбе с врагом. Без сомнения, оно было на фронте, там, где начались тяжелые бои. Но каждый понимал, что для этого нужна хорошая военная подготовка, фашиста голыми руками не возьмешь, а мы к этому были еще не готовы.

Время шло. Наступила самая жаркая пора лета, и мы на открытом поле аэродрома изнывали от нее.

Только поднявшись в воздух, там, на высоте, находили отдохновение. Напряжение в учебе возросло. Перешли на полеты в две смены. Увеличились физические нагрузки. Для того, чтобы поддержать наши силы, было организовано дополнительное питание: на старт привозили колбасу, сметану, кофе или какао, которые я испробовал впервые в жизни.

Обстановка на фронте все более накалялась, и трагические события войны развертывались с ужасающей стремительностью. 3 июля по радио выступил председатель Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталин. Не скрывая правды, он говорил о смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной. Речь вселяла уверенность в победе. Вся страна, весь советский народ вступили в смертельную схватку с жестоким, сильным и коварным врагом. Священной клятвой для всех советских людей стали слова: «Все для фронта!», «Все для разгрома врага!», «Все для Победы!», «Наше дело правое, и победа будет за нами!».

Сообщения с фронтов были одно другого тревожнее. Из репродуктора звучали утром слова песни:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...»

Эти слова патриотической песни находили отклик в наших сердцах и наполняли особым смыслом каждое мгновение, каждый поступок нашей учебы и жизни, и мы стремились быть достойными патриотами своего советского Отечества.

Наконец, нелегкая учеба осталась позади. Успешно сданы выпускные экзамены, и нас, человек тридцать, направляют для продолжения учебы в Первую Качинскую Краснознаменную школу пилотов имени А. Ф. Мясникова в республику поволжских немцев, в город Красный Кут. Жизнь продолжала мне улыбаться, я видел свое будущее в розовом свете, осуществлялась мечта стать летчиком-истребителем.

Состоялись незабываемо шумные и веселые проводы на вокзале, на которые пришло командование и все оставшиеся курсанты эскадрильи.

Нещадно палило августовское солнце. После крепких прощальных рукопожатий мы поспешили от душливой жары найти спасение в вагонах. С радостной поспешностью я занял среднюю полку, Федя с Володей облюбовали нижние.

В это время в наше купе вошли инструктор Крошкин и командир звена Михеев.

Мне еще никто не говорил таких слов и не оценивал так высоко мое поведение и отношение к учебе; они пророчили мне блестящее будущее и желали успехов в летной карьере.

Я с благоговением, испытывая глубокое внутреннее волнение, слушал и смотрел на них и не знал, как отнестись к столь необычному вниманию, к столь глубоким чувствам симпатии. Их искренность трогала меня до глубины души. В тот час я пребывал в счастливом состоянии. В сердце поднималась неведомая радость, но душевное волнение мешало мне сказать ответные слова благодарности за такое признание. Мое лицо пылало жаром. Я только и смог в ответ молча, стыдливо потупить глаза и ответить крепким рукопожатием.

Не знаю, слышали ли Федя и Володя, стоявшие в коридоре, о чем мне говорили инструктор и командир звена, но меня одолевал стыд, как будто в отношении к ним совершил предосудительный поступок. Окинув взглядом купе, насквозь пронизанное

солнечными лучами, яркими бликами, отражавшимися на отполированных поверхностях металлических предметов, я залез на полку, лег и закрыл глаза, обдумывая случившееся. Похвала окрыляла, тешила мое тщеславие, втайне верил в себя, в свои силы, а в мыслях боялся обвинения в нескромности. Оправдывался тем, что ведь не я хвалился - меня хвалили. За что упрекать и гневаться? Мои переживания оказались напрасными. Со снисходительным великодушием Федя и Володя были бескорыстными в оценке и благосклонно отнеслись к мнению моих учителей, за что я был сердечно благодарен им.

Тут вагон вздрогнул, застучали сцепки, и поезд тронулся с места, в окне поплыли на перроне провожающие. Вмиг я слетел с полки, навалился на спины друзей и взмахами рук стал посылать провожающим последние прощальные приветы.

Сколько треволений выпадает иногда на долю человека. За какой-то короткий промежуток времени пришлось испытать и пережить такие волнительные минуты, каких иногда не испытываешь месяцами.

Еще долго пребывал я в состоянии нервного возбуждения от лестного признания, но скоро мерный стук колес, покачивание вагона скорого поезда убаюкали. Федя с Володей, не раздумывая, растянулись на постелях и погрузились в сонливую дрему. Я же, жадный к по-знанию всего нового, стал настраиваться на романтический лад: полюбоваться пейзажами незнакомой местности, проплывавшей за окном.

Сел поудобнее к окну и погрузился в созерцание, набираясь новых впечатлений. Хотелось запечатлеть все, запомнить, не упустить из глаз все мгновения, все красоты на земле. Так был увлечен, сидя у окна, пока солнце, догорая, не скрылось за горизонтом и перед глазами не стал медленно подниматься темный занавес ночи, когда пожилой кондуктор постучал в дверь купе и предложил чай.

Ранним утром были в Казани. До прихода поезда на Саратов оставался целый день, и мы посвятили его знакомству со столицей Татарии.

До Красного Кута добирались с пересадками в душных вагонах, переполненных пассажирами так, что некуда было поставить ногу, не то что присесть. Где там думать о постелях, о чае: довольствовались кипятком, которого было вдоволь на каждой станции. Спали сидя, склонив голову на плечо соседа.

Где бы мы ни останавливались на станциях, чувствовалось, что все сдвинулось с места. Повсюду военные, мобилизованные, в новой форме, которая топорщилась на них, толпы провожающих, эшелоны эвакуируемых беженцев. Из их рассказов узнали, что им пришлось испытать во время бомбежек и обстрелов вражескими самолетами эшелонов. В санитарных поездах увидели первых раненных красноармейцев и командиров. Все увиденное и услышанное от очевидцев произвело такое действие, что пришлось в корне менять свое представление о происходящем на фронте и в тылу, избавляться от романтического настроения, без прежних восторгов наблюдать из окна вагона за капризами природы.

С приближением к югу все реже проявлялось разнообразие видов и некоторой картинности пейзажа, и это навевало грустное настроение. Мимо окна вагона чаще проплывала однообразная голая и скучная степь с редкой и скудной растительностью без изгибов и изломов в очертаниях поверхности, с редкими селениями. Лишь иногда где-то вдали покажется оазис колхозного стана с зеркальцем ставка, обсаженного ивами, что давало возможность догадываться, что и в степной зоне есть какая-то жизнь.

Пока ехали от Урбаха до Красного Кута, уже видели, как голубое небо бороздили тупоносые «Ишаки». Прильнув к окнам вагона, мы провожали взглядами их до тех пор, пока они не скроются из вида. Сколько радости, сколько надежд они вселяли в наши юношеские сердца. Мы вновь пребывали в мечтах на седьмом небе.

Скоро, очень скоро мы вот так же будем испытывать счастье полета, а потом на фронт - скорее громить ненавистного врага.

В день Советской авиации 18 августа 1941 года мы переступили порог 1-й Качинской Краснознаменной военной школы пилотов имени А. Ф. Мясникова, которая только что эвакуировалась из Крыма. Мы не видели, и нам было совсем невдомек, какие хлопоты и заботы обуревали головы командования на новом месте. Мы видели лишь

внешнюю сторону и ощутили напряженный, организованный ритм учебы.

Ни днем, ни ночью, ни на час не смолкал гул самолетов. Постоянно шли плановые полеты курсантов на «уточках» - «УТ-2», на спарках «УТИ-4» и на боевых самолетах «И-16». Нам тоже хотелось сразу проявить себя с первого дня. И, кажется, счастье обратило свой благосклонный взор в нашу сторону. Нас посадили за парты, и мы занялись изучением теории авиации и материальной части самолетов, одновременно знакомимся с преподавателями, командирами эскадрилий, заслуженными летчиками с орденами на груди.

Обычно все новости о школе нам приносил вездесущий и пронырливый Володя Сединкин, мы с Федей как-то были скромнее в поведении. Однажды он влетает в класс возбужденный, с сияющей улыбкой на лице, полный желанием огорошить нас новостью, и, таинственно и загадочно улыбаясь, спрашивает:

- Знаете, кто начальник школы?

Мы уже знали о нем и спокойно ответили ему:

- Дважды Герой Советского Союза Сергей Прокофьевич Денисов.

Надо было видеть его разочарование и кислое лицо.

- Почему же мне не сказали раньше об этом, а я летел как угорелый, чтобы обрадовать вас.

«Здорово! Начальник — летчик, прославленный в боях на Халхин-Голе, в республиканской Испании и в боях с финнами».

Но это было только началом наших открытий и удивлений, и мы постепенно набирались впечатлений.

В клубе висела галерея портретов выпускников школы, прославленных героев, отличившихся в боях, в которых принимал участие и начальник школы.

Я понимал, что не быть мне таким летчиком, как эти герои, но что-то таинственное возбуждало мне душу, мой юношеский порыв. Очень хотелось походить на них, поэтому с еще большим старанием стал относиться к учебе. Предметом моей особой гордостью и зависти оставался начальник школы, и я даже старался копировать его поведение, спокойную и задумчивую походку, чуть сгорбленную, со скрещенными назад руками. Он ходил медленно, отягощенный заботами, и мало обращал внимания на окружающих, как бы не замечая никого.

Мы узнали, что годом раньше эту школу окончил сын Сталина, Василий. Однажды, присутствуя на полетах, я оказался невольным свидетелем, когда Василий в составе инспекторов РККА приземлился на «Дугласе», в сопровождении двух истребителей, и был встречен начальником школы. Василий вел себя свободно, независимо, со всеми запанибрата, что нас привело в неопишное изумление. Подошел к инструктору, учившему его летать, и с удивлением спрашивает того:

- Ты все еще старший сержант? - Тот пожал молча плечами. - Срывавай треугольники, вешай кубари. Отныне ты лейтенант.

- Как можно, товарищ Сталин? - недоумеваю, растерянно ответил инструктор.

- Я говорю - вешай. Отныне ты лейтенант. Приказ будет после моего возвращения в Москву.

Тут же обратился к Тимур Фрунзе, своему другу по правительственной группе, выпускнику школы:

- Хочешь поработать в инспекции?

- Нет. Я поеду на фронт, защищать Родину, как воевал в годы Гражданской войны мой отец, - твердо заявил Тимур.

- Мое дело предложить, а там решай сам, тебе виднее.

Тимур Фрунзе был старшиной летной группы, в которой учились сыновья Микояна, сын Ярославского и других членов правительства. Он был ближе всех к нам, курсантам, всегда шел навстречу нашим просьбам. Мы пользовались его доброжелательностью и благосклонностью, тем более я лично был знаком с ним. Дважды обслуживал правительственную группу в тире при стрельбе из самолета по движущимся целям. Макет самолета был установлен на штыре. В мою обязанность входило покачиванием за плоскость имитировать полет самолета, а сидящий в кабине курсант короткими оче-

редями из пулемета «Шкасс» вел огонь на поражение по движущимся мишеням.

Тимур имел свободный выход в город, нам же не давали увольнений. В ту пору на базаре города в изобилии было арбузов и дынь, по копейке килограмм, и на курсантское содержание в семьдесят рублей мы ели их до отвала. Собирали деньги и просили Тимура купить нам арбузов и дынь. Не было ни одного случая, чтоб он нам отказал в просьбе. В городе он пользовался не меньшей популярностью, чем среди курсантов. Его знали и взрослые и дети, которые встречали его с восторгом. Он поручал детям на наши деньги закупать бахчевые культуры и относить к военному городку в условленное место.

Не раз прилетала в школу прославленная летчица Марина Раскова. Я был дежурным по кухне, когда она, как вихрь, ворвалась в помещение в летном комбинезоне, со шлемом в руках и с летной планшеткой, болтавшейся у колен, красивая, улыбающаяся, бросилась в объятия шеф-повара и крепко расцеловала его, тем самым привела всех присутствующих рабочих по кухне в полное смятение.

- Дед Исай! Дед Исай! Родненький мой, дед Исай, - тиская его в объятиях, повторяла она. Растроганный дед Исай радостно улыбался, вытирая концом белого фартука, выступавшие слезы.

- Как здоровье? Как ты поживаешь? - сыпались вопросы.

Мы, свидетели трогательной встречи, поспешили покинуть кухню, чтоб не мешать их разговору.

После отъезда Марины Расковой дед Исай, еще в юности служивший поваром на мятежном броненосце «Потемкин», польщенный таким вниманием, собрал рабочих по кухне и поделился радостью встречи. От него тогда я узнал, что до поступления в летную школу Марина Раскова вместе с ним где-то работала в столовой, а сейчас ее полк ночных истребителей защищает небо Саратова. Так что их знакомство давнее, да вот встречи редки.

Дальнейшее пребывание в школе было сплошной мукой. Реальное положение оказалось более суровым и трудным, чем мы ожидали. Оно требовало от нас не героических усилий на поприще овладения знаниями, а неукоснительного исполнения иных требований командиров с применением элементарных физических усилий. Я чувствовал себя, как и мои друзья, разочарованным и обманутым в надеждах.

Все чаще и чаще нас стали отрывать от занятий на несение разных нарядов, обслуживание летающих курсантов, на хозяйственные работы. Нередко, помогая мотористам обслуживать после полетов самолеты, я подолгу задерживался на стоянке, наслаждаясь полубившимся мне запахом, исходившим от горячего мотора, тешил себя надеждой, что, может быть, когда-нибудь удастся укротить, как горячего коня, этот скоростной строптивый самолет и вновь испытать счастье полета в голубых просторах неба - стать настоящим летчиком-истребителем. Но надежды таяли не по дням, а по часам.

После того, как поволжских немцев выселили из республики, нас тотчас отправили по селам для выполнения сельскохозяйственных работ в колхозах. Вместе с друзьями попал в село Фриденфельд. Большое село, раскинувшееся по берегу речушки. Дома красивые, уютные, постройки добротные, сразу было видно, что колхоз был зажиточным. В селе осталось несколько русских семей, и они, в основном, поддерживали молочно-товарную ферму. Руководил хозяйством мужчина лет сорока без ноги, ходил на скрипучем деревянном протезе. Милейшей души человек и относился к нам, как к сыновьям. В ответ мы платили взаимностью, и все его поручения выполняли самым добросовестным образом.

Жили коммуной, питались из своей кухни. Федя заведовал кухонным хозяйством и вместе с приставленной к нам поварихой обеспечивал добротной пищей. Володя на верблюде подвозил воду, продукты и развозил обед работающим в поле. На мою долю выпала обязанность косить пшеницу лобогрейкой, какой у нас в колхозе не было и в помине. Поле огромное, конца и края не видать. Пшеница рослая, густая, колос к колосу наливной, стоит сплошной стеной, одно загляденье.

Как нарочно, солнце решило испытать нас на выносливость. Стояли жаркие и душ-

ные дни и тишина, от которой звенело в ушах, а тугой, словно спрессованный, горячий воздух обжигал легкие и сизым дымком курился над землей.

Работа на лобогрейке для меня дело новое, непривычное, и надо было осваивать, принаравливаясь к ней, и я старался всю показать себя. На деле же оказалось все намного сложнее и труднее, чем предполагал, переоценил свои возможности и физические силы, и попал впросак.

Взгрозившись на жесткое и шаткое сидение, покачиваясь на неровностях поля, под мерный стрекот шестеренок и механизмов привода лобогрейки, надо было раз за разом аккуратно вилами смахивать с полотна подборщика скошенное жнивье и ровным рядком сбрасывать на стерню. Пот, градом катившийся по лицу, разъедал глаза, пеленой закрывал видимость. От усталости тошнило, все внутренности выворачивало наизнанку, во рту сухо, язык деревянный, голова нагревалась до кипения, руки обжигало, не дотронешься. Сил хватало еле-еле на один круг.

Доехав до сменщика, не вскакивал с сидения по-молодецки, а от усталости и жары еле сползал и в раскорячку ковылял укрыться в тени суслона, навалиться на холодную бочку с водой, чтоб прийти в себя и набраться сил на очередной круг. Так круг за кругом, день за днем, мы изнуряли себя, пока не свалили в валки необозримое поле пшеницы.

Зато потом солнце сменило гнев на милость, и, задабриваясь, стало ласкать землю нежными лучами, и серебристая паутина плавно поплыла по воздуху. Курлыча в голубизне неба, потянулись на юг первые журавли. Мы вздохнули с облегчением. Нашей команде поручили заниматься заготовкой кормов на зиму, учеба отодвигалась на второй план. Надо было осваивать новый вид транспорта, управление быками, что всем было в диковину.

- Вы хоть в жизни общались с быками? - нас спрашивал завхоз.

- А как же, у нас во дворе жил колхозный бык, и я даже на нем верхом катался, - хвастливо заявил ему я.

- Это детская забава, а на волах ездить приходилось? - продолжал он нас расспрашивать. Все признались, что упряжки с волами видели издали. - Не отчаивайтесь, наука не мудреная, не самолетом управлять. Я покажу, как запрягать и как ими управлять. Вон за рекой пасется стадо. Идите, выбирайте пары и ведите сюда. Они как парами ходят в упряжке, так парами и пасутся, не ошибетесь. Только молодых быков не берите.

Следуя на луг, все же поддался смутному страху, какой нередко поджидает каждого в ожидании неизвестного, справлюсь ли. В памяти всплыл эпизод из детства, когда я имел дело с быками.

У нас в колхозе было два племенных быка, один красной масти, другой черной. Красавцы, погодки. Широкогрудые, с могучими шеями. Рога короткие, крутые, как кинжалы, острые. Между собой непримиримые враги, так и искали момент помериться силами, заявить о своем превосходстве, поэтому их держали порознь. Красный жил с коровами в нашем дворе, а черный на другом конце деревни. Даже такое расстояние не служило преградой поединку.

Однажды тихим вечером я гнал стадо домой, на дойку. Всегда послушный красный бык вдруг заартачился. Встал, как вкопанный, задрал голову и давай трубно и тревожно мычать, копытами скрести землю, далеко откидывая назад ошметки. Я так и сяд прутиком хлестал его, он ни с места, не идет за стадом. Тут в вечерней тишине до меня донеслось глухое призывное мычание с другого конца деревни. Вот в чем причина неповиновения быка. Устроили переключку и призывают друг друга померяться силами. Дело дрянь. Во что бы то ни стало надо воспрепятствовать их встрече. Я уже видел, как они полосуют друг друга, еще старые раны не зарубцевались, - и опять сражаться. Пускаю в ход прутик. Стегаю им по голове, по морде, чтоб повернуть его в стадо. Бык лишь моргал налитыми кровью глазами, напирал на меня. Я пятился задом, ударами прутика пытался сдержать его напор, а он упрямо продолжал движение на голос соперника. С губ его тонкой паутиной сочилась слюна и серебристой нитью тянулась по траве, недружелюбно сверкали глаза.

Так, пятясь задом перед быком, махая прутиком, я дошел до встречи с черным быком, поджидавшим на огороде. Не обращая на меня, как на назойливую муху, никакого внимания, они с ходу столкнулись широкими лбами, и заскрежетали их крутые рога. Дышали глубоко, с храпом, испуская клубы белой пены. Кружились на одном месте, увязая ногами по колено в рыхлой земле. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Ни один не уступал другому, ни один не имел преимущества, и все же каждому удавалось как-то изловчиться и полоснуть противника острым рогом то по шее, то по плечу. Острая боль, запах крови, сочившейся из ран, только распяляли их, глаза горели лютой ненавистью.

Видя кровоточащие раны, я плакал, сердце обливалось жалостью, в то же время кипела злость на непослушных быков, на свою беспомощность.

Все же я вытянул из изгороди увесистый дрын, с плачем и криком о помощи стал охаживать им по кострецам, по спинам, по головам быков в надежде причиненной болью разнять их. Старания мои были напрасными, а удары не больше укуса комара, но крики и призыв о помощи были услышаны. Из деревни прибежали мужики и остановили побоище. Нашлось дело и ветеринару.

Вспоминая этот эпизод из детства, с робостью подходил к стаду, опасаясь нарваться на крутой норов быков. Но каково было мое удивление, когда увидел совсем смиренных животных, даже не обращающих внимания на шумную толпу людей, вторгшихся в стадо. Они мирно паслись, помахивая хвостами, с хрустом щипали траву, смачно жевали, даже не поднимали голов при приближении к ним человека. Каждый выбрал по паре понравившихся волов, и мы погнали их на колхозный двор.

Завхоз на моей паре показал всем, как надо надевать на них ярмо, и говорит мне:

- Вот и все, а теперь садись в арбу.

Я исполнил его приказ.

- Где же вожжи? Чем же я буду управлять ими? - спрашиваю завхоза. Он смеется. Смеялись и курсанты.

- Это же не кони. Вожжи не нужны. Вот смотри. Эй, цоб, цобе, вперед, поехали, - спокойным голосом подал команду, и волы тронулись с места. - Тпру-у! - Волы остановились. - Понятно?

- Куда проще, - согласился я. - Но какую подать команду, чтоб повернуть в сторону?

- Цоб, цоб командуешь, и они повернут налево. Цобе, цобе - направо. Если не послушаются, заартачатся, придется сойти с арбы и браться за налыгач или за рога и направлять в нужную сторону. Они очень смышленные и послушные, - пояснял он.

- Ну, хоть кнут-то необходим, чтоб подгонять? - настаивал я.

- Он тебе не понадобится. Их, как лошадей, на рысь не переведешь. Подгоняй, не подгоняй, занятие напрасное. Скорость не изменят. У них неоспоримое преимущество, можно сказать, достоинство в том, что они запоминают дорогу. Без вашего понукания знают, куда им идти, где загружают арбу люцерной и куда привезти, при этом никогда с дороги в сторону не свернут, ни за что не уступят колею, кто бы ни повстречался в пути. Так что всем желаю счастливого пути.

Из-за отдаленности полей от фермы и при черепашьей скорости, с какой они переставляли ноги, на волах вполне можно было перевозить любые емкости, наполненные до краев, и ни одна бы капля жидкости не выплеснулась из них. Мы за светлое время суток больше двух ходок не делали.

Томительно и нудно коротали время в пути, изнывали от скуки, не знали куда себя деть. Вначале я как-то старался обратить внимание к редким предметам на однообразной поверхности бескрайних полей, но мое созерцание безмолвия, царившего вокруг, не поднимало настроение, и с каждым днем укреплялось сожаление о пустом времяпрепровождении.

Наезжал замполит, держал нас в курсе событий в стране и на фронте, призывал, стойко переносить трудности и невзгоды, мириться с необходимостью и упорно трудиться в интересах страны и фронта, пробуждал надежду скорого возвращения в учебные классы. Мы покорно и безропотно старались следовать призыву замполита.

Чтобы хоть как-то подавить душевные муки, скрасить существование, я взялся читать Пушкина. Наизусть учил отдельные главы «Евгения Онегина», благо для этого времени в дороге было в избытке, а потом длинными и темными вечерами, под треск головешек в камине, ублажал слух друзей. Но и это занятие не принесло мне душевного удовлетворения. Тогда стал искать, беспрестанно думать, что бы предпринять всем на удивление такое, чтоб вызвало у всех зависть. И придумал: «Заменяю-ка старых быков молодыми. Они же резвее, и можно будет ездить на них в два раза быстрее, чем на старых клячах».

Радуюсь открытию, тайком, без совета с друзьями, без спроса завхоза, осуществляю задумку. Привел молодых быков, запряг в арбу, чтоб знали твердый характер и тяжелую руку хозяина, выполняли бы беспрекословно мою волю, для остротки по лоснящимся спинам прошелся арапником, да так, что быки мотнули головами, переглянулись, словно сговариваясь, как им поступить с настырным возницей. Они не стали упрямиться и с места пустились вскачь, да так, что меня оторопь взяла. Только не по дороге в поле, как намеревался, а свернули во фруктовый сад. При виде густых ветвей, свисавших низко над землей, стремительно приближавшихся навстречу, у меня похолодело в груди.

- Тпру, тпру! Цобе, цобе! - что есть мочи во всю глотку кричал им, чтоб свернули в сторону от сада, а они, словно обезумев, только ускоряли бег. Чем и как их остановить? Вожжей же нет...

В бессильной ярости я метался в арбе, не находя выхода. Через высокое ограждение арбы не выскочишь, а быки мчатся по междурядью, все дальше в глубину сада.

Арба прыгает на кочках, трещит, вот-вот от толчков развалится, ветки, цепляясь об ограждение, ломались и с треском сыпались на меня. Я упал на днище арбы, закрыл глаза, вжал голову в плечи и положился на судьбу: будь что будет, лишь бы только быки благополучно проскочили сад, а в поле все равно остановятся, и тогда я жестоко накажу их за строптивость.

Не успел до конца домыслить благое желание, как сильный удар и треск, будто гром среди ясного неба, потряс меня. Обо что-то арба ударилась и опрокинулась на бок, я же, пересчитывая собственные ребра, выкатился на землю.

Какое-то мгновение лежал и от испуга приходил в себя. Чувствую, что жив, но будто побитый, все тело ныло, плечи, руки не поднимешь. Отдышался. Очистил рот от набившейся при падении пыли, поднялся на ноги. Ощупал себя, отряхнулся и огляделся. Стояла звенящая тишина, или от звона в голове мне так казалось. С минуту стоял не шевелясь, глядя перед собой невидящими глазами на разбитую арбу, передком зацепившуюся за пень, охваченный отчаянием от случившегося. От удара о пень левое колесо было сорвано с оси и валялось далеко в стороне. Быков же, с вырванным дышлом, и след простыл, нигде не видеть.

Курсанты, наблюдавшие за моим приключением, вслед за мной прибежали в сад и, глядя на раскореженную арбу, на меня с кислой рожей и в пыли, дивились тому, что я остался жив и отделался только ушибами, сочувствовали неудачнику. Зато мой конфуз впоследствии не раз был предметом шуток и подначиваний.

Так закончилась моя бесславная страница жизни в Фриденфельде. С наступлением осенних заморозков в село приехали эвакуированные из Ленинграда, и нас возвратили на зимние квартиры.

Мы все еще обольщались мечтой стать летчиками, и нам казалось, что чаша весов все же склоняется в нашу сторону. С приездом на зимние квартиры нас переодели в новое шерстяное обмундирование: цвета хаки гимнастерки, синие шаровары с голубым кантом, хромовые сапоги, шинели, подогнанные по росту, шапки-ушанки с «крабами». Мы, одухотворенные преображением и озаренные теплившейся надеждой осуществить свою мечту, стали всматриваться в радужное будущее. Нам казалось, жизнь пошла своим чередом; приступили к учебе, по графику несли наряды, обслуживали полеты, как курсанты других эскадрилий.

Едва ли виной тому была погода, или это было простое совпадение, - откуда было знать, как думают использовать нас старшие начальники, но так сложились обстоя-

тельства, что мы вновь оставили учебные аудитории.

В приволжских степях погода непредсказуема. Вначале зарядили дожди, потянули с юга непросветные туманы. Сверху - дождь, снизу - топь, из раскисшей грязи не вытянешь ноги. Замерла жизнь на аэродроме. На смену оттепели наступили холода.

Свинцовым панцирем сковало землю. Буйно загудел холодный ветер, усиливаясь, засвистел, заревел, как раненый зверь, и за собой приволок вьюжную, многоснежную зиму.

На степных просторах резвился ветер вволю, гнал снег, куда ему надо, сравнивая на своем пути все неровности и преграды, засыпая овраги, выемки на железной дороге, постройки и самолеты на стоянках. На борьбу со снежной стихией был брошен весь личный состав школы. Наша резервная эскадрилья выезжала на расчистку железнодорожных путей от заносов, но главные усилия были направлены на расчистку аэродрома, чтоб дать возможность курсантам, особенно выпускникам, совершать полеты.

Ночами при свете прожекторов и фар машин и тракторов, развернувшись в шеренгу на ширину взлетной полосы, мы дружно вели сражение со снежными заносами. Тут нам сам ветер помогал, сгребл лопатой снег, приподнимил, и он сам слизывал его, как корова языком. Только досадно было от того, что лопатишь, лопатишь снег, оглянешься назад, а там за тобой тянется новая зияга, наращиваясь в сумет. Зла не хватало. Тут и так еле терпишь в хромовых сапогах, не знаешь, как дожидаться утра, от холода ноги судорогой сводит. Погреться некогда, торопят командиры, скоро рассвет, начало полетов. Мы уже выбились из сил, а надо начинать все сначала, с исходного положения, чтоб избавиться от новых суметов.

Непредвиденные события лишили нас малейшего проблеска надежды на возвращение в учебные аудитории. Мы не знали, что нас ожидает впереди, но из того, что непрестанно выполняли хозяйственные работы, несли наряды, занимались борьбой со снежными заносами, понимали, что добрых следствий ждать от командования школы не следует, и покорились судьбе. Казалось, как тут проявлять высокий дух, но мы не унывали и держались с честью. Мне особенно нельзя было поддаваться унынию, я же исполнял обязанности замполитрука эскадрильи, старался словом и делом увлекать своих товарищей и во всем показывать личный пример.

В то же время в сердце тайно закралось мучительное сомнения: «Впереди не видно просвета. Жизнь перестала мне улыбаться, обманула надежды, - я стал впадать во власть тяжелых раздумий, — Может, напрасно переживаю, может, все еще образуется к лучшему». Иногда старался отгонять от себя прочь эти мрачные мысли, но они то и дело возвращались и приставали ко мне со докучливой настойчивостью. Когда же в школу приехали командиры от лейтенанта до майора из разных родов войск, я понял: наша участь решена не в нашу пользу.

Вскоре командир эскадрильи капитан Ершов объявил перед строем приказ командующего ПриВО об отчислении курсантов резервной эскадрильи из школы и отправке в город Пугачев в 27-й запасной артиллерийский полк 9-й запасной артиллерийской бригады.

— Вот и хорошо, что отчислили, — радовался Володя, - скорее на фронт попадем.

Его поддержал Федя:

— От одной расчистки снега сбежишь хоть к черту на кулички. Все, что ни делается, все к лучшему.

Меня же известие ошеломило, с места не двинусь, так близко к сердцу принял сообщение, окончательно рухнула мечта стать летчиком. С глубокой грустью и сожалением, в полном отчаянии покидал Красный Кут.

Город Пугачев встретил нас хмурой ненастной погодой. Стоял пасмурный день, вполне соответствовавший нашему настроению. Изморозь заткала воздух, и сквозь ее пелену еле просматривались постройки, трудно было определить: раннее утро или наступили сумерки.

След в след, растянувшись гуськом, мы шли друг за другом. Под ногами громко хрустел оледеневший снег. Замыкал шествие крепыш Федя, волоком тянувший по шуршащему снегу железный сундучок с нашими нехитрыми пожитками. Всегда раз-

говорчивый весельчак и шутник Володя с поднятым воротником шинели и опущенной головой шел впереди меня, подавленный своими мыслями. Неожиданно сквозь пелену тумана показались очертания высокого элеватора, и мы обрадовались, что не сбились с дороги, как нам сказали на вокзале. Это был главный наш ориентир. От него до военного городка рукой подать, совсем рядом, и мы вскоре очутились на КПП.

Пока старший команды ходил в штаб полка, туман рассеялся, стало светлее, и мы с нескрываемым любопытством стали осматривать расположение городка, в котором нам предстояло проходить новую службу. По середине двора своей белизной выделялось длинное здание, простенки между окон которого были увешаны красными щитами, с лозунгами и призывами, а над входом крупными буквами выведено «Добро пожаловать», без сомнения, это был клуб. Правее его тянулись коновязи, напротив которых ряд конюшен с настежь распахнутыми воротами. За клубом виднелись задранные стволы стоящих ровными рядами разнокалиберных пушек, гаубиц и минометов - это был артиллерийский парк.

Труба возвестила окончание занятий, и двор наполнился красноармейцами. Мимо нас с песнями проходил строй за строем в разношерстном обмундировании. В каждом строю безусые юнцы, как мы, и совсем пожилые лица, одетые кто во что. Одни в новом обмундировании, стройные, подтянутые, другие - в поношенном, уже бывшем в употреблении, трети - в ватных телогрейках и стеганых шароварах, а отдельные совсем в гражданском. «Что это за Христово войско? Куда мы попали, на пересыльный пункт?» - интересовались мы.

Дежурный по полку, высокий подтянутый капитан, весь в ремнях, с противогазом через плечо и планшеткой на длинном ремешке по колено, придерживающий левой рукой клинок, - сразу было видно, что кадровый командир, - пояснил нам, что это на первый взгляд пересыльный пункт, а на самом деле запасной полк, в котором проходят подготовку военнослужащие, призванные из запаса, выписанные из госпиталей. После обучения из них формируются маршевые батареи, дивизионы и отправляются на фронт.

- Вы тоже долго не задержитесь, - заключил он.

В сопровождении пожилого старшины пришел старший команды, и нас повели размещаться в казарму. Стоило открыть входную дверь, как в нос ударил теплый спертый воздух. Мы невольно остановились на пороге, не решаясь войти в сумрачное помещение, сплошь заставленное двухъярусными кроватями. Почти боком протискивались по проходу до своих кроватей.

- Не удивляйтесь. Пополнение поступает, а размещать негде, вот и приходится использовать до предела жилую площадь. Через три недели здесь все будет пусто, - объяснил старшина, - так что потерпите.

Полумрак и скученность помещения, где нам предстояло коротать до отправки на фронт три недели, не добавили нам настроения, а когда привели на обед в столовую, тут мы впали чуть ли не в отчаяние. Питание в полку разнилось от курсантского в авиашколе, как небо от земли.

- Кончилась лафа, переходим на длительный пост, - сетовали друзья. Нам ничего не оставалось, как примириться с этим.

В тот же день нас распределили по учебным взводам, не спрашивая личного желания. Мы попали в радиовзвод. Тут же представили командира взвода. Это был пожилой круглолицый лейтенант с двумя зелеными кубиками в петлице, лет сорока, может быть, и старше. По его не по росту широкой, с залежалыми складками шинели, сбившейся на животе под брезентовым ремнем, и по кирзовым сапогам с широкими раструбами голенищ, подпиравших под его узкие колена, мы сразу определили, что он сугубо гражданский человек, только что призван из запаса. Через правое плечо у него висела коричневая кирзовая сумка, на голове ушанка, бывшая в употреблении, из-под нее выбивались седые волосы. Глаза светлые, добродушные и приветливые. Команды подавал тихим голосом, неуверенно и робко, словно стеснялся повысить голос, дабы случайным окриком кого-либо не обидеть. Отвел нас в сторону и обратился по-отечески:

- Сынки, - тихо произнес он, заглядывая в наши глаза. От непривычного и задушевного обращения мы вытянули лица и раскрыли рты. На душе как-то посветлело, и стали слушать с полным вниманием. - Я буду учить вас радиоделу. Научу работать на радиостанциях БПК, РБМ, А-2. Выучите азбуку Морзе и приобретете навыки приема и передач на ключе. Время ограничено. Очень прошу не терять время даром, отнеситесь к овладению специальности радиста со всей серьезностью. На фронте не будет времени на учебу.

В процессе обучения мы все больше убеждались в его искреннем благородстве, желании и стремлении научить нас. Он был открыт всей душой. Ему хотелось угодить и помочь каждому. Он объяснял непонятные вопросы до полного уяснения, не считаясь со временем, иногда уходил от нас после отбоя. Это был великий труженик, любивший свое дело. Мы отвечали взаимностью, относились с искренним уважением, дорожили его авторитетом и никогда не позволяли на занятиях шалостей и вольностей в поведении.

Способность человека приспосабливаться к любым условиям жизни, мириться с неудобствами и нуждой удивительно быстро смирила и уравнивала мою мятущуюся натуру. Вначале я отнесся к изучению новой специальности со снисхождением и даже безразличием. Никак не мог забыть авиацию, которой грезил и к которой прикипел душой. Но, как натура увлекающаяся и благодаря влиянию командира взвода, быстро увлекся радиоделом и даже не заметил, как его полюбил.

Я не был избалованным в детстве, привык к нуждам и лишениям. Мои друзья, Федя и Володя, выросшие в семьях с относительным достатком, с трудом переносили трудности, и все время у них только и было разговоров, как скорее вырваться отсюда и попасть на фронт, хотя о положении на фронте не имели ясного представления.

Прибывшие из госпиталей солдаты рассказывали о жизни и быте на фронте, но эти рассказы были противоречивее один другого. Одни ранения получили в оборонительном бою, другие - при отступлении, а третьи и до передовой не доехали, были ранены при бомбежке эшелона. Солдаты рассказывали страшные истории, а сами рвались на фронт. Царил удивительно высокий дух патриотизма, каждый считал, что его место только на фронте.

Дисциплина в полку была строже некуда, железная, поддержанием внутреннего порядка занимались старшины и сержанты. Все было отдано им на откуп. Командира батареи и начальника полковой школы мы видели редко. Старшины и сержанты ревностно, придирчиво пользовались своей властью, с провинившимися подчиненными не церемонились, применяя наказания и не предусмотренные дисциплинарным уставом. Даже фронтовики, побывавшие в деле, которым море было по колено, вели себя смиренно. Нам-то, желторотикам, и сам Бог велел вести себя пристойно: кому хотелось мыть полы в казарме, туалет или чистить картошку после отбоя, а с подъема, не спавши, присутствовать на занятиях, или в выходной день выполнять разные хозяйственные работы. Действия старшин и сержантов всемерно поощряли и поддерживали старшие начальники и закрывали глаза на превышение степени наказания.

Появление командира полка было событием особой важности, перед ним трепетал весь полк. Он был не в меру строг. Мне посчастливилось только один раз видеть его перед собой. Я был дневальным по КПП и часов в одиннадцать поступило сообщение о его приезде. Дежурный по полку начал суетиться, нервничать, сам себя постоянно осматривал, оглядывал свое снаряжение, проверял наш внешний вид, заправку, беспокоил по телефону дежурных по подразделениям, нас гонял вокруг, нег ли где окурка. Естественно, его переживания передались нам.

Я наблюдал за дорогой из города и как только вдали показался фаэтон, открыл ворота и замер в положении смиренно. Пара серых рысаков крупной рысью, согнув в дугу лебединые шеи, откинув в стороны красивые головы с горящими глазами лихо внесли фаэтон в ворота. Ездовой слегка натянул вожжи, и рысаки, как вкопанные, послушно остановились.

- Полк, смир-но-о! - понеслась по городку громкая команда дежурного, эхом многократно повторяемая в подразделениях и на занятиях. Полк замер.

Из черного легкого фэтона с напускной строгостью и важностью, медленно и степенно сошел высокий стройный полковник в черных перчатках, держа в левой руке стек. Чекая шаг, звеня шпорами, придерживая левой рукой клинок, бойко по-дошел дежурный и громко доложил:

- Товарищ полковник! Личный состав вверенного вам полка занимается по расписанию боевой подготовкой. За время вашего отсутствия в полку происшествий не случилось.

Полковник, небрежно вскинув руку к папахе, выслушал доклад. Придирчиво, с ног до головы, осмотрел дежурного, искоса взглянул в мою сторону, отчего у меня по коже пробежали мурашки: а вдруг я стою не так и не на том месте. От края до края полковник оглядел всю территорию городка, убеждаясь, что всеми команда принята и выполнена, а его присутствие в полку засвидетельствовано и только тогда сказал: «Вольно!». И так же не спеша, важно последовал в свой кабинет. Вид полковника, его поведение не вызвали у меня чувства уважения и поклонения, какие я испытывал к начальнику авиашколы генералу Денисову, и решил от таких командиров держаться подальше.

Как-то неожиданно и буйно вступила в свои права весна, будто на трепетных крыльях ее принесли жаворонки и переливчатыми руладами из голубого неба возвещали ее приход, радовались солнцу. Неугомонно щебетали воробьи, на карнизах казарм ворковали голуби, ухаживая за голубками, над куполом церкви, стоявшей рядом с городком, не умолкал грачиный крик. Мы повылезали из душных казарм и не меньше пернатых радовались теплу, открывшимся даям, полной грудью вдыхая запах пробуждавшейся зелени.

Солдат везде и во всем ищет для себя выгоду. Радиовзвод был в привилегированном положении, и нам разрешалось проводить занятия за пределами городка. Разбившись на группы, мы удалялись друг от друга на значительные расстояния и поддерживали между собой радиосвязь. Тем самым не мозолили глаза старшине, не были объектом его придирчивого внимания и кроме этого преследовали корыстную цель. Ведь молодость, тем более по весне, брала свое. Хотелось встретить девчонок, пофлиртовать с ними и скрасить нелегкую солдатскую службу, угомонить тоску по дому.

Командир взвода, зная о нашей дружбе, потакал нам. Давая задание для практической работы на радиостанции, шуточно обращался:

- Святая троица, вот позывные, переговорная таблица, берите радиостанцию и марш. Он указывал место то на городском кладбище, то у вокзала, то за аэродромом. Нам того и надо было. Поправив скатки и противогазные сумки, взвалив на плечо радиостанцию, мы спешили скорее покинуть городок и получить полную свободу.

Приоритет знакомства с девчонками принадлежал Володе. Самую занудную недоτροгу он мог разговорить и обратить ее внимание на себя. У него все получалось просто и естественно. Он находил нужные слова для завязки разговора, а я от стеснения краснел, язык во рту деревенел, и слова не выдавлю. Таким же был Федя, и втайне мы завидовали Володе.

Заметив издали приближавшуюся девушку, Володя преобразался. Выпячивал широкую грудь, заложив большие пальцы за ремень, расправлял суконную гимнастерку, сгоня складки назад; косым взглядом осматривал синие диагональные галифе и хромовые сапоги. Если они были запылены, он ловко и быстро смахивал пыль бархоткой, которую хранил в противогазной сумке. Убедившись, что все на нем сидит ладно, предвкушая успех затейного, потирал руки, расплываясь в милой улыбке.

Володя от природы был награжден даром артиста, с раннего детства приобщился к самостоятельности и выступал на сцене. Он и здесь в часы досуга веселил курсантов, лихо отплясывал чечетку, выдавал виртуозные коленца и приводил в восхищение присутствующих.

Так мы находили час потехе, а остальное время настойчиво учились военному делу. Не заметили, как пролетели три недели. Володю с Федей направили с маршевой батареей на фронт, а меня перевели в кандидатскую батарею.

- Ура, ура! - прыгая, кричали Володя и Федя, - на фронт, понимаешь, Ваню, мы едем на фронт. Дождались все же. Очень жаль, что ты не с нами. А что за кандидатская ба-

таря, в которой тебя оставляют?

- Не знаю, ребята, - отвечал им, - слышал разговор между курсантами, что в ней будут готовить кандидатов для поступления в артиллерийское училище.

- Ты сам напросился? — допытывались друзья.

- Нет. Если бы сам, то прежде посоветовался бы с вами. Об этом узнал сегодня из приказа. Никто у меня согласия не спрашивал и никто со мной не беседовал, - отвечал им.

- Ладно, не печалься, - успокаивал Володя, - не сержантом, так лейтенантом все равно на фронт попадешь. На всех с лихвой войны хватит. Вон как немец напирает, еле сдерживают его.

- Мы тебе напишем, как только на фронте определимся, - сказал Федя, - видимо, ты здесь еще будешь околачиваться.

Прощание было тяжелым. Подружились, сблизились, стали как родные братья. Трудно все это осознать. На душе тоскливо, давит сердце до боли в груди и слезу выдавливает из глаз, в горле ком застрял. Мы стояли молча, прижавшись лбами друг к другу, крепко обнявшись руками за плечи.

- По вагонам! - катилась по перрону команда. Мы еще раз обнялись и расстались навсегда.

Я получил от них письмо с дороги, но они еще не знали своей полевой почты и просили ждать вестей. К сожалению, пока учился в кандидатской батарее, писем от них больше не получил. И до сих пор не знаю дальнейшей судьбы моих первых друзей по армии. Для меня же начиналась опять новая жизнь.

Завязав дружбу с Виктором, старался ни на шаг не отлучаться от него. С любимой песней «Пропеллер, громче песню пой», чеканя звонкий шаг, выбивая подковками сапог искры из булыжной мостовой, привлекая к себе внимание жителей города, наша кандидатская батарея браво шагала в городскую баню. Старшина Моргун шел рядом со строем, а там, где было многолюдное место, опережая строй, становился в голову колонны.

Заметно было, что в городе старшина известный человек и пытался жителям пустить пыль в глаза: пусть видят знакомые, какими бравыми молодцами он командует, как они красиво идут и слаженно поют. Это доставляло ему огромное удовольствие, и он, в упоении, с гордостью, сияя улыбкой, подбадривал нас:

- Молодцы! Тверже шаг. Выше голову. Запевай.

- Виктор, ты посмотри на старшину, - шептал я.

- Вижу, пыжится, как индюк, — отвечал он.

Мы дружно и слаженно во все глотки горланили песни, будоражили городскую тишину.

Воскресный майский день был ясный, и солнце катилось к закату. Цветущие деревья купались в солнечных лучах. На улицах города было заметно движение людей. Одни устало, с граблями и лопатами на плечах, возвращались с пригородных огородов, другие во дворах занимались домашними работами. Кое-где на завалинках судачили старики и, прикрывая ладонями глаза от ярких лучей солнца, шурясь, с завистью провожали наш строй, вспоминая былую юность. Девчонки, завидя строй, глазами искоса стреляли в нашу сторону, отвернувшись, о чем-то хихикали между собой.

Я любил походы в город, когда все как один человек хотят показать себя с лучшей стороны; свою строевую выправку, опрятность, красиво с песней пройти по улице, обратить на себя внимание жителей и вызвать у них гордость за свою армию. Тогда всеобщий энтузиазм рождался где-то внутри. И это было естественное желание, чувство коллективного патриотизма.

Веселые и возбужденные прогулкой по городу, мы шумно, с криками раздевались в бане и, гремя тазиками, устремлялись в парную.

- Какая же это парная, тут едва согреешься, - возмущался Виктор, ощупывая камин. - Эх, поддать бы жару, да еще кваску бы на камни плеснуть! - как бывалый за-всегдай парной, мечтательно говорил он, хлопая себя ладонями по животу и бедрам.

- Ничего, я тебе мочалкой так натру спину, будто веником отхлещу, - утешал я

его.

- Тогда трудись, да силы не жалея, у меня кожа дубленая, - соглашался он. И мы, обливаясь потом, терли друг другу спины до красноты и мылись с удовольствием.

Вдруг веселые крики смолкли и между курсантами поползли тревожные слухи:

- Старшина производит замену обмундирования.

- Ну и что, не в шерстяном же летом ходить, — отвечал трезвый голос.

- Хромовые сапоги у нас отнимает, а выдает ботинки с обмотками, - слышалось пояснение.

- Кому-то понадобились хромовые сапоги. Это козни старшины, хочет угодить начальству, - пояснял сведущий во всем курсант.

Курсанты подняли шум, застучали тапками.

- Не позволим. Мы же не пехота — в обмотках ходить.

- Незаконно! Несправедливо! - слышались голоса.

- Сапоги не отдам, — твердо заявил я Виктору.

- Не кипятись, Ваню. Не надо возмущаться, - спокойно урезонивал меня Виктор, - понимаешь, по-нашему все равно не будет. Не порти нервы. Остынь! - и он окатил меня из тапика холодной водой. У меня аж дух захватило. Я ойкнул и съежился.

Крики и шум нарастали, возмущение росло, усиливается барабанным стуком по тапикам, и тут же выплеснулось в раздевалку. Мы окружили старшину.

- Кончай бузу! - силился старшина громовым басом перекрыть гвалт, но его голос потонул в общем гуле. Наливаясь в лице кровью, он во все луженое горло гаркнул: - Смирно!

Все окаменело застыли навтыжку, устремив разгневанные глаза на старшину. Наступила мертвая тишина, только слышно было, как в моечном отделении из незакрытого крана с шипением плескалась вода.

Вдруг повеяло ледяным холодом. Облик старшины был суров. Круглое лицо от негодования покрылось пятнами, на скулах заходили желваки, суженные глаза, сверлили нас, словно выискивали жертву, - на ком бы выместить гнев. До белизны сжатые кулаки он крепко прижимал к бедрам. Широкая грудь, подобно кузнечным мехам, с шипением раздувалась. Мы чувствовали его безмерный гнев и заметили, какого труда стоила ему сдержанность.

- Вы забыли, где находитесь? Я не потерплю неповиновения и употреблю всю силу власти, данную мне уставом. Я выполняю приказ командира полка, а вы же знаете: приказ командира - закон для подчиненного, и он должен быть выполнен в срок и беспрекословно! - Волнение мешало ему взять себя в руки, и он, в отчаянии, перешел к угрозам: - Я из вас вышибу авиационную демократию, будете как шелковые, научу ходить по струнке. Запомните! - и тут он оторвал руку от бедра и, грозя пальцем, перешел на шипящий шепот: - Старшина Моргун не бросает слов на ветер. А сейчас поочередно, спокойно и не толкаясь, у каптенармуса получить по своему росту обмундирование и по размеру ботинки с обмотками. Вольно! Ра-зой-дись!

Словно в воду опущенные, нехотя шли мы одеваться в новое хлопчатобумажное обмундирование, примеряли ботинки и впервые учились мотать на ноги обмотки. Окончательно распрощались с тем, что с гордостью носили, в чем шиковали перед другими родами войск и перед девчонками, что еще напоминало нам о самых светлых днях юношеской мечты.

- В какую сторону крутить обмотку? - интересовался Виктор.

- Левую - в левую, правую - в правую сторону, - шутливо отвечал ему я.

Одевшись, осматривали себя в зеркале. На стройных ногах Виктора обмотки еще смотрелись, я же, на кривых кавалерийских, выглядел комично.

- Как можно в таком виде показываться в городе? - недоумевал я. - Ни одна девчонка не подойдет. Засмеют.

- Девчонка не парень, - поучительно отвечал Виктор, - она, брат, смотрит не на ноги и не на то, во что и как ты одет, а на обхождение.

Возвращались из бани, когда потухла вечерняя заря и в домах зажглись огни. Шли, как невольники, молча, шаркая подошвами о булыжную мостовую, не в ногу, часто

сбивались с ритма. Рады были, что старшина остался в городе.

Мы не хотели мириться со случившимся, жалели сапоги, и в этом усматривали только козни старшины.

Молодость на несправедливость реагирует сильнее, чем старость, и помнит ее в душе долго. Пожилой человек, умудренный опытом жизни, к любой конфликтной ситуации относится взвешенно, спокойно и удерживает себя от ответной реакции, а мы, подобно спичке, при первом прикосновении к ней тотчас воспламенились.

Хмельной запах свежеструганных досок в землянке, духмяный запах соломы в подушках нас мигом сморили, и мы крепко заснули. На заре подняли нас протяжные звуки трубы и команда дежурного:

- Подъем!

Я с трудом открыл глаза. В помещении полумрак, тускло горели электрические лампочки, только слышно, как шумят курсанты, выполняя команду «подъем». Я оглянулся. Натянув на голову простыню, Виктор продолжал безмятежно спать. Трясу его:

- Виктор! Вставай. Уже подъем. - Он открыл лицо, взглянул на меня и, повернувшись на бок, снова закутал голову простыней. - Слышишь, подъем же. Все уже поднялись! - кое-как растолкал его.

- Отбой, подъем - надоели! И после бани не дадут как следует поспать, - ворчал он, сползая с нар.

Кому-то сел на голову. Короткая перебранка. Еле разобрались. Наматов портянки, мы с Виктором сунули ноги в ботинки, в руки обмотки, и последними выскочили из землянки. Все уже стояли в строю и, склонившись, наматывали обмотки.

Старшина с часами в руках, наблюдавший за нами, недовольно поморщился от нашей нерасторопности, и зло скомандовал:

- Отбой.

Выражая возмущение, мы про себя бранились и, наперегонки заполняя узкий проход в землянку, рассыпались по своим местам. Вновь аккуратно в ряд расставляли ботинки, обмотав сверху портянками и скатанными обмотками, заваливались на постели.

Старшина, сопровождаемый дежурным, проходил мимо нар, выборочно скидывал с курсантов простыни, смотрел, не лег ли кто в обмундировании. Я лежал, как не живой. Моргун прошел мимо.

- Пронесло... - еле прошептал Виктору, - я же брюки не снял.

- Я тоже, отвечал он, - зато быстрее оденемся. К таким тренировкам нам не привыкать.

Маленькая хитрость с риском быть наказанным нам удалась. Когда вновь прозвучала команда «подъем», мы первыми соскочили с нар и, натянув ботинки, выскочили из землянки. До построения спокойно накрутили обмотки. Старшина дал понять, что он слово держит, и предупредил, что с завтрашнего утра будем совершать трехкилометровые марш-броски и переползание по-пластунски стометровой полосы с полной боевой выкладкой.

В тот же день выдали каждому трехлинейку, противогаз и учебные гранаты.

На следующее утро, с подъема, старшина осматривал нашу экипировку, потом дал команду:

- Батарея! За мной, бегом ма-а-рш! - и налегке побежал впереди нас. Мы за ним, вначале дружно в ногу, держа равнение след в след. Утро выдалось тихое, прохладное, дышать было легко. На нежной зеленой траве серебрилась роса, медленно курился серый туман и на глазах таял в мягких приветливых лучах солнца, выплывавшего из-за горизонта.

Ни я, ни Виктор не были слабыми в физической подготовке, но первый марш-бросок, когда мы еще не втянулись в нагрузку, дался нам нелегко.

Строй батареи быстро распался. Курсанты растянулись. Остановившаяся на обочине дороги, старшина зычным голосом подгонял отстающих:

- Шире шаг! Подтянись! Это вам не в авиации служить.

Десятки ног дробно и не в лад трамбовали мимо аэродрома увлажненную росой пыльную дорогу. Утренняя прохлада уже не освежала, дышали тяжело, словно воздуха

не хватало, как рыбы, раскрыв рты, глотали его. Из-под пилоток катился пот, застилал глаза, гимнастерки потемнели.

С каждым шагом я все сильнее ощущал стесненность снаряжения. Мешала скатка, давила шею, душила. Трехлинейка была по загривку. «Надо бы укоротить ремень, - думал про себя, - но некогда, отстану». Сумка с гранатами, патронташ и противогаз сползают на живот, мешают движению. Перетягиваю назад. Теперь бьют по ягодицам. Чертыхаясь, успокаиваю себя: «Ничего, привыкну». Слышу, бегущие рядом курсанты ворчат:

- Вот бугай, хоть медленнее бежал бы. Не на пожар торопимся.

- Товарищ старшина, - слышу голос Виктора, - пора поворачивать назад. На первый раз довольно этого.

- Отставить разговорчики! Шире шаг! - и старшина, назло нам, нададет ходу.

Вот и Иргиз с плакучими ивами по берегу, тянутся пригородные огороды с аккуратно обработанными грядками. Кое-где копошились на участках люди и, побросав работу, с любопытством смотрели на растянувшуюся кавалькаду бегущих солдат. - Интересно, что они испытывают, глядя на нас? - спрашивал Виктор.

- Наверное, жалеют, — ответил я, а сам подумал: «Смотри-ка, мочи нет бежать, а он еще интересуется чем-то. Ну, Виктор». А упрямый Виктор твердит:

- Пусть старшина нас на испуг не берет. Мы еще покажем, на что способны.

Я высказал сомнение, что дотяну до финиша. Голова гудит, в глазах мутно, грудь огнем горит.

- Борис учил меня: в таком случае надо пересилить себя. Есть порог усталости, перешагнув его, как бы приобретаешь второе дыхание, и появляются новые силы, - почувчал он, - терпи.

И я терпел, еле передвигая ногами, с трудом дотянул до землянки и без памяти свалился с ног.

Постепенно мы втянулись в нагрузку и больше не испытывали такого ощущения усталости, как в первый раз.

Нелегким испытанием для нас было и переползание по-пластунски. Сто метров - не расстояние, но когда на тебе скатка, противогаз, патронташ, сумка с гранатами, фляга с водой и в руке трехлинейка, да старшина с часами в руках следит за правильностью и скоростью передвижения, это дело совсем непростое. На первых порах мне тут тоже пришлось попотеть. Стоило чуть приподнять зад, подтягивая ногу к плечу, как старшина замечал оплошность и следовала команда:

- Отставить! Встать на исходный рубеж, марш!

Надо было повторять переползание сначала. И так бывало по несколько раз в день, пока не преодолеешь стометровку, как требует старшина. Иногда он таким образом наказывал нерадивых или прошттрафившихся в чем-то курсантов.

- Товарищ старшина, мы же не пехота, чтоб на пузе ползать. Артиллеристам это совсем ни к чему, — умоляли старшину проявить сочувствие и сделать снисхождение. Но старшина Моргун был неумолим и непреклонен.

- Тяжело в учении — легко в бою! - козырял он расхожим изречением Суворова и показывал на щит, стоявший у землянки, на котором это изречение кололо нам глаза постоянно, - вы еще на фронте будете вспоминать меня добрым словом.

Я никогда не сетовал и не жаловался на трудности, но Виктор удивлял и поражал мое воображение настойчивостью совершенствовать себя физически, вырабатывать выносливость, развивать силу. Я не терплю ленивых людей и не хотел походить на хлюпика, старался следовать его примеру.

Физические нагрузки изнуляли и выматывали нас основательно. Питание было совсем неважное, мы отощали. От голодухи вот-вот живот прирастет к позвоночнику, а Виктору нипочем, не унывал. Однажды вечером таинственно и загадочно говорит мне:

- Надо проверить одно дело. Пойдем со мной.

- Куда? - спрашиваю. Он молчит. - Затемно проворачивать какое-то дело? Интересно. Говори же, куда идти, не томи, - продолжаю допытываться.

- На конюшню, заговорщически шепчет на ухо.

«Что же он замыслил на конюшне?» - думаю я, а сам молча следую за ним. Куда деваться, друзья же. Да и любопытно.

Тайком перелезли через проволочную изгородь городка и напрямик идем к конюшне. Он разрывает ворох соломы и вытаскивает двухпудовую гирию и кусок рельса килограммов на двадцать. Я оторопел, шел в надежде добыть что-нибудь из съестного, а тут... Меня разобрал смех:

- Зачем это? - недоумевал я.

- Бери кусок рельса и тащи молча. Потом поймешь, - распоряжается он.

Мы приволокли гирию и кусок рельса к землянке и с тех пор перед отбоем упражнялись в подтягивании, накачивая мускулы. Скоро нашему примеру нашлось много последователей и пришлось даже устанавливать очередность для занятия.

Все большим уважением проникался я к Виктору. Импонировали мне его общительность, прямота и решительность в суждениях и поступках. Он умел держать себя на равных со всеми, ни перед кем не робел, не заискивал и даже со старшиной батареей держался запанибрата, тогда как для остальных курсантов старшина был недоступен.

Старшина не терпел противоречий и пресекал их всячески, видя в них посягательство на его авторитет. Виктор же перечил, даже вступал в пререкания, вел дискуссии со старшиной. За такую вольность любого курсанта старшина незамедлительно наказывал, а Виктору сходило с рук.

- Доиграешься, Виктор, схватишь наряд, - предупреждал я его.

- Надо знать границу, через которую нельзя переступать, надо думать, когда остановиться, чтоб не оскорбить, не обидеть, не унижить человека, - нравоучительно наставлял меня Виктор. - Во всем должен быть предел. Тут, брат, соображать надо. Ты заметил, кто чаще всех моет полы, чистит туалет после отбоя? На ком отыгрывается старшина? На тех, кто отлынивает от занятий, вступает в пререкания, ленив, неряшлив, кто любит сачкануть. Ты придерживайся золотой середины, не проявляй инициативы, ибо в армии она наказуема, сам же ее будешь выполнять, но показывай во всем усердие и не плетись в хвосте.

Я боялся и недолюбливал старшину, мне все казалось, что он несправедлив к курсантам, придирается к мелочам, не заслуживающим внимания. Виктор же, наоборот, оправдывал его и говорил, что у старшины надо многому учиться и брать с него пример.

- Старшина - сухарь, нелюдим, - говорил он. - Лишен чувства сострадания. Он службист. Служба для него все, его стихия, его жизнь. Он получает удовлетворение от беспрекословного повиновения людей, и жесток с теми, кто не повинуется ему. Он строго придерживается буквы уставов и не позволяет отступления от них. Его принцип: «Делай, как я», он во всем показывает личный пример и того же требует от нас.

Виктор убедил меня, и я пошел на попятную. Вместо порицания поступков старшины, стремился найти им оправдание и, анализируя их, извлекал для себя пользу, вырабатывал в себе стойкость.

Жестокие удары судьбы обрушились на нас, когда мы приступили к тяжелой изнурительной учебе. В небе ни облачка. Уже с раннего утра солнце палило так, что буквально нечем было дышать, а мы из артиллерийского парка выкатывали на руках в открытое поле дивизионные пушки, иногда старого образца гаубицы на огромных деревянных колесах, обтянутых толстым железным ободом, тогда как на коновязи стояли без дела сытые кони с лоснившейся шерстью. Там, на солнцепеке, у орудий, к которым рукой нельзя было притронуться, не только изучали материальную часть и занимались огневой службой, но и проводили занятия по всем предметам, предусмотренным расписанием.

Обливаясь потом, с большим трудом переносили духоту, до тошноты, губы чернели от жажды. Командиры, приходившие проводить занятия по своим предметам, не входили в наше положение, не шли нам навстречу, наоборот, властно и настойчиво принуждали преодолевать трудности, приближали учебу к фронтовой обстановке.

Сущим наказанием было пребывание в противогазах. Резиновая маска нагревалась

так, что лицо пылало, как уголь в камине. Впечатление, словно голова всунута в горящую печь. Горячий воздух обжигал легкие, дышать нечем, липкая испарина застилала лицо, голова чугунная, ничего не воспринимала. Стоило кому-либо из нас проявить невнимание, как следовала команда:

— Встать!

Чтобы сбить дрему, устраивали нам пробежку вокруг позиции.

Нас поражало равнодушие преподавателей, мы негодовали против такого порядка, но в их черствых сердцах не находили отклика своим просьбам. Лишь один лейтенант Чернецкий шел навстречу и делал небольшие поблажки. Выше среднего роста, немного сутулый, он прихрамывал, ходил с тростью. Лицо бледное, спокойное, с впалыми щеками, почти бесстрастное, глаза печальные, с усталым прищуром. После тяжелого ранения был выписан из госпиталя.

На теле от ран у него не было живого места, как он объяснил, а когда обнажил голову, мы увидели на макушке колеблющееся розовое темя и вмиг от ужаса прикусили языки. Много, видимо, пришлось испытать и пережить этому человеку. Он был немногословен и о себе не распространялся. Мы спросили, как там, на фронте, он мгновенно преобразился: побледнел, под скулами заходили желваки, выразительные морщинки набежали на высокий лоб, и глаза вспыхнули лютой ненавистью.

- Попадете на фронт, узнаете, что из себя представляют фашисты, - дрожащим тихим голосом он с трудом выдавливал из себя слова. Мы заметили, как мелко дрожали его руки. - Даже звери, убивая свою жертву, не глумятся над нею так, как глумятся гитлеровцы над советскими людьми, не щадят ни детей, ни женщин, ни стариков, не говоря о нас, военных, попавших в их лапы. Словами рассказать обо всем, что на себе пришлось испытать, нельзя. Нет таких слов. Это надо видеть самому, - и оборвал себя, - Хватит об этом. Больше из него мы не вытянули ни слова. После длительного молчания более спокойно продолжил, - Не хочу на вас, еще мальчишек, нагонять страх. Одно прошу, хорошо овладейте специальностью, чтобы умело бить, крушить фашистскую гадину. Враг хорошо вооружен, его голыми руками, храбростью и одним патриотизмом не возьмешь. И еще, кроме умения сражаться, надо, чтобы в сердце kloкотала ненависть к врагу.

Глубоко запало в душу каждого откровение лейтенанта. Сами того не замечая, мы более серьезно стали относиться к службе, а лейтенанта Чернецкого окружили сыновним вниманием. Вырыли нишу, накрыли ее досками, засыпали слоем земли, и получился холодок, где он спасался от солнцепека.

Между тем, мы не видели ни малейшего намека на облегчение своего положения. Все чаще в ночное время нас стали направлять на элеватор на погрузку муки в вагоны для отправки эшелонам в осажденный Ленинград. Возвращались под утро, спали часа по четыре, - и опять в открытое поле катили пушки и занимались по расписанию.

Хотя мы были молоды, но наш организм за короткий сон не успевал отдохнуть, и о высокой продуктивности усвоения знаний не могло быть и речи. Стоило присесть на бруствер окопа и облокотиться, как веки невольно смыкались, и ты погружался в дремоту. Тут было от чего преподавателям впадать в раздражение, устраивать нам пробежки и приводить в чувство.

Еще более тяжелое испытание нам суждено было изведать при разгрузке барж на пристани Иргиза у города Пугачева. При подходе к пристани, издали приметив неуклюжую посудину, пришвартованную к берегу, о которую лениво плескалась вода, начинала ныть душа в предчувствии адского труда. Ни закат солнца, заливавшего розовыми лучами живописные берега Иргиза, окрашивавшего ажуром деревья, серебрившего круги от всплеска рыб на ровной глади реки, ни легкая освежающая прохлада, тянувшая от воды, не будоражили пылкое воображение, не приводили нас в восхищение.

Старшина определял, по сколько мешков с солью надо перенести каждому из трюма баржи на берег. Сачкануть было невозможно.

- Учет буду вести лично, - строго предупредил он. - Чем быстрее разгрузите баржу, тем скорее пойдем на отдых.

Строй рассыпался, и мы со свежими силами, наперегонки, по шатким сходням

устремлялись в мрачное чрево баржи, в котором тускло мигали керосиновые фонари.

- Давай поспешать, - торопил Виктор, присматриваясь к высоким штабелям, откуда удобнее было снимать кули. - Только от меня не отставай. - И взвалил на мою спину скользкий куль с солью. — Вперед!

Куль - не мешок с мукой, твердый, как камень, и в два раза тяжелее, так и придавливал к земле. Под тяжестью груза я в три погибели гнулся до земли, чтобы он не сполз со спины. Заложив руки назад, поддерживал мешок, как мог, кряхтел, проклиная свою тяжкую долю, на полусогнутых, дрожащих в коленях ногах поднимался из трюма по шаткому трапу и еще с полсотни шагов ковылял до машины, у которой с блокнотом в руках стоял старшина и отмечал ходки. Так, раз за разом, вначале бегом до трюма, затем шагком до машины, спешили разгрузить баржу, чтобы выкроить время для сна, но не тут-то было. Усталость брала свое. Уже за полночь. В ближайших черных и молчаливых домах потухли огни. Сияя, луна поднялась в небо, укорачивая тени на земле, ярче звезды замерцали, неугомонные соловьи не переставали улаживать слух влюбленных, из-за уснувшей реки перепела напоминали нам: «Спать пора. Спать пора», а нам не видно было конца работы. Давно смолкли шутки, подбадривающие окрики. Молча, черными тенями, подобно лунатикам, двигались друг за другом. Только дюжие, как Виктор, окликнув в темноте: «Поберегись!» - еще сновали, опережая уставших.

На десяток ходок отстал я от Виктора. Он держался бодро, я же изнывал от усталости. В голове царил угар, внутри все дрожит и до тошноты пусто, ноги не держат, пот заливает гимнастерку, хоть выжимай, - мокрая и липнет к телу. Держался на одном упрямом самолюбии, не хотелось выглядеть хлюпиком, для чего же тогда баловался гирей, и вдруг раскис.

Видя мое состояние, Виктор проявил товарищеское участие.

- Крепись! - говорил мне, взваливая на спину очередной куль. - Сейчас тебе помогу закончить норму, свое выполнил.

Стиснув зубы, с болью в висках, крепясь из последних сил, на трясущихся ногах дотаскивал до машины последний куль и тут же грохнулся без памяти на землю. Не знаю, как Виктор довел меня до берега реки. Пригоршнями черпал воду, поливал на мою разгоряченную голову, освежал грудь и приводил в чувство. Еле я оклемался и долго не мог понять, что произошло со мной. Кое-как доковылял до землянки, когда наступил уже соловьиный рассвет. Крайнее физическое утомление призвало к себе сон, и я погрузился в небытие.

Благо, что очередной день был выходным, и нам разрешили поспать на час дольше обычного.

Стоял светлый летний день, такой тихий, что казалось, природа затаила дыхание. С утра выносили для проветривания на улицу постельные принадлежности, выбивали матрасы, подушки, занимались уборкой помещения и прилегающей к землянке территории. После обеда старшина разрешил идти купаться на Иргиз.

Был блаженный, незабываемый день. Спасаясь от жаркого солнца, мы с Виктором устроились в тени хранившей прохладу раскидистой старой ивы у самой кромки воды. Скинув одежду, Виктор, не раздумывая, с разбега смело прыгнул в воду, далеко от берега вынырнул и с необыкновенной легкостью переплыл Иргиз.

С завистью любовался я смелостью и решительностью Виктора, и меня охватывало глубокое, неведомое чувство неотвратимости рока, испытанное в детстве. А было это так.

Мы с ребятами ныряли с моста и упражнялись, кто дольше пробудет под водой. Я нырнул и головой ударился в сваю. Все знали о скрытой под водой свае, и я знал, но, увлекшись игрой, потерял бдительность и дорого поплатился за это. Меня хватились, когда поверхность воды окрасилась кровью. Ребята подняли крик, и хорошо, что на ту пору проходил на обед мой дядя Александр, вытащил из воды, привел в чувство и принес домой. С тех пор в любой реке стерегся опасности, которая могла угрожать мне, невольно ощущая на макушке возникновение мнимой боли.

- Плыви сюда! - звал меня Виктор с противоположного берега.

С горячего песка, обжигавшего ступни, я робко ступил в воду и почувствовал ее хо-

лодную свежесть. Вода была еще недостаточно прогрета, чтобы приятно ласкать тело, и показалась холоднее обычного, даже слишком для меня холодной. Стоял по колено в воде и, черпая ладонями, обтирал горячее тело, чувствуя при этом, как оно покрывалось пупырышками.

«Как он мог окунуться в такую холодную купель?» - вздрагивая, размышлял я про себя. Только после этого осмелился плыть вдоль берега.

Виктор возвратился, и мы выстирали все, что имели на себе. На кусты развесили сушить, а сами распластались на песке, подставляя для загара свои белые телеса.

- Ты не умеешь плавать? - поинтересовался Виктор.

Откровенно признался, что едва держусь на плаву, и рассказал о своей роковой истории.

- Если бы не брат Борис, и я вряд ли умел бы хорошо плавать, - рассказывал он. - Как он учил меня плавать? На лодке отплыли на середину Волги, он столкнул меня в воду и говорит: «Плыви». Я плывал, как ты, вдоль берега, а тут середина реки, берега не видать, глубина страшная и течение не то, что в Иргизе. Кричу, плачу, барахтаюсь по-собачьи за лодкой, стараюсь догнать, ухватиться за нее, а она - от меня. Так за лодкой доплыл до берега.

Здорово обиделся на него, долго не разговаривал с ним. Зато обрел в себе уверенность, окончательно осмелел. Борис научил меня плавать разными стилями, а позже я рядом с ним переплывал Волгу. - Тут он спохватился: — Хватит загорать. У меня кожа нежная, могу получить ожог.

Мы перебрались в прохладную тень ивы и предались воспоминаниям, стали ворошить свою память. Нет ничего лучшего на свете, чем отзывчивый и благодарный слушатель. Под тихий плеск набегавшей на берег волны, под шепот листьев ивы от легкого дуновения ветерка, испытывая взаимные чувства привязанности, мы не скупилась на откровенность, попеременно поверяли друг другу свои тайны, рассказывали разные истории, приключившиеся с нами в детстве.

Всегда себя познаешь в сравнении с другими, и мне было интересно слушать его, городского парня. Для меня, деревенского, многое в его жизни было в диковинку. У нас нашлось много общих интересов, и это еще больше сблизило нас.

Мы сидели под ивой до тех пор, пока розовый закат не залил живописную долину реки и пока команда старшины не возвратила из голоногого детства к реальной действительности. Умирая от голода и жажды, возвращались в землянку.

Был тот особенный день, какой бывает только в степи, когда воздух, раскаленный солнцем за день, сохраняет жар до утра. Стояла горячая духота, от которой не было нигде спасения.

С разгрузки баржи мы возвратились, когда пропели первые петухи, и у нас до подъема оставалось еще время, чтобы отдохнуть. Мы рассчитывали найти спасение от духоты в нашей благоухающей хвоей землянке, отойти от усталости, валившей нас с ног. Оказалось, времени для сна недостаточно, и труба горниста, игравшего подъем, с трудом оторвала от подушки. Встали вялые, разбитые, болели мышцы.

Все было так же, как всегда. Катили орудия для занятий в поле. Солнце кидало на землю жаркие лучи, которые беспощадно нас припекали. Мы уже чувствовали, как выступал на спине холодный пот и мурашками катился по хребту.

- Ну и денек будет сегодня, - с сожалением говорил раскрасневшийся Виктор, смахивая пилоткой с лица пот и поправляя лямку через плечо.

От ворот городка в сторону аэродрома шел еле заметный спуск, и мы всегда старались на нем разогнать пушки и, используя силу инерции, прокатить их налегке как можно дальше. Уже миновали спуск. Виктор замешкался, в очередной раз смахивая пот, застилавший глаза, ослабил внимание, и этого мгновения было достаточно, чтобы железный обод колеса накатился на ногу. Он как подкошенный упал на пыльную дорогу, крикнув: «Ванюшка!» - так громко и тревожно, что вмиг все замерли на месте. Я подбежал, склонился к нему. Он, морщась от боли, потирал ушибленное место и жаловался мне:

- Больно, Ваню, терпенья нет.

Нас тотчас окружили курсанты. Лейтенант Чернецкий мне приказал отвести Виктора в санчасть полка.

Я размотал обмотку и осторожно стянул с ноги Виктора ботинок. На глазах в щиколотке увеличивалась опухоль. От того, как Виктор, стиснув зубы и насупив брови, морщился, я понял, какие страдания он испытывал, каких усилий ему стоило, чтоб удерживать себя от стога. Стараясь не причинить боли, я туго намотал обмотку на опухшее место.

- Поднимайся, садись мне на корточки, - предлагаю ему, - понесу тебя в санчасть.

- Ты шутишь. Где тебе меня унести, - сомневался он.

- Кули с солью таскаю, а ты же не тяжелее. Залезай, не разговаривай. Помощи ждешь неоткуда, - настаивал я.

Виктор взгромоздился мне на спину, обхватив руками шею.

- Только не задуши меня, — предупредил его, подхватил под коленки и поволок в санчасть.

В санчасти мигом ему сделали какой-то укол и наложили гипс. Как это ни странно, старшина освободил меня от нарядов и работ, возложил обязанности брата милосердия. Я носил Виктору пищу, а вечерами задерживался в санчасти до самого отбоя. Мне нравилась такая жизнь. Как-то Виктор сетует:

- Знаешь, Ваню, на занятиях время летит быстро и не замечаешь ощущения голода, а тут от безделья сосет под ложечкой, постоянно есть хочется.

- Понимаю тебя, сам испытываю подобное состояние, - отвечаю ему. - Что можно придумать?

- Можешь махорку обменять на жратву?

Мы с ним не курили, а табачное довольствие получали и так, на всякий случай, махорку складывали в железный сундучок. Образовался у нас приличный запас.

- Кому нужна твоя махорка, - недовольно ответил ему, - не хочу попрошайничать, стыдно в городе у кого-то просить, к кому-то обращаться с подобной просьбой.

- Ребята же мотаются и с пустыми руками не возвращаются, - продолжал он убеждать меня.

Как мог, я противился:

- Только не это. Буду терпеть голод. Хоть голову руби, только не посылай по-бираться.

- Я тут познакомился с одной сестричкой, и она посоветовала сходить по этому адресу, - Виктор продолжал стоять на своем и совал мне клочок бумаги с адресом, - тут недалеко, за церковью. Живут вдвоем старик со старухой, держат корову. Очень хлебо-солные люди. Старик - заядлый курильщик. Махнешь махорку на молоко.

Скрепя сердце уступил просьбе Виктора и, пользуясь свободой передвижения, пошел по указанному адресу. Вошел во двор. Чем-то сходный обликом с моим дедушкой Степаном, на ступеньках крыльца сидел старик с белой окладистой бородой и смолил самосад. Я еще от ворот услышал знакомый терпкий запах, тотчас вспомнил, как такой же самосад готовил и курил мой отец.

Как было принято у нас в деревне вести себя при встрече со старшими, пряча за спиной сверток, снял пилотку, с поклоном поздоровался со стариком, такой же поклон отвесил старушке, вышедшей навстречу из-под навеса с подойником в руках, и запах парного молока ударил в нос и закружил мне голову. Я невольно проглотил накатившуюся слюну. Щуплая, сгорбленная старушка равнодушно бросила на меня взгляд и поднялась в хату.

Видя мое замешательство и догадываясь, с какой целью иногда заглядывают к ним солдаты, старик начал интересоваться, как там на фронте, как служится, откуда родом, и незаметно выведал из меня все, что интересовало его, и подвел разговор к тому, за чем я пожаловал к ним. Я объяснился, и старик, проявляя сострадание, пошел навстречу и позвал старуху.

- Мать, надоело мне курить самосад. Не перейти ли на махорку, а то нутро горит, все ноет в груди.

Потупив взор и затаив дыхание, переминаясь с ноги на ногу, с нетерпением ожидал, чем закончатся переговоры. Старуха с полуслова поняла дедову дипломатию, куда он клонит, поняла, для чего я пожаловал к ним, с усмешкой улынулась уголками сморщенного рта, покачала головой:

- Не темни, говори, что надо?

Мы договорились, что я буду приходить к вечерней дойке, и она будет давать по литру молока.

Так впервые в жизни я совершил сделку и носил Виктору молоко до снятия гипса.

К тому времени, как вылечился Виктор и стал ходить, прихрамывая, с палочкой, в полку произошли большие перемены: были отправлены в действующую армию очередные маршевые батареи, из Средней Азии прибыл целый эшелон пополнения, и разместили его в палатках рядом с нашей землянкой. Многих курсантов из батареи назначили на сержантские должности. Нас с Виктором эта судьба миновала. Знакомые курсанты приходили и жаловались нам, как им приходится трудно и командовать людьми, не знающими русского языка, а как быть с ними на фронте? Тут подоспел приказ командующего ПриВо о переводе кандидатской батареи в г. Энгельс, в 1-е Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище имени Красного Октября.

Веселой гурьбой мы шумно штурмовали пассажирский вагон, занимая места. На положении больного Виктор занял нижнюю полку, я над ним, среднюю. Долго томились в душном вагоне, изнывая от жары, ожидая отправки. Только вечером поезд тронулся с места. Поезд шел со скоростью пешехода и подолгу стоял на каждой остановке, а на станции Ершов вообще пробыли весь световой день.

Находчивые и расторопные курсанты не теряли даром время и занимались промыслом, добывали у жителей домашнюю снедь. Словно челноки, сновали между вагоном и поселком. Сразу вагон наполнился веселым гомоном голосов и стуком ложек о котелки.

- С тобой от голода сдохнешь, - упрекал меня Виктор за нежелание идти в поселок. - Если бы не нога, давно бы смотался. Воровать стыдно, нехорошо, и за это наказывают строго, а совершать обоюдный обмен не противозаконно. Житейское дело, и ничего предосудительного в том я не вижу. Не упрямясь, иди смелее. Чего привередничать. Жрать-то хочется, не концентраты же грызть.

Упрек был справедливый, и я нехотя освободил сундучок от туалетных принадлежностей. Оставил концентраты, селедку, кусок мыла, махорку и, как невольник, поплелся в селение.

На улице, как крестьянский парень, присматривался ко дворам, где справнее и крепче живут. Робко стучался в ворота и, не получив ответа, переходил от одного подворья к другому. Наконец, мне крупно повезло, прямо в воротах наткнулся на милovidную женщину, совсем молодую, полными загорелыми руками поправлявшую на голове сбившуюся белую косынку. Было такое впечатление, как будто она ожидала меня, настороженным взглядом окинула по сторонам улицу, приветливо улынулась томными с прищуром глазами и пригласила во двор.

В полной растерянности мы стояли в немом молчании и разглядывали друг друга. Я даже забыл, за чем пожаловал.

С юношеским любопытством оценивающим взглядом окинув ее красивую фигуру, вдруг воспламенился, кровь закипела в голове, сильно забило сердце, стесненное непонятным предчувствием, по телу побежал огонь, как зачарованный, был всецело поглощен ее обаянием. Молодая кровь заливала ее милое лицо, а озорные черные глаза с таинственным прищуром из-под тонко очерченных, красиво изогнутых бровей смеялись и радовались нежданной встрече и были полны обещаний, выражали открытую симпатию, я читал в них свою участь. Белая кофточка с открытым вырезом, серая юбка со складками охватывали стройный стан и высокую грудь с выпиравшими сосками. Благоухающие уста, нежные, как роза, были чуть приоткрыты и призывали к сближению, как будто с укором говорили: «Ну, что ты стоишь, как истукан, пользуйся случаем».

До этой минуты я знал лишь одни беды и невзгоды, быть может, никогда не узнаю

своего счастья; так зачем отвергать чистый порыв. Искушение было слишком велико.

Солнце купалось в синеве неба, воздух был горячим, я задыхался, предательски горел в нерешительности, скованный смятием и ее горячим дыханием. Страстное неизведанное желание схватить в охапку, целовать допьяна, обжигало меня. И, как рукой, хватало за сердце. Я пребывал в безумном чаду. Вспомнив, зачем сюда пожаловал, засуетился, торопливо открыл сундучок, показывая содержимое. Она с укором глянула на меня, беззастенчиво оглядела мой тщедушный затрапезный вид, выгоревшее на солнце обмундирование, кривые ноги в обмотках, поняла, чего я стою, разочарованно сморщила милое личико, глубоко вздохнула, почти бегом кинулась в хату.

Пока приходил в себя, она вынесла под мышкой буханку белого хлеба, в руках большой шматок сала и крынку сметаны.

- На, бери. Твоего мне ничего не надо, - зло совала мне в руки. - И крынку бери, не обеднею.

В замешательстве я потупился, не зная, как вести себя, уложил припасы в сундучок, сердечно поблагодарил и поспешил выкатиться из ворот. Всю дорогу наивно размышлял, почему она от меня ничего не приняла на обмен? Чем же ее огорчил? Недогадливостью?

Когда выложил из сундучка принесенную провизию, удивлению и восхищению моей удачей у Виктора не было предела. Отрезав от буханки ломоть, Виктор с удовольствием потянул в себя духмяный запах свежего хлеба, причмокивая языком, стал намазывать его густой, как масло, сметаной.

- Ну, брат... Царская еда. Молодчина! - с ухарским видом развалился в углу и стал с аппетитом уплетать бутерброд. - Как тебе удалось столько добыть?

Я не утаил и с подробностями рассказал о своей одиссее. Виктор вскочил с полки и, размахивая руками, разразился бранью, метал громы и молнии, готовый стереть меня в порошок:

- Неотесанный чурбан! Не я ли тебе говорил, что женщины смотрят не на то, во что ты одет, а на обхождение, напористость. Эх, ты, размазня. Растяпа! Упустил такой случай. Это же просто преступление, не пытаться обольстить.

На его шум сбегались курсанты из соседних купе, но он тактично остановился и попросил оставить нас в покое. Я сидел у столика, обхватив голову руками, слушал его и оправдывался:

- Откуда мне было знать, чего она хочет? А если бы она за приставание дала пощечину, да еще кликнула соседей, тогда как? Учить других, давать советы - со стороны легко. Не строй из себя опытного ловеласа, ишь, разошелся. Показываешь свою храбрость, а доведись быть на моем месте, вел бы себя так же, как я.

- Ладно, не сердись, — он примирительно похлопал меня по плечу. - Все же она - бескорыстный человек. Есть же на свете такие добрые, милосердные женщины. Дай ей Бог здоровья и счастья!

В Энгельс приехали утром. Чувствовалось приближение знойного дня. Заметно припекало солнце, и воздух, сухой, какой-то тугой, стеснял дыхание.

Расспросили, как дойти до училища, и потянулись по городу. Мы с Виктором шли позади. Опираясь на самодельную трость, прихрамывая, он шел налегке. Я рядом, с неизменным железным сундучком на плече.

Город немногочислен, встречались редкие прохожие и не обращали на нас внимания, видимо, привыкли часто видеть военных. Улицы чистые, дома добротные. Мы с интересом и любопытством рассматривали все, что привлекало наше внимание. На общественных зданиях и магазинах вывески на немецком и русском языках.

Пока дошли до училища, основательно взмокли. По горячему лицу щеkotно ползли из-под пилотки холодные капли пота, скатываясь по шее под воротник гимнастерки.

- Жара так жара, - жаловался Виктор. - Чем ближе к югу, тем жарче. Откуда во мне столько жидкости, чай не пил, а пот течет и течет, платок хоть выжимай.

Мы вошли в расположение училища, когда наши ребята, скинув скатки, уже сидели в тени высокого здания и дожидались решения командования. Присоединились к ним.

Тем временем в ворота училища втянулась батарея на конной тяге и остановилась

напротив нас. Видимо, не близкий марш совершила она, судя по тому, какой густой дорожной пылью были покрыты пушки, передки и амуниция на конях. На лошадиных боках и шеях, под стегнами, под хомутами и шлеями хлопья пены, смешанной с дорожной пылью. От колонны тянуло лошадиным потом. Последовала команда: «Слезай!» Уставшие ездовые, коноводы, орудийные номера слезли с седел и, прохаживаясь вдоль упряжек, стали разминать отекавшие ноги, бросая любопытные взгляды в нашу сторону.

Между нами оборвались разговоры, наступило напряженное молчание, и взгляды всех обратились на прибывшую батарею. Для нас все было ново. Вид приехавших курсантов был подавленный, они были изнурены, устали, видно было, что минувшей ночью сон не спешил к их изголовью, густая пыль лежала на мятом обмундировании; на чумазах, с густым загаром лицах сверкали белые зубы, блестели глаза.

- То и нас, братцы, ожидает, - кто-то нарушил молчание.

- Надоела неопределенность. Ничего, примиримся, - ответил Виктор. - Хотя с самолета на кобылу не очень приятно пересадка. Стерпится - слюбится.

- Виктор! Виктор! - от батареи слышался крик. Виктор, услышав свое имя, встрепенулся и, опираясь на трость, порывисто поднялся на ноги.

- Что-то голос знакомый, - не скрывая радости, произнес он.

От коренной пары лошадей артиллерийской упряжки отделился худощавый, запыленный курсант, на ходу затыкая кнутовище плетки в широкий раструб кирзового сапога, и устремился к нам.

- Да это же Димка Зудов! - узнал Виктор и пояснил мне: - Друг детства. За одной партией в школе сидели. Здравствуй, Димка! Дружище, тебя не узнать, одни глаза да зубы сверкают. Чумазый, как черт. Только по голосу узнал.

- Виктор! Друг! Здравствуй! - они обнялись, и худощавый Димка утонул в крепких объятиях Виктора.

Приятно и радостно было наблюдать за встречей друзей детства после их долгой разлуки.

- Ты же в Вольске был. Какая нелегкая занесла тебя сюда? - спросил Димка.

- Не только в Вольске, и в Пугачеве горе мыкал. Виною тому война. Теперь не мы своей судьбой распоряжаемся, а те, кто над нами. Об этом позже, рассказывай, как дома, от кого письма получаешь, а главное, как тут учеба.

Полились расспросы, наперебой спешили расспросить друг друга, кто из одно-классников пишет, кто где. Я видел, как светлели их лица, когда кто-либо из них сообщал приятную весть, и как мрачнели, услышав печальное сообщение.

- Скоро ли выпуск? - спрашивал Димку Виктор.

- Вот видишь. Возвратились с последних боевых стрельб и тактического учения. Считаю, что я - лейтенант. И на фронт! - с гордостью ответил Димка.

От него мы узнали, что училище эвакуировано из Ленинграда, что курсанты хорошо отзываются о преподавателях, о добротной обустроенности учебных аудиторий. Знания дают хорошие, говорил он, только учиться очень трудно. Двухгодичную программу надо освоить за семь-восемь месяцев, могут и сократить. Нагрузка колоссальная, десять часов в сутки. Выжимают все, что можно выжать из курсанта.

Я видел по Димке, что знания даются нелегко. Худой, лицо осунулось, глаза запали, нос заострился, и, наверное, на ходу его шатает, как былинку, ветер.

- Ребята, не вешайте носа, - утешал он нас, - это вполне выдержите, только тут со жратвой туго, паек жидкий. Не хватает. Постоянно есть охота.

Тут Виктор подмигнул мне и кивнул на сундучок. Я догадался, о чем идет речь. Быстро вытащил сало, половину буханки и протянул Димке. Это надо было видеть, как от радости и удивления раскрылись уставшие глаза, он расцвел в улыбке, от охватившего волнения поперхнулся и с трудом выдавил из себя:

- Вот это да-а-а...

Он быстро раскрыл складной нож, нарезал сало, отрезал ломоть пышного белого хлеба и без стеснения, с жадностью, навалился на еду, уплетая за обе щеки. Чтобы не смущать его, мы отвернулись.

По соседству - авиационное училище. Там шли учебные полеты. То и дело взлетали

и садились двухмоторные самолеты. Их равномерный гул часто прерывался форсажным всплеском.

В неподвижном раскаленном воздухе за строениями городка видны были густые грибовидные клубы пыли, поднимаемой взлетающими самолетами. Как тлеющие угли в потухающем костре от легкого дуновения ветерка начинают искриться, так у меня от знакомого рокота моторов заныло сердце. Как трудно расставаться с мечтой. Виктор заметил, куда я пялил глаза, догадался, о чем задумался. Хлопнул по плечу и сказал:

- Не бери себе душу. К прошлому возврата нет. Путь назад отрезан. Настраивай себя на учебу в этом училище.

Послушался Виктора, преодолевая мимолетную вспышку тоски по авиации. Пока Димка ел, я переключил свое внимание на жизнь в училище.

Недалеко от нас находился плац, и на нем курсанты отрабатывали строевые приемы, рядом - спортивный городок, там тоже шли занятия на спортивных снарядах.

- Неужели и нас научат так же легко и красиво выполнять упражнения? — спросил Димку.

- К чему эта эквилибристика, мы же приехали не спортсменами быть, а учиться артиллерийскому делу, вставил Виктор.

- Тут вашего желания не спрашивают, - отвечал Димка. - Учат всему, что пригодится в бою. Это еще что, вот конная подготовка доставит вам много неприятностей, пока не научитесь уверенно сидеть в седле. Не простое это дело - управлять конем. Я долго ходил враскорячку, пока не зажили коросты в промежности. Только не отчаивайтесь. Всё преодолеете. Спасибо за угощение. До свидания. И убежал к батарее, которая последовала в парк.

Наступил наш черед. Подошел представитель штаба и сообщил радостную весть. Все курсантами училища зачислены в 4-й дивизион. Наши лица расплылись в радостных улыбках. Виктор нашупал мою руку и крепко пожал, в ответ я молчаливо кивнул головой.

- Мы не можем срывать курсантов с выпускных экзаменов, поэтому вас отправляем в совхоз на уборку урожая, - продолжал полковник. - Здесь недалеко. Два часа ходу.

Вмиг потухли глаза, опечалились наши лица, понурились головы, стояли перед представителем штаба, как перед покойником.

- Везет же нам, как утопленникам. Там вкалывали, как каторжники, и здесь не курорт, - говорили промезж собой. - Напасть за напастью.

Вновь приходилось испытывать горечь разочарования. Судьба явно не хотела благоволить мне, посылая новое испытание. Замыкая колонну, шел рядом с Виктором, укрываясь сундучком от жарких лучей солнца, и, наклонив голову, отсутствующим взглядом скользил по пыльной дороге, а мысли были далеко, о доме.

От мамы шли тревожные письма. Сообщала, что часто хворает, с продуктами тяжело, денег не хватает. Я терялся в своем бессилии облегчить ее положение. Чувствовал свою сыновнюю неблагодарность, обманул ее. Обещал стать летчиком и обеспечить ее материальное положение, а теперь высылаю всего по полсотни из курсантского довольствия. Как тут не впасть в уныние. Да и перед однокашниками стыдно. Они давно на фронте, сражаются с фашистами, а я околачиваюсь в тылу. Гитлеровские полчища на Дону, рвутся к Волге, стремительно продвигаются к Сталинграду, отсюда недалеко, рукой подать. С этими невеселыми размышлениями дошел до совхоза.

В совхозе встретили нас самым радушным образом. Директор совхоза, мужчина лет под пятьдесят, со светло-серыми глазами, среднего роста, в солдатском обмундировании, в изрядно поношенных кирзовых сапогах, в соломенной шляпе, из-под которой выбивались темно-русые волосы, словно посыпанные пеплом, приветливо и добродушно улыбаясь, встретил нас:

- Вы уж, сыночки, постарайтесь нам помочь убрать урожай, спасти хлеб. Ныне отменный урожай выдался. Пшеница вынесла засуху. Закалилась. Это хорошие семена для будущего урожая, - гортанным глухим голосом пояснял нам, будто мы разбирались в агротехнике возделывания зерновых культур. - Не мне объяснять, сами понимаете.

Стране и фронту нужен хлеб, а убирать некому. Одни бабы остались да подростки. Мужики на фронте. Я вот после ранения списан вчистую, один воюю с ними. Приехали из Ленинграда эвакуированные, но они же в руках вилы не держали, не скоро освоят крестьянский труд. Сейчас бригадир разведет по хатам, а завтра спозаранку за работу.

Как-то тепло стало от его душевного обращения, до глубины сердца тронувшего всех. От того, как он, рачительный хозяин, искренне болел за выращенный урожай, мы сразу прониклись к нему уважением и как к фронтовику. В хорошем настроении расходились по хатам на постой.

В невзрачной на вид саманной хате, покрытой камышом, нам с Виктором отвели небольшую, но чистую и уютную комнату с двумя покосившимися окнами с синими стеклами, выходившими во двор. На земляном неровном полу лежал домотканый половичок. Во всю глухую стену, напротив окон, широкая кровать, поверх которой лежало одеяло из цветных лоскутов. Над кроватью прибит коврик, на котором изображена амазонка у озера с плавающим лебедем.

- Не очень нравится это жилище, - морщась, шептал мне Виктор, осматривая комнату, - по соседству красивые дома, а мы будем жить в такой халабуде.

Женщина-бригадир, разводившая на постой, и хозяйка хаты, милая старушка, не пропустили мимо недовольное и кислое выражение на лице Виктора и стали уверять, что не может быть ничего лучшего в знойную пору, как пребывание в саманной хате, где всегда сохраняется прохлада.

В первую же ночь мы убедились в правоте женщин и по достоинству оценили все преимущества, испытав несказанное блаженство. Спали как убитые после утомительного знойного дня, уставшие от перехода и беспокойно проведенной ночи на жестких полках в душном вагоне, пропитанном терпким угарным запахом угля.

Проснулся рано, ощущая в голове свежесть, а в теле бодрость. То ли яркие лучи солнца, пробиваясь через окна, ослепили мне глаза, то ли под окнами горланивший голосистый петух разбудил меня. Слышался стук ведер, скрип ворота колодца. Хозяйка уже хлопотала по хозяйству. Виктор продолжал блаженствовать, разметавшись во всю кровать, сдвинув меня на самый краешек. Жмурясь от яркого света, заливавшего нашу комнатку, я толкал Виктора в бок, тряс за рыжий чуб:

- Хватит дрыхнуть. Вставай. Пора на работу.

Потягиваясь, он приоткрыл заспанные глаза, недовольно с недоумением посмотрел на меня, повернулся на бок и прижался к стене.

- Ох, и любишь позоревать. Но вставать все же придется.

Еле растолкал. Освежились колодезной водой и поспешили в столовую на завтрак.

Завтрак не чета армейскому. Обильный, приготовлен вкусно. Наелись так, что трещали бока. Тут же обменивались впечатлениями, кто как устроился.

Николай Сапунов рассказывал:

- Захожу, ребята, за Иваном Романовым, чтоб вместе идти в столовую. Глазам своим не верю. Его обхаживает молодка, каких поискать, кровь с молоком. Так и вьется вокруг. Воду поднесла, на ручки поливает и расшитое полотенце подает утереться. Что ожидает Ивана в будущем? - причмокнув губами, таинственно закончил рассказ.

В ответ Романов молчал, довольно улыбался и не пытался оспаривать намек.

Распределение по работам не заняло много времени. Нашлись желающие работать на току - молотить и сортировать зерно, другие согласились сесть на лобогрейку и жатки. Пожалуй, работать на жатке я бы согласился. Дело нехитрое, знакомое; если лошади спокойные и приучены ходить в жатке, орехов не наделаешь. Крылья жатки сами наберут на полотно скошенные стебли, и в нужный момент одно из крыльев аккуратно сгребет их и положит на стерню. Но как вспомнишь, что целый день качаться на жестком сидении под горячим солнцем, вмиг пропадает желание.

Я предостерег друзей от поспешности, по горькому опыту во Фриденфельде зная, какой выносливостью надо обладать, работая на лобогрейке и жатке. Еще вечером приметил на хозяйственном дворе много стоявших арб и смекнул, где применить свои силы и способности.

- Ребята, самая легкая работа - ездить на волах.

- Ты что, с ума спятил? - толкнув меня в бок, возмутился Виктор. - Я их видел только издали, и меня эти, как их... - и он приставил ко лбу растопыренные пальцы.

- Рога, - подсказал я.

- Вот-вот, рога, приводят в трепет. Бр-р. Упаси Бог попасть на них!

- Не преувеличивай. Волы — очень смиренные и послушные животные. Я по опыту знаю. Одно удовольствие работать на них, - убеждал я, утаив при этом, как молодые волы, взбесившись, вдрызг разбили арбу. - Конечно, это не кони, на которых по-ухарски можно промчаться с ветерком. Зато направил по дороге - и можешь ложиться спать. Не уступят колею ни встречному трактору, ни машине и привезут к месту, куда надо.

Виктор упрям и настойчив в отстаивании своего мнения, и мне стоило немало труда убедить его принять мое предложение, тогда как Николай Сапунов и Иван Романов согласились сразу.

- Ладно, где бы ни работать, лишь бы сачковать, - засмеявшись, махнул он рукой, соглашаясь со мной.

Когда директор совхоза обратился к строю, кто умеет обращаться с волами, мы вчетвером выступили вперед. Он показал, где пасутся они. Сходили, пригнали волов, и я, как заправский опытный ездовой, учил своих друзей запрягать и управлять волами, как учил меня управляющий фермой. Мне было не привыкать к укладу сельской жизни: рано вставать, работать в поле, - тогда как Виктор втягивался с трудом. Самые неприятные минуты он испытывал при пробудке, когда Евдокимовна, так звали хозяйку, входила в комнату и, как малых детей, будила ласковым, нежным и тихим голосом:

- Курсантики, пора просыпаться, вставайте.

Не знаю, по привычке ли, выработанной с детства, или по обязанности, я никогда не нуждался в повторном напоминании, тогда как Виктор просыпался, испытывая муки.

Ощущая сквозь закрытые веки яркие лучи солнца, врывающиеся в окна, сожалел, что опять будет жаркий день, тотчас садился на край кровати, куксил глаза и приходил в себя. Спросенок какое-то время прислушивался к голосистому петуху, нарушителю утреннего покоя, к кудахтанью кур под окнами. Со двора доносилась ворчливая брань Евдокимовны, уговаривавшей буренку стоять смиренно, потом слышал звонко бившие о стенки подоюника упругие струи молока.

Завидно и сладко зоревал Виктор, распластавшись на кровати, жалко будить, самого манила, магнитом притягивала к себе подушка, хоть чуток еще забыться в сладкой дреме, но долг превыше всего.

- Виктор, хватит дрыхнуть, вставай, - тормозил его за плечо. В ответ сонное мычание, и он поворачивался на бок лицом к стене.

- Пора на работу, поднимайся.

- Отвали. Я еще хоть чуток подремлю, а работа не волк, в лес не убежит.

- Меньше гулять надо, тогда будешь высыпаться.

- Вот пристал, как репей. Отвяжешься от меня или нет? - зло рычал глухим горнанным голосом и запуская в меня подушку.

Так перебранками начиналось каждое утро, иногда доходило до того, что я поливал Виктора водой, чтоб оторвать его от подушки.

Пока принимали вертикальное положение, дурачились, занимались туалетом, на столе стояло уже парное молоко и яйца. Первые дни мы с удовольствием поглощали эту снедь, но когда узнали, сколько Евдокимовна надаивает от буренки степной породы, сколько литров молока и сколько яиц надо сдать в потребкооперацию, мы не могли поступить своей совестью. Нам стоило немало труда убедить ее впредь не поступать подобным образом - нас же кормили в совхозе досыта, директор не жалел продуктов.

- Вы же видите, как мы за две недели поправились, и воротники гимнастеров стали в самый раз, - показывали друг на друга, убеждая ее.

Евдокимовна оказалась старушкой необыкновенной доброты, всячески старалась нам угождать, ухаживала за нами, как за родными сыновьями. Неугомонная и непоседливая, ворчала на наши замечания, мимо ушей пропускала все увещевания и поступала по-своему. Было жалко смотреть на ее натруженные узловатые пальцы, но она то си-

лой, то украдкой брала белье и обстирывала нас.

Обычно день начинался с прослушивания по радио сообщения сводки Совинформбюро о положении на фронтах. На улице у репродуктора собирались все: жители села, эвакуированные и мы, курсанты. Радовались малейшему успеху наших войск на любом участке фронта и глубоко переживали, когда в результате ожесточенных боев наши войска оставляли населенные пункты. Особое беспокойство вызывали бои под Сталинградом. Это от нас совсем недалеко. Эвакуированные с нетерпением ждали вестей с Ленинградского фронта. Их здесь было большинство.

У нас с ними, как и с жителями села, установились самые близкие отношения. С глубоким сочувствием относились к их переживаниям за своих близких, оставшихся в блокаде. Они наравне с нами от зари до зари в поле. С непривычки городским жителям очень трудно втянуться и овладеть крестьянскими навыками труда и вести сельский образ жизни. Но мы не видели в их положении отчаяния или растерянности, они не признавали сочувствия и сострадания, были обыкновенными людьми, спокойно и старательно занятыми порученным делом.

От репродуктора все расходились по своим объектам работ.

Несмотря на монотонный и безрадостный труд в самую знойную пору, именно мы, молодежь, и отважные, и робкие сознавали важность порученного дела и старались добросовестно выполнять свои обязанности. Вооружившись терпением, коротали время, пока медлительные волы, тянули скрипучую арбу по пыльной дороге в поле и обратно на ток.

Николай Сапунов, решительный и смелый, вопреки моему предупреждению, не выдерживал монотонной медлительности, не раз предпринимал попытки свернуть волон на обочину, на рысях обогнуть колонну. Пускал в ход батоги, нещадно колотил волон по крестцам, кричал: «Цобе, цобе!», но волы не меняли темпа движения и не сворачивали с дороги, упрямо продолжали следовать за двигавшейся впереди арбой, только их глаза от ненависти к ездоку наливались кровью.

Стоя в арбе, я с любопытством осматривал окрестности, старался найти что-то новое в уже виденном. Любовался залитыми солнцем бескрайними просторами полей, наблюдал, как в ярком золотом свете купались колосья пшеницы. От них веяло очарованием давно забытого, родного, очень знакомого с детства запаха свежего хлеба, и я полной грудью вдыхал его в себя. А на поле, знойном и пыльном, стрекотали лобогрейки, жатки, десятки женщин в белых кофточках, такого же цвета платках, отбивали поклоны земле, собирали жнивье и вязали снопы. Мы грузили их в арбы и тянулись обратно на ток.

Так мы трудились до полуденных часов, а на самом переломе знойного дня, когда солнце отвесно замирало в зените и все живое на земле: и птицы, и сверчки, и кузнечики умолкали, устанавливалась гнетущая тишина, директор разрешал отдых до спада жары.

Мы с Виктором опрометью устремлялись в свою халабуду, хранившую прохладу ночи, там находили отдохновение и успевали досматривать ночные сны.

Юность тем и хороша, что неприятности скоро забываются и уступают место веселью, озорству и разным приключениям. Мы же работали с девушками и никак не могли обойтись без легкого флирта, шуток с ними, которые порой переходили во взаимные увлечения.

Своеобразной зарядкой хорошего настроения на весь день служили после завтрака рассказы по секрету в курилке о неопикуемых и таинственных сценах ночных походов отдельных курсантов. Трудно было верить в достоверность, но когда их оглашают принародно, они обрастают разными домыслами. Если рассказчик красочно рисует интимные подробности, переходя на загадочный шепот, то невольнo закрадывается убеждение, что это так и было. Курсанты, попадавшие под сатирический обстрел, не обижались, знали, что это веселый розыгрыш, шутка.

Однажды объектом розыгрыша стал наш друг Иван Романов. По натуре человек добрый и доверчивый, степенный, но флегматичный и инертный, он покорно подчинялся обстоятельствам. Его запросто было вовлечь в любое дело. Он верил и безропотно

уступал друзьям. Ростом статен, в плечах широк и силой Бог не обидел, как говорят, быка с ног свалит. Внешне привлекательный, круглолицый, а для парня - просто красавец.

Пришел на работу в гимнастерке с наглухо застегнутым воротником. Это бросилось в глаза каждому, потому что все оставались в нательных рубахах или были с обнаженным торсом.

- Куда-то собрался съездить? — поинтересовался Виктор.

Романов невинно улыбнулся и ответил:

- Никуда не еду. Иду на работу.

- Для чего же надел гимнастерку, да еще воротничок наглухо застегнул? Запаришься. Хоть расстегнись, - по-дружески советовал Виктор.

Незаметно вокруг Романова и Виктора образовался круг, и посыпались недвусмысленные шуточки:

- Перед девчонками будет демонстрировать строевые приемы, - говорили одни.

- У него сегодня деловая встреча. Назначено свидание, - возражали вторые.

- Он перепутал спросонья утро с вечером, - шутили третьи.

- Пойдите. Надо уточнить, - вмешался Николай Сапунов. - Вчера вечером я видел, как хозяйка подцепила Ивана и увела. Куда - не рассмотрел.

- Верно, ребята. На пятачке его вчера не было, - свидетельствовали очевидцы.

- Он и не ходит на пятачок, - заступился я.

- Так, где же ты пропал эту ночь? - допытывались ребята.

- Ребята, все ясно, - утверждал кто-то. - Чего голову морочить. Он скрывает следы ночного похождения. Если это не так, пусть расстегнет воротник гимнастерки.

Романов чувствует, что друзья недалеко от истины, заливаясь краской, совсем смутился, но парировать шуточки не может, не умеет и не противится им, тем самым только подливая масла в огонь. Позволил Сапунову расстегнуть воротник, и все увидели на шее следы таких поцелуев, что дружно ахнули, залились смехом, хватаясь за животы.

Тут мы подхватили его и увели от гогочущей, как жеребцы, толпы. Пока смазывали дегтем колеса, запрягали волов, сами сгорая от любопытства, пытались узнать подробности ночного похождения. Вначале отнекивался, но потом все же поддался на наш настойчивый уговор.

- Ничего особенного не было, - рассказывал он. - Сидели за столом и пили чай... Разговаривали.

- Эмоциональный рассказ. Разговаривали, пили чай, - иронизировал Виктор, допытываясь подробностей. — И от горячего чая появились следы губ на твоей шее.

Я прыснул от смеха, но Романов не обиделся, и он как ни в чем не бывало продолжал довольно улыбаться. Видимо, ему хотелось поделиться ночными похождениями. Ведь у парня это случилось впервые в жизни, когда он познал полную близость женщины, но не умел поделиться с друзьями впечатлениями.

- Смелее, рассказывай, - настаивал Виктор. - Ты приступом овладел?

- Н-е-е... Нечаянно коснулся ладонью колена, она не отстранила руку. У меня забродили чувства, всего опалило огнем. И я поплыл, как в тумане. Не знаю, как окатался в постели.

- Учитесь, друзья, как надо соблазнять девушек, - хвалил Виктор.

- Она не девушка, - пояснил он. - Перед самой войной вышла замуж. Проводила мужа на фронт, и следом же на него похоронка. Живет одна. Пусть, говорит, гром меня убьет, чем постылая такая жизнь. Беру, говорит, грех на себя, хоть одна ночь, но моя. Остальное ничего не помню, все было как во сне.

У женщин не спрашивают, с какой целью она что-нибудь делает, а Романов был не в силах победить вспыхнувшие чувства. Очувтившись в щекотливом положении, никто из них в порыве пылкой страсти не думал о безнравственности поступка и угрызениях совести.

Я припомнил случай из своей жизни. Работал инспектором района и одновременно учил взрослых в вечерней школе. И надо же, несмотря на такую нагрузку, пришла любовь, и я влюбился в одну девушку. Она работала пионервожатой в школе, одновремен-

но училась на заочном отделении Ирбитского педучилища. Там я с ней познакомился, вместе ездили на сессии.

Не то, чтобы очень красивая, обыкновенная девушка, но для меня, влюбившегося в нее, была красавицей. Ростом чуть ниже меня, брюнетка, красивые темные глаза, такие жгучие, привлекательные. Мне нравилось в ней все: благородные черты лица, стройная фигура, легкая грациозная походка. Внимательная, веселая и ласковая, умела скрывать от посторонних свои переживания и неприятности.

Мне приятно было с ней общаться. Наедине с другими девочками я терялся и не знал, с чего начать разговор и как вести его, а с ней никогда не испытывал в этом затруднений, она умела находить интересную тему для разговора.

Чем больше присматривался, узнавал ее, тем больше она нравилась мне, в душе я боготворил ее. Милее ее для меня на свете не существовало больше девушек. Глубоко запала в мое сердце. Хотел постоянно ее видеть, но наши встречи были редкими, случайными и мимолетными. Днем она в школе, я в районо, а вечером учил взрослых. Стремление видеть, общаться с ней возбуждало во мне страстное желание быть вместе. Кроме того, хотелось откровенно открыться в чувствах и признаться в любви. Поэтому, как она держала себя со мной, мне казалось, что я не безразличен ей. По-моему, она догадывалась о моем увлечении, но не давала повода для взаимности, держала меня на расстоянии.

Я искал с ней встречи, тем более каждый вечер, когда шел на занятия со взрослыми и возвращался домой, непременно проходил мимо дома, где она снимала комнату. Пятистенный рубленый дом с палисадником стоял на берегу речки у самого моста. В нем она и квартировала. Сколько же можно тайно носить в себе любовь, пора и объясниться. В то же время от такого решительного поступка меня удерживали робость и стеснительность. При одной мысли, что она откажет во взаимности, и вдруг об этом узнают сверстники, меня бросало в жар. Сознание подсказывало отказаться от такого опрометчивого шага, надо дорожить своей честью и достоинством, авторитетом учителя.

В один из осенних вечеров, закончив занятия, возвращался домой. Настроение, как никогда, было превосходное. Хотелось петь, дурачиться, как ребенку. А ночь выдалась на удивление тихая, лунная. Шел один, улица безлюдна, ни души. В полном сиянии висела луна над селом и улыбалась мне. Одна сторона улицы была залита голубоватым светом, и в окнах домов, как в зеркалах, отражался лунный свет. Противоположная сторона непроглядно таинственна, одни силуэты, глубокие черные тени построек, деревья рисовались на земле.

Отключив сознание от всего мирского и не думая ни о чем, как лунатик, беспечно шел по кромкам силуэтов домов, то поднимался по карнизам крыш до дымоходов, то спускался вниз до зубчатых изгородей. Со стороны, наверное, выглядел человеком, не в меру выпившим. Вдруг со стороны дома, закрытого непроглядной черной тенью, слышу тихий ласковый голос:

- Не правда ли, какой чудесный вечер?

Знакомый голос. Мгновенно остановился, словно нечаянно наткнулся на препятствие. Жаром охватило сердце, запылало лицо. Меня охватил стыд, как я мог беспечно дурачиться. Фантазируя, так увлекся, что не заметил, как очутился перед домом, где жила моя любовь.

«Ведь это же она!» - забилося сердце в груди, не унять. Что делать? Это тот момент, которого желал и так долго терпеливо ждал. Вот она, желанная встреча! Справляюсь с охватившим волнением, пристально всматриваюсь в непроглядную темноту падавшей от дома тени, где у высокого тесового забора у палисадника находилась скамейка. Никого не видно. Темно в том укромном уголке, но ее присутствие выдала белая шаль, накинутая на плечи. Подхожу, пристально вглядываюсь, она ли, не ошибиться бы. Узнаю. Она. Здороваюсь, шутливо спрашиваю:

- Кого-то поджидаете, или просто в одиночестве любуетесь лунной ночью?
- Кого ждала, не пришел, - тоже шутливо ответила она.
- Не могу ли я заменить его?

- Можешь, если будешь вести себя хорошо.

Хотел в таком же шутливом тоне, который и она поддерживала, продолжать разговор, но голос предал меня.

Как мне крупно повезло, какое счастье подвалило провести время наедине. Вот случай признаться в любви. От волнения голова шла кругом, и все слова и мысли, которые вынашивал сказать ей, вдруг сплелись в какой-то клубок, не могу найти начало нити, чтобы размотать его.

Она расспрашивала меня о работе, нравится ли учить взрослых, слушаются ли они учителя. Балуются так же, как дети, или иначе? Наказываю ли их и как, выставляю за дверь или посылаю за дедушками и бабушками. Шутит, смеется. Отвечаю бессвязно, сбивчиво. Во рту сухо, горло першит.

- Подожди минуту, сбегая к реке, промочу рот.

- Зачем из реки пить. Пойдем ко мне, я напою.

Она встает, берет меня под руку, тихо открывает калитку и выпускает во двор. Сам себе не верю. По ступеням высокого крыльца с шаткими перилами поднимаемся в сени. Она прижала палец к губам и, кивая на дверь справа, дала знак соблюдать тишину, чтобы не разбудить хозяев. Ощупью прошли сени. Слышу, открыла дверь в свою комнату, и почувствовал, как из нее повеяло теплом. Она зажгла настольную лампу и вышла за водой. Собираясь с мыслями, осматриваюсь. Напротив меня стол, слева кровать во всю короткую стену. На кровати горка подушек, накрытых вышитой накидкой, белое покрывало. Напротив кровати старинный деревянный сундук. У стола единственная табуретка в комнате, на которую она предложила мне сесть. Между этими предметами очень узкий проход, едва можно разминуться вдвоем. На стене у двери прибита вешалка. За сундуком небольшое окно, выходит прямо к реке. Через окно пробивался лунный свет. Принесла в ковшике воду, и я на одном дыхании осушил его. Предложила чаю, но я отказался.

Как объяснить и признаться в любви? Как сказать: «Я люблю тебя!»? А она скажет: «Нет!» Что тогда делать? Она заметила мою скованность, стеснительность, растерянность и на правах хозяйки взяла инициативу на себя. Достала из сундука альбом, села на кровать напротив меня и стала показывать фотографии. Я еще в жизни не видел столько семейных фотографий. У нас в семье и десятка не наберется, а тут запечатлена вся жизнь родителей, ее самой с пеленок. Фотографии вывели меня из затруднительного положения, и я рассматривал их с интересом.

Видя, что мне неудобно, предложила сесть рядом с ней на кровать. Там, где она запечатлена на фотографии в спортивной форме, в купальнике на берегу реки, не решает смотреть, смущается, закрывает снимки руками.

Я попытался отнять руки со снимка, она упрямо с кокетством удерживала их. Шла шутливая игра. Перекидывая лист, все же успевал мельком увидеть ее стройный стан.

Близость ее и смущала и радовала меня, и я все теснее и теснее прижимался к ней, ощущая прикосновение упругого бедра и мягкого плеча. Пушистые волосы, спадавшие на плечи, приятно щекотали мое лицо, а их нежный запах кружил голову и перехватывал дыхание. Когда она поворачивала лицо в мою сторону, мутным взглядом любовно ловил ее веселые смеющиеся глаза, пытался увидеть в них взаимный отклик на возбужденные чувства. Мое пылкое желание обладать ею было доведено до полного накала. Я был готов совершить безрассудный поступок, схватить ее в объятия, отдаться безумной страсти и вкусить неизведанное наслаждение близости с ней.

Она почувствовала мое состояние и лихорадочную дрожь тела, заметила, как предательски изменился мой голос, интуитивно поняла, что происходило со мной. Вмиг соскочила с кровати. Я пытался удержать ее в объятии, но мои руки не успели обхватить ее тонкую талию и повисли в воздухе. В свете мигавшей лампы увидел лицо, покрывавшееся пятнами, а в глазах панический ужас. Она тотчас руками закрыла зардевшееся лицо и отвернулась от меня. Мне стало ужасно стыдно этой минутной слабости, и я уткнул лицо в колени.

- Извини, мы засиделись допоздна. Пора расставаться, - овладев собою, проговорила она.

- Да, да. Пожалуйста, извини меня... - с трудом выдавил из себя, стора от стыда, встал с кровати и направился к выходу.

Она набросила на плечи ту же пуховую шаль и вывела меня на крыльцо.

Луна, отвесно висевшая над головой, своим отражением, вместе с опрокинутым в реку мостом, верхушками тополей на берегу, купалась в тихой воде.

Почувствовав освежающую ночную прохладу, старался дышать глубоко, чтобы привести в равновесие взбунтовавшиеся чувства, унять разгоряченное сердце и обрести нормальное состояние. Предательница луна явно решила поиздеваться надо мной. Освещенная лунным светом, девушка казалась мне обворожительно красивой, и я вновь пришел в возбуждение и окончательно потерял дар речи. Белая шаль, обрамлявшая ее смуглое лицо, еще ярче подчеркивала прямой ровный носик, чуть припухшие нежные губы, только глаза немым укором пронизывали меня насквозь.

«Будь, что будет. Сейчас признаюсь ей», - решил про себя. Пока собирался с духом, она бросилась ко мне на шею, крепко обвила руками, прильнула ко мне. От неожиданности я чуть не задохнулся в поцелуе и был обескуражен. «Что происходит, как понимать этот поцелуй?» - соображал про себя. Она оттолкнула меня, стыдливо прикрыв лицо шалью, скрылась за дверью. Охваченный страстью, проявил смелость и решительно кинулся за ней, но дверь была крепко заперта.

Ощущая на губах горячий и страстный поцелуй, вновь возбуждая «пылкость уст, буйство глаз и половодье чувств», во весь голос криком: «Я люблю ее безмерно, и она меня любит, любит!» - хотел оповестить село и разрушить тишину и сказочную идиллию лунной ночи.

С этими чувствами бродил по селу всю ночь, строил невообразимые замыслы нашей будущей счастливой семейной жизни. Не сомкнув за ночь глаз, утро нового дня встретил за селом в любимой березовой роще.

Никогда еще роща не была такой милой и прекрасной, как в то утро. И солнце всходило необычно, заливая нежным розовым светом и речку, и окрестности села, желтеющие листья на березах, длинные тени которых лежали на росистой траве. По-иному просыпалось село. Как-то иначе горланили петухи, мычали коровы. Пастух, собирая стадо на выпас, покрикивал весело и звонко шелкал хлыстом.

Жизнь казалась такой прекрасной, а я таким счастливым, что сердце готово было выскочить из груди. С твердым намерением встретить любимую по дороге в школу, открыться в своих чувствах и в том, что передумал и решил за бессонную ночь, как на крыльях летел в село.

К моему удивлению, она не выразила радости при встрече, выглядела совсем не так, как я ожидал. Лицо осунулось, глаза полны печали, и смотрела на меня неприветливо и с укором.

- Что случилось?

- Ты сошел с ума. Люди увидят - что подумают о нас? - почти шепотом строго произнесла она. - Опомнись.

- Я тебя люблю! - смело и горячо сказал ей. - Я не мог признаться в этом вечером. За ночь я все обдумал. Без тебя жить не могу.

- Мальчишка!.. - насунив брови, укоризненно прервала она мое признание. — Пойми ты. Это не любовь, а просто увлечение. Ты еще не знаешь, что такое любовь.

Она говорила со мной, как с нашкодившим учеником, строго и назидательно. Но я упрямо стоял на своем и искренне уверял, что намерение и любовь серьезные и навек.

- Как же понимать тогда наш вечер, твой поцелуй?

- Считаю, что этого не было. Тебе просто приснилось, мой мальчик.

Меня покорило унижительное обращение, я растерялся, не зная, что сказать в ответ. Она же отвернулась от меня и, опустив голову, пошла по направлению к школе. Я не мог сдвинуться с места. Опустошенным взглядом смотрел на ее фигуру и не понимал, почему вздрагивали плечи, и она правой рукой прикладывала белый платочек к лицу. Не испытывал чувства жалости и не бежал за ней вслед. От обиды и отчаяния был парализован. Не мог еще полностью осознать, что моя любовь, мои чувства отвергнуты, и я потерпел полное крушение.

Долго, очень долго не мог успокоиться от крушения первой любви. До отъезда в военное училище всячески избегал встречи с ней. Мне было стыдно за себя, за свою слабость и уязвленное самолюбие.

Года через три, когда я был уже на фронте, неожиданно получил от нее письмо. Она взяла мой адрес у мамы. Вспоминала тот вечер при луне, мое объяснение в любви. Очень сожалела, что так нелепо получилось, просила верить, что не была безразлична к моим чувствам, питает ко мне взаимность. Тогда она не могла поступить иначе, обстоятельства вынуждали, какие - не объясняла. Просила прощения и попрежнему желала меня. Теперь руководит районом - работает первым секретарем райкома партии. Я не ответил на письмо. Стал другим. Война обкатала, огрубел, и чувства к ней давно остыли. Возврата к прошлому нет.

Нелегко, очень трудно писать о себе, порой стыдно и, наверное, безнравственно ворошить прошлое, но такая исповедь очищает мою душу от грехов и ошибок, которых за свою жизнь допустил множество.

Виктор даром время не терял. В бригаде женщин-вязальщиц работала девушка лет семнадцати, не старше. Мастерца на все руки, очень бедовая, смелая и острая на язык. Про таких в народе говорят, что в рот ей палец не клади - откусит. Слыла любимицей бригады. Девчонка - прелесть, на вид привлекательная, лицом смазливая. Среднего роста. Серое ситцевое платье, из которого она явно выросла, плотно облегло ее стройную фигуру и вырисовывало обворожительные изгибы ее стана. Под белую косынку прятала вьющиеся локоны русских волос. От светлых глаз с чувственным выражением трудно было оторваться, так и привораживала каждого. Губы не-много полноватые, но красиво очерчены.

Виктор ее заметил сразу и ломал голову, как привлечь ее внимание. Остановил волов рядом с ней и стал неумело собирать снопы и как попало: один в арбу, другой мимо - кидать их. Девушка не выдержала, смело подошла к нему и говорит:

- По всему видно, что вы человек городской.
- Разве заметно? - лукавит Виктор.
- По тому, как вилы держите в руках и как снопы кидаете в арбу, очень заметно.
- Может, научишь меня?

Девушка явно не ожидала такого оборота. Заметили и женщины, вязавшие снопы. Распрямились и обернулись в ее сторону.

- Покажи, Настя, свое умение. Пусть знает наших.

Насте делать нечего. Не отступать же? Проворно вилами подхватила сноп и с необыкновенной легкостью уложила в арбу.

- Мне бы такую помощницу, - хвалил Виктор.
- Откупную поставишь, отпустим, - сказала бригадир.

Виктор развел руками: что, мол, взять с бедного курсанта.

- Ладно, Настя, соглашайся. Обойдемся без тебя, - смеясь, продолжала бригадир. - Ничего, что хромой, но видно, парень не робкого десятка. Да смотри, не осрамись.

Перебрасываясь шутками, нагрузили арбу, и с тех пор между ними завязалась дружба. Виктору с напарницей не пришлось скучать больше утомительный путь до тока и обратно в поле. Я одобрил выбор Виктора и рад был за него.

Молодость всегда безмятежна, и у юности неограниченные потребности. Казалось, тяжелый и утомительный труд в знойную пору изнурял до предела, но стоило солнцу скрыться за горизонтом и с волжской низины повеять благодатной освежающей прохладой, как со всех сторон села молодежь стекалась к клубу на пятачок, где всегда царил веселье. По известным причинам не посещал пятачок Иван Романов. Сапунов рвался показать девчонкам галантное обхождение, и они с нетерпением ждали его, рассчитывая очаровать. Виктора арканом не удержат от свидания с Настей. Но мне-то что там было делать, когда танцевать не умел, а только стоя подпирал стенку клуба. Не раз давал зарок не ходить, выспаться хорошо, но, услышав гармонию, как и Виктор, принарядился, охорашивался перед зеркалом и спешил туда.

Любил со стороны смотреть и слушать, как девчонки, соперничая одна перед дру-

гой в азартном переплясе, пели задорные частушки о любви и страдании, разлуке и тоске. Песни сменялись танцами, и чуть ли не до самой утренней зари продолжалось веселье.

В один из вечеров мы оказались свидетелями ночного налета немецких самолетов на Саратов. Необычное и в то же время жуткое зрелище.

- Смотрите! Прожектора! - кто-то из курсантов крикнул тревожно, показывая в сторону города.

В ночной темноте десятки мощных световых снопов металась над городом. Тотчас смолкла гармонь и наступила гробовая тишина. Мне показалось, что я услышал, как учащенно забилося сердце в груди. Мы столпились, и все взоры устремились туда, где лучи прожекторов рыскали по небу в поисках вражеских самолетов. Погруженный в темноту город ожил. Зенитные батареи открыли заградительный огонь, и в темном небе засверкали вспышки взрывов. От нас далеко, не слышно звуков стрельбы и разрыва снарядов, как на экране немого кино, наблюдали за отражением налета вражеских самолетов.

Одному из прожекторов удалось зацепить в луч вражеский самолет, и в тот же миг ему на помощь устремились еще два луча. Вокруг точки скрещенных стрел плотно замелькали взрывы зенитных снарядов потянулись трассы зенитных пулеметов.

- Долетался, голубчик! - кто-то с радостью крикнул, когда снаряд попал в самолет, и лучи разбежались по ночному небу в поисках новой жертвы.

Между тем на земле тут и там показались световые всплески рвущихся бомб, запылали пожары. Через какое-то время до нас докатились дробные, раскатистые, глухие звуки взрывов.

Местные ребята объяснили, что немцы бомбят завод «Крекинг», не первый раз уже совершают на него налет.

Я виденное воспринял с глубоким переживанием, испытывая гнетущее состояние. Когда к нам приблизился необычный гул вражеских самолетов: «Ве-зу-у! Ве-зу-у!» ~ покидавших зону заградительного огня, и над нашими головами, под тусклыми звездами ночного неба, с устрашающим ревом черной тенью проплыла армада хищников, пятачок мгновенно опустел.

Вскоре последовало распоряжение отозвать курсантов в училище. У нас сборы недолги. На пятачок у клуба со всех сторон села потянулись курсанты. Некоторые шли с девушками, с которыми они познакомились. Пришло много женщин. Попрощавшись с милой хозяйкой, мы с Виктором пошли на пятачок, когда он, как улей, гудел от веселых шуток и смеха.

- Баста, ребята. Кончилась лафа, - встречая нас, с сожалением говорил Николай Сапунов. - Отъелись на тещиных харчах, переходим на казенное довольствие.

- Где же твоя молодка, Иван? - спрашивали ребята Романова. - Что же ты не пригласил ее?

Потупив глаза долу, изображая на лице мученическое выражение, вместо Романова отвечал Сапунов:

- Она в расстроенных чувствах и в обморочном состоянии осталась почивать в постели.

Романов, как всегда, невинно улыбался. Он делал вид, что это относится совсем не к нему.

Подожли директор совхоза и старший нашей группы. Шутки и смех смолкли, воцарилась тишина.

- Будем прощаться, друзья, - вымученно и как-то неестественно улыбаясь, сдвинув на глаза соломенную шляпу, обратился к нам директор совхоза. Он пытался скрыть переживания и подавленное настроение в связи с нашим отъездом, но это ему удавалось с трудом. Мы видели, как он сразу сник, осунулся, получив распоряжение о нашей отправке в училище.

Он подходил к каждому курсанту, с уважением кланялся и, пожимая руки, продолжал глухим, голосом говорить:

- Спасибо, сынки, спасибо. Хорошо помогли. Хорошо работали. Спасибо. Эх,

еще бы на недельку задержались, тогда бы принародно в пляс пустился. Полностью бы сдал и хлебопоставки. Спасибо. Удачи вам в учебе. Спасибо.

Окружившие нас женщины, не таясь, всхлипывали и концами платков утирали на глазах слезы.

Я тоже обеими руками крепко пожал влажную от волнения руку директора и посмотрел в его потухшие глаза. Сколько в них было печали и сожаления, несбывшегося желания, и я искренне сочувствовал ему.

- Мне тоже не по себе, - признался Виктор, - жалко расставаться с людьми. Подружились, сработались, и стали все как родные.

- Почему не пришла Настя? - спросил я Виктора. - Или ты не просил об этом?

- Она мне призналась, что терпеть не может этих сентиментальных проводов. Я, говорит, гордая, и в то же время такая же девушка, как и все, со всеми женскими слабостями. А вдруг при расставании с тобой у меня из глаз покажутся слезы, что тогда? Мне ведь жалко расставаться с тобой. Как-никак, привыкла к тебе. Тогда мне грош цена в базарный день, и прощай мой авторитет.

- Ты попрощался с ней? - продолжал я допытываться у Виктора.

- Прощался... - с сожалением и каким-то безразличием ответил он и небрежно махнул рукой. - На людях может обнять меня, да ты сам видел, и поцеловать, а остались наедине, и близко не подпускает. Недотрога. Она говорит, что случайные и скоротечные встречи еще не повод для проявления взаимных чувств, какими бы они ни были горячими и глубокими. Связать свою свободу ожиданиями встречи, когда ты сегодня здесь, а завтра Бог знает где, я, говорит, не могу. Обетов верности от меня не жди. Рада, говорит, была познакомиться с тобой, и пусть у нас останутся об этом самые приятные воспоминания, - Виктор крутнул головой. - Вот так-то! Молодец!

...Наша колонна давно миновала село, а хуторяне стояли на пригорке у клуба и вслед махали платками. Так закончилась наша страдная экспедиция.

В училище мы окунулись в крутой водоворот учебного процесса.

К нашему строю подошел высокий, стройный, красивый военный с тремя шпалами на черных бархатных петлицах, лет тридцати, с пышными усами, в сопровождении группы командиров. Старший группы подал команду и доложил о нашем прибытии в училище. Я старался рассмотреть подполковника. Умное и приятное лицо вызывало симпатию. Он обошел строй, пристально всматриваясь в наши лица, словно пытался запомнить каждого или как будто разыскивал среди нас кого-то знакомого.

- Превосходно загорели, поправились, словно с курорта приехали, - приятным голосом подбадривал нас.

Нам импонировало его душевное и свободное обращение, и мы, довольные, расплылись в улыбке.

- Мне доложили, что вы хорошо работали в совхозе. Хвалю. Молодцы. Надеюсь, что так же прилежно и старательно будете овладевать знаниями в училище.

Он вышел на середину строя, и его голос зазвучал строже и тверже:

- Я ваш командир четвертого дивизиона подполковник Бабыкин. С завтрашнего дня вы приступаете к занятиям по расписанию. Ни минуты промедления. На обустройство в казарме и приведение себя в надлежащий курсантский вид - сегодняшней вечер. Не скрою, вас ждут большие трудности и суровые испытания в учебе. Не отчаивайтесь. Время тяжелое, идет война. Жестокая война. Враг под Сталинградом. Для действующей армии нужны грамотные командиры. От того, какие вы получите знания, будет зависеть успех в бою, судьба подчиненных и ваша личная судьба. Военному делу надо учиться настоящим образом.

Обращение к нам прервала громкая команда командира проходившей рядом с нами батареи курсантов:

- Смирно! Равнение направо! - сотня курсантских ног по булыжной дороге четко отбивала строевой шаг и громким эхом отдавалась между высокими зданиями.

Мы невольно повернули головы в сторону проходившей мимо нас курсантской батареи. Совсем молоденькие, худые, курсанты, словно слитые, шли дружно, тесно прижимались друг к другу, вскинув подбородки, тянули руки по швам и держали без-

укоризненное равнение.

- Во дают, - шептал мне Виктор, - как на парад вымуштрованы.
- Нас тоже научат так ходить, а может, вышколят еще лучше, - ответил я.

Подполковник Бабыкин подал команду «вольно» и обратился к нам:

- Это курсанты нашей одиннадцатой батареи. Гордость дивизиона. Прибыли к нам из Киевской артиллерийской спецшколы. Они уже месяц учатся у нас. Вам придется догонять их, наверстывая упущенное. — Потом обратился к командирам, стоявшим позади него: - Итак, не будем терять времени, товарищи командиры. Пополнение хорошее. Смотрите, какие бравые молодцы стоят перед вами. Вижу, они маленько в совхозе расхолодились, отвыкли от дисциплины, строя... - И вновь повернувшись в нашу сторону, смягчив голос, спросил: - Верно я говорю, товарищи курсанты?

Мы в разноречии и недружно ответили:

- Верно, верно.

Он продолжал твердо чеканить, обращаясь к командирам:

- Обратить внимание на внешний вид, строевую выправку, строгое выполнение распорядка дня. Никаких отступлений и послаблений. С первого дня поддерживать железную дисциплину. А сейчас - развести курсантов по батареям.

Выслушав командира дивизиона, я убедился, что зачислен курсантом в училище и теперь путь моей жизни решен окончательно и сомнений в его верности у меня не возникнет. Поделился с Виктором этой мыслью, и он ее одобрил. Нас с Виктором распределили по разным батареям, но он заверил, что будем встречаться и поддерживать друг друга.

- Не отчаивайся, - сказал он на прощание, - правда, нелегко нам придется. Помнишь, о чем нас предупреждал Дима Зудов? Но я думаю, что не так страшен черт, как его малюют.

Виктор с нашими друзьями ушел в десятую батарею (командир батареи лейтенант Безруцкий) - во взвод лейтенанта Хондоженко; я же - в двенадцатую (командир батареи старший лейтенант Тонконог) - во взвод лейтенанта Борисенко.

Давно известно, что как себя настроишь, так и пойдет учеба и служба. Я твердо решил с этой минуты все свои личные интересы, помыслы и надежды на будущее связать с общими интересами. Свои знания и силы посвятить честному служению Отечеству, проявлять старания и усердие в учебе, чтоб успешно окончить училище.

За Волгой разлился малиновый закат, и последние лучи уходящего солнца горели на кирпичных и черепичных крышах училища, обливали одноэтажные домики окраины города, окна которых так мило и приветливо улыбались нам. После трудного дня опустел городок и манежи, тихо на плацу, наступил умиротворяющий вечер. Курсанты сидели на самоподготовке, а мы, новички, обустроивались в казарме. Настроение царило, как перед первым свиданием с девушкой. Я делал все с особым подъемом и радостью, жесткой соломой набивал матрац и наволочку и волок на второй этаж казармы, где располагался дивизион. От нас в дальнем конце казармы штаб дивизиона, батарея Виктора, посередине батарея спецов - одиннадцатая, а мы с этого входа в казарму. Между батареями дверей не было, широкие проемы, и это позволяло в проходе делать построение всего дивизиона на утренний осмотр, вечернюю поверку, разводы на занятия.

Тесно в батареях. Оттого и жмутся между собой двухъярусные кровати, между которыми едва втиснуты прикроватные тумбочки в два этажа. В нашей батарее половина курсантов размещалась на двухъярусных нарах. Мне досталась кровать на втором ярусе, внизу занимал место старшина батареи. От прохода кровати отделяла стенка оружейной пирамиды и предохраняла от сквозняков, а изголовье упиралось в круглую голландскую печь. Зимой убедился в преимуществе своего положения. Вначале сетовал на соседство, не слишком приятно быть под неусыпным оком старшины. К счастью, старшина оказался совсем не таким занудным и придирчивым, каким остался в памяти старшина Моргун. Спокойный, степенный, обходительный и вежливый, в общении с курсантами только «на вы». Старше меня лет на восемь. Из Ленинграда. Интеллигентный, обаятельный. Правильные черты лица, без особых примет. В черных петлицах с перекрещенными стволами пушек четыре рубиновых треугольника. На правой сторо-

не гимнастерки две нашивки за ранения.

Помощником командира взвода был сержант Лопко, тоже из фронтовиков. У нас половина батареи были фронтовики. Лопко рослый, высокий, худощавый, как и старшина, спокойный и выдержанный. Не выделялся рвением в исполнении обязанностей помкомвзвода, главным для себя считал приобрести знания, но, как и старшине, они давались с трудом. Давно были оторваны от школьной парты, многое забылось, а на-верстывать упущенное всегда нелегко.

У меня не сразу сложились хорошие взаимоотношения с командиром взвода лейтенантом Борисенко. Он только что окончил училище и его, как отличника и подающего надежды хорошего службиста, оставили в училище для подготовки курсантов. Ему не хватало на первых порах опыта обучения и воспитания подчиненных: действовал чаще интуитивно, следуя не лучшему примеру своего предшественника, который воспитывал его. Видимо, он долго будет множить его и свои ошибки, пока не поймет и сам не исправит их. Наверное, я так же буду множить свои ошибки, заимствуя у Борисенко.

При знакомстве он предстал перед нами в полном блеске новенькой формы, ладно подогнанной по его крепкой фигуре.

Цвета хаки коверкотовая гимнастерка, темно-синие бриджи, безупречно отутюженные, были заправлены в хромовые сапоги, книзу собранные в гармошку и начищенные до зеркального блеска. Источая свежий запах кожи, богатырскую грудь плотно облегла двухплечая португеза, а широкий ремень перетягивал тонкую талию. Руки тяжеловеса, и видно было, как бицепсы перекачивались под рукавами гимнастерки. Видный парень. Лицо круглое, румяное, прямой подбородок, губы ровные, без изгибов. Отдавая распоряжения или делая замечания, он краснел до корней волос, и лицо становилось таким же пунцово-красным, как его кубари в петлицах. Он не терпел неряшливости в одежде. У него всегда был безукоризненный внешний вид и строевая выправка, чего требовал и от нас.

Был вспыльчив и горяч, не терпел никаких возражений. Это мешало ему в службе. Наверное, он сам переживал, когда допускал промахи и ошибки, когда в горячке кому-либо незаслуженно наносил обиду или огорчал. Главное, он старался, чтоб во взводе все было хорошо. Не мог он понять, что по молодости мы были близки к детству и могли проявить ребячество. От нас можно было ожидать любых непредсказуемых поступков. Поэтому между ним и нами, курсантами, происходили не-предвиденные поединки.

Еще в самом начале учебы во взводе проходило комсомольское собрание. Обсуждали вопрос о примерности комсомольцев в учебе и дисциплине. И надо же было мне выступить на нем в защиту курсанта Дьяченко, которого командир взвода незаслуженно наказал. Борисенко расценил мое выступление как посягательство на его авторитет и меня грубо оборвал:

- Приказ командира должен быть выполнен безоговорочно, даже если он не-справедлив.

- Товарищ лейтенант, я не обсуждаю ваш приказ и совсем не посягаю на ваш авторитет, - оправдывался я. - Но...

Лейтенант был непреклонен в своем мнении:

- Прекратите пререкания!

- Товарищ лейтенант, мы же не на занятиях, а на комсомольском собрании. Обсуждаем вопрос, обмениваемся мнениями, в чем же мои пререкания?

- Четыре наряда вне очереди, - багровея лицом, объявил он мне взыскание.

Меня тоже понесло, не удержался и от обиды выпалил:

- Выходит, поговорка верна. Прав тот, у кого больше прав.

Четыре ночи кряду после отбоя мыл полы в казарме, ползая на четвереньках под кроватями. Казарма темная, мрачная, под кроватями совсем ничего не видать. Мыл пол наощупь, вдыхая сырую вонь половой тряпки и портянок; только, мне в утешение, окна, заполненные лунным светом, сияли приветливо и отвлекали от мрачных мыслей.

Не знаю и не утверждаю, осознал ли лейтенант, что в отношении меня поступил несправедливо, но я одно понял, что он был не злопамятен. Позднее он круто пере-

менил к лучшему свое отношение ко мне, проявляя полное дружелюбие и внимание. Назначил чтецом-агитатором во взводе. Я получал газеты и держал курсантов в курсе всех событий на фронте и в стране. В те дни, когда я простудился и схватил воспаление легких, он освободил от несения нарядов, физической зарядки и подготовки, даже от чистки лошадей. К концу обучения перед экзаменами стал поручать мне проводить занятия по огневой службе. Я старался оправдать его доверие, тщательно составлял план проведения тренировок, и даже командир батареи, посещавший занятия, не делал существенных замечаний. Полученная прекрасная практика работы старшего офицера на батарее мне на фронте пригодилась как нельзя кстати.

Командир батареи старший лейтенант Тонконог, многоопытный командир, степенный и спокойный, во всем отличался от молодого лейтенанта Борисенко.

На нем гимнастерка не первой свежести, не новая, как у командира взвода, и ремни не скрипят - старые, неизменная планшетка на тонком ремешке, перекинутом через широкое плечо. Среднего роста, коренаст. Лицо обветренное, загорелое, с густыми черными бровями.

Комбат, влюбленный в свою профессию, постоянно воспитывал в нас качества, необходимые командирам, старался влюбить нас в артиллерию. Будил в нас артиллерийскую сметку, военную мысль и инициативу. Прививал культуру поведения и общения с подчиненными. Поощрял самостоятельность мышления и действий, учил анализировать промахи и ошибки, никогда не бояться правды и не жалеть сил для службы.

- Сегодня вы - курсанты, а пройдет совсем немного времени, и вы будете самостоятельными командирами. Надо будет самим учить, воспитывать подчиненных, - постоянно внушал нам. - В армейском деле нет мелочей, поэтому ничем и ни в чем не пренебрегайте ими.

Он и на занятиях в поле дотошно рассматривал и проверял, как владеем лопатой, как отрываем окоп, как замаскировано оружие, как работаем и выполняем обязанности оружейных номеров у пушки. Ничто не ускользало от его зорких глаз.

- Покажи на карте точку своего местонахождения, - обращался он. Покажешь, а он еще сам проверит, каким способом найдена данная точка. - Карта - это та же местность, только в уменьшенном виде. Надо четко представлять себе характер местности, на которой предстоит совершать марш, занимать огневую позицию, определять расстояния. Надо дружить с картой, она ваш советчик, — наставлял он.

Тонконог проявлял исключительную заботу о курсантах. В малом и большом требовал от командиров взводов и старшины чуткого отношения к подчиненным. В то же время был очень строг к выполнению служебных обязанностей каждым в поддержании порядка и чистоты в расположении батареи, поэтому дневальные не выпускали из рук тряпку и весь наряд то и дело протирали тумбочки, подоконники, окна, лестницу.

Однажды я был дневальным по казарме. Дежурный перед обедом ушел в столовую на заготовку пищи. Я остался один на посту. Неожиданно вошел в казарму комбат. Как меня научили, четко доложил ему. Он заметил, как я стушевался от старания и покраснел, слегка улыбнулся и сделал замечание:

- Хвалю, но не упускай из виду мелочей. Клинок надо не за эфес держать, а левой рукой слегка его подхватывать снизу.

И это не ускользнуло от него. С ним обошел расположение батареи. Он придиричиво, сощурился левый глаз, словно прицеливался, смотрел на равнение простыней и полотенец, на заправку подушек, шинелей на вешалках. Заглядывал в тумбочки, под кровати, нет ли чего лишнего. Приказал открыть пирамиду и на выбор проверил чистоту винтовок.

- Где Ваша винтовка? - спросил меня.

Как положено, я отчеканил номер винтовки и подал ему. Он вынул затвор, на свет просмотрел чистоту канала ствола и молча передал мне.

Жара спала. Наступили теплые и тихие августовские дни. Не надо больше искать укрытия от жгучих лучей. Теперь они нежные, приятно щекочат лицо, от чего разливаются по телу истома, хочется закрыть глаза и предаться забвению.

Но нам не до блаженства. Мы идем на конюшню, чтоб разобрать лошадей на занятия по конной подготовке. Командиры торопятся скорее научить нас верховой езде, умению хорошо держаться в седле. Скоро предстоят выезды в поле на тактические занятия с пушками. Курсанты ропшут. Промежности у всех потерты. Не успеют зажить, как вновь надо прыгать в седло. Ходим в раскорячку, словно после порки розгами.

Как-то встретил Виктора. Раскорячившись, идем навстречу друг другу. Он ерошит короткие выгоревшие волосы. Лицо кислое, настроение никудышное. Меня разбирает смех. Куда подевалась ухарская удаль?

- Что случилось? - стараясь выразить сострадание, участливо спрашиваю его.

- Это же издевательство над человеком, - сморщив лицо, возмущается он, - каждый день заладили «конную». В гробу бы я ее видел. Калеку сделали...

Я тоже жалуясь на свои болячки. Он продолжает:

- Понимаешь, пошел в санчасть, показываю ссадины. Так, мол, и так, помогите. Ходить больно, не то что трястись в седле. Они помазали чем-то и говорят: «До свадьбы заживет». И еще смеются при этом. Я говорю, дайте освобождение от конной, а они: «От этого еще никто не умирал». Не доктора, а коновалы.

Курсанты просят у командира взвода сделать снисхождение и меньше гонять нас учебной рысью без стремян. Показываем ему потертости, покрытые коростами. Но лейтенант Борисенко невозмутимо улыбается:

- Как же вы хотите не натереть нижнее место и научиться сидеть в седле? Тако-го не бывает! Все с этого начинают. Я и так делаю вам послабления, а если бы видели, как нас учили, тогда бы язык прикусили. Учебная рысь, да еще без стремян, для того применяется, чтобы вы научились уверенно держаться в седле и умело использовали шенкеля.

Мы начинаем галдеть.

- Отставить разговорчики, - переходит лейтенант на деловой тон и приказывает: — Разобрать лошадей и выводить из конюшни!

Подхожу к своему гнедому. Он недовольно косится. Хлопаю его по крупу, чтоб дал мне возможность свободно подойти к яслям. Снял недоуздок. Надел уздечку. Не любит удила. Сжал желтые зубы, оскалился, едва удила втолкнул ему в рот. Накидывая седло, ворчу:

- Опять будешь меня трясти. Тебя бы на мое место. Смотри, что наделал, еле хожу. Знаешь, что такое сидеть в этом проклятом, как железо, твердом, драгунском седле?

Конь словно понимает: покачивает головой и снисходительно смотрит на меня.

- Подтяни живот! - прошу его, подтягивая подпругу, - опять брюхо надул.

Толкаю коленом в живот, конь уступает мне, дает возможность туго подтянуть подпругу. В прошлый раз он обманул меня. Седлая, я не заметил, как он напрягся и вздул живот. Во время езды в манеже подпруги ослабли. После хлесткого удара командира взвода плетью он сиганул в сторону, и я еле удержался, а то бы вместе с седлом свалился на землю.

- Выводи коней на построение! - зовет команда.

Тяну гнедого. Упирается, идет за мной, как невольник.

- У всех кони как кони, - ворчу, - а ты зануда. Вон, смотри: почуяв на себе седло, рвутся из конюшни, под уздцы не удержишь, а ты, как кляча.

- По коням!

Подавая команду, лейтенант Борисенко придирчиво следит: правильно ли делаем посадку в седло. От его зоркого взгляда не укроешься.

- Кто же так садится? - лейтенант делает кому-то замечание. - Еще раз показываю, как надо правильно садиться в седло. Всем внимание на меня.

Поставив левую ногу в стремя, а левой рукой (с поводом) взявшись за гриву коня у седла, он, прогнув спину, мгновенно правой рукой берет за заднюю луку, слегка подтягивается и прямую правую ногу перекидывает через седло. Легко и изящно его грузное тело оказалось в седле.

- Что вы, как старики, гнетесь в три погибели и мешками валитесь в седло?

После этого следует несколько раз повторение команды «Садись!», «Слезай!».

Едем за военный городок. Здесь, за хозяйственными постройками училища, квадратами из легких и тонких жердей обозначены манежи для занятий конной подготовкой. Рядом с манежами установлены препятствия. За ними оборудована полоса для рубки лозы. Еще дальше - стрельбище. Тут открытое и безлюдное поле, и где-то далеко-далеко в синеватой дымке горизонт упирается в небо. В полуверсте от наших построек - высокие земляные капониры, в которых стоят двухмоторные бомбардировщики. За ними - учебный аэродром, где день и ночь не смолкает гул самолетов, там тоже учат курсантов, но уже другому делу. Я уже не тешу себя надеждой вернуться в авиацию и быть летчиком. Погляжу в их сторону, вздохну с сожалением и отворачиваюсь, чтобы не бередить душу.

Вооружившись длинной плетью с волосяным концом, командир взвода выходит на середину манежа и протяжно, по-кавалерийски, подает команду:

- Дистанция на одну лошадь, по кругу ма-арш!

Держусь в седле. Но конь упрямится, так и хочет проявить норов. На первом занятии, почуяв в седле неопытного наездника, он ни с того ни с сего взбрыкнул, подкинув задние ноги вверх, и я чуть не вылетел из седла. Больно ударился о переднюю луку, припал на шею, крепко ухватился за гриву. Наказать бы его, пришпорив как следует, или плетью огреть за строптивость, но, к сожалению, нет у меня ни хлыста, ни шпор.

Изо всех сил бью гнедого каблуками боками, чтоб наказать за шалость.

- Учебной рысью! - подает команду взводный и, делая суровое лицо, ловко взмахивает длинной плетью; та, извиваясь змеей, в подсечке издает хлесткий звук, как выстрел из пистолета. И так же резко звучит голос лейтенанта:

- Повод по-учебному!
- Прижать локти к туловищу!
- Не болтать руками!
- Подобрать животы!
- Прогнуть спину, сидеть ровно!

Я разобрал повод по-учебному, зажал его между пальцами - безымянным и мизинцем, пропустил по ладони и прижал большим. Под прямым углом, согнув, жму локти к туловищу.

- Работать шенкелями! - гремит лейтенант, - крепче прижиматься к бокам лошадей!

Видя нашу немощность, командует:

- Бросить стремя!

Невозможно описать то смятение чувств и мыслей, которые я испытывал при езде учебной рысью без стремян. От удара об седло отбивало печенку, зубы стучали и мутнело в голове. Из груди невольно вырывался стон. Я пытался сдерживать его, корчась от боли, крепко стискивал зубы. Пробовал противоположную от лейтенанта ногу сунуть в стремя и тем самым облегчить свое положение, но мои старания были тщетны. Командир взвода замечает хитрость. Он видит, как при этом теряется равновесие и начинает меня покачивать в седле. Следует строгое предупреждение, сопровождаемое хлестким выстрелом хлыста...

Конная подготовка стоила мне огромных усилий, и когда программа обучения была закончена, от радости я едва не лишился чувств, хотя понимал, что это не конец, а только начало. Впереди - фронт. Через некоторое время буду самостоятельно командовать взводом, самому придется учить тому, что познаю сам.

«Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...» - говорилось в приказе № 227 Верховного Главнокомандующего. Суть его можно выразить в трех словах: «Ни шагу назад!» Суровые слова правды глубоко запали в наше сознание, и мы пытались понять, и проникнуться сложившейся на фронте обстановкой.

Несмотря на то, что гитлеровские полчища дошли до Сталинграда, приказ вселял полную уверенность, что мы победим, и Сталинград будет тем рубежом, от которого

Красная Армия будет исчислять поступь к нашей победе.

За время ведения боевых действий наша армия обогатилась большим опытом ведения боев, и преподаватели стремились к тому, чтобы мы овладели им, могли бы использовать его и бить врага наверняка. Они раскрывали нам секреты вражеской тактики, и мы постигали их. Изучали новый «Полевой Устав», новые правила стрельбы артиллерии, приемы борьбы с пехотой и танками. Мы были одержимы одной страстью: «Скорей бы закончить учебу, и на фронт!»

За лето наши гимнастерки пропитались потом, но преподаватели убеждали нас: «Лучше в учебе проливать пот, чем потом в бою напрасно проливать кровь!»

Не было человека деятельнее преподавателя артиллерии майора Толокольниковца, среднего роста, худощавого, на вид моложавого, но морщинки, пробивавшиеся на высоком лбу, и усталые глаза, выдавали его возраст. Ему было лет за пятьдесят. Мы сразу полюбили его за беззаветную любовь и преданность своему предмету. Он старался не терять напрасно ни секунды учебного времени. Он не входил в аудиторию, а влетал, не выслушивая доклад дежурного, бросал на стол портфель, вооружался мелом и на доске писал данные для решения летучки по подготовке данных для стрельбы, приговаривая: «Проделаем гимнастику для мозга».

Учитывая степень и уровень образовательной подготовки и даже возраст, он понимал: за такой короткий срок обучения не все в состоянии усвоить полную подготовку, к примеру, данных для стрельбы с учетом метеоусловий и, зная, что едва ли кто из нас попадет в артиллерию РК, говорил:

- В основном, вы получите направления в полковую и дивизионную артиллерию, то есть на самый передний край, - поддерживать пехоту и кавалерию огнем и колесами. Времени для подготовки данных для стрельбы будет в обрез. Поэтому единственными способами будут глазомерный или по карте, едва ли даже по планшету с привязкой на местности. Вот почему вы должны развивать глазомер, учиться точно определять расстояния на местности и уметь в считанные секунды подготовить в уме данные для стрельбы.

Я привык к его экстравагантности, научился ворошить мозгами, делать быстрые и точные вычисления и еще успевал помогать старшине, сидевшему рядом со мной. Моим соперником был Иван Колодий, красивый украинец. У него темные глаза, высокие, вразлет, брови, нос с горбинкой. Меня заедало самолюбие, когда он опережал меня. Мы соперничали друг с другом, шли впереди всех, голова в голову, ухо в ухо, как говорят конники.

Не хвастаясь, могу сказать, что майор был твердо уверен в нашей подготовке, не раз ставил нас в пример при решении артиллерийских задач, на выпускных экзаменах без риска доверил мне одну из редких и сложных стрельб - стрельбу с большим смещением, чем немало озадачил меня. Пуше всего я боялся этой стрельбы, и она досталась мне.

От изумления на миг онемел, но, видя на лице майора подбадривающую улыбку, вселявшую в меня уверенность, собрался с духом, глубоко вздохнул, спрыгнул в окоп стреляющего и весь углубился в расчеты. Хотелось оправдать доверие любимого преподавателя, не подвести его, отличиться перед руководителем стрельбы полковником Солодченко, самим начальником училища, стоявшим рядом с членами комиссии.

Подготовив данные, доложил о готовности открытия огня. Полковник незаметно дал знак майору проверить: не фугану ли снаряд от цели куда-то в степь? Майор с карандашом в руках прошелся по расчетам, утвердительно кивнул полковнику, и тот дал разрешение открыть огонь.

Стрелял из 152-миллиметровой пушки-гаубицы. Подал на огневую позицию соответствующую команду, стал ждать. Сквозь февральский ветер глухим хлопком донесся издали звук выстрела, подтвержденный телефонистом. Все повернули головы в сторону эха, и вскоре в сплошной облачности, в стороне от наблюдательного пункта, еле слышно пробублькала снаряд. Окулярами стереотрубы, вместе с наблюдателями, я впился в темное пятно на снежном поле, служившее целью, едва просматриваемое в серой пелене дымки, ожидая падения снаряда. С небольшим отклонением от цели

взметнулся мощный взрыв. Я ликовал. Теперь-то не составило труда ввести корректуру и перейти на поражение.

Сделав расчет, стал подавать команду, но тут меня упредил руководитель стрельбы:

- Стой! Отставить команду!

Я оторопел.

«Неужели просчитался? Где допустил оплошность?» — гадал в уме, чувствуя, как холодная дрожь прокатилась по телу.

Полковник заметил мое смущение, его губы тронула улыбка, и, не то обращаясь ко мне, не то к комиссии, он сказал:

- Не следует напрасно расходовать снаряды. Данные для стрельбы говорят сами за себя.

Майор, улыбнувшись, хлопнул меня по плечу, выпроваживая из окопа.

Я получил превосходные знания по артиллерии и потом на фронте не раз добрым словом вспоминал своего учителя.

Осень 1942 года выдалась на редкость скверная. Давно уже не показывалось солнце. Небо было затянуто низкими хмурыми облаками: то моросил дождь со снегом, то «крупа» сыпала, то валил снег, то вдруг потеплеет и наступает распутица, тогда уже ноги не вытащишь из раскисшей грязи. Нагрузки в учебе с каждым днем возрастали.

Не так-то просто было сосредоточить внимание и слушать объяснения преподавателя, когда холодный ветер пронизывал шинель насквозь и добирался до ребер. Ежась от озноба и сырости, мы с нетерпением ждали окончания занятий, чтобы скорее добраться до казармы и обнять голландку. Возвращались к вечеру усталые, голодные и продрогшие от холода.

В канун празднования 25-й годовщины Октября вижу: Виктор из конца длинного коридора машет мне рукой, зовет к себе. Бегу.

- У меня сегодня радость, свой праздник, - таинственно сообщает он и тянет меня за руку к тумбочке. - Я получил от мамы посылку. Сейчас угощу домашней сдобой. Пальчики оближешь.

Он открыл тумбочку, и в нос ударил ароматный запах ванили. Моментально в памяти всплыл дом и мама, хлопочущая у печи, такой же аромат от выпекаемой ею к праздничному столу сдобы.

От предвкушения сдобы у меня невольно закружилась голова и накатились слюна. Чтобы Виктор не заметил мое смятение, постарался тайком проглотить ее.

Мы питались впроголодь. Очень скромный паек. С ощущением пустого желудка выходили из столовой. По буханке хлеба утром и вечером на ужин, по полторы на обед на артельный стол, за которым размещалось двенадцать человек. Порции маленькие, не насытишься. О приварке говорить не приходилось, совсем жидкий. Более или менее наедались в обед, и я всегда с нетерпением ждал его, так как на третье подавали компот, очень вкусный. До сих пор кажется, что ароматнее такого компота я в жизни больше не пил нигде.

Те курсанты, кому родители присылали из дома деньги, имели возможность покупать у местных старушек снедь: помидоры, картошку, вяленую рыбу, семечки, — существенно дополняли свое довольствие. Я не мог позволить себе такой роскоши. Денежное довольствие отдал в фонд обороны, мама из скудного заработка уборщицы не могла присылать денег, сама нуждалась в помощи и с нетерпением ждала, когда окончу училище и буду помогать ей. Чтобы не соблазняться и не расстраивать свой аппетит, отходил подальше от тех, кто за обе щеки с аппетитом уплетал помидоры с картошкой.

Что греха таить, ухаживая за конем, обирал его, уносил с собой горсть овса, а потом тайком лузгал его, как семечки. Был еще источник, которым почти до окончания училища пользовался. Неомолоченное просо в скирде хранилось под навесом. Темными вечерами бегал туда, обминал метелки, наполнял просом карман. Нравилось просо, хотя и с шелухой. Сытное и утоляло голод. Да разве я один торил туда дорожку, веселой гурьбой туда бегали все.

С необыкновенным удовольствием, с жадностью и до икоты, молча ел сдобные ватрушки. Взглянув на улыбавшегося Виктора, смутился, стало стыдно.

- Чего ты краснеешь, как красная девица, - успокаивал Виктор. - Ешь. Хоть один раз да досыта. Я еще на почте не утерпел. Вскрыл посылку, и, пока шел до казармы, видишь, насколько ее убавил. Не стесняйся, ешь.

Моя грудь была переполнена счастьем. Как мало надо человеку: три-четыре сдобных ватрушки или горсть неочищенного проса, и ты готов уже пуститься в пляс. Сытый и довольный встречей с Виктором, подошел к круглой и теплой голландской печи, обнял ее, приложил щеку, испытывая блаженство от тепла.

За запотевшими окнами заунывно бушевал разгулявшийся волжский степняк. Крупные капли дождя с крупной барабанили по стеклам, навевая грусть и тоску.

Меня постоянно знобило, нездоровилось, дрожал от холода.

- Чего мучаешь себя, сходил бы в санчасть, - участливо обратился Виктор.
- Ходил, да толку что, - отвечал ему. - Температура невысокая, говорят, молодой - выдержишь. Дали освобождение от нарядов, физзарядки. Все бы ничего, но постоянно испытываю вялость, головокружение. Приходится напрягаться, чтобы усвоить материал.

- Где же ты простудился?
- Где же, как не на физзарядке. Выдумали, закалять. На мороз, в непогоду в одной нательной рубаше, чуть не голяком, а то и с голым торсом.
- Главное, не падай духом. Держись, - советовал он.
- А тут еще не дают покоя ночные тревоги, - жаловался я Виктору.
- Зачастую немецкие бомбардировщики навевываются на Саратов. Даже до нас долетают, - добавил он.

- Не очень приятно по сигналу воздушной тревоги вырываться из-под теплого одеяла, наспех одеваться и с трехлинейкой бежать на улицу, сидеть в окопе, дрожать от холода, - соглашаясь с Виктором, говорил я.

Однажды ночью над нами проплыли немецкие бомбардировщики, преследуемые нашими ночными истребителями. Шла перестрелка. Одного так прижали к земле наши истребители, что он низко пронесся над нашим городком, в панике сбросил смертоносный груз, абы куда попало. Бомбы упали на пустырь рядом с дорогой, недалеко от проходной авиаучилища, по которой мы всегда ходили в город. От ударной волны пострадал небольшой жилой домик, стоявший на пригорке.

Проходя мимо огромных и глубоких воронок, я не раз испытывал неприятное содрогание и ощущение этой страшной разрушительной силы.

- Вы-то сидели дальше, чем мы. Мы почти рядом, где бомбы грохнули, - со смехом рассказывал Виктор. - Меня зло заело: «Ах ты, гад ползучий, куда махнул!» Клял я его и давай раз за разом посылать ему вслед выстрелы. Всю обойму расстрелял. Старшина заставил собрать гильзы, принести и отчитаться. Темно же в окопе, хоть глаз выколи, ничего не видно, и посветить нечем. Всю грязь перемесил, пока их нашел.

Я вел себя в ту ночь не так храбро, как Виктор. Тревожно всматриваясь в темное ночное небо, по вспышкам выстрелов и трассам пуль определяя местоположение самолетов, жался к брустверу окопа. Изготовившись к стрельбе, целился, куда бы пальнуть, но, вспомнив про чистку винтовки после стрельбы, не стал стрелять. Да к тому же моя пуля самолету, что слону дробинка. Когда послышался свист падающих бомб и грохот взрывов, от которых содрогнулась земля, я ощутил страх и подумал: «А что, если другие самолеты сыпанут свой груз на нас? Ахнет рядом - и в клочья!»

Наша однообразная жизнь, занятая напряженной учебой, скрашивалась в выходные дни. Мы, как глотка свежего воздуха, ожидали их с нетерпением. Командование понимало нашу усталость и делало все возможное, чтобы мы могли отдохнуть морально и физически. После спортивных соревнований и лыжных кроссов вечерами посещали Дворец культуры при авиаучилище. Там я смотрел постановки: А. Корнейчука «Фронт», М. Горького «Егор Булычев», «Варвары», А. П. Чехова «Три сестры», «Дядя Ваня», выступления окружного ансамбля песни и пляски, Саратовской филармонии, концерты столичных артистов. Запомнились сатирики Рудаков и Нечаев.

В училище была своя самодеятельность. Самодеятельными талантами особо блистала одиннадцатая батарея, сольным исполнением в ней выделялся Володя Котляров.

Коронным номером у него была итальянская песня «Санта Лючия». Как он ее пел! Звонкий, четкий, чистый голос серебряным колокольчиком завораживал зал. Как растапливает самые черствые сердца и приводит в умиление незаметная серенькая птаха соловей, выводящая замысловатые рулады, так делал и Котляров. Щуплый, худой, тонкий, круглолицый, с оборотительной улыбкой, он приводил своим исполнением слушателей в восхищение. Они приветствовали его стоя. Зал буквально взрывался дружными аплодисментами и не отпускал Володю со сцены, пока он не повторял снова. Мы с Виктором ладоши отбивали, аплодируя ему, после концерта бежали за кулисы, чтобы поздравить с успехом.

Там же познакомились с киевлянином Ефимом Райгородецким. Ефим, как и Виктор, плотного телосложения, русоволосый, глаза чуть навывкат, нос ровный, чуть с горбинкой, и на правой щеке заметная родинка. По первому взгляду я заметил, что он умный и добрый человек. Мы с ним легко сошлись и были в приятельских отношениях.

Незабываемым остался в памяти и произвел неизгладимое впечатление концерт югославской певицы, в особенности песня «Ночь над Белградом тихая». Ее очаровательный образ до сих пор стоит в глазах. Невысокая, хорошо сложена, в платье из черного бархата, узком в талии, подчеркивавшем стройность ее фигуры, из-под которого мелькали туфельки с золотым отливом.

Сохраняя на красивом лице лукаво-таинственную улыбку, она кокетливо вскидывала головку с локонами пышных черных волос, падавших на плечи, а темными выразительными глазами, устремленными в зал, словно притягивала к себе зрителей.

Задумчивые слова песни с нежной грустью лились из ее высокой груди. Пленные песни, в тот миг мы жили душой и сердцем с югославским народом, нашими братьями, ведущими под руководством Иосипа Броз Тито героическую борьбу с фашистскими оккупантами.

После исполнения песни зал дружно взрывался овацией. Мы стоя аплодировали и не отпускали со сцены, пока она дважды не повторила песню. Колоссальный триумф! Исполнив песню, она уходила за кулисы радостная и возбужденная, как и мы, но аплодисменты не смолкали. Она легко и грациозно, с очаровательной улыбкой вновь выходила на сцену, раскланивалась в знак признательности за горячий прием. Этого мгновения нам было достаточно, чтобы полюбоваться ею и сохранить ее милый образ в сердце, чтобы потом не единожды встретиться с ней во сне.

Виктор запомнил два или три куплета песни и при встрече с друзьями часто, не раз своим грудным с хрипотцой баритоном, изображая позу певицы, напевал нам.

Тогда мы находились в пылком и возбужденном настроении не только успехом югославской певицы. В эти дни началось наступление Красной Армии в районе Сталинграда. Фашистские орды были зажаты в тиски между Волгой и Доном. Все сообщения со Сталинградского фронта воспринимали с ликованием, все радовались, обнимались.

Сбывались пророческие слова Сталина, сказанные в 25-ю годовщину Великого Октября: «Будет и на нашей улице праздник! Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти».

- Друзья, - обратился к нам Виктор, - мы рискуем опоздать к решающим событиям.

- Думаю, мы поспеем как раз вовремя, - ответил ему Райгородецкий. - В этом я убежден твердо. Слишком далеко углубились немцы на нашу территорию

- Да, пожалуй, так, - продолжал разговор Котляров. - От Волги до Берлина шагать да шагать. Не просто топтать, а с боями. Так что нам воевать с лихвой достанется.

За разговорами о событиях под Сталинградом незаметно переходили на бытовые темы, вспоминали тепло и уют родного очага. Я предложил друзьям в очередной выходной день навестить в совхоз, поведать знакомых.

Все наши друзья отказались, сославшись на занятость, необходимость подтянуть «хвосты» и поработать над конспектами. Виктор на подъем тоже не скорый, но не устоял против соблазнительного предложения и согласился навестить совхоз и нашу хозяйку Евдокимовну.

День выдался чудный, тихий, солнечный. Мириады снежинок, отражавших лучи

солнца, до рези слепили глаза. Жмурясь, мы шли, не спеша, по накатанной дороге, под ногами тихо поскрипывал снег. Не узнать дорогу и окрестности, по которым проходили летом. Белое покрывало снега надежно скрывало неровности, и складки местности, привлекавшие тогда наше внимание; теперь не узнаешь, все изменилось. За разговорами и воспоминаниями о доме, предстоящей встрече незаметно прошагали километры, и мы уже в совхозе.

Улицы безлюдны. Под белыми шапками снега на крышах домов приветливо глядят окна знакомых домов. Вот и наш саманный неказистый домик утонул в сугробах. Хозяйка дома развешивала белье, увидев нас, ахнула, встрепенулась и прижала руки к груди:

- Милые курсантики. Вспомнили старушку. Вот уж не ожидала свидеться. Думала, забыли. Как я рада, аж сердце зашло. Заходите, миленькие, проходите в хату. Евдокимовна, как насадка, хлопотала вокруг нас, провожая в хату.

Мы было начали расспрашивать ее о здоровье, как она поживает, но она так разговорилась от неожиданной встречи, что не давала нам рта раскрыть. Сияя от радушного приема, околотили снег с ботинок и вошли на ее половину. Наша комната была заперта. Запах теплого мыльного пара обдал нас.

- Раздевайтесь, раздевайтесь, - говорила она и помогала вешать шинели на вешалку у двери.

- Спасибо, не беспокойтесь, мы сами справимся, - умоляли ее. - Мы ненадолго, проведем вас, поговорим и обратно в училище.

В это время вбежала в хату соседка. Пальто нараспашку, на голову наспех накинута серая шаль. От радости расплылась в улыбке и с порога, как пулемет, застрочила:

- Как увидала в окно, что к Евдокимовне идут в гости постояльцы, не могла утерпеть и бегом сюда. Вот радость-то тебе, кума. Надо же, вспомнили, пришли. Ну, здравствуйте, - и она второпях сунула нам свою натруженную сухую руку. Мы поздоровались, смущаясь неожиданным вниманием со стороны женщины.

- Да видишь, девка, я осрамилась, задумала стирку. Вчера у меня было предчувствие, что-то приятное ожидает меня, хотела поставить тесто, а потом раздумала, - оправдывалась Евдокимовна, занятая у печи. - Ну, ничего, пока вы разговариваете, я сварганю оладьев. Надо попотчевать гостей.

Весть о нашем прибытии с быстротой молнии облетела село. Тотчас женщины, работавшие с нами в поле, повалили в хату. Нас задвинули в передний угол под божницу, и мы едва успевали отвечать на расспросы женщин об их постояльцах.

Одна женщина с гладким прямым пробором темных волос и какой-то таинственной и загадочной улыбкой на добром лице смело оттеснила стоявших женщин, приблизилась к нам, села рядом с Виктором. Я узнал: да это же бригадир, у которой работала хохотунья Настя. Наклонившись к Виктору, она тихо на ухо так, чтобы не всем было слышно, сообщила ему, что его напарница Настя уехала в Саратов к тетке в гости. Узнает, что приходили, будет очень огорчена. И директор куда-то уехал с утра.

В теплой хате душно, нечем дышать. Мы и так раскраснелись, а известие о Насте совсем заставило Виктора зардеться; поднеси к его пылающим щекам спичку, и она вспыхнет.

Женщины расспрашивали наперебой о знакомых ребятах, которые у них квартировали, об их самочувствии. Почему они не пришли? Объясняли им всё, как полагаются. Увидели молодку Ивана Романова. Заметная дивчина. Из-за отворота фуфайки виден незастегнутый ворот белой кофточки, из которой соблазнительно выпирали прелести груди. Она несмело бросала на нас томный взгляд своих светлых глаз. Я внимательно разглядел ее. Носик аккуратный, ровный, чуть вздернут кончикверху, с вызовом. Любуйтесь на здоровье! Губы выразительные, припухлые, круглый, с ямочками, подбородок. Уходя, оставила для Ванюши сверток и, смущаясь, просила передать ему поклон.

Из рассказов женщин мы узнали о многом: и о радостях, и о печалях. Они не унывали и не падали духом, меньше всего жаловались на трудности жизни. С гордостью сообщали, что совхоз не только выполнил государственные поставки, но сверх этого

много хлеба отвез в фонд обороны.

- Мы тоже не обижены, - пояснила бригадир. - Хорошо поработали, хорошо и получили. Во всяком случае до нового урожая запасов хватит. Скорее бы только наши с немцами справились.

Между разговорами я давно прислушивался, как у печи шкворчали на горячей сковородке оладьи, источая приятный аромат. Тут Евдокимовна оторвалась от печи, раскраснелась, мне показалось, даже помолодела.

- Посторонитесь, женщины, - просила она, подходя к сундуку. - Ради дорогих гостей надо белую скатерть достать. Вытащила скатерть, расстелила на столе и не злобно, а любовно укоряла женщин:

- Хватит, бабы, тары-бары разводить. Стрекочете, как сороки, а того не поймете, что разговорами сыт не будешь. Я их сейчас горячими оладьями угощу, со сметаной.

Женщины умолкли, кое-кто стал собираться домой, прощаясь с нами. Тут на столе появилась сковорода с горкой ароматных оладьев, крынка со сметаной, горшок с молоком, пышная булка белого хлеба и мелко нарезанное сало с луком на тарелке.

Мы пытались возражать: стоило так беспокоиться, мы не голодны, тем более сейчас пойдем в училище и еще успеем на обед. Тут на нас обрушился поток протестующих голосов.

- Как можно без угощения, - недовольно ворчала хозяйка, разливая молоко в стаканы. - Нет, я так из хаты не выпущу, пока досыта не наедитесь.

Женщины дружно загадели, поддерживая хозяйку.

- Нет-нет, у нас так не принято, чтобы гостей не угостить.

- От таких оладьев отказаться — грех на душу взять.

- Не стесняйтесь, ешьте. Пока не будет съедено все, что стоит на столе, мы вас не отпустим. Если судить по вашему виду, то понятно, как вас кормят...

Я взглянул на Виктора, как бы спрашивая, что делать. Он пожал плечами, давая согласие, что не стоит отказываться от такого щедрого угощения. Вначале мы робко и несмело принялись за сало с луком, но, когда увидели, что женщины, разговаривая между собой, не обращают на нас внимания, стали расправляться с оладьями, обильно обмакивая их в сметану...

Пока мы чревоугодничали, женщины принесли порядочно свертков для передачи курсантам, квартировавшим у них.

На славу удался наш поход в совхоз. Даже в помыслах не могли мы предположить такого теплого и радушного приема. Прощаясь, Евдокимовна прослезилась и осенила нас крестом: «Да храни вас Господь Бог!»

Довольные и веселые, мы пустились в обратный путь. Нас подгоняло желание скорее обрадовать друзей. Вслед за нами с запада надвигалась темная облачность, предвещавшая снегопад. Солнце скрылось. Сгустились сумерки, и только размытая кромка облаков над нами еще хранила отблеск оранжевых лучей дневного светила. Крупный пушистый снег догнал нас на пороге училища. Так стало темно, что через сплошную стену снегопада я с трудом рассматривал спину шедшего впереди Виктора.

Войдя в казарму, мы не успели отряхнуться от налипшего снега и смахнуть с лица катившийся пот, как навстречу, громыхая коваными ботинками по чугунной лестнице, перепрыгивая ступеньки, мчались друзья.

- Где так долго пропадали? - обрушились они на нас.

- Ждем-ждем, а вас нет. Не знали, что и подумать. Решили идти на поиски.

Мы с Виктором, довольные, что благополучно дошли, таинственно улыбались и молчали. Пусть гадают.

Не менее теплой была встреча в казарме. Со всех сторон сбегались к нам курсанты, работавшие в совхозе. Невообразимый гвалт и шум стоял вокруг нас. Окруженные плотным кольцом, мы просили:

- Дайте хоть шинели снять.

Любопытно было каждому узнать, как нас встретили, что нового в совхозе, кого видели, с кем встречались, сыпались вопросы. Мы обо всем рассказали, не тая, но когда открыли мешок и стали вынимать свертки и зачитывать фамилии, кому тот или иной

сверток предназначен, удивлению и восторгу не было предела.

Дошла очередь до Ивана Романова. Виктор, как истинный артист, перевоплотился и, фантазируя, стал рассказывать о том, чего в помине не было. Его импровизация выглядела вполне правдоподобно, и все слушали на полном серьезе, не перебивая его.

- Иван, Иван, какую душку покинул. Как только увидела меня, не стесняясь женщин, окружавших нас, бросилась мне на шею и стала горячо целовать. До сих пор ощущаю на своих щеках ее горячие губы. Шептала мне: это за Ванюшу, моего горячо любимого дружка. Ночи не сплю, жду его, все глаза проплакала. Ребята, я чуть не задохнулся в ее объятьях.

Тут ребята засмеялись, поняв шутку Виктора.

- Я с удовольствием выполняю ее просьбу, - Виктор чмокнул Ивана в щеку и с поклоном передал сверток.

Этот вечер остался в памяти каждого, кто был причастен к нему. Друзья высказывали сожаление, что не последовали нашему примеру.

Наступила самая ответственная пора - сдача выпускных экзаменов. Не помню, какой предмет сдавали, но, когда я вышел из класса, лейтенант Борисенко приказал:

- Иди на конюшню, подмени дневального Жаркова и пришли его на экзамен.

- Есть идти на конюшню и подменить дневального! - бойко ответил я лейтенанту, еще не остывший от возбуждения, и уверенный в отличной оценке.

Настроение превосходное. По состоянию здоровья я был освобожден от нарядов, давно не заглядывал на конюшню. Знал, что в училище пригнали много монгольских лошадей, доставлявшим курсантам массу хлопот, было интересно самому посмотреть на них.

День выдался по-весеннему теплый, солнечный. По водосточным трубам с крыш журчала талая вода. Под ногами хлопал тающий снег. Воробьи радовались теплу, неугомонно щебетали и бойко дрались на навозной куче у конюшни, не обращая внимания на человека.

Привязанные на длинный чамбур, на коновязи стояли монгольские лошадки. Низкорослые, лохматые, с длинной гривой и мохнатыми хвостами до копыт. Дневальный только что задал им сена.

От дневаливших курсантов я был наслышан о непокорном и своенравном характере монгола. Этим разговорам не придавал серьезного значения, хотя многие поплатились за свою неосторожность. Лошадки с трудом привыкали к человеку. Это неудивительно, рожденные на воле, выросшие в степи, и вдруг такая перемена, им не под силу сменить свободу и степное раздолье на недоуздок и коновязь.

Дневальный Жарков, высокий и тонкий, как жердь, инструктировал меня:

- Вот тебе совковая лопата и метла. Как только лошадь оправится, осторожно подбери помет и отнеси на навозную кучу. Поддерживай чистоту. Не дай Бог нагрянет комбат и увидит беспорядок, не сносить тебе головы. Как только сено съедят, привяжешь на короткий чамбур. Будь осторожен. Не подходи к ним близко. Задними ногами бьют и кусаются, как собаки.

- Чего ты на меня нагоняешь страх? Чтобы с этими замухрышками да я не справился, — храбрился я.

- Смотри, чтобы хуже не было. Я предупредил, - уходя, сказал Жарков.

«Ладно, пугай-пугай, - думал про себя. - Я их нисколько не боюсь». По своему гнедому мерину, на котором учился верховой езде, знаю, какой он послушный и смиренный. Подходи к нему хоть спереди, хоть сзади, и ухом не поведет.

Вооружившись совковой лопатой и метлой, ходил вокруг коновязи, наблюдал, как лошадки ели сено. Покрикивал на них, когда они не ладили друг с другом. Видел, как некоторые из них бросали в мою сторону угрожающие взгляды, даже щерились, вздергивая верхнюю губу и обнажая острые зубы. Когда убирал помет, лошадки недовольно взвизгивали и норовили вскинуть задние ноги. Но стоило грозно крикнуть на них, да еще замахнуться метлой, они сменяли гнев на милость и продолжали стоять смиренно. Так уверился в их послушании, что не стал придавать их устрашающим выходкам серьезного значения.

Гляжу, одна лошадка передними ногами подгрести под себя сено и не может до него головой дотянуться. Забыв о предосторожности, подошел к ней. Стоит смиренно и не проявляет недружелюбия. Смело наклоняюсь, лезу под конювью и правой рукой пытаюсь из-под ног достать сено и подгрести к кормушке. Она, коварная тварь, только этого момента и ждала. Передней ногой ударила по голове. Страшной силы удар потряс меня, искры посыпались из глаз, и я, оглушенный, оказался на земле. В голове звон, в глазах темно, сильно тошнило. Пытался понять, что случилось. Лежу на мокром снегу без шапки, надо мной голубое небо, а вокруг гудящая тишина, и нет сил, встать или повернуться на бок. Чувствую, от мокрого снега шинель промокла насквозь и озноб пронизывает спину. К счастью, ко мне вернулось сознание. Раздумывать некогда, надо торопиться подниматься из лужи.

Дневальные соседних батарей увидели мои усилия встать на ноги и поспешили на помощь.

- Что случилось? — подхватив меня за плечи, спрашивали они.

Еле выдавил из себя, что ударила лошадь по голове, когда из-под нее пытался достать сено.

- Да, брат, в рубашке родился, тебе повезло, - сочувствовали они, прикладывая на вздувшуюся на голове шишку комок снега. - А если бы по макушке, по темени, страшно предположить последствия. Ты что, первый раз дневалишь и не знаешь коварства этих карликов?

Пришлось признаться, что действительно впервые с ними имею дело, проигнорировал предостережение товарища, положился на авось и проявил беспечность.

- Хотел, как лучше, для нее же старался. Вот неблагодарная тварь, - оправдывался я.

Что поделаешь, я всегда становлюсь виновником собственных несчастий. Виктор тоже мне сделал дружеский упрек:

- Иногда необдуманное и поспешное усердие приносит неприятности. Зато крепко запомнится тебе учеба в училище. Хорошо, что это случилось, когда позади остались боевые стрельбы, не предвидится выездов в поле и конец всем экзаменам.

Наступил коренной перелом в ходе войны. Под Сталинградом разгромлена многотысячная армия Паулюса. Взято в плен 24 генерала во главе с самим фельдмаршалом, более 2500 офицеров, всего 91 тысяча извергов. Славно! Южная группировка немцев отброшена от Кавказа на семьсот километров. Наши войска ведут наступательные бои на Центральном и Северо-Западном направлениях. Войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда. Мой старшина батареи ликует, восторгу и радости нет предела. Сводки Совинформбюро приносят вести об освобождении новых городов и сел от немецко-фашистских оккупантов. Прослушивая последние известия по радио, жадно ловили слова Левитана, запоминая сообщения вплоть до его интонации.

Высокий наступательный порыв Красной Армии находил горячий отзыв в наших сердцах. Позади экзамены, ждали приказ о присвоении воинского звания и гадали, кто на какой фронт попадет.

Наступила долгожданная минута, самый трогательный и торжественный момент производства нас в офицеры. По всей длине прохода казармы в двухшеренговом строю замер дивизион. Перед серединой строя подтянутый командир дивизиона подполковник Бабыкин с офицерами подразделения. Он подает команду:

- Дивизион, смирно!

Приказ командующего ПриВО № 0384 от 5 марта 1943 года о присвоении воинского звания «лейтенант» зачитал адъютант дивизиона.

Сбылось то, к чему стремились, и наши сердца объяты восторгом. Одна за другой слышатся знакомые фамилии. Прозвучали фамилии Колодия и Жаркова, стоявших рядом со мной. Ловлю их руки и жму, поздравляя с присвоением звания «лейтенант». Когда была произнесена моя фамилия, они жали руки мне.

После того как приказ был зачитан полностью и последовала команда «Вольно!», наш строй взорвался дружным и оглушительным возгласом:

- Ура-а-а!

Как ни старался подполковник Бабыкин оставаться серьезным и строгим, но не смог скрыть довольную улыбку. Поправляя рукой пышные буденновские усы, окинул веселым взглядом наши сияющие лица, сам поддался нашему ликующему настроению и патетически воскликнул:

- Благодарю за службу! Искренне поздравляю всех с присвоением воинского звания. Надеюсь, в войсках вы с честью и достоинством будете высоко держать честь Первого Ленинградского Краснознаменного артиллерийского училища имени Красного Октября! В добрый путь!

Еще восторженнее понеслось по казарме: «Ура!»

Тут же было объявлено, кто на какой фронт отправляется в Действующую армию. Вся наша дружная команда: Шляпников, Котляров, Сапунов, Романов, Жарков, Дьяченко, Кубанцев, Райгородецкий, - более тридцати человек направлялись на Южный фронт.

Обуреваемые радостью, в тесной и мрачной казарме мы метались, собираясь в дорогу. Запасливые курсанты заранее побеспокоились о рубиновых кубиках и цепляли их в петлицы. Поочередно бегали к зеркалу, стоявшему у дневального, выпячивая грудь и расправляя новенькую офицерскую гимнастерку под ремнем, любовались собой.

Уже был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 года о переходе Красной Армии на новую форму одежды, но нам не выдали погон, мы их видели только на плакате, висевшем в учебном корпусе. Я понадеялся на погоньи и не запасся рубиновыми кубиками, завидовал теперь находчивым товарищам. Побежал к Виктору. Он сидел у окна в нательной рубашке и старательно прикреплял к петлицам гимнастерки и шинели из английского тонкого сукна цвета хаки самодельные кубики, вырезанные из консервной банки американской тушенки.

- Дорогой дружище! - обнял я Виктора сзади за шею. - Поздравляю со званием лейтенанта.

Виктор бросил свое рукоделие на тумбочку, освободился от моего объятия и с хрустом сжал мою грудь. Радостное чувство хлынуло из нас.

- Поздравляю, Ваню! - гудел мне в пылающее жаром лицо.

- Задушишь, рыжий черт! - задыхаясь, кричу в ответ, пытаюсь освободиться из его цепких рук.

- Ну как, хорошо получилось? - любуясь своей работой, спрашивал меня Виктор.

Я одобрил его работу и попросил такие же кубики вырезать для меня. В его умелых руках быстро спорилась работа. Тут подошли многие из выпускников, кто направлялся на Южный фронт. Все осматривали умело вырезанные и аккуратно прикрепленные в петлицы кубики.

- Нравится? - улыбаясь, спрашивал Виктор. - Принимаю заказы. Беру недорого. Порция компота, - и кубари ваши.

Все смеялись, шутили и решались жертвовать последней порцией компота ради превосходных кубарей.

Зашел разговор об отправке. Наша группа должна была отправляться из Энгельса до Саратова поездом на следующий день. Но все, охваченные общим порывом скорее попасть на фронт, не хотели терять сутки и единодушно решили после обеда следовать в Саратов пешком. Один из лейтенантов, местный житель, предложил: напрямик через Волгу довести до железнодорожной станции.

Тотчас дружной гурьбой пошли прощаться с командирами. Старший лейтенант Тонконог и лейтенант Борисенко крепко пожали мне руку, а командир взвода вдобавок дружески обнял меня и пожелал удачи.

Наверное, много хлопот и беспокойства мы доставили им в процессе учебы, но в минуты прощания забываются все неприятности и обиды. Грусть расставания трогательно щемила мне сердце. Все вдруг стало таким родным и близким, я был благодарен преподавателям за воспитание и знания, которые они дали мне.

Общее впечатление навевало задумчивость.

После обеда, закинув за плечи вещевые мешки, навсегда покинули училище. Нас несколько смущал и удручал наш внешний вид. Он не совсем гармонировал с положением офицера: на ногах добротные, из мягкой желтой кожи, английские ботинки с обмотками, толстая подошва которых была испещрена шипами, на плечах цвета хаки английские шинели, а на головах островерхие буденновки. Это нас не шокировало. Мы не придавали внешнему виду особого значения, понимали, что шла война, трудное было материальное положение. Притом мы же не на танцы шли, на фронт, где не важно, во что одет: главное, как ты будешь воевать с немцами. Исключение составлял Виктор Шляпников, он - в кирзовых сапогах. Сколько его ни пытали друзья, как удалось ему получить сапоги, он не раскрыл тайну сделки с начальником вещевого снабжения училища.

С утра ничто не предвещало изменения погоды. Дул сильный ветер и гнал над землей отдельные облака, поэтому мы смело пустились в дорогу. Но стоило нам покинуть военный городок, как облачность сгустилась, и на землю сплошной стеной повалил снег. Разбушевалась пурга. Мы еще не дошли до мясокомбината, как в снежной мгле растворились силуэты построек училища.

Застегнув наглухо буденновские шлемы, подняв воротники, поеживаясь от колючего, холодного, пронизывающего насквозь наши шинели сильного ветра, мы шли цепочкой, след в след за проводником. Виктор, шедший за мной, подбадривая, еще покрикивал:

- Пospешай, пехота, не отставай, да обмотки не утеряй!

Когда достигли берега Волги, нас окутала непроглядная темнота. Одолевала усталость. Каждым владело одно желание - как бы не отстать от впереди идущего и не сбиться со следа. Я жадно хватал воздух, старался успокоить горячее дыхание, по цепочке то и дело передавались предупреждения не отставать, не растягиваться, полынья то слева, то справа.

Когда показалось почти рядом черное, как мазут, пятно колышущейся воды, мне стало не по себе, и меня охватил ужас вдруг ненароком оступить и оказаться в этой страшной, холодной, бездонной пучине.

В такую темень запросто сбиться с занесенной снегом тропинки и угодить в полыню. Вот когда мы сожалели о принятом опрометчивом решении следовать в Саратов пешком.

Где-то за полночь, плутая по темным и безлюдным улицам города, мы добрались, выбившиеся из сил, до железнодорожного вокзала. То, что увидели на вокзале, нас повергло в уныние. Неопишное столпотворение, вокзал забит людьми: ногу некуда поставить, а чтобы присесть и отдохнуть, об этом нечего было и думать. Военные всех родов войск и званий, гражданские, в основном, женщины и старики с детьми, сидели на узлах и чемоданах.

- Напрасно торопились, - сетовал Котляров, - лучше бы сутки переждали в теплой казарме и спокойно сели в свой вагон.

- Кто знал, что такое встретим, - отвечал ему Виктор. - Вся надежда на коменданта.

Комендант оказался человеком отзывчивым, пошел навстречу нашей просьбе и обещал до Поворино отправить в пассажирском вагоне.

Остаток ночи коротали кто стоя на месте, кто бесцельно шляясь по перрону, а утром двинулись на Саратовский рынок. Я мог туда не идти. Мне там делать нечего: отослал деньги маме, в письме сообщил, что училище окончил и еду на фронт. Но Виктор уговорил составить компанию. На рынке можно было купить все и на вещи выменять продукты. Но с нашими деньгами там не разгонишься, когда буханка хлеба стоила 100 рублей. Несолоно хлебавши вернулись на вокзал, заняли места в пассажирском вагоне и покатали в нем до Поворино.

Двое суток от Поворино до Сталинграда на голых нарах качались в товарном вагоне, с остановками у каждого столба. Двое суток мы боролись с холодом: буржуйка, раскаленная докрасна, не обогревала вагон. Разгулявшаяся пурга завывала в степи. Ураганный ветер качал состав, свистел в щелях вагона, выдувая тепло, заглушал пе-

рестук колес и гудок паровоза. От холода клонило в сон, и только глоток кипятка на время унимал дрожь.

Ночь была пыткой. Нестерпимо хотелось спать. Свернувшись калачами, мы с Виктором спали валетом и лапами шинелей укрывали лица. Прислушиваясь к завыванию ветра, на какое-то время забывались во сне. Терпели холод, пока не пробиравал озноб до дрожи. Потом, не выдержав пытки, с закрытыми глазами, сонные, сползали с нар и, расталкивая плотное кольцо гревшихся, тянулись к горячей печке. Так повторялось за ночь по много раз.

Только под утро, когда приблизились к Сталинграду, пурга угомонилась. Ветер утих, небо прояснилось, показалось солнце. Наступила необычная тишина. На какой-то миг она убаюкала меня, и я забылся в предутренней дреме. Сквозь зыбкий сон слышал, как у печки ребята гремели котелками, о чем-то спорили. Потом с грохотом открылась дверь вагона и кто-то тревожным голосом громко крикнул:

- Ребята! Сталинград!

Словно сыграли подъем. Все, кто спал, взметнулись с нар и бросились в раскрытые двери, устремили взоры на город. Поезд едва двигался, многие пользовались его медлительностью и выскакивали из вагона по нужде.

В безмолвной тишине мимо нас проплывал разрушенный, но не поверженный город - твердыня на Волге, где переломилась сила фашистской орды и началось ее отступление. Рядом с дорогой, которую только восстанавливали, мы видели запорошенные снегом извилины траншей на склоне горы, окопы для орудий и минометов, следы воронок, бесчисленное количество, разбитой и брошенной техники.

Сквозь серую пелену утренней дымки я пристально глядел в руины города, особенно выделялись высокие дома с пустыми глазницами окон. Город безлюден. Присутствие в нем жизни выдавали редкие струйки дыма из печных труб домиков на окраине, да курились дымками самодельных печурок примитивные сараи, землянки, высокие трубы заводского района.

Мы слышали рассказы фронтовиков о боях в Сталинграде, не пропускали ни одной корреспонденции о нем в газетах, но то, что увидели своими глазами, превзошло все наши представления о нем. Близкое соприкосновение со следами сражения за город, щемящей острой болью резануло сердце и сознание. Действительность войны оборачивалась куда суровее, чем я представлял до этого. Дух романтизма померк на глазах, надо было переоценивать и трезво осмысливать свое положение и предназначение.

Николай Сапунов, показывая на танк с отброшенной взрывом башней и разорванным стволом пушки, обратился к нам:

- Каким снарядом разворотило бронированную махину?

Я же думал о людях, защитниках Сталинграда, отстоявших город и разгромивших захватчиков. Примерял себя на их место. Каким же моральным духом надо было обладать, чтобы выдержать адский кошмар осады, потом собраться с силами и двинуть оккупантов вспять. Мне кажется, с этой минуты я сразу повзрослел.

Наш эшелон остановился в Красноармейске. Военный комендант наотрез отказал в помощи доехать до Ростова:

- Дорога однопутная. Движение только восстанавливается. Еле проталкиваю эшелоны с боевой техникой. Добирайтесь, как сможете.

Нам ничего не оставалось делать, как остаться на ночевку. На продовольственном пункте пообедали, получили сухой паек и разошлись по квартирам.

Я определился в квартире с коммунальными удобствами. До этого всю жизнь ютился в однокомнатной крестьянской хате, спал на полотах. Попав в незнакомую обстановку, был изумлен и не знал, как себя вести. Глазами дикаря, с любопытством, осматривал двухкомнатную квартиру, чистую, уютную, со скромной обстановкой, отдельной кухней, ванной, туалетом. В ней жили две женщины: старушка со снохой и девочка школьного возраста.

Женщины оказались очень душевными, гостеприимными. Видя мое смущение и растерянность, они отнеслись с пониманием: предложили раздеваться и чувствовать себя как дома. После краткого знакомства, расспросов, откуда родом, куда следую, уз-

нали о мытарствах в дороге и, видя мой усталый и измятый вид, предложили принять ванну, чем привели меня в изумление и полную растерянность.

Привычное дело мыться в бане, а тут в необычной и совсем незнакомой ванне. Просил не утруждать себя, не беспокоиться, отказывался, как мог, но они и слушать меня не желали. Приготовили ванну, и волей-неволей пришлось с робостью, преодолевая стыд, подчиниться их уговорам.

После дорожных мучений и бессонницы ванна оказала благотворное воздействие. Вышел из нее обновленным, словно вновь на свет народился, и, как ребенок, уснул безмятежно на раскладушке. Утром, прощаясь, раскланялся, сердечно благодарил за материнское внимание, душевную чуткость и гостеприимство.

Неимоверно трудной оказалась для нас дорога до Ростова, через Котельниково, Зимовники и Сальск. Совсем недавно там гремели ожесточенные бои, и мы видели последствия сражений: подбитые танки, бронетранспортеры, обугленные остовы автомашин, брошенные повозки, убитых лошадей, кое-где даже трупы немцев в серозеленых шинелях. Встречались трофейные команды, которые стягивали технику на станции и совместно с жителями производили захоронения.

На железной дороге велись ремонтные работы, поэтому на восстанавливаемых участках эшелоны задерживались, их пропускали с необходимой предосторожностью. Поезда подолгу стояли на станциях и полустанках в ожидании встречных эшелонов. Не хватало самого необходимого: для паровозов - угля, воды, для людей — продуктов на пунктах питания.

Упросив охрану воинских эшелонов с боевой техникой, чаще ехали на тормозных площадках вагонов, обдуваемых холодным и колючим степняком; чтобы немного согреться, прыгали с подножек на землю и бежали рядом - с такой скоростью тогда ходили поезда. Вот так, от одного продпункта до другого, ехали мы.

Дорога ровная, степь скучная и безжизненная, редко где вдали проплывет хутор или полевой стан с приземистыми домиками, или балка с чахлым кустарником упрется в насыпь полотна. Еще реже перебежали железную дорогу степные речушки, заросшие камышом. Кругом безжизненное снежное безмолвие.

После Зимовников нам удалось не замеченными охраной забраться внутрь танков в надежде, что с ними эшелон нигде не задержится и нас домчит до самого Ростова. Опять обманулись. Где-то на перегоне под Сальском поезд остановился, простоял день и только к утру дотянулся до станции. Наше положение было, как говорят, хуже губернаторского. Нам же нельзя показываться наружу, охрана вооружена, и если увидели бы, большие неприятности обеспечены: высадят в степи и тогда пересчитывая шпалы до Сальска. Терпели в танке холод, голод и другие неудобства, тем более вовсю разгулялся ветер, и даже внутри танка ощущалось его холодное дыхание.

В Сальске повеяло весной, и мы решили сделать дневку. Еще ночью под ногами хрустел лед, скрипел по-старчески заморозок, а днем властвовало солнце: таял снег, с пригорков серебряным звоном пели ручьи, на дорогах и проталинах сияли зеркальца луж.

Узнали, что в кинотеатре вечером танцы, всей командой последовали туда. В зале шумно, собралась местная молодежь, больше всего девушек. Увидав ввалившуюся в зал команду, на миг приумолкли, робко и с любопытством поглядывая в нашу сторону. Раздевшись, молодые лейтенанты смело и решительно инициативу взяли в свои руки. Верховодили Виктор Шляпников и Сапунов с Кубанцевым.

Стоило самодеятельному оркестру заиграть мелодию вальса, как они вострепнулись и устремились к приглянувшимся девушкам, вывели их на круг и закружились в вихре танца. Как галантные офицеры, держали себя с достоинством, строго, танцевали легко и грациозно, показывая свое умение танца.

В перерыве танцев раскрасневшийся Виктор, скидывая со лба отраставшую челку, спрашивал меня:

- Как, Ваню, неплохое начало?

- Ты, как всегда, молодец, на высоте. От тебя девчонка без ума. От радости до самого утра не сомкнет глаз, - отвечал я ему.

Тут Виктора атаковали Котляров и Райгородецкий с ребятами, уже снявшие заранее ботинки с обмотками.

- Скидай сапоги. Быстро! - бесцеремонно торопили недоумевающего Виктора. Он зло нахмурился, сдвинув брови к переносице, категорически возражал:

- Не сниму. Не все ли равно, в чем танцевать?

- Понимаешь, для первого знакомства с девушками. По кругу пройдемся для приличия и отдадим тебе обратно, - уверяли они.

- Нет и нет! - упирался Виктор.

Тут они гурьбой навалились на него и силой сняли с него сапоги. Райгородецкий вмиг обулся в них и опрометью кинулся к девчонкам. Довольный удачей, забавно кружился в самом центре зала, о чем-то говорил партнерше. Она весело улыбалась, закатывая глаза.

Расстроенный и недовольный таким разбоем, Виктор обиженно ворчал, чертыхался, возмущаясь. Запыхавшийся Ефим быстро скинул сапоги и уступил их Котлярову. Володя, как мотылек худой и стройный, сияя обольстительной улыбкой, с симпатичной девушкой в вихре носился по залу, не придавая значения, что сапоги на нем с широкими раструбами совсем не по его тонким ногам. После танца он не возвратился в угол, а продолжал танцевать, не обращая внимания на знаки и угрозы кулаком, делая вид, что это к нему не относится. Пришлось очердникам силой завлечь упрямца в угол и снять сапоги.

Как молодым лейтенантам хотелось на танцах щегольнуть перед девушками и произвести благоприятное впечатление! Между тем не следовало привередничать и проявлять щепетильность. Городская молодежь была одета в самые костюмы. Девушки были в простеньких ситцевых платьях, ребята — в поношенных хлопчатобумажных костюмах, на ногах ботинки, резиновые ботинки. Я не заметил, чтобы кто-либо из них был в туфлях. Чего было нам конфузиться? Я сочувствовал Виктору, пытался усовестить друзей, вернуть сапоги, но мои просьбы и обращение к совести оставались безответными. Обиженный и расстроенный Виктор просидел разутым до конца вечера.

До Батайска, после остановки в Егорлыке, мы доехали вполне благополучно. Правда, перед въездом на станцию загорелся красный свет семафора. Мы терпеливо ждали, когда он потухнет. Поняв, что это на неопределенное время, покинули эшелон и двинулись в сторону вокзала. Чтобы дойти до него, нам понадобилось преодолеть множество путей, заполненных эшелонами.

День выдался на славу, тихий, безоблачный. Солнце грело по-весеннему. Шинели скатали в скатки, закинули за плечи и стали преодолевать препятствия: где через тормозные площадки вагонов, где - на четвереньках под ними. Там нас застал тревожный вой сирены и донесся голос: «Воздух!», — оповещавший о воздушной опасности. Мы беспокойно устремили взгляды в чистое небо и вскоре увидели высоко-высоко летевший немецкий самолет.

- Братва, надо скорее выбираться из этой опасной зоны! - торопил нас старший команды. - Узловая станция, скопление эшелонов, цель очень приметная.

Стараясь не выпускать из вида самолет, переползали через рельсы.

- Может быть, это разведчик? Посмотрит и улетит, - гадали ребята.

К нашему счастью, так и получилось. Достигнув вокзала, обрадовались было возможности утолить голод, но тут нас постигло полное разочарование. Фортуна посмеялась над нами. Нас явно преследовали неудачи.

Военный комендант станции объяснил нам, что до вечера на Ростов поездов не будет. После бомбежки восстанавливается мост через Дон.

- Если вы так спешите, идите пешком. Через два-три часа будете в Ростове. Продпункт находится в Рабочем городке. Там пообедаете и получите сухой паек, - благожелательно советовал он.

Долго колебались: идти пешком или ждать вечера, когда отремонтируют мост и пустят поезда. Молодость не знает преград, а пустые желудки принуждали следовать к продпункту, и мы прислушались к их зову. Несчастье пробудило в нас смирение, и мы молча продолжили путь в Ростов.

Солнце предвещало жаркий день, утренний ветерок поднимался с поймы Дона. Озерца, извилистые ерики с остатками пожухлого камыша и куги под живительным светом солнца серебристыми лентами тянулись по пойме и скрывались вдали. С любопытством я осматривал пойму, вглядывался в городские кварталы, одноэтажные дома, спускавшиеся с косогора к безмолвной набережной. Видимо, от того, что только сошел снег и земля пробуждалась от зимней спячки, все выглядело неприветливо и пустынно.

С нетерпением ждал встречи с легендарным Тихим Доном, замечательно воспетым М. А. Шолоховым. Хотелось сверить свои представления, почерпнутые из его книг, с увиденным наяву. К удивлению и сожалению, Дон разочаровал меня, оказался не широким и привольным и не тихим, а стремительно катил свои мутные воды мимо города и производил смутное и тусклое впечатление.

По временному мосту перешли Дон и, как нам подсказали ремонтники, поднялись в город. Прямоком по Буденновскому проспекту направились в Рабочий городок.

Я шел в каком-то опьянении. Честно говоря, было от чего, устал, что-то нездоровилось и под ложечкой сосало, поэтому без особого внимания разглядывал безлюдный южный город. Высокие черные и молчаливые дома с былой архитектурной красотой почти все были разрушены и находились в хаосе. На домах белой краской крупно выведены надписи: «Мин нет!», «Берегись обвала» и указатели в бомбоубежища.

С западной стороны доносились раскаты выстрелов дальнобойной артиллерии и взрывы мощных бомб, и это обстоятельство невольно вызывало чувство тревоги. Когда миновали полуразрушенную гостиницу «Ростов» с пустыми, задумленными от пожара окнами, вновь высоко в безоблачном небе показался немецкий самолет. Женщина в шапкеушанке и стеганой фуфайке с перекинутой через плечо санитарной сумкой с красным крестом и белой повязкой на рукаве настойчиво требовала от нас зайти в убежище.

- Некогда! Есть хочется. Спешим на обед! — шутливо отвечали ей, сворачивая с проезжей части улицы на тротуар, прижимаясь ближе к домам, памятуя, что осторожность никогда не помеха.

На продпункте пообедали, получили сухой паек и там же узнали, что штаб артиллерии находится в Новошахтинске. Час от часу не легче. Удары судьбы обрушивались на нас.

- Поезда ходят редко, быстрее пешком дойдете, - советовали нам офицеры, побывавшие там.

- Однако, как много времени приходится опять терять! - возмущался Виктор, пряча в вещмешок продукты. Огорченные и разочарованные полученным известием, стали с жаром обсуждать, как нам поступить.

- В том беды большой не будет, если переночуете в Ростове, а утречком через Нахичевань двинетесь на Новочеркасск, - подсказывали нам товарищи. - Тем более, здесь у рыбаков, прямо на берегу Дона, можно совсем дешево купить свежей рыбы. Как раз путина. А сейчас идите в сторону Нахичевани, пока пройдете через город, на завтра скоротаете путь. Город длинный.

Им нетрудно было убедить нас, потому что иного варианта не было. Дружной компанией шли по городу и с любопытством знакомились с ним, но постепенно интерес стал таять: всюду какое-то опустошение и отсутствие признаков жизни, редкие прохожие. Дойдя до Театральной площади, окинув взглядом разрушенный театр, договорились о времени и месте сбора наутро и разошлись в поисках ночлега.

Проходя по центральной улице, я увидел женщину интеллигентного вида, вошедшую в парадный подъезд, обрадовался и поспешил за ней. Только взялся за бронзовую литую ручку двери, отполированную до золотистого блеска, как дверь легко отворилась, и я нос к носу столкнулся с ней.

- Я ищу квартиру, где бы можно было переночевать. Не подскажете ли вы, к кому обратиться? — спросил ее.

Женщина окинула меня с ног до головы оценивающим взглядом, долго смотрела в глаза, видимо, размышляла, пускать меня на ночевку или нет, и, наконец, уголками губ улыbnулась и предложила войти в дом.

На скрип открываемой в квартиру двери из соседней комнаты вышел седой, как лунь, пожилой человек в длинной полосатой пижаме с очками на высоком лбу, а следом за ним девушка моего возраста. Остановилась рядом со стариком, положила ему на плечо руки, склонила голову и мило, кокетливо улыбнулась мне, словно встретила старого знакомого. Ее симпатичное лицо, обрамленное пышными черными волосами, смуглая кожа, темные завлекательные глаза сразу смутили меня, а дивные формы тела дразнили мое воображение.

Мой приход, я это сразу заметил, несколько смутил старика, и он со мной был холоден. Хотел уже повернуть на выход, но женщина поняла мое состояние, оценила скромность и любезно пригласила раздеваться и располагаться, как дома.

Старик оказался очень любознательным человеком. Как на экзамене, он задавал вопросы, интересовался, откуда я родом, где учился, что читал, каковы впечатления о событиях на фронте. Я сидел перед ним на стуле, как на углях, ерзал на месте, не знал, куда деть руки, и стеснительно отвечал на расспросы. Успел мельком осмотреть квартиру из четырех комнат, и она произвела на меня приятное впечатление. Высокие лепные потолки, паркетный пол, старая мебель из красного дерева. Окна высокие, с овалом наверху, подоконники мраморные. Спать предложили на кожаном диване в небольшой комнате с одним окном, выходящим во двор. Все три глухие стены заняты стеллажами, заполненными книгами до самого потолка.

День угасал на глазах. Надвигались сумерки. Надо было подумать об ужине. Вспомнил разговор на продпункте, что в этом году, как никогда, в Дону много рыбы: «На нерест стеной идет. Ловят много и там же на берегу продают. Чуть не даром отдают». «У меня же в кармане завалился червонец! Еще не поздно. Слетаю-ка я к Дону. Авось повезет. И хозяевам доставлю удовольствие», - размышлял про себя.

Надел шинель, и айда к Дону.

На мое счастье, как раз рыбаки на берег выволокли невод, полный трепыхавшейся рыбы. Я никогда не видел ее в таком количестве и таких крупных размеров.

Всем распоряжался человек в папаше, забродских сапогах, одетый в стеганые фуфайку и штаны, высокий ростом и с приятными чертами лица. Довольный уловом, он добродушно улыбался, отдавая распоряжения рыбакам разбирать рыбу и загружать ее повозки, стоявшие поблизости.

Я догадался, что это старший команды. Подошел к нему и робко протягиваю в руке червонец, стеснительно прошу продать мне рыбы.

- Ты чего? - меняясь в лице, насупив строго брови и грубо отстраняя мою руку с деньгами, показывает он на рыбу и говорит: - Вон ее сколько. Надо - бери.

Я поблагодарил его, сконфуженно спрятал в карман червонец, подошел к неводу, выбрал пару судаков, подхватил их за колючие жабры и поволок в гору. Хозяйка отменно, по-донскому, сварила уху и досыта накормила всех. За ужином узнал, что нахожусь в квартире преподавателей университета, муж и жена - профессора, а дочка — студентка. Было от чего прийти в изумление.

После ужина предложили мне не терять время и на выбор почитать перед сном любую книгу, какая понравится. Мое внимание привлекла лежавшая на столике старая, затрепанная до лоскутов книга, пожелтевшие страницы которой нужно было перелистывать с особой тщательностью, чтобы висевшие клочья не оторвались окончательно. Не знаю, кто-то ее читал, или она была приготовлена для реставрации.

Это была повесть о грешнице Марии Магдалине, и я с юношеским любопытством увлекся чтением о любовных похождениях героев. В душе поднялась такая неожиданная путаница мыслей и неизвестных чувств, что был не в силах разобраться в своем состоянии. Как просил, хозяйка разбудила рано. Накормила завтраком. Поблагодарив гостеприимных хозяев за ночевку, поспешил на место встречи попутчиков.

Вышли из Ростова, когда только взошло солнце. Миновав Нахичевань, с бугра любовались открывшейся широкой и бескрайней панорамой поймы Дона, подернутой легким туманом. Настроение у всех бодрое, возбужденное. Наперебой делились впечатлениями, кого и как привечали ростовчане. Мне тоже хотелось прихвастнуть, за кем этот грех не водится, в какой семье ночевал, а главное — поделиться впечатлением о

прочитанной повести. Вскоре завладел вниманием друзей, и пока было свежо в памяти впечатление о прочитанном, стараясь не упустить малейших подробностей, рассказывал с преувеличениями, которые свойственны людям, не испытавшим их в жизни. Мое пылкое воображение, пораженное необычайным впечатлением, рисовало картины одну краше другой. Видя, как друзья, затаив дыхание и устремив на меня любопытные взгляды горящих глаз, млели и с глубоким вниманием слушали меня, я совсем осмелел. А кому не хочется поддаться соблазну изведать близость с пленительной девушкой? И я, как заправский ловелас, продолжал с жаром рассказывать подробности, о которых многие слышали впервые от меня.

Удовлетворенный вниманием друзей, почувствовал облегчение, словно выполнил нелегкую обязанность, возложенную на меня, и мог спокойно и свободно отшагивать километры до Новочеркасска.

Вскоре стали устывать, разговоры стихли, шли молча. Дорога, залитая солнечным светом, тянулись мимо полей и виноградников, огибая глубокие балки с черневшими по склонам кустами шиповника, по дну густыми зарослями терна, и казалась бесконечной. Густой неподвижный воздух, насыщенный весенними испарениями земли, был наполнен пением жаворонков, предвестников наступления тепла. Сменяя друг друга, они взмывали в небо, зависнув в вышине, трепетали, нежным залиvistым пением усаждали наш слух и, закончив руладу, камнем падали на землю.

Все чаще из-за неровностей местности стал показываться купол величественного собора, возвышавшийся над городом, основная достопримечательность Новочеркасска. Во многих произведениях писателей, в исторических документах встречаются упоминания и описания города, в котором происходили исторические события. У меня сложилось о нем определенное представление, и я жаждал встречи с ним.

Когда шли мимо ипподрома со скаковой беседкой и рядами скамеек, мимо видневшихся за каменной оградой конюшен с широкими покатыми крышами, знакомыми нам по училищу, на торцах которых изображены эмблемы подков с черными крестами внутри, красивого, из красного кирпича трехэтажного здания казармы с частично обрушенной и обгорелой крышей, внушительных размеров крытого манежа, стало ясно, что мы прибыли в столицу донских казаков.

Мы шагаем посередине широкого проспекта, выложенного бутовым камнем и отполированным до блеска, посыпанным желтым ракушечником и обсаженным низкорослым кустарником и огражденным от проезжей части чугунной решеткой. Вскоре мы уперлись в высокое и невзрачное кирпичное строение, уже обросшее кустарником, называемое местным населением бассейном. Это был резервуар запаса воды, из которого она самотеком поступала в городской водопровод. Как раз напротив этого «бассейна» во дворе высокого двухэтажного здания нам указали нахождение продпункта, без которого мы никак и нигде не могли обойтись.

Словоохотливые люди, работавшие в нем, посвятили нас в жизнь города и, как истинные патриоты, поведали о достопримечательностях его.

- В нашем городе заблудиться невозможно. Походите, сами убедитесь: проспекты широкие, улицы прямые. Это же Париж в миниатюре, - утверждали они.

Одна девушка даже пригласила побывать вечером на танцах в кинотеатре на улице Московской. Как тут было отказаться от предложения познакомиться с «Парижем в миниатюре», и мы приняли решение переночевать, а утром выйти на Новошахтинск.

Я замешкался на продпункте, и друзья ушли в город без меня. Кинулся на поиски, а их след простыл. Свернул в Сенной переулок, названию которого удивился, все связано с казаками, и оказался перед комплексом зданий Индустриального института, обнесенного ажурной кованой решеткой. Первое же угловое здание внушительных размеров с колоннадами и лепными барельефами остановило меня и заставило обратить на себя внимание. Латинскими буквами на фронте выведено «Горное отделение». На соседнем здании два огромных лепных панно с изображением горных рабочих в шахте и на поверхности. Ни одно здание не похоже на другое. Но больше всего своей дивной архитектурной красотой меня поразила главный корпус с широкой мраморной парадной лестницей при входе в него. Тогда я еще не знал, что внутри этого корпуса

находится так называемый «Крытый двор» с остекленной крышей.

Косые лучи вечернего солнца особенно объемно и рельефно выделяли высокие колонны, подчеркивали красоту окон, лепных украшений и самого фронтона. Я поднялся на лестницу и стал осматривать открывшуюся передо мной панораму города. Смотрел на улицу, убегавшую от меня через балку и терявшую свое продолжение на бугре, по которому ее пересекали прохожие.

...Если бы в эту самую минуту кто-нибудь сказал мне: «Ты пройдешь войну, встретишь Победу в Австрийских Альпах, вернешься в этот город, даже будешь исполнять обязанности военного коменданта гарнизона; вот на этой улице Мастеровой встретишь самую красивую девушку города, безумно полюбишь ее и женишься на ней... Ну, посмотри же пристальнее вот на тот двухэтажный дом на пригорке слева, с внутренним въездом во двор и ажурными металлическими воротами, а рядом с домом единственный во всем квартале высокий, как свеча, пирамидальный тополь. Вот в нем, этом доме, живет твоя любовь, твоя судьба...»

Нет, ни в жизнь не поверил бы. Такое может только присниться, но это было бы истинной правдой.

Забыв об усталости, продолжал ходить по тихим и уютным улицам с широкими аллеями, любовался домами, поражался неповторимыми рисунками украшений козырьков над парадными входами в дома. Внешний вид и облик домов, чистота и уют улиц окончательно покорили меня и влюбили в город.

Наступившие сумерки застали меня перед Триумфальными воротами на спуске к реке. Почувствовав усталость и голод, необходимость как следует отдохнуть, набраться сил для похода на Шахты, пустился на поиски ночлега. Свернул со спуска направо и через три дома вошел во двор, где был встречен старушкой. Услышав просьбу переночевать, старушка подозрительно осмотрела меня и нехотя впустила.

Когда я вошел в дом, меня обдало ароматом испеченной сдобы и жаркого, исходившим из кухни. Из прихожей направо дверь вела в горницу, а прямо за цветной занавеской - узкая комнатка с лежанкой, вот ее и предложила мне старушка. Я не стал привередничать, да было уже и поздно искать другую квартиру. Кроме того, меня удерживал ароматный запах: «А вдруг мне предложат!» На всякий случай, чтобы не остаться голодным, если моя надежда не оправдается, вынул из вещмешка пачку концентрата и попросил хозяйку сварить на ужин кашу. В это время в прихожую шумно ввалилась компания молодежи; даже не поздоровавшись со мной, пренебрежительно взглянули и скрылись в горнице.

— Моя дочь отмечает день рождения, — осведомила меня старушка, словно оправдываясь за их невнимание. - Она у меня работает на винзаводе.

Глубоко сожалел, что остался ночевать в этом доме. Не оправдалась моя надежда, не дождался приглашения к их столу. До глубокой ночи доносились из горницы веселый смех, крики, песни - не давали заснуть, а стойкий запах жареного мяса растревлял аппетит, не заглушила его и съеденная каша. Усилием воли преодолел соблазн на дармовую поесть и заснул крепким сном.

Длинная дорога через Шахты до Новошахтинска показалась мне не такой скучной, как от Ростова до Новочеркасска.

Уже от Триумфальной арки на спуске к Хотунку мне открылась живописная панорама петлявшего Тузлова, огибавшего город на бугре, корпуса знаменитого паровозостроительного завода, о котором мне было известно из учебника географии. Шли мимо Азово-Черноморского сельскохозяйственного института, главный корпус которого, как замок, господствовал над окружающей местностью и привлекал внимание путника. Мимо знаменитых Персиановских лагерей в дубовом лесу на берегу реки Грушевка; вдоль полигона, раскинувшегося до поселка Каменоломни, где после возвращения с фронта мы будем дислоцироваться, а я буду исполнять обязанности коменданта.

Шли лениво, скинув с головы буденновские шлемы, подставляя лица теплым лучам солнца, наслаждаясь свежестью весеннего дня. Виктора было не узнать. Довольный, ехидно улыбался, шутил над друзьями. Ему вечером в кинотеатре удалось взять реванш за сальский инцидент, когда, разутый, присидел весь вечер до конца танцев. Тут

уж взыграло самолюбие, из принципа не поддавался просьбам, не внял никаким увещаниям уступить на танец сапоги, не подействовали даже угрозы друзей. Весь вечер танцевал самозабвенно, с подъемом, забыв об усталости после перехода.

Южная весна, беспокойное передвижение, новизна впечатлений, я постоянно делал для себя открытия, находил время кратко записывать впечатления об увиденном, писал письма маме, чтобы не волновалась и знала, где я нахожусь. Разве не была новинкой шахта «Нежданная» на самом высоком бугре, откуда открывался прекрасный вид на город Шахты, где впервые воочию, а не в кино и не на картинке, увидел я высоченный террикон курившейся породы, испускавшей смолистый угольный запах, от чего слезились глаза и першило во рту. Невольно вспомнилась популярная песня «Спят курганы темные...» Преодолев спуски и подъемы глубоких балок, какие видел впервые, мы достигли конечной цели похода - города Новошахтинска.

Ночевал в шахтерской семье. Принят был весьма радушно. Хозяин, мужчина средних лет, шахтер-инвалид, ходил на костылях, обхаживал меня, как самого дорогого гостя. Не спрашивал, откуда и куда следую, в какой среде жил, чем занимался. Встретив нового человека, он использовал случай выговориться и рассказать о том, что у него наболело на сердце, как говорят, решил «выпустить пар». Найдя во мне благодарного и внимательного слушателя, весь вечер, до самой полуночи, со всеми подробностями рассказывал о жизни горожан в период оккупации гитлеровскими захватчиками, зверствах над шахтерами, принуждении работать на «Великую Германию». Так как я человек очень чувствительный, принимающий близко к сердцу все, о чем мне он рассказывал, у меня от ужасов на голове волосы поднимались дыбом. Вот с каким противником мне придется встречаться. Засыпал с превеликим трудом, с боку на бок ворочаясь на жесткой тахте. В глазах неотступно стояли фашистские изверги, бросавшие непокорных советских людей живыми в стволы шахт. Утром кое-как поднялся, преследуемый кошмаром снявшихся ужасов, и весь разбитый пошел в штаб артиллерии.

В приземистом, барачного типа одноэтажном доме, в полутемной комнате с одним столом у окна, дожиной табуреток вдоль стены и наспех сколоченных из досок скамеек посередине, принял нас представитель штаба, пожилой полковник, высокий, седой. На гимнастерке, плотно облегавшей грудь и широкие плечи, боевой орденом Красного Знамени и медаль «XX лет РККА».

Безупречный вид полковника привел нас в смятение, и краска стыда заливала наши безусые лица. Просматривая документы, он с любопытством смотрел на каждого из нас, и мы, робея перед ним, невольно вытягивались, принимая положение «смирно». Но в его добродушно взгляде и в приветливом выражении лица я не заметил укора за столь странный наш внешний вид; Очевидно, он не впервые встречается с такими, как мы. Видимо, наш вид, молодость, подтянутость и хорошая строевая выправка импонировали ему, вызвали в памяти приятное воспоминание из далекого прошлого. Его доброжелательность и добродушные растопили нашу робость, и мы прониклись к нему уважением, натянутость между нами исчезла. Затаив дыхание, мы не спускали глаз с полковника, терпеливо ожидали решения своей участи.

«Куда направят, в какой род войск?» - гадал каждый.

- Что знаете о донских казаках? - спросил полковник.

«Это что, экзамен, - подумал я, - чтобы узнать степень нашей подготовленности?»

Его быстрый взгляд скользил ожидающе по нашим лицам. Все сидели в полном смущении и недоумении.

- В пределах программы средней школы и по произведениям Шолохова, не больше, - ответил я, краснея.

- Это хорошо, - одобрил он. - Я не устраиваю экзамена. Что вам известно о Донском казачьем корпусе в составе фронта?

Мы стушевались и стали перешептываться между собой, наперебой припоминая все, что слышали и читали в газетах. Полковник не перебивал нас, прислушиваясь к нашим разговорам. Мы доложили ему, что с востока на запад пересекли поездом и пешими прошли донскую землю, но ни о каком корпусе не слышали.

- Успокойтесь. Вы все получите назначение в 5-й Гвардейский Донской казачий

кавалерийский корпус.

Комната наполнилась глухим гулом удивления.

Мы готовили себя в какие угодно рода войск, но о казачьем соединении даже мыслей ни у кого не было.

- Что это за соединение? - спрашивали полковника.

- Корпус прославился в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Кубани, в районе Кушевки, защищал подступы к Туапсе, разгромил знаменитую немецкую дивизию «Эдельвейс» под Моздоком. Потом вел тяжелые бои на реке Миус, в районе Матвеева Кургана. За это время понес большие потери. Выведен на днях на отдых и пополнение в район Целины, хутор Хлеборобное, что в Сальских степях. Получайте назначения, и вновь всей командой в поход. Желаю удачи.

- Товарищ полковник, разрешите обратиться, - встал, краснея, Володя Котляров.

- Пожалуйста, товарищ лейтенант.

- Вы можете изменить решение и желающих направить в артиллерию на механической тяге?

- Артиллерия на мехтяге пока не нуждается в пополнении, это раз, а во-вторых, вы же окончили училище на конной тяге, почему я должен направлять вас в механизированные или танковые войска? Езжайте в казачий корпус и не пожалее, — напутствовал полковник.

Оказалось, что среди нас были лейтенанты, которые видели и встречались с казаками, одетыми в темно-синюю форму. Вспоминая, они с восторгом рассказывали:

- Рядовые казаки, как генералы, с лампасами, в папахах и бурках на плечах.

Рассказы очевидцев, предстоящая встреча с настоящими казаками, служба в прославленном казачьем корпусе распалили наше юношеское воображение, и мы строили планы на будущее, не представляя себе трудности, с которыми придется вскоре встретиться в боевой походной жизни. С хорошим настроением мы пустились в обратный путь по проторенной дороге до станции Целина, а там до Хлеборобного, как говорят, рукой подать, один дневной переход.

Пока добирались до Целины, радовала нас ранняя теплая весна с жарким солнцем на безоблачном небе. На глазах преображалась донская земля. Та же пойма Дона со скудной и жухлой растительностью вдруг неузнаваемо менялась, как девушка на выданье, одевалась в необыкновенно красивый нежно-зеленый подвенечный наряд, а сизая дымка над поймой, скрывавшая дали, как вуаль на лице невесты, усиливала загадочную таинственную красоту.

Не оторвать было глаз от зеленевших плакучих ив, что гнулись к воде по берегам водоемов, их свисавшие ветви, как в зеркале, любовались своей нежной свежестью. Ожили, преобразились станицы. Зацвели фруктовые деревья, белой кипенью нарядились сады. Все чаще мы видели людей в подворьях и на огородах, на полях, занятых весенними заботами.

Испытывая стеснительность, шел по улице Целины и присматривался к домам, не покажется ли кто-нибудь во дворе из жителей, чтобы ненароком спросить, нельзя ли переночевать. Мое внимание привлек свежесмытый аккуратный домик в глубине чистого и уютного двора, с голубыми ставнями и сияющими чистотой стеклами окон, с летней кухней и сараем.

Над домиком возвышался расцветавший роскошный абрикос. Я невольно остановился, оперся на штaketник и стал любоваться ухоженным подворьем. Так увлекся, что забылся и не слышал, как подошла сзади женщина и тихим грудным голосом спросила меня:

- Кого-нибудь ищешь, сынок?

Я от неожиданности вздрогнул.

Передо мной стояла худощавая пожилая женщина среднего роста в белом платке и светлыми лучистыми глазами пристально оглядывала меня.

- Да, ищу, где бы переночевать, — ответил ей.

- Почему не пустить, — открывая калитку, сказала она. — Проходи, гостем будешь. Не на улице же ночь проводить. Переночуешь, хата не убавится. У меня муж и

сын на фронте. Горемычные, может быть, и их кто-нибудь так же примет и обогреет.

Впервые встретил такую разговорчивую и добросердечную женщину. Пока шли к дому, не переставала говорить. Из-под доски у порога достала ключ, открыла дверь, предложила заходить в хату, а сама не переставала интересоваться, откуда да куда следию.

- Слышала, в Хлеборобном полно понаехало казаков. И к нам навдываются. Значит, в казаках будешь служить? Мои не попали в казаки, хотя живем на донской земле. Муж до войны шофером работал и на фронте шоферит. Сын до войны окончил летное училище, летчик. И сейчас летает. Он у меня герой, - с особой гордостью пояснила она и улыбнулась, глядя на меня.

Разделся, сел на скамейку у дверей, разглядывая скромное убранство комнаты, наблюдал, как эта истощенная женщина с удивительным проворством, разговаривая со мной, одновременно занималась домашними делами. В ее сноровистых и скорых поступках было много схожего с моей мамой. Пока я осматривался, она сбегала во двор, принесла картошки.

- Не разучился чистить картошку? - спросила меня и вручила мне нож и кастрюлю, — почисти, пока я вожусь на кухне.

Когда узнала, что я не белоручка, а дома остались больная мама и младшая сестренка, посетовала на женскую долю:

- Вся война на наших плечах. У нас в совхозе мужиков осталось - раз-два и обчелся. Одни женщины тянут лямку и за себя, и за мужиков.

Удивительно просто вела себя эта женщина, обращалась со мной, как с сыном, прибывшим на побывку. После чистки картошки предложила нарубить дров. Повела во двор, показала топор, кучу валежника колючей акации. Набрала беремья дров и унесла в летнюю кухню.

С подъемом азартно рубил валежник так, что на спине взмокла гимнастерка. До захода солнца вся куча была перерублена и сложена в поленницу. Мне хотелось хоть этой работой отблагодарить женщину за теплоту и ласку, которыми она одаривала меня.

- Хватит рубить. Иди сюда, - звала хозяйка, - вот что, сынок, я вижу ты давно в дороге. Одежда замызгана, грязная. Снимай с себя все, я постираю. Небось за дорогу и паразиты завелись?

Мое лицо опалило жаром, и я потупил глаза, словно провинился. Конечно, есть. Но стыдно признаться в этом, и я молчал, краснея.

- Нечего стесняться. Дело житейское. Иди в летнюю кухню и искупайся. Запасного белья тоже нет? - спросила она.

- Конечно, нет. Я его в дороге обменял на продукты.

Она сходила в комнату и принесла одежду сына.

- Выкупаешься, наденешь ее.

Все было, как во сне. Неожиданное предложение вымыться совсем смутило меня, и я растерянно стоял перед ней. Что оправдываться? Прошло три недели, как мылся в Красноармейске. С тех пор нигде не предоставлялась возможность вымыться, терпел, вот-вот скоро прибуду на место и тогда приведу себя в порядок.

Она проводила меня в жарко натопленную летнюю кухню, где на середине стояли ведра с горячей и холодной водой и широкое корыто.

«Когда же она успела приготовить все это?» - раздеваясь, думал про себя. Стыдливо принял стаскивать обмотки, снял ботинки, размотал пропитанные потом портянки. Грязное нательное белье вызвало брезгливость, краснея, свернул его в клубок.

Вымывшись, ощутил бодрость и приятную легкость во всем теле, чувствовал себя точно обновленным. В хате меня ожидал горячий ужин. На сковороде дымилась жареная картошка с салом, залитая яйцами, а на углу лежала моя пачка концентрата. Услужливая хозяйка приветливо говорила:

- Садись за стол. Ужинай и отдыхай. Я займусь стиркой.

Предлагаю помочь в стирке, но она с материнской настойчивостью уверила меня, что это не мужское дело и справится одна.

- К утру все будет чистое и сухое. Отдыхай.

Мне приятно и лестно от такого материнского внимания, и в то же время одолевало чувство неоплаченного долга. Чем и как могу отблагодарить ее? Пришла с работы усталая. Надо бы отдохнуть, а она взвалила на себя нелегкую заботу о постороннем человеке, которого встретила случайно и который уйдет утром навсегда. Мне вспомнился родной дом, мама, такая же непоседливая, услужливая, не знающая, что такое отдых, отдающая себя, все свои силы работе, домашним заботам, готовая прийти на помощь любому человеку.

Да, мы, сыновья, в вечном и неоплатном долгу перед матерями. Если мы не в силах или не в состоянии оплатить его сполна своими делами или поступками, тогда хоть вечно будем помнить о них.

Не менее трогательным и незабываемым было прощание с хозяйкой. Ранним утром, за ночь отдохнувший в мягкой постели, накормленный досыта, в чистом белье и обмундировании, закинув за плечи скатку, тощий вещмешок за спину, я прощался с милой и доброй хозяйкой. Хотелось сказать на прощание ласковые сыновние слова, но никак не находил подходящих, к горлу подкатил ком, не выдавлю ни звука, словно кто-то перехватил мне глотку.

Она стояла передо мной в том же белом платке, по ее лицу, изрезанному мелкими морщинками, из глаз катились слезинки. Мне было жалко ее, как мать, оставлять одинокую и незащищенную. Потом она головой прижалась к моей груди, и я почувствовал, как мелко задрожали ее худые плечи. Справившись с волнением, она отшатнулась от меня, печально посмотрела в мои глаза, перекрестила и тихо вымолила:

- С Богом! - приложила к губам конец платка, отвернулась и скрылась в дверях дома.

Всю дорогу до Хлеборобного Виктор с друзьями не переставали удивляться моему везению и не скрывали зависти, расспрашивая, как это случилось.

- Ты теперь, как белая ворона в стае, сразу привлекаешь к себе внимание. Смотри, при встрече с начальством держись в стороне, чтобы от них не слышать нареканий в наш адрес за затрапезный внешний вид, - строго предупреждали друзья.

- Что с ним церемониться... - начал кто-то и, смеясь, предложил: - Давайте выкатаем его в дорожной пыли, станет таким же, как все, а может быть, еще грязнее.

Виктор, как всегда, вступился за меня и приструнил ретивых:

- Пошутили, и довольно!

В Хлеборобном мне было от чего встревожиться и впасть в отчаяние. Еще вечером попросил хозяйку, где ночевал, на всякий случай, если сам не проснусь, непременно разбудить пораньше, чтобы к восьми часам прибыть в штаб артиллерии корпуса. Сердобольная хозяйка не подумала о пробудке. Куда спешить. И дала мне возможность выспаться вволю, а сам вовремя не проснулся - усталость одолела.

Проснулся от ярких лучей солнца, которые сквозь веки буравчиками сверлили мои глаза. Жмурясь, встал, беспечно потянулся, радуясь солнечному утру. Услышав мерное тиканье настенных ходиков, взглянул на них и от ужаса обомлел, по коже пробежала дрожь, меня словно окатили холодной водой:

- Десять часов! А в восемь я должен быть в штабе артиллерии корпуса.

Желание хозяйки сделать мне приятное обернулось большой неприятностью и привело меня в отчаяние. Одевался, как по команде боевой тревоги, затратив считанные секунды, и опрометью бросился бежать к штабу, чуть не сбив с ног недоумевающую хозяйку, стоявшую с чайником в руках.

- А как же завтракать? - кричала вслед. - Подождите, каша готова!

Какой завтрак, когда опоздал на два часа. Будет взбучка! Бежал и дрожал, как в лихорадке. Сердце мое наполнилось страхом. Вихрь догадок о строгом наказании кружил у меня в голове. Растерянный, раскрасневшийся, обливаясь потом, подбежал к зданию штаба, где друзья, уже получив назначения в дивизии, прощались друг с другом.

- Ну и даешь, Ваню, - строго упрекнул меня Виктор, - пришлось отдуваться за тебя. - И более миролюбиво спросил, что случилось?

Я объяснил.

- Ладно, успокойся. Мы вместе идем в 12-ю Гвардейскую Донскую Казачью дивизию.

Мне удалось совладать со своим волнением, я успокоился от того, что моя промашка обошлась без последствий. Тут подошли к нам Райгородецкий, Соколов, Локтионов и Кубанцев.

- Поздравьте нас с новой специальностью, - говорил Ефим, протягивая руку для прощания. - Мы теперь минометчики и направляемся в 63-ю кавалерийскую дивизию.

- Она же не гвардейская, - с сожалением отозвался Володя Котляров.

- Гвардейское звание добудем в боях, - нашелся Валентин Соколов.

- Братцы, есть предложение, - обратился ко всем Николай Сапунов. - На прощание поужинаем сегодня вместе. Кто против? Против нет!

Все дружно загалдели.

Ужинали в Хлеборобном, даже на танцах побывали в местном клубе. А утром следующего дня каждая группа направилась по своим дивизиям.

Лилия Головченко(Симонова)

л/о «Озарение»

БАБКА-РЯБУШКА

Рассказ

Бабка-Рябушка жила в нашем хуторе в маленькой мазаной хатенке. Никто не знал, сколько ей было лет, и разные разговоры были по поводу ее прозвища. Кто предполагал, что оно произошло от ее побитого оспой лица, а кто поговаривал, что это созвучно с ее фамилией - Рябова. Бабка - Рябушка была небольшого росточка и до такой степени сгорбленной, что порой казалось, будто она вот-вот сделает кувырок через голову и покатится по дороге как клубок, но произойти этому мешал посох, который она никогда не выпускала из рук. В четырех километрах от нашего хутора была станица, куда и хаживала наша Рябушка в церковь и в будние дни и по праздникам, а мы - детвора по той же дороге, но только в школу, которая была расположена рядом с церковью. После церковной службы домой Рябушка шла так медленно, что мы догоняли ее, идя со школы в начале хутора или почти у самой калитки ее игрушечного дворика. Тихим, почти беззвучным, голосом она зазывала нас к себе в хатку. Всех усаживала на широкую покрытую сшитым из лоскутков покрывалом скамейку. Мы с радостью принимали ее приглашение, заранее зная, что она будет угощать нас нехитрой едой и при этом крестила нас, шепча какие-то молитвы. Все хихикали, пережевывая сладости, видимо принесенные из церкви, а затем приносили ей воду, мыли полы и делали другую не сложную работу. Случилось это осенью в начале октября 1962 года. Я училась во втором классе той самой школы, из окон которой и была видна церковь. На трех ее куполах были кресты, и снизу они казались такими маленькими, почти игрушечными. На перемене между уроками кто-то закричал, показывая на центральный купол, где у основания креста стоял человек и что-то пытался к нему прикрепить. Все с криками побежали во двор церкви поглядеть. Там были уже люди, в основном женщины, пожилого возраста и среди них я увидела нашу бабку-Рябушку. Она стояла, подняв голову вверх, и твердила одно и то же: «Антихристы, антихристы, креста на вас нет», – и непрерывно крестилась. С другой стороны церкви кем-то из мужчин подавались команды человеку на куполе. До всех медленно доходило происходящее, а когда нас стали выгонять со двора, предупреждая, что здесь опасно находиться, стало ясно, что они хотят сорвать крест. В церковь никого не пускали. Людей собиралось все больше и больше. Многие с любопытством наблюдали за действием военных, а несколько женщин стоя на коленях, взывали к Господу. Рев трактора привел всех в исступление. Он двинулся, таща за собой канат. Толпа ринулась к стенам церкви и тут же остановилась. Одна Рябушка, опираясь на свой посох, быстрыми, похожими на бег с препятствиями, прыжками двигалась в сторону падения креста. Крест падал медленно, как будто, сопротивляясь земному притяжению, и никто уже не смотрел в сторону нашей старушки. Удар о землю настолько был сильным, что стекла в окнах школы зазвенели. Рябушку увидели, когда осела пыль. Она лежала вниз лицом, рука с клюкой была вытянута вперед и касалась креста. То ли от быстрого бега, то ли от увиденного старушка умерла. Крест тянули по земле трактором в колхозные мастерские, толпа шла за крестом, выкрикивая проклятья и всхлипывая. Бабку - Рябушку везли на повозке в больницу, и по поводу ее смерти ни у кого не было сожаления. Я стояла напуганная всем происходящим, и в ушах моих звенело: «Креста на вас нет, креста на вас нет ...». Его действительно уже не было. Два остальных креста срывали ночью. Церковь закрыли, и там много лет было зернохранилище. Когда я приезжаю в станицу и любуюсь восстановленными Куполами, мне хочется верить в то, что это Бабка-Рябушка смогла надеть на них Кресты.

Раиса Иванова

л/о «Озарение»

ЗА ТУМАНОМ НИЧЕГО НЕ ВИДНО

«За туманом ничего не видно,

за туманом ничего не видно...»

Как только слышу я эту песню, сразу перед глазами встаёт образ моей дорогой бабушки, бабки Иванихи. Из памяти выплывает лавочка у дома бабки Лукерьи, бабы Луши, где по праздникам, надев свои лучшие наряды, собирались женщины. И их песни. Как они пели! Тогда я не умела разбираться в том, на сколько голосов выстраивали они свои мелодии, и мне слышалась не просто песня, а музыка. Да, музыка! Она была столь редкой и необычной на краю нашего села, что казалась волшебной. Тёплыми праздничными вечерами эта музыка парила над певуньями, лица которых во время пения менялись так, что иногда я не узнавала своей бабушки. Станным было то, что смотрела она на меня и, казалось, пела для меня, но взгляд её был таким незнакомым и мысли такими далёкими. Глаза её сияли. Они были влажными как... как молодая травка, покрытая утренней росой. Я смотрела в эти глаза и ждала, что слёзы, росинками, вот-вот появятся на её ресницах. Но слёзы не появлялись, и тогда я думала, не показываются они от того, что их подсушивают искорки, то и дело ярко вспыхивающие в разных уголках её глаз.

В праздники бабушка всегда казалась мне моложе. Может это от того, что наряжалась она в свою любимую, единственную, сатиновую, голубого цвета, юбку-«татьянку» и покрывала голову красивым кашемировым платком с аккуратными розочками по углам.

« За туманом ничего не видно».

Это была любимая песня этих женщин. Запевала и «выводила» её бабка Иваниха, моя бабушка. В то время эту песню я воспринимала такой, какой знала жизнь в свои пять лет. Песня лилась, а передо мной стлался белый густой туман, я однажды его испугалась, не узнав дороги к дому, и единственный дуб в зарослях нашего вишнёвого сада, благодаря которому я победила свой страх перед туманом. А ещё колодец-криница, от которого расплывчатым силуэтом несла на коромысле воду моя мама. Я побежала вслед за ней, боясь, что она растает в тумане и я не найду без неё тропинки к нашему порогу.

Только спустя много-много лет, когда бабушки уже никогда не было рядом, вспоминая эту песню, я думала о совсем другом тумане.

В плен из Ростова-на-Дону мою бабушку, Студеникину Евдокию Фёдоровну, немцы увезли вместе с грудным Сашкой, в будущем моим отцом. Где и как они выжили в Германии, я теперь никогда не узнаю. Рассказала она мне, только однажды, как возвращались они из плена. Раннюю весной, пешком, через Польшу и Украину шли они к своей победившей Родине. Несколько обозов с нехитрым провиантом и совсем ослабевшими путниками, в основном это были женщины и дети, тянулись сзади. Со всех сторон колонну сопровождали конные офицеры. Поляки, а потом украинцы выносили им на дорогу хлеб и варёную картошку, молоко и яйца.

Когда вся процессия пересекла Польшу, и оказалась на украинской земле, всех женщин, имевших своих детей, собрал старший из офицеров и стал говорить о том, что домой они, скорее всего, не попадут. С горечью в голосе, тихо рассказывал он измученным долгой ходьбой матерям, что не всё так хорошо в нашей стране, после «великой победы над Германией», что всех бывших пленных сразу загружают в эшелоны и отправляют в Сибирь на разработки древесины. В холодных вагонах

не все выживают к концу их пути. Он советовал им попробовать сберечь, хотя бы жизни своих детей, оставив их в первом детском доме, который окажется на пути. Ну а если чаша Сибири, даст бог, минёт, то тогда они смогут вернуться и забрать детей обратно.

Все матери так и поступили. Оставила своего семи-восьми летнего Сашку и моя бабушка в Детском доме. Да только сбежал оттуда Сашка и догнал обозы. Долго уговаривала его мать, обещав скоро приехать за ним, как только найдёт их дом, оставляя его уже в другом детском доме, где-то на границе Украины с Россией. И из этого дома Сашка сбежал. Тихонько шёл он вслед за обозами, стараясь до ночи не терять их из виду, и не подходить близко, чтобы его не заметили. Как только спустилась на землю тёмная ночь, тихонько подкрался Сашка к бричке и залёг в ней среди мешков. Так и ехал он там много часов, страдая от голода, сотрясаясь от ухабов на дороге, а ещё больше от обиды на мать, что, вопреки его нежеланию, оставила она его всё-таки в чужом доме. Одного. Без неё. Сколько он себя помнил, они с матерью всегда были только вместе.

Как-то его заметил один из офицеров-всадников. Сашку извлекли из -под мешков накормили и он, счастливый от того, что его больше не прогоняют, пошёл дальше.

«За туманом ничего не видно,

за туманом ничего не видно».

Бабушка не поняла, как не поняли и остальные, куда, после очередной ночёвки исчезли всадники офицеры, что довели их почти до Ростова. То ли их кто похитил, то ли решили они предоставить бывших пленным судьбе самой распоряжаться дальше их жизнями, может тайно получили такой приказ: оставить всех на произвол судьбы, только утром обнаружилось, что проводников больше нет.

Под покровом ночи постучалась моя бабушка со своим Сашкой в ростовскую хату, где раньше жил её родной брат, надеясь на удачу, что брат жив и живёт в этой хате по-прежнему. Так и оказалось. Их, худющих, оборванных, завшивевших с головы до ног, едва узнали. В дом сразу не пустили, отвели в сарай, где сначала натёрли керосином, после выкупали в щёлоче с золой. Только потом завели их в комнату, накормили, одели в какие нашлись, обноски и этой же ночью, уже перед утром, вывезли степями, на раздобытой братом чьей-то подводе, под Тарасовку. Там, где-то под Ефремово- Стефановкой, жили тогда родители бабушки, мои прадеды.

«За туманом ничего не видно».

Выжили. Не пропали. О пережитом никому не рассказывали. Боялись. Сашка пошёл в школу и всё ждал, что его отец, которого он ни разу в жизни не видел, придёт и заберёт его. Отец не пришёл. И похоронка не пришла. И вообще ничего не пришло. А хоть и было что, так кому отдать, кого искать? Может и вернулся Сашкин отец с войны. Может и искал его. Да разве ж можно было их найти? После возвращения из плена исчезли они, затерялись в просторах своей необъятной победившей Родины. Метрики им, какими-то правдами и неправдами, выхлопотали родственники в Ростове на имя старшей сестры. И не стало их с матерью; не стало больше Студеникиной Евдокии Фёдоровны, вместо неё на земле стала жить Иванова Анастасия Фёдоровна. И Сашка стал Иванов.

«За туманом ничего не видно, за туманом...»

И никогда бы я не узнала, даже этой малости, если бы не застывшая в сердце, обида Сашки, теперь уже моего отца, на мать за то, что оставила его в детском доме тогда, в суровое время. Так и не поняло его сердце, и даже его взрослый разум не понял

добрых материнских намерений. Так и не смог он прочувствовать боль материнского сердца, когда, пройдя через все тяготы войны, возвратившись в победившую родную страну, приходилось пытаться спасти хотя бы жизнь своего маленького сына. Мой отец, бабушкин Сашка, был не очень разговорчив, но когда водочка послабляла его волю и «развязывала» ему язык, мне частенько приходилось слышать его слова полные горечи и обиды: «Какая Вы мать? Вы меня бросить хотели». Так и умерла Студеникина Евдокия-Иванова Анастасия Фёдоровна непонятой и не прощёной сыном. И сын её, мой отец, умер. И все умерли. И осталось только:

«За туманом ничего не видно,

За туманом ни-че-го не вид-но...»

Ариадна Юркова

«ЦЕЛЮЮ ВАШИ РУКИ»

Семейная история

Белоснежная яхта «Сан-Донато» встала на рейде острова Капри. Самая богатая вдова России княгиня Шаховская-Стрешнева, покинув с наступлением зимы московскую усадьбу Покровское-Стрешнево, совершала путешествие навстречу весне. Ранним утром, едва первые солнечные будили дремавшее море, к яхте спешила лодка с провизией. Владелец ресторанов острова счёл честью поставлять русским гостям свежие дары италийской земли. Правил лодкой его сын Паоло. Свежий ветерок развеивал белокурые его волосы. Чёрные глаза сияли восторгом. Ещё издали он приветствовал: «Синьорита – белла!» И высоко над головой поднимал букет пармских фиалок. У трапа итальянца встречали повар Бодров, знаменитейший на всю Европу творец соусов. И молоденькая переводчица Амалия Мачинь. Латышка, владевшая восемью языками. Она за три недели пребывания в Средиземном море освоила и итальянский. Паоло влюбился в переводчицу с первого взгляда: высокая, стройная, роскошные чёрные косы до пояса, чёрные бархатные глаза, цвет девичьего лица – цвет лепестков нежной розы, держится строго, независимо. В своих мечтах он видел, как введёт в свой ресторан женой и хозяйкой «сеньориту-беллу» («прекрасную синьориту»). Но он не имел права говорить об этом до того дня, пока не обретёт самостоятельность, пройдя все ступени: от грузчика, экспедитора, метрдотеля зала, не познает премудрости бухгалтерии и «секреты» кухни. Только тогда отец введёт его в самостоятельное управление рестораном. Это не Россия, где «короли седого Урала», потомки тульского оружейника Демидова, починившего царю Петру заморский пистолет, к началу двадцатого века промотали несметные княжеские богатства и тихо догорали в Европе от «модной болезни». Демидовское крошечное княжество Сан-Донато и одноимённую яхту и приобрёл князь Шаховской в подарок своей супруге Евгении. Итальянские сильные торгового мира не вручали состояние наследникам в виде свадебного дара. Станешь трудом своим достоин – получишь. Нет – получишь царство нищих, обитавших на шумных улицах и площадях Италии. Паоло поднимался к своей вершине ещё только с первой ступеньки. Символом любви стали пармские фиалки. Каждое утро к ногам переводчицы ложился свежий букет: «Целую Ваши руки!...» В час прощания русских с чудесным островом Капри Паоло стоял в лодке. Пока яхта не скрылась за горизонтом. Свежий морской ветер развеивал белые волосы. Первая и Вторая мировые войны унесли судьбу юноши с острова Капри в безвестность. - Мама, а ты вышла бы замуж за Паоло, сделай он тебе предложение? - Нет, дочка, - ответила мне мама, - у итальянца были белые волосы. А я с детства не любила блондинов. Мой брат Эдуард. Моряк дальнего плавания. В годы своих странствий побывал на острове Капри. «Мама!» - писал он в Забайкалье, - какая же Земля тесная. Я нашёл внучек твоего Паоло, даже обедал в их ресторане. Итальяночки-

красавицы буквально боготворили меня – сына «синьориты-белла» из России. «Целую Ваши руки», - сказали мне внучки, - дед всю жизнь обожал «прекрасную сеньориту». В канун Восьмого марта самолёты доставляют в Москву знаменитые пармские фиалки. Букет, купленный в киоске на Ярославском вокзале, я бережно довезла в Читу. ... Над маминой могилой в строгом карауле стоят бронзовоствольные стройные сосны. Лес проснулся после лютой зимы – вершины сосен тихо шумели. Ведя свои весенние разговоры. Воздух дышал ароматом смолы и талого снега. Тянулись к высокому пронзительно-голубому, бездонному, итальянскому небу нежные, на пушистых тонких ножках, синие подснежники – забайкальские фиалки. Как капля воды напоминает об океане, крошки-дети сурового Забайкалья чем-то напоминали знаменитых пармских красавиц. - Мама! Прими привет от Паоло! – на холмик лёг букет из Италии. - «Целую Ваши руки!...» - послышалось сзади. Обернулась... Никого.

Станислав Александровский
клуб «Взлёт»

О НОВОЧЕРКАССКЕ

Скроются от глаз ночные тени
И проснется город мой родной,
Опьяненный запахом сирени
И умытый солнечной волной.
Озорные лучики развеют
Тягостные думы Ермака
И отцовской ласкою согреет
Город атаманская рука.
Стайка голубей мне нежно гулит,

Все ж держась слегка на стороне...
Вновь я поражен красою улиц,
Что с годами только лишь светлей.
Полон, как обычно, вдохновенья
Этот несуетный ранний час;
Окрыленный слог без позволенья
Ввысь порхает с моего плеча!
Купола на Вознесенском храме
Веру светом золотым хранят,
Площади Соборной каждый камень –
Талисман чудесный для меня.
И проведать Платова спешу я,
Любящий и благодарный сын,
Воспевая город свой под шумы
Первых полужаспанных машин.
В царстве Александровского сада
Душу распахну для всех людей
Под потоком бурным водопада
Из воспоминаний прежних дней.
На Московской – затаю дыханье,
Стук услыша трепетных сердец
Тех, кто разглядел очарованье
Этой важной дамы, наконец!

ПОСВЯЩЕНИЕ КЛУБУ «ВЗЛЕТ»

Мы разные, как мысли, но ей-богу,
Похожи в том, что цель у нас одна
И топчем вместе мы одну дорогу,
Чтоб для других расширилась она.
И приняла всех тех, кто хочет с нами
Отправиться в свободный наш полет,
И где-то высоко над облаками
Понять, за что так любим мы наш
«Взлет»
Скучает голубь в клетке – окольцо
ван...
И с завистью глядит на наш аншлаг:
Взлетаем мы в буквальном смысле
слова,

А он умел когда-то тоже так!
Но мы затем и взяли это дело,
Чтоб голуби купались в небесах,
А люди, вместо драк и перестрелок,
Искали жизни истину в стихах.
От мала до велика мы шагаем
Уверенно своею колеей –
Нам в этом наша дружба помогает,
Ведь друг за друга мы стоим горой!
Листок и ручка – вот и все оружие,
Которым клуб придется защищать,
Но мы сумеем, если будет нужно,
Победу силой слова одержать!

Татьяна Анисимова
л/о «Вдохновение»

В глубинах памяти своей
я вспоминаю дни былые;

когда-то были мы добрей,
терпимей нравом, справедливей.

Чужую боль, как боль свою,
воспринимали мы порою.
Теперь, как будто на краю,
наедине стою с собою.

Лишь иногда мелькнёт лучом
приветный взгляд, скользнёт улыбкой,
а равнодушие бьёт ключом
и в остальном - всё шатко, зыбко.

Но равнодушие - тоже зло,
когда не видишь боль другого.
Чтоб пробудить в сердцах тепло,
в себе ищи ростки благого.

СТЕПНОЕ РАЗДОЛЬЕ

Выйду утром ранёхонько в поле:
ничего нет красивей зари.
В её розовом, нежном подоле
гаснут звёзды – любви фонари.
Дремлет травушка, негой объята.
Окуну я ладони в росу

и умоюсь жемчужной прохладой,
уронив в листья каплю-слезу.
Я одна, как былиночка в поле,
плоть от плоти землицы родной,
заревое степное раздолье
мне вливается в сердце волной.

БЕЗ ТЕБЯ

Без тебя - мне и день не день,
Без тебя - мне и утро не утро:
не сияет оно перламутром,
застилает мир грусти тень.
Без тебя - мне и ночь не ночь:
звёзды ясные мглою закрыты.

Одиноко, я словно забыта,
нелегко себя превозмочь.
Без тебя пропадает смысл
жизни этой, теперь уж недолгой.
Как Россию не вижу без Волги,
так одна о тебе лишь мысль.

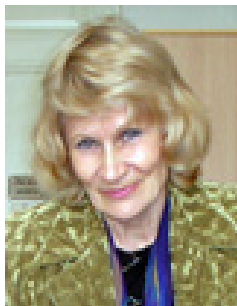
Средь хмурых дней, ветров ненаст-
ных
златым лучом пробьётся свет.
Земля зальётся тёплой, ясной
улыбкой существу в ответ.
И радостью овеет лица
усталых, суетных людей,

волною светлой пробежится
настрой их и в душе моей.
Как мало нужно человеку:
пусть даже чей-то добрый взгляд
смычком как будто тронет деку
и струны сердца зазвучат.

ОСЕНЬ

Осень, перепрыгнув через прясла,
постучала листьями в стекло, -
только на душе моей так ясно,
только на душе моей тепло.
Осень раздарила всем наряды,
бросила мне нити серебра.

Осень, не зови меня, не надо;
Счастья пожелай мне и добра.
Клином журавлиным пролетела,
песнь оборвала на полпути,
эхом лета походя задела...
Не хочу я в Осень уходить!..

Анна Антипова
л/о «Озарение»

ЗОВ ПРЕДКОВ

Ковылём поклонюсь
Я родной стороне,

С нею сердцем сольюсь, –
Так мила она мне.

Потянулась душой
Из Сибири на Дон, –
Здесь, в станице Донской,
Я построю свой дом.

Здесь зов предков моих,
Он мне дарит покой,
Буду памятью их
Укрепляться душой.

Я донской стороне
Ковылём поклонюсь....
Так мила она мне!
С нею сердцем сольюсь.

ЛАСТОЧКИ

Я утром ласточек встречаю,
Они мне радость в жизнь несут,
Лететь с собою предлагают,
В свой путь таинственный зовут.
Кружатся в танце надо мною,
Щебечут дружно в вышине,

Зовут, зовут меня с собою
И этим дороги вдвойне!
Ах, если бы летать умела!
Вспорхнула б к ласточкам я вдруг,
И в танце радостном и смелом
Влилась в стремительный их круг.

ТУМАН

Туман укрыл поля,
Дома и все просёлки...
И замерла Земля
Среди оттенков тонких.
А мне сжимает грудь
Туманом, как тисками!
Расправиться, вздохнуть,
Стремлюсь над облаками.

Я солнце взять хочу
Озябшими руками,
Как яркую свечу,
Искрящую лучами.
Рассеять весь туман
Над Матушкой-Землёю, -
Он, как лихой дурман,
Объял своей судьбою.

АБРИКОС

Мне дерево протягивает руки,
Уставшие под тяжестью плодов;
Слышны его восторженные звуки
Волшебных и понятных сердцу слов:

Возьми, возьми плоды мои земные,
Наполни силою любви себя...
Как прежде, станем мы с тобой
родные,-
Завет нам дарит Матушка - Земля.

ЗЕМЛЯ — ЛЮБОВЬ МОЯ

Остановлюсь у водопада,
Умоюсь горною водой...
Не надо лучше мне награды,
Судьбы не надо мне другой,
Чем уходить по горным тропам
В прохладе быстрого ручья

И прикоснуться к тем истокам,
Где жизнь, как будто бы, ничья,
Напившись воздуха лесного,
Взлететь к Вершинам Бытия...
Не надо счастья мне иного,-
Люблю тебя, моя Земля!

Людмила Волкова
л/студия «Ступени»

Я С ВЕСНОЙ НА «ТЫ»

А ведь знаешь, я с весной на «ты»,
Мне же посчастливилось родиться,
Когда только распевались птицы,
Пробивались первые цветы.

А ведь знаешь, у меня весна
Поселилась в доме у камина.
Вон уселась в кресле у окна
Инеем любитесь, рябиной...

А ты знаешь, с нею мы вдвоём
Напеваем вместе Окуджаву,
Акварель, бывает, разведем
И рисуем всякие забавы!

А ты знаешь, что ко мне весна
Входит в дом, когда она захочет,
Что-то там бормочет и лопочет
Радости и счастья полна!

Знаешь, я – апрельский человек,
Чем-то мы с весной очень схожи...
Я надеюсь: мой весенний век
Мир согреет.

И тебя, быть может...

ПРО ВЕСНУ

Мне весна ребенок и подруга,
Разною она, порой, бывает,
То завоет мартовскою вьюгой,
То капель на зонтик мой бросает.

То вдруг майской заискрит сиренью
И в тюльпаний звон лицо погрузит –
Это грандиозные мгновенья!
Это выше всех прекрасных музык!

Чуть подремав на берегу,
В закат клонился синий вечер...
Я до тебя «не до бегу»,
«Не до спешу» к тебе на встречу!

И «не до шаг» мой, «не до бег»
Меня смущает и тревожит...
Вот так теряет человек
Все то, к чему успеть не может!

ОСЕННИЕ КРАСКИ

В перламутровом небе осеннем,
Где воздушность в оранжевом цвете,
Расползаются синие тени
На пурпурно-бордовом рассвете
И туман в синеве растворяясь,
Не спешит в голубые просторы...

В терракотовой дымке теряясь,
Он сочится сквозь реки и горы.
А ему из сиреновой дали
Желтый клен тихо машет рукою,
И лиловое солнце, медалью
На осенней груди, головою...

ЗИМНЯЯ ФОТОСЕССИЯ

Иду на фотосессию опять,
Погода впечатляет, что тут скажешь!
Преступно просто в эту зиму спать,
Когда она свои узоры вяжет,
Когда снега раскинувшись ковром,
Позируют, как профессионалы!

И как же мало, как же надо мало:
Увидеть только этот снегоДром!
Щелчок затвора как сердечный стук,
В коллекции еще одно мгновенье!
Не разжимая стылых влажных рук,
Расцениваю зиму как везенье!

Валерия Голованова
клуб «Взлёт»

ЧЕЛОВЕК

Иду, а под ногами талый снег
Смешался с черным месивом из глины.
Мы выжигали запахом Берлина
Одно единственное слово - Человек.
Мы забывались, нам хотелось умереть,

Родные лица, встроенные в сердце,
Больная память, стук колес, стальные
рельсы,
Военных будней, поседевших круго
верть.
Мы выбивали, выпивали смерть до
дна.
Мы шли на запад, раздирая ноги.
Разорванное небо, пыль дороги
И окровавленная, грязная земля.
Забывтый стук, живых еще сердец
Стал звуком материнской колыбели,
Мы выбивались, вырывались, мы
терпели...
Мы выжили. Всему пришел конец.
Мы выжили. Весенний талый снег,
Смешался с черным месивом из
глины.
Мы выжигали запахом Берлина
Свинцовый жезл, имя - Человек.

Вкус ежевики. Игрушки разбросаны
в комнате.
Смяв оригами из фантиков мятных
конфет
Долго молчу. Вы весну нашу
прошлую помните?
Я уже нет.
Запах дождя, абрикоса как снегом
укутана.
Белых цветов на руке исчезающий
след.
Помните дрожь моих пальцев, на шее
запутанных...
Я уже нет.
Солнце дрожит. Горизонта дрожащая
линия
Манит к себе в сине-желтый

полуденный бред.
Очень любил в волосах моих ранние
лилии... Да или нет?
Мишка уснул. Я уткнулся в его спину
горячую.
Плюшевый бок сбережет от
назначенных бед.
Помните дождь? Мы, как кошки,
ласкались бродячие...
Я уже нет.
Вкус ежевики. Игрушки разбросаны
в комнате.
Ветер утих, значит, скоро проснется
рассвет.
Нашу любовь, нашу нежность и
ненависть помните?
Нас... больше нет.

Сегодня мы до дна допьём вино,
Щелчком погасим свет.
В холодной комнате тревожно и светло
От светлячков-планет.
Я напишу последнюю главу,
А ты споешь о том,
Как помнят стопы острую траву,
Тех, кто не знал свой дом.

И мы не будем долго говорить,
Мы грустно помолчим,
О том, как каждый мог бы полюбить,
Но каждый нелюбим...
И тихо солнце свой займет престол,
А ты еще не спишь.
В холодной комнате лишь стул да стол
И мой не спит малыш.

Ирина Городецкая

ХУДОЖНИК И ПОЭТ

Есть магия в слове «Художник»,
Есть магия в слове «Поэт»,
Как будто бы замыслов Божьих
Явление! Как будто бы свет

Над тайной Божественной дрожью,
Которой и имени нет...
Но знает её лишь Художник,
И может быть - знает Поэт.
Но как эти замыслы в строчки
Слагаются – сами собой! –
Я знаю... неясно, не точно,-
Но как на пространстве любом
Являются миру картины,
И душу, и взгляд покорив,
Иль чётких штрихов лабиринты
С запрятанной мыслью внутри?
Восторженно или тревожно,
С мученьем, незримым для тех,
Кто хмыкает – дескать, художник
Мазюкает что-сь на холсте –
И Бог с ним! И Бог непреложно
С творящим – пусть веры в нём нет!
...
Вот магия слова - Художник.
И может быть, слова – Поэт.

СОНЕТ ОБЩЕНИЯ

Благодарю. Я вознаграждена.
(Иначе не истолковать такое!)
Столь неожиданно приглашена
Была на пир общения с тобою.
Как все, привычно полуголодна,
Того не замечая за собою,
В избытке быта, в толчее – одна...

Вдруг вот он – пир общения с тобою!
Так, значит, есть награда без молитв,
Победы упоение – без битв?
Но я вкушаю яства осторожно –
Летучий привкус их запечатлеть,
Чтоб и тогда устроить пир сумею,
Когда общенье станет невозможно.

ПОТОМ

Он был рад, да, конечно же, рад
увидеть меня.
Эти встречи спустя – как звонок из
вчерашнего дня.
Он, казалось, умолк – оказалось,
пронзительней звон,
Тише - но оттого и мучительней он.
Потому что живёшь – и в душе
наступает покой:
Вот и поднят над пропастью мост,
скрипучий такой,
И осталось всё там, за глухую сте
ной, за мостом,

Всё – тогда! Ничего из того на потом!
...Но потом наступает звенящая
тишина.
Из проёма годов выступает глухая
стена.
Опускается мост на скрипучих и
ржавых цепях,
И не веря себе, я иду по нему второ
пях.
За спиной исчезают и пропасть, и
цепи, и дрожь...
«Привет! Сколько зим, сколько лет!
Как живешь?»

СОНЕТ О ТВОРЧЕСТВЕ

Две трети года жизни без стихов.
Но это поддается ли расчету,
Когда – от сих до сих – рождение слов
Рождало восхищенную работу.
Хороший ты поэт или плохой,
Да и поэт ли – велика забота!
Подбитой птицей образ под рукой.

А вдруг не доживет он до полета?!
И это мне лечить невнятный звук,
Мне возрождать нетвердый сердца
стук,
Не за награду – за мечту паренья.
Вот птица вырывается из рук! ...
Ни торжества, ни расставанья мук.
На месте вдохновенья – отрешенье.

Яков Гуревич

ТАМ

Там шиповник - ровесник рассвета
Раскрывает свои лепестки
В невесомые признаки лета,
Где роса обретает цветки
Неизвестных доселе оттенков
Облаков, облаченных в зарю.
Из сегодняшних серых застенков
Я тебе это лето дарю.

Там костры далеко не картинно
Откровенно трещат на ветру
О стволах, убиенных безвинно
Ради капли тепла на юру,
Обреченном на вечные звуки
Голосов, нисходящих с небес.
Там тебе поцелую я руки
И спою про невиданный лес.
Там простая палатка - хоромы -
Укрывает от глаз и дождей.
В ней слова горячи и нескромны,
Телевизора нет и вождей.
Чай горячий и корочка хлеба -
Царский пир у любви под крылом.
Я тебя украду в эту небыль
Белоснежным и нежным пером.
Там родня нам - крылатые стаи
И Пегасы заместо коней.
Я хочу, чтоб мы с ними летали
На оставшемся краешке дней,
Чтобы замки, парящие в небе,
Становились реальнее нас.
Никогда там доселе я не был
И не буду, наверно, без Вас.

ТОПОЛЯ

Хочу не сдерживать слова,
Слова любви, которых мало,
Хочу, чтоб в жизни голова
Душе и сердцу не мешала,

Хочу любимых обнимать,
Всех-всех, что мне когда-то снились,
Хочу почаще вспоминать
Врагов, с которыми сроднились,

Хочу, чтоб не было врагов
На этой маленькой планете,

Хочу, чтоб каждый был готов
Отдать себя, чтоб жили дети,

Хочу, чтоб пелось и жилось
В ладу с самим собой и всеми,
Чтоб и мечталось, и моглось,
Не добавляя в мир проблемы...

Увы, хочу не только я.
Как часто мы не совпадаем.
Одни сажают тополя,
Другие пух их проклинают.

И СНОВА В БОЙ

И снова в бой. Покой нам только
снится.
И мы летим - зарницы на крыле -
По воле рифм, поэты - это птицы,
Клейменные печалью на челе.
И мы не спим, чужой боля болью,
И мы поем не о своей тоске,
И ту тоску мы делаем любовью,
Ища ее стволами на виске.

И мы уходим - только вы не плачьте.
Мы остаемся с вами навсегда
Палитрой строк, уверенных в удаче,
Летя в свое святое никуда.
Пройдут года, которые проходят.
Но никогда не ставьте нам в вину
Наш главный грех - поэты не уходят,
Ведя за душу вечную войну.

Татьяна Залозная
л/о «Вдохновение»

СКАМЕЙКА

Памяти отца посвящаю

Скамейка у нашего дома –
Творенье отца моего
Мне с самого детства знакома,
Она мне дороже всего.

И желтый, ракушечный камень
Лежит у скамьи до сих пор.
Ветвями, как будто руками
Лоза обнимает забор.
Скамья запорошена снегом
И мысли наводят на грусть.
Однажды по снежному следу
Я тоже сюда не вернусь.
Весною утихнут морозы,
Под солнцем согреется двор
И вновь виноградные лозы
Развесьят зеленый узор.
И вновь запоют канарейки.
Под их несмолкающий хор
Мои сыновья на скамейке
Другой заведут разговор.
И будут дожди и морозы,
И будут в карнизах крыльца
Хранить виноградные лозы
Священную память отца.

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ

*Наша жизнь — вокзал,
а мы — его транзитные
пассажиры.*
Т.З.

Суета на Казанском вокзале:
Электрички, метро, поезда.
Я сижу, словно в зрительном зале:
Кто? Откуда? Зачем и куда?
Я сижу, как свеча у киоска.
Предо мной, как живое кино,—
То таджики в халатах в полоску,
То японцы в цветных кимоно.

И бурлит бесконечным потоком
Пассажиров людской океан
Разных наций и разных народов
Из восточных и западных стран.
Все, как будто знакомые лица,
И неважно, как их имена,
Все мы — гости огромной столицы,
А она у России одна.
Я мотрела на своды вокзала,
Сердце болью давила тоска,
чем я дальше на юг уезжала,
Тем мне ближе казалась Москва

ЗИМНИЕ ДОЖДИ

Зима минула середину
И дождь в начале февраля,
На ветках, словно паутину,
Развесил бисер хрусталия.
Сбегают капельки дождинок
По тонким веточкам берез,
Проходим падая на спины.
Но зимний дождик - невсерьез.
Еще метели и бураны
Запорошат степную даль
И землю белым покрывалом
Еще укутает февраль.

Оденет в белые убранства
Овраги, степи и холмы.
Февраль - пора непостоянства
В последнем месяце зимы.
То обогреет, приласкает,
То вдруг морозом оглушит.
То льдом скует, а то растает,
То вновь пургой запорошит.
Но, как февраль ни суетится,
Зима поземкой ни кружит,
Уж желтогрудая синица
Весну на ветке ворожит.

Валерий Калмаицуй
член Союза писателей России

ДОНСКОЙ ПЕЙЗАЖ

Стелется лужайка предо мною
С мягкой муравушкой на ней.

Кажется, прижмись к земле щекою-
И услышишь шорохи корней.

Жёлтый свет, сочащийся сквозь
листья,
Умиrotворяющая гладь...
Ни строкой, ни нотами, ни кистью
Тишины такой не передать...

У костра и за полночь не спится
И себя осознанно, не вдруг,
Чую неразрывною частицей
С сушею природою вокруг.

Чай с дымком, речная зыбь и роцца,
И пяток картофелин в золе...
В ночь такую мы добрей и проще
Чем-то ближе матушке земле.

У КОСТРА

То разгорится, то затихнет,
Себя упрячет в угольки,
То на мгновение снова вспыхнет
Раскрыв пугливые зрачки.
Прохладный ветер налетает,
Как ястреб машет в два крыла.
Костёр горит и мне хватает
Его блаженного тепла.

Речные поймы мглой набухли.
Пора бы спать. Но я не сплю.
Как быстро гаснущие угли,
Воспоминанья шевелю.
Все дни, все памятные сроки
Хочу вторично пережить.
И о любви простые строки
Здесь, у костра, в тиши сложить...

БЕЕТ ХОЛОДОМ С РЕКИ

Угомнив своё дыханье,
Слежу за точкой поплавка
И бормочу, как заклинанье:
Давай – «мала и велика»!
Пускай острит язык досужий –
Мол, «рыбка плавает по дну»...

А ты сиди себе и слушай,
Как песню слушай тишину.
Часами клёва ждёшь без толку,
И веет холодом с реки...
А ляжешь спать- И долго-долго
В глазах ныряют поплавки!

ПЛАМЯ ЖИЗНИ

Лишь поэт, изведавший немало,
Может знать — притом наверняка,
Что не с родников берёт начало
Истинной поэзии река.
Пламя жизни — вот её истоки,
Мчит через препоны, сквозь года.

Можно жить, нанизывая строки,
Но не быть поэтом никогда.
А поэт, беря бумагу в руки,
Так стихи обязан написать,
Чтоб, читая их, могли бы внуки
И любить, и мыслить, и мечтать.

ЕЩЁ НЕ ВСЁ

Спасибо, осень, за дожди,
За невозвратные потери.
В твою святую мудрость верю,
Но сердцем править подожди!
Ещё не всё его тепло
Успел отдать шальному лету...

И хоть в июнь возврата нету,
В душе по-летнему светло...
И на руке не тяжела
Листа желтеющего ноша...
И на дороге не пороша,
А только даль – белым-бела.

Виталий Кузнецов

л/о «Озарение»

ЕДИНСТВЕННОЙ

На свете много разных слов —
Их смысл таинственный.
Явилась ты из давних снов,
Вдруг став единственной.

И сразу слово обрело
Свое значение.
Оно тепло мне принесло,
Души лечение.

«Единственная» - так звучит
Светло и радостно,
Как будто музыка в ночи —
Нежна и сладостна.

Мечта моя июльским днем
Обычным, будничным
Явилась в образе твоём,
Предстала будущим.

Всё изменилось как-то вдруг,
И стало ясно мне,
Что ты любовь моя и друг,
Ты словно свет в окне.

И долго будет свет гореть —
Нежны его лучи.
Ведь лишь завистливая смерть
Нас сможет различить.

За это я благодарю
Тот миг таинственный,
Что Бог сказал:
«Бери, дарю Тебе единственную.»

ЭЛЕГИЯ ЭПОХИ ЗАСТОЯ

Получилось сплошное не то -
Фантастическое невезенье:
Стало быстро немодным пальто,
На спиртное запрет в воскресенье!

Получилась сплошная беда -
Не бывать никогда мне в Париже.
Что в Париже!? - В Москве не всегда.
И держусь я значительно ближе.

Ближе к бедным больным городам,
Ближе к серым унылым деревням...
Что ж, я верен заветам всем древним
И к России любви не отдам!

Может, есть у меня изъян,
Но Россию люблю без кокетства.
Пусть я часто бываю пьян -
Помню все, что мне дорого с детства.

Не отдам я любви к стихам,
Так волшебно звучащим по-русски.
Пусть не видел я Нотр-Дам,
Но Отчизны мне рамки не узки.

Видно здесь суждено умереть.
И кусок земли Богом намечен,
На котором найдёт меня смерть...
И я стану спокоен и вечен!

ОСЕННИЙ РАССВЕТ

Жизнь опять показалась славной.
И виной - золотая заря,
Невесомой воздушной лавой
Затопившая тьму ноябрю!
Так светло, что вопрос мой главный:
«Ты живёшь в этом мире не зря?»

Превратился в пустяк забавный,
О суетности лишь говорю.
И я верю - такие зори
Предвещают мой личный рассвет.
Буду счастлив я вскоре. Вскоре!
И предела для радости нет!

Александр Свеколкин
л/о «Озарение»

ДОНСКАЯ СТЕПЬ

Что может радовать меня весной,
в начале мая?
В степи поникшая стерня и в небе
птичья стая.

Я вижу жёлтый огонёк – мне светит
одуванчик.
Вдали запрыгал, как «конёк», степной
зверёк – тушканчик.

Лягушки по весне молчат – всю
зиму-то проспали.
Глаза – фонарики торчат, – исполнены
печали.
В степи пасутся «стригунки»,
под боком у кобылы.
Донские кони – рысаки, душе казачь
ей милы.

Да, любо-дорого смотреть, на степь в
начале мая.
Мне впору жаворонком петь, красоты
прославляя!

КРАЙ, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Просыпаются станицы
В лёгкой дымке куреня.
Словно прошлого страницы,
Наблюдаю в свете дня...
Нам история вещала:
Не простая здесь земля.
Кровь казачья пропитала,
Косогоры и поля.

Беспокоила тревога.
За казачий край донской.
Воевали с верой в Бога,
Был казак всегда герой...
Мы живём в другое время,
Любим трели соловья.
Нет нужды – с копьём да в стремя, –
Подрастают сыновья...

ТУМАНЫ

По утрам стоят туманы,
Скрыли небо, скрыли луг.
Словно древние шаманы,
Исказили жизни круг...
Я застыл в молочной дрёме,
Изменилось всё вокруг

В бесконечном водоёме,
А в душе моей испуг...
Верю – скроются туманы,
Возродиться солнца луч.
Зацветут в душе тюльпаны,
И не будет в небе туч...

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

А листья падают красиво
И день склоняется к концу.
Рябина выглядит счастливо,
Наряд готовится к венцу...
Молчат притихшие деревья,
Дубы задумчивы, порой.

Листва укутала коренья,
Трава, умытая росой.
Стою – приятно и тоскливо,
В душе и слёзы, и мечты...
Ах, как божественно красиво,
Задумки осени святы...

*Эльмира Сизякина
л/о «Озарение»*

СТОЯТ ТРИ РОЗЫ НА СТОЛЕ

Стоят три розы на столе –
Три красных розы:
Одна – за счастье, за любовь,
Одна – за слёзы...

Слова не вылились в строку,
А стали в вазу.
Вот только розу за тоску
Принёс не сразу.

Без объяснений поняла
Твои сомненья,
И все обиды отмела
Без сожаленья.

Пока есть розы на столе,
Как знак вниманья,
Сказать полслова о тоске
Ушло желанье...

Стоят цветы – привет души –
Мои три розы,
Они – на счастье, на любовь,
Они – на грёзы!

ЛОЖИТСЯ НОЧЬ

Ложится ночь
Лохматой лапой
На всполох дня
И просьба прочь
Летит куда-то: –
Услышь меня!
Кричит сова
И замирает
В тревоге грудь,
С тобой меня
Соединяет
Вдруг, Млечный Путь.
Взошла луна.
Иду навстречу
По пыли звёзд,

Зову тебя
На эту встречу,
На этот мост.
В один конец
Лежит дорога –
Мой переход,
Ещё шажок,
Ещё немного,
Но... вдруг, восход!
Трубили в рог.
Растаял в дымке
Наш Млечный Путь...
Пошёл не впрок
Твой возглас зыбкий: –
Меня забудь!

ОСЕНЬ

Разгулялась осень в красках,
Рифмы бросив на досуге,
Прошептала тихо: «Здравствуй!»
И взяла к себе в подруги

И в пути сопровождает
Шлейфом солнечного света,
Для влюблённых зажигает
Звёзды с ночи до рассвета!
По душе её игривость

И мило непостоянство,
Отдаю себя на милость
Предосеннего Дворянства.

Всё свои имеет сроки –
Есть конец, и есть начало,
Надиктовывая строки,
Осень, всхлипнув... замолчала...

Валерий Старз (Стариков)
л/о «Озарение»

ИСПОРЧЕННЫЕ ПОГОВОРКИ

Собака лает – ветра нет –
Всё загнивает в общей куче.
Такой несчастный нынче случай.
Кто за него несёт ответ?
Собака лает – ветра нет.
А баба прыгает в кювет,
Но лошадь всё равно не скачет.
И как нам сделать всё иначе,
Чтоб получить простой ответ?
Ведь баба спрыгнула в кювет.
Семь раз отмерили отрез,

А шов, как слесарь после смены.
Портной наш требует замены -
С ним приключился энурез.
Семь раз мы мерили отрез.
Вчера имели сто рублей.
Их до утра друзья заняли.
Теперь увидим их едва ли,
Ведь ночь всегда утра темней.
Вчера имели сто рублей.
Всегда ли утром мы мудрей?
Ведь вечером коньяк и водка,
Закуска - старая селёдка.
Мы поминали сто рублей,
Что одолжили сто друзей.
Весь день прожили без труда,
А рыба вся всплыла наружу.
Был динамит, огонь и стужа
Весь день в окрестностях пруда.
Не видно было лишь труда.
Мы углублялись дальше в лес,
Пилу, топор оставив дома.
Не ожидали мы облома,
Что не с дровами мы, а без,
Хотя уже кончался лес.

ГОЛОС ПОЭТА

Монотонно поэму читает поэт.
Из динамика льются простые слова
О судьбе и о том, что кончается век,
И что мы в этом мире не лес, а трава.
Он бродячим собакам умел объяснить,
Что есть в мире любовь, и есть в мире
мечта.
А как их не найдём, так мы начали
пить,
И в душах поселилась у нас маета.
Голос к нам из далёка доносит эфир.
Это старая запись - стихи о веках.

*Век скоро кончится,
Но раньше кончусь я.
И.Бродский*

Много лет как покинул поэт этот мир.
На чужбине остался в земле его прах.
Он в поэме не звал никого за собой
Нарушать на газонах невинность
травы.
И подумалось мне - этот голос живой,
А вокруг и везде мы давно все мер-
твы.

ЛИФТ

Снова лифт закрывается. Долго стою.
И не знаю, какую бы кнопку нажать.
То ли вверх, и когда-нибудь буду в
раю.
То ли вниз, и кабина отправится в ад,
Снова нужно решить этот трудный
вопрос,
И никто не подскажет мне точный
ответ.
Лифт взлетит вверх ракетой, иль вниз

под откос,
Беспросветная тьма или солнечный
свет.
Но я думаю, если решусь всё же я
Выбрать будущий путь, и скорей
всего он
От нажатия кнопки зависит едва ль,
Потому что пульт лифта давно
отключён.

Анна Хопрянинова
л/о «Озарение»

УЕДУ В МУРОМ

Уеду в Муром, а там – в леса,
Поверив в сказки и чудеса.

ВЫ МЕНЯ ЗА ГОРОДОМ НАЙДЁТЕ...

Вы меня за городом найдёте
В разноцветье, в травах за рекой.
Приезжайте сами и поймёте
Мой «побег» в туманы и покой.
Не хочу дышать угарным газом,
Раскалённым жаром площадей.

Уйдя в чащобы и бурелом,
Сверну с тропинки и – напрапом!

Туда, где кедры под небеса,
Где первозданных лесов краса,
Где курья-хатка ушла в снега –
С ней кот и ступа, а в ней – Яга.

Где кляской чёрной Кошечья тень,
Дожди размоют в ненастный день.
Где можно встретить богатырей:
Илью, Добрыню ..., и их коней.

Там, где былины ещё живут,
Найду, быть может, и я приют.

Вот и еду, город, бросив разом,
В край лесной, нехоженный, ничей.
Пусть мой кров без крыши и без
двери,
Нет уюта, ванны и тепла.
Здесь потери эти – не потери.
Здесь душа спокойна и светла

БЕРЁЗКИ

памяти В. И.

Как будто девочки подростки
Сошлись в кружок на берегу,
Стоят кудрявые берёзки,
Шумят о чём-то на лугу.
И вы когда-то три подружки
Вот так шептались у реки.

Года считали вам кукушки,
О, как те годы далеки.
Ушли на фронт «пичуги-слётки»...
... Пришла к берёзкам ты одна.
В руках две старые пилотки,
Всё, что оставила война.

МОЁ ПРОДОЛЖЕНИЕ...

Ночь на исходе, на подступах – утро,
Серое небо хозяйкою мудро,
Будто бы нижет на нить бисеринки,
Сыпет и сыпет дождинки? Слезин
ки?..
Выйти спросить?..
В неге трепетно-сладкой,
Я, за тобой наблюдая украдкой,

С тёплого ложа подняться не смею –
Сон твой храню драгоценный, лелею.
Нежным комочком, зарывшись в
подушки,
Сладко сопишь ты, забыв про игруш-
ки.
Жду – не дождусь твоего пробужде-
нья,
Мой человек, моё продолжение!

МАЯЧИТ ОСЕНЬ

Угрюмой тучей смотрит день,
Слезу роняя, не стесняясь.
Маячит осень, словно тень,
В кафтан кричащий наряжаясь.
Тебя я осень не ждала,
Хоть платье яркое надела.
Да я и лето, вот дела,
И лето всеу проглядела!..

Но есть у осени пора,
Когда опять теплом повеет.
И паутинок – веера...
И гроздь калины заалеет.
То бабье лето за окном.
Оно моё... хоть ненадолго,
Но возвращаться будет сном...
Пусть за окном тоскливо, волгло.

Тамара Ядрова
л/о «Озарение»,
Ростов-на-Дону

Что романтик я – знаю,
Что доверчива – да.
Жизнь меня наказала
И не раз, и не два.
Собирать приходилось
Мне осколки мечты,
И опять я училась
Быть с расчётом на «ты».

Июль. Новочеркасск
от зноя раскалённый.
Поникшую листву
не тронет ветерок.
Окутан город мой
полуденною дрёмой.
Вода в реке и та –
парное молоко.
Под солнцем выжжен день
и верится едва ли,
Как мёрзли мы в горах
неделю лишь назад.
Дигория. Июль.
Метель и ветер шквальный,
По гребню наугад
бьёт молнии гроза.

Зима на троне задержалась.
Так редко удаётся ей
Хозяйкой быть – какая жалость –
Среди донских шальных степей.
И гордо царскою рукою
Морозы шлёт. Как злы они.
Забыв, что щедростью такою
Ей никого не удивить.

Не придумывать сказок
Про большую любовь
В жизни главное – разум,
Понимать вновь и вновь.
И устало стремиться
Трезво высчитать путь,
Но душа, словно птица,
Вырывалась из пут
Чуть с отчаяньем споря
На изломе стихий,
Мне бы горы и море,
Мне б цветы и стихи.
Все дороги на свете
Промахать бы пешком,
Пробежать на рассвете
По траве босиком.
В шум дождя неумолчный
Окунуться душой
И почувствовать молча,
Как с тобой хорошо,
И склониться с надеждой
На родное плечо.
Звук мелодии нежной...
Белый зал со свечой...

Но в снежной кутерьме
карабкались упрямо
По скалам и по льду,
промокшие насквозь,
Последний свой сухарь
и жизнь деля с друзьями,
Они лишь знают, что
нам пережить пришлось.
Простите, что сейчас
шагаю я не с вами
К вершинной синеве,
презрев мороз и дождь. ...
А здесь асфальт пылит
и тает под ногами,
Плюс тридцать пять в тени,
но где её найдёшь...

Налюбовались снегопадом,
Морозным кружевом стекла.
Тоскуем по цветенью сада,
По нежной поступи тепла.
И верим, осмелев, растопят
Сугробы-крепости лучи,
И заговор весны готовят
Под снегом дерзкие ручьи.

НАШИ ГОСТИ

*Павел Бойчевский
Ростов-на-Дону*

ВОЛКИ

Быль

Старый матёрый вожак и три молодых переярка быстро бежали в густой высокой траве, скрывавшей их целиком от постороннего глаза. Волки шли по зимней привычке, гуськом, хотя снега не было, и ступать след в след не было никакой необходимости. Но матёрый учил молодых сложной охотничьей науке, и заставлял делать по-своему. Строптивых и нерадивых безжалостно трепал за загривок, а то и больно тыпал острыми, как ножи, клыками за бока и лапы.

Стая была голодна и была готова на всё, – рвалась в драку. Матёрый то и дело останавливал бег и, взойдя на ближайший пригорок, зорко осматривал местность, а главное – прислушивался: не послышится ли в отдалении лай собак или воронье карканье. И то, и другое явно сулило добычу! Собаки означали деревню или пасшееся в степи стадо, вороны – какую-нибудь крупную палую дичь, возле которой они кормились. Последнее было даже лучше, – не пришлось бы грызться с собаками и увёртываться от дреколья и топоров разъярённых деревенских мужиков, с зарезанной овцой или молодым телёнком на спине.

У матёрого был великолепный слух, впрочем как и у всех серых хищников, и слышал он на несколько вёрст вокруг. Но никаких звуков в степи не было, и стая продолжила свой стремительный бег по бездорожью. Один из переярков заметил сбоку зашуршавшего травой суслика и опрометью ринулся его догонять, суслик стремглав пробежал несколько метров и, спасаясь от преследования, быстро юркнул в барсучью нору. Нерасторопный переярочек свирепо подлетел к норе, ничего не понимая, оглядываясь по сторонам в поисках исчезнувшей «пищи». Принялся быстро разгребать, рыть передними лапами землю, пытаясь просунуть морду в нору. Матёрый подбежал к нему и несильно куснул за загривок. Переярочек жалобно взвизгнул, отпрянул трусливо от вожака и, виновато поджав хвост, вернулся в стаю. Волки побежали дальше...

Борька вместе со старым опытным чабаном, мусульманином Абакаром, пас в степи огромную отару овец своего хозяина, зажиточного яйцего старшины. Борис был подпаском, и это была его первая батрацкая весна. Овцы мирно паслись на склоне невысокого сырта, выщипывая мягкими губами траву у подножья. Разморенные полуденным зноем сторожевые овчарки, норовили спрятаться в тень под редко где растущими кустами. Лениво разлеглись в кушерах, вывалив красные влажные языки и тяжело поводя боками. Старый Абакар – невольник старшины, беспаспортный бродяга, которых много шлялось тогда в яйцких и оренбургских степях, раскладывал у шалаша костёр. Вынув средних размеров, закопченный медный котёл, гортанно окликнул Бориса:

– Эй, слышь, малец, ходи сюда.

Борис, делавший обход стада, неторопливо подошёл к шалашу.

– Давай, сбегай к реке за водой, похлёбку варить будем, – сказал пастух, протягивая котёл.

Молодой казачок весело пошёл к недалёкому отсюда берегу Чагана. Спустился в неглубокий, с кривыми глинистыми промоинами, овраг, густо поросший на дне колючим кустарником, а у самой воды – камышом. Да и степной бурьян до того разросся в овраге за лето, что местами доходил Борису до пояса. Раздвигая свободной рукой траву, притаптывая её ногами, парень стал с опаской пробираться к берегу. Погода стояла безветренная, сухая и в нос Борису сразу жешибанула острая, смердящая вонь звериного логова. В кустах тёрна послышалось какое-то приглушённое скуление и повизгивание. Казачок остановился, привлечённый непонятным шумом, подошёл ближе и остолбенел. У самого склона оврага, сбоку куста было вырыто небольшое углубле-

ние – нора. В ней барахталось и скулило шесть рыжеватой окраски щенят с острыми прямыми ушами и остренькими мордочками. «Волки!» – понял парнишка. Он почему-то обрадовался находке, быстро сбежал к реке за водой, и на обратном пути схватил на руки одного волчонка.

Когда он вернулся к отаре, собаки мигом вскочили на ноги, – почували волчьего детёныша. Глухо заворчали, загавкали, крутя хвостами и щетинясь загривками. Борис напрямик направился к шалашу.

– Гляди, дядька Абакар, я волчонка у реки в овраге нашёл. Там их целый выводок, а волчицы нет. Видать сдохла или охотники подстрелили.

– Она на охоте, и хозяин её – тоже, – с уверенностью знающего человека сказал пастух Абакар. – А ты зря щенка прибылого унёс, волчица искать станет, сюда по твоему следу придёт, начнёт в отместку овец резать... Отнеси сейчас же щенка обратно в логово, да смотри, на сучку не нарвись, не то плохо тебе будет.

Борис, вняв совету бывалого человека, быстро смотался в овраг и вернул на место взятого в логове волчонка. Волчицы к счастью ещё не было. Молодой казачок поспешил скорее ретироваться от греха. У шалаша старый Абакар помешивал деревянной ложкой с длинным черенком дымящееся варево в котле, плотно стоявшем в чёрном металлическом обруче на трёх ножках – тагане. То и дело, предварительно подув в ложку, он пробовал юшку, кричал от удовольствия, степенно разглаживал жилистой, сухой рукой большие, пышные, белые от седины усы и бороду.

– Надо уводить отару в другое место, дядька Абакар, – сказал Боря, присаживаясь на корточки у костра. – Если волки поселились по соседству – добра не жди.

– Ничего ты не знаешь, малец, – зацокал языком, покачал недовольно головой старый пастух. – Это не волки с нами поселились, а мы пришли к их логовищу. Волчица ведь потомство мечет в одном и том же месте почти каждый год. Да... Это её земля, её родина... И нам бояться волков нечего, – борз никогда не режет скотинку возле своего логова, уходит вёрст за десять – двадцать в сторону. Потомство своё бережёт и волчицу.

– Как ты сказал, дядька?.. Какой борз? – переспросил Боря.

– А это волк так в наших, горных местах называется, – ответил старик Абакар. – Я ведь не здешний. Мой народ живёт далеко отсюда, за Каспием, в горах Ичкерии. Вайнахи мы называемся, горные люди.

– Никогда не слыхал про таких, – признался Боря. – Башкирцев знаю, сколько раз в степи, на дальних форпостах видел, татар знаю, – они в степи кочуют и в слободе Каргале живут, маменька сказывала. Она у меня из тех мест, из самого Оренбурга. Калмыков с киргиз-кайсаками встречать доводилось, – а про твоих ни сном, ни духом не ведаю... Далече, чай, до твоей Ичкерии ехать?

– А сколько вёрст до Оренбурга? – поинтересовался в свою очередь старик.

– А бог его знает.

– Думаю, не близко, – сам себе ответил Абакар. – Так вот, до Ичкерийских гор, возможно, десять раз столько же, сколько до Оренбурга!

– Да ну? – удивился парень.

Абакар снова отхлебнул из ложки, подставив под неё лопоту хлеба. Прикрыл от удовольствия глаза.

– Хорошо! Скоро готова будет... Подсаживайся, малец, к костру, готовь ложку.

– Дядька Абакар, а ты как здесь очутился, – не унимался досужий Борис.

– Долгая песня, – вздохнул старик. – Кровник я... Из тейпа от недругов сбежал – они меня зарезать хотели.

– За что?

– За бабу... Жену я у одного джигита украл, – он меня кровником и объявил.

– А что такое кровник?

– Э-э, слушай!.. Долго рассказывать, – всё равно не поймёшь. У вас, у казаков, другие законы, – с досадой поморщился Абакар.

– Кровник – это кому объявили кровную месть. Значит – до крови, до смерти.

– У нас тоже не мёд, – скептически хмыкнул парень. – Казаки и у нас по пьянке из-за баб режутся. Увидишь ещё как-нибудь... Вот те и кровники.

Пастухи с аппетитом отведали сварившейся на костре похлёбки. Старый Абакар с собаками обошёл всю отару по кругу, прилёг вздремнуть в шалаше. Подпасок Боря остался бодрствовать, то и дело взглядывая в сторону волчьего оврага, сжимая в руках кривой увесистый сук...

Вожак то и дело останавливался у сыртов и прислушивался. Вот, наконец, ему повезло: матёрый услышал далеко впереди коровье мычание. Где-то там, за косогорамми, паслось коровье стадо. Волки повеселели, матёрый убыстрил бег. Вскоре голоса пасшихся коров, собачий лай и переключка пастуха с подпаском стали слышны более отчётливо. Матёрый остановился и потянул носом воздух, повертел во все стороны крупной лобастой головой с длинной густой шерстью в виде бороды на щеках и под нижней челюстью, определяя откуда дует ветер. Заходить следовало против ветра. Пробежав ещё некоторое расстояние, вожак лёг в траву и осторожно пополз к стаду. Трое переярков, во всём копируя его действия, тоже поползли. Матёрый поминутно останавливался и, выглядывая из травяных зарослей, зорко высматривал добычу. Приметив пасшуюся в отдалении от других коров молодую, полугодовалую телушку, волк заскользил по траве в её сторону. Жертва ни о чём не подозревала, собак и человека тоже поблизости не было, всё было тихо. Вожак подполз совсем близко к беспечной телушке, резко вскочил на ноги, оттолкнулся сильными задними лапами от земли, взвился в прыжке в воздух и всей массой своего тяжёлого, мускулистого тела обрушился на несчастную жертву. Она даже не успела ничего толком понять, как мигом повалилась в траву с перекушенным горлом. Матёрый быстро закинул кровоточащую тушу за спину и со всех ног помчался прочь от стада. Переярки поспешили следом, успевая слизывать на бегу остающиеся на траве капли крови.

Когда коровье стадо осталось далеко позади, вожак снова чутко прислушался к звукам в степи. Шума погони не было. Пастухи, должно быть, не заметили пропажи молодой телушки. Изголодавшийся матёрый сбросил со спины окровавленную тушу зарезанной телушки, принялся клыками вспарывать ей брюхо, чтобы полакомиться кишками и печенью. Молодые волки, жадно облизываясь, подобострастно застыли в отдалении. Они нетерпеливо повизгивали и переминались на месте, готовые стремительно наброситься на добычу, едва матёрый закончит есть и отойдёт в сторону. Но не тут-то было. Вожак не торопился: погони не было, и он обстоятельно, кусок за куском, проглатывал лакомые части жертвы. Наевшись, стал отрывать от туши большие окровавленные куски мяса и глотать про запас. Это он должен был принести волчице, кормящей молоком прибылых волчат – их совместное потомство.

Набив основательно вместибельное брюхо, вожак не стал дожидаться, когда наедятся переярки. Бросил их возле обглоданной наполовину телушки, на которую они набросились с голодной яростью, жадно заглатывая крупные куски, давясь и сердито рыча друг на друга. По первозданной, безлюдной степи матёрый один пустился в обратный путь и засветло был возле родного логовища. Но что это?! В овраге в нос ему ударил ни с чем не сравнимый, страшный и противный, тошнотворно-приторный дух человека! Несомненно, здесь не так давно был человек, и он, вероятно, хотел разорить его логово!

Матёрый быстро подбежал к норе с копошащимися в ней прибылыми, – нового, майского помёта волчатами. Волк продолжал втягивать ноздрями воздух: запах человека исходил от одного из его щенков! Ага, вот от этого, крупного сосунка с острыми, прорезавшимися уже зубами... Вожак с неприязнью фыркнул, подбежал к щенку, которого брал в руки человек, и схватил его за загривок. Схватил не так осторожно и бережно, как мать, когда перетаскивала щенков с места на место, а с силой сжав челюсти, так что волчонок громко завизжал от боли. Матёрый отошёл с ним в сторону и ещё сильнее сжал зубами волчонок, ловко перехватил его за горло. Под его большими, желтоватыми от времени, острыми клыками хрустнули хрупкие шейные позвонки прибылого, в рот матёрого потекла горячая кровь. Вожак ещё раз с силой сдвинул огромными челюстями горло щенка, тот поперхнулся визгом, судорожно дёрнулся всем телом и затих. Матёрый опустил труп на землю, но запах человека не исчезал, а как будто становился

ещё сильнее. И тогда вожак вновь подхватил мёртвую жертву, вынес её из оврага и бросил далеко в степи.

Вернулся в овраг и, поискав укромное место, растянулся во весь свой огромный рост под кустом. Закрыв глаза, задремал, дожидаясь с охоты волчицу. И во сне чутко, с опаской, вслушиваясь в неясные степные звуки.

2009 – 2012 гг.

Владимир Владыкин
чл. Союза журналистов России
г.Брянск

РАССЛОЕНИЕ

Часть первая

СЛИЯНИЕ

Глава первая

Посёлок Новый, окружённый холмистыми полями, в годы коллективизации основался на пологой и широкой ложбине. Как только минуешь город Новочеркасск, он хорошо виден, особенно в ясный солнечный день, от противотанкового рва со стороны старой ростовской дороги. Единственную улицу разделяет крутая развалистая балка, которая врывается в поперечную, и она, разветвляясь, уходит к займищу. С двух сторон – северной и южной – под самые огороды подворий сбегают полого колхозные поля...

Осень 1947 года выдалась затяжной и уже подходила к концу. Ноябрь стоял пасмурный и мрачный; кряду несколько дней спускались туманы и слоистыми дымно-серыми наволоками растекались по балкам; в безветрии они густыми облаками застаивались в логах, и затем моросил нудный холодный дождь. И тогда от холода туман рассеивался, истекал, истаявал каплями стылой, промозглой влаги. Вдали стояла жидкая хмурая рябь; высохшие за лето, но промокшие сейчас под дождём, травы, выглядели почерневшими, точно осмоленными и обожжёнными и как-то тоскливо пахло горьковатой прелью. Почти каждый день над вспаханнами и засеянными озимкой полями, над невзрачными серыми балками, над молодыми голыми лесополосами целыми стаями с севера на юг куда-то угрюмо бесконечно летели чёрные вороны.

И каждый прожитый поселычанами день, казалось, будет тянуться бесконечно. А всё оттого, что у жителей посёлка Новый заканчивались припасы разных круп и прошлогодних солений. А кого-то ещё выручало солёное сало и мясо. Но и эти продукты подходили к концу; в каждом подворье ртов-то было не один и не два. Вон как у Зябликовых, да ещё в ту осень грозился приехать будущим зятем Антон Путилин, который писал двоюродной сестре Анфисе, дескать, надоело ему мотаться по Дальнему Востоку, где всё было разворочено войной и где, хотя и развернулись грандиозные комсомольские стройки, но в бараке житьё было небезопасным, так как пьянки и драки с поножовщиной по разному пустяку, настолько были обычным явлением, что там невозможно жить спокойно. Хотя дрались в основном из-за девчат, тогда как он, Антон, никак не найдёт здесь по себе зазнобу, поскольку был не в силах забыть Нину Зябликову, которая стояла перед глазами как наваждение Господне, и от неё нет ему спасения даже здесь, на огромном расстоянии, где оканчивался материк.

Анфиса кратко передала подруге содержание письма двоюродного брата. Да ещё и от себя прибавила, дескать, как он, в оконечной дали, сильно скучает по ней, а там гляди, приедет и полюбит её до помрачения рассудка! Но та в досаде лишь отмахивалась, как от назойливой мухи, а потом задумчиво и сосредоточенно молчала, опускала голову, точно так, будто её пристыдили. И при этом в желудке она ощущала пресную сосущую пустоту, а в душе теснились горечь, обида и досада. Ах, если бы жив был Дима

Чистов! Но нет, видно, напрасно она всё надеялась на чудо! Нет его давно в живых! И вот судьба опять надсадно подсовывала ей этого несносного Антона. И как она подумала, так и опять с острой болью в животе испытала чувство голода. Но от этих супов и борщей из лебеды да щавеля ни за что не избежать в желудке коликов. Хотя в лучшую пору, бывало, ели в охотку пирожки из лебеды смешанной с варёными яйцами да картофельными очистками. Так что нынче оставалось только молчать да терпеть, почему у людей отбирают последнее в зачёт продналога, куда же ушли их сданные продукты и почему не могли впрок обеспечить огромную страну продовольствием, почему не делают запасы продуктов на случай непредвиденных обстоятельств?

Люди часто посматривали на подворье Фаины Волковой, не стоит ли перед её двором грузовик или подвода? Может, где раздобыла макарон или круп там разных, как бывало это в первые послевоенные годы. Говорили, похаживали к ней поздними вечерами Гаврила Корсаков, Назар Костылёв, Никита Зуев, который по милости председателя стал недавно бригадиром. Похаживали за продуктами к заветному двору также и Гордей Путилин, и Алексей Жернов. Словом, всё молодое колхозное начальство... А вы, люди, мол, как хотите, так и живите...

В прошлом году ходили упорные пугающие слухи о возможной войне, на этот раз с американцами. И в магазине Фаины расхватывали соль, спички, мыло, щёлок. И только рулоны нескольких видов ткани лежали штабелями, они тогда никому были не нужны. А продуктовые лари, обитые фанерой, совершенно опустели, только дух круп и макарон ещё витал над ними. Люди также поговаривали, будто в погребе у хозяйки стояли в мешках крупы. Фадей Ермолаев недавно встал с койки больничной после долгой болезни сердца.

— Хвороба сердечная меня замучила, — жаловался он своему заметно постаревшему соседу Семёну Полосухину.

— А меня сон мучит: немецкие танки лезут на меня, я от них лопатой, лопатой и просыпаюсь в холодном поту.., — отвечал тот размеренно, хрипловато.

— Война, проклятущая, и мне снится! Ты, Семён, слыхал, что говорят, будто Фаина Волкова прячет в яме на огороде мешки с крупами, а наше начальство к ней по ночам шастает? Я хочу проверить, пойдёшь со мной?

— А ты больше слухай Домкины байки! У дураков фантазией много... — махнул сердито Семён рукой.

— Значит, не пойдёшь?

— Пускай те и шуканют, кто такую брехню распускает.

И вот Фадей Ермолаев решил сам пойти да выяснить: какие там утайки делает Фаина Волкова? И, набравшись решимости, отчаянно махая левой рукой, пошагал, держась по привычке правой за сердце, так ли то, о чём взахлёб злословят бабы? Хотя ещё в свою бытность кладовщиком он и сам не раз это делал, но не в целях воровства, а так, на всякий случай, припрятывал, наученный горьким опытом голода, который норovil захаживать в те годы частенько. Причём припрятывал пшеницу или кукурузу втайне от тогдашнего председателя Костылёва, который тогда никак не шёл с ним на сговор...

Тем не менее Макар был не таким уж принципиально честным, каким выглядел в глазах колхозников. Однажды Фадей, находясь возле колхозного амбара, видел, как Макар на току остановился возле кучи зерна и, озабоченно поглядев по сторонам, стал горстями быстро набивать карман, да к тому же семенным зерном. Он, Фадей, об этом случае промолчал даже перед своей женой Фёклой, боясь, что та, не дай бог, разнесёт по всему посёлку, что могло дойти и до председателя сельского совета Андрона Рубашкина и тогда уж точно упекли бы председателя...

Фадей, ещё до войны отстранённый от кладовки, нынче то пас колхозных коров, то сторожил бахчу в огородной бригаде под хутором Татарка и считал себя честным из честных. Хотя о прошлом своём грешке с Домной не вспоминал, будто у него с ней ничего вовсе и не было. Ведь человек такое существо, что своих грехов и проступков не только не хочет помнить, наоборот, он находит их чаще в других, нежели у себя.

Ермолаевы как никогда бедовали, несмотря на то что Фёкла заготавливала травы, но других продуктов всё равно не хватало. К примеру, в своё время продали мясо и

сало, чтобы дочери Доре приготовить приданое, поскольку она говорила, что Иван Глаукин был не прочь на ней жениться. Хотя всё это дочь преподнесла матери и отцу в шутливой форме. Сейчас Фадей это вспомнил как бы походя, раздраемый той думой, что Фаина Волкова ведёт себя как истая кулачка.

Когда он бесцеремонно повернул на калитке из штакетника деревянную вертушку и резко толкнул её от себя и она, спружинив, ударила его по бедру, Волкова в это время была на дворе. Хозяйка, одетая по-домашнему опрятно, отвлеклась от своего дела, выпрямила спину, обтянутую толсто вязанной тёплой кофтой. Её тёмные волосы были аккуратно подобраны, а на висках кокетливо завитые, она была ещё хороша собой, выглядела молодожаво. Фаина Николаевна смотрела на посетителя несколько удивлённым и строгим взглядом, праздный вид которого говорил, что он пришёл вовсе не за гвоздями, не за папиросами и спичками. Но что всё это значило, зачем же среди бела дня пожаловал к ней Ермолаев, этот тщедушного вида уже не в новой стираной фуфайке мужичок. К тому же в магазине, кроме продуктов, было всё.

— Здорово, Фаина... Гм, Николаевна!

— Здравствуйте, мил человек! Чем обязана вашему визиту?

— Вот что, говорите как на духу: где у вас погреб? — быстро спросил гость, цепко оглядывая просторный двор, где уже были высажены саженцами вишни, шелковицы и абрикосы.

— А зачем вам мой погреб? — удивлённо протянула та, вопросительно нахмурившись.

— Меня Болина уполномочила, — начал тот врать. — Да, Мария Александровна, велела заглянуть в подполье, что вы там ховаете?

— Вот как? Ну что же, это хорошо! Но вы, Ермолаев, я не ошиблась?

— Верно, я тот самый Фадей, который в своё время честно исполнял права кладовщика. Вы, Фаина Николаевна, хорошо выглядите! И посмотрите на меня. Видите, одни скулы торчат, щёки ввалились оттого, что мы все недоедаем. А вы, как буржуйка цветёте.

— Вы так считаете? Вот как! Хотите взглянуть, что у меня в погребе? Замечательно! — она как-то бедово и лихо встряхнула головой и её пышные волосы заколыхались.

— Хватит рассуждать! Не водите меня за нос. Не то я сам пойду! — Фадей стоял в фуфайке и в шапке-ушанке. Вот уже который день дул северо-западный ветер, нагнал на серое и без того небо, крутобокие тучи с иссеро-чёрным отливом. Над полями стаями летели низко вороны, кружились первые снежинки, как белые мохнатые бабочки с рваными крылышками и кувыркались, планируя стремительно вниз, ложась успокоено на стылую задубелую землю.

— Пойдёмте, но я должна вас предупредить: вы у меня ничего не найдёте! Кто вам сказал, что я что-то прячу в погребе? — она, плотно сжав губы, изумлённо приподняла и опустила плечи.

— Не помню, впрочем, все болтают, — он нахмурился, посмотрел на хозяйку: «Ох, ещё всем зазвиста, молодая, лицо гладкое, фигура ладная!» Он покачал завистливо головой. Эта оценка невольно отдалась в сердце тоской, что жена его уже не такая подбористая, чистенькая, соблазнительная, и мысль настырная вертелась на языке: «Недаром возле Волковой крутится председатель, другой бабе не сладил бы так быстро хату, а этой — пожалуйста!» И Фадей почувствовал, как зависть змеёй обвила его сердце, и оно защемило, сдавилось до боли. Тут он вспомнил про торчавший под сердцем своим осколок, испугался, не затем он пришёл к Волковой, чтобы оценивать её женские прелести, и он стал ещё придирчивей осматривать её подворье...

Погреб был вырыт, как и у всех жителей посёлка, сбоку летней кухни с плоской, идущей под уклон крышей. Фаина Николаевна отомкнула ключом дощатую дверцу. Она сама наклонно с писком отворилась. Фадей по деревянной лестнице шустро спустился в тёмный погреб, откуда на него дохнула сырой прелостью земля и просмоленными необъёмными железными бочками из-под нигрола. Фадей осторожно зажжёт спичку. Видно, Корсаков выпросил списанные пятидесятилитровые в тракторной бри-

гаде для засолки капусты, огурцов и других овощей. Деревянные нужно было заказывать, за что запрашивали тогда немалые деньги.

Под лестницей под хранение картошки был приделан ларь, но тут её было всего несколько вёдер — совсем мелкой — чуть крупней ореха. Фадей потолкался в сыром погребе и ни с чем вылез наверх.

— Ну что, мил человек, что-нибудь нашли? Вижу, неудовлетворенны!?

— Значит, так: я полезу на полати вашей хаты. И надо бы проверить весь огород. Небось таите сухую яму, в которой и храните просо, пшено, семечки, зерно, сахар! А, что, угадал?!

— Ха-ха, мил человек, обыскивайте! Я разрешаю! — она картинно вызывающе взмахнула рукой и продолжала: — В хату непременно ещё войдите, может, там, под полом? — глаза её, казалось, метали искры внутреннего гнева, который она чудом сдерживала. Фадей это чувствовал, и думал, что скупердяйки на это только и способны...

— А что, это тоже верно! — и он пошагал, где перед окном сидел на венском стуле Костя и читал старую толстую книгу. Он обернулся на вошедшего шуплого на вид мужичка, от которого разлило крепким запахом махорки, и увидел у того в глазах холодный блеск.

Фадей в свой черёд тоже, однако, почувствовал запахи, но не своей махры, а резины, залежалых тканей. И ещё не выветрились ароматы пряников, конфет, печений, от которых заньло у него под ложечкой, и в душе зашевелилась тоска по этим лакомствам, которыми в жизни ему немного приходилось потчевать себя, а всё доставалось дочери да жене, если где что-то ему для них удавалось перехватить. Небольшие, обитые фанерой, лари были совершенно пусты, лишь промышленные товары: ткани, калоши, сапоги резиновые и кирзовые, нитки, пуговицы, гвозди, лопаты, вилы, грабли, вёдра да ходики висели в ряд во всю стену, даже детские игрушки и всё прочее ещё лежало на полках и стеллажах вдоль части глухой стены. Людям всё, что сейчас было в свободной продаже, не нужно, так как всем было, по существу, нечего есть.

Фадей внимательно осмотрел деревянные, хорошо выкрашенные коричневой краской, полы, но ляду среди половиц нигде не заметил. Затем в передней осмотрел с обеих сторон печь, а в дальней комнате заглянул даже под железные кровати. От недоумения или стыда его тёмное после летнего загара худое сморщенное лицо, кажется, стало ещё черней. Фадея охватило такое разочарование, что он был готов даже выругаться. «Вот эти полоумные бабы, — в злобном отчаянии подумал самостийный сыщик, — и откуда они взяли, будто бы Волкова прячет крупы в погребе? Стоп, всё-таки может, они правы, — осенило его, — не всё проверил». И он, скрывая наглою усмешкой своё смятение, выпалил, выпучивая безумно глаза:

— А что, Фаина Николаевна, стопаем ещё на огород! И если тамо тоже ничего, я тогда бабам юбки на голове завяжу!..

— Вы хам, мил человек! — сурово и чётко проговорила хозяйка, точно слова у неё по языку промаршировали.

— Мам, а что ему у нас зандобилось вызнать? — размеренно басовито, спросил, заикаясь, Костя.

— Я сама не знаю, сынок, что-то, видно, утерял, да не сообразит, где именно. Пойдёмте! — она резво обратилась к Фадею. — Теперь на огороде можете шарить без меня. Но я бы посоветовала сейчас же убраться вон, не то за произвол вы ответите!..

— У вас в хате, я чую, пахнет жареным мясом, — точно не услышав угрозу хозяйки, округлив от догадки глаза, проговорил тот, не желая уступать, как он полагал про себя, хитрости хозяйки.

— Да, верно, были куры! Опоздали-с... всех порубала в суп! А ножки-то от курки последней зажарила сыну. Ему надо питаться, чтобы падучая не свалила.

— Кто вас знает, что вы тут зажарили! У меня давно кур не стало...

— Каждый хозяйничает, как умеет, мил человек. А теперь убирайтесь прочь! — произнесла чётко возвышенно Волкова по слогам.

Фадей было пошагал совсем со двора, вобрав в недоумении голову в плечи, а по-

посоветовала сейчас же обратиться вон, не то за произвол вы ответите!..

— У вас в хате, я чую, пахнет жареным мясом, — точно не услышав угрозу хозяйки, округлив от догадки глаза, проговорил тот, не желая уступать, как он полагал про себя, хитрости хозяйки.

— Да, верно, были куры! Опоздали-с... всех порубала в суп! А ножки-то от курки последней зажарила сыну. Ему надо питаться, чтобы падучая не свалила.

— Кто вас знает, что вы тут зажарили! У меня давно кур не стало...

— Каждый хозяйничает, как умеет, мил человек. А теперь убирайтесь прочь! — произнесла чётко возвышенно Волкова по слогам.

Фадей было пошагал совсем со двора, вобрав в недоумении голову в плечи, а потом охваченный отчаянием, как угорелый, помчался по двору на огород. Возле сарая схватил вилы и стал ими быстро, лихорадочно ширять землю. Хотя огород давно был уже вспахан.

«Ишь ты, Гаврюха ей всё соорудил! — думал про себя он. — Куда только его Тамара смотрит? Моя бы уже давно крик подняла, бабу чужую опозорила бы на весь посёлок...».

Он ушёл ни с чем, посрамлённый хозяйкой, а в душе бродило тупое недовольство и неутолённое чувство разоблачения, что Волкова как хотела, так и обвела его вокруг пальца. Не может того быть, чтобы для хранения продуктов не было потайной ямы. Наверное, где-то есть склад, с этой мыслью в глубокой досаде Фадей пришёл домой, ничего не говоря жене о своей отлучке...

Глава вторая

В ту страшную годину почти по всей могучей стране не хватало людям продуктов. Казалось, только недавно отменили продуктовые карточки, и хоть снова их вводи. Но сельским жителям, кроме отсутствия хлеба, пришлось туго и в доставании дров и каменного угля. К тому времени ещё далеко не все шахты были восстановлены. А того угля, который уже добывали, населению катастрофически не хватало. В первую очередь им снабжались заводы, гидроэлектростанции, и только потом больницы, детдома, детсады, школы, государственные учреждения. Много чёрного золота уходило также железной дороге. Так что населению, если что и доставалось, то лишь в последнюю очередь и строго по норме, что, однако, не отвечало суточным потребностям. Но и того угля, который отпускали на один двор, хватало далеко не всем. Словом, больше было никак нельзя, а меньше перепало также немногим.

На каждый двор, чтобы прожить зиму, к примеру, полагалось три тонны, тогда как отпускали наполовину меньше. Конечно, денежным хозяевам перепало больше. Хотя в посёлке Новом таких хозяев было чуть больше десяти дворов. Это — Староумовы, Корсаковы. Костылёвы, Жерновы, Зуевы, Путилины, Треуховы, три семьи Полосухиных, Волковы, Мошчевы и ещё некоторые. А таким, как Зябликовы, Гревцевы, Волосковы, Ветровы, Терешины, Куделены, Бедкины власти, только пожимали плечами и тем самым как бы отвечали: дескать, чем хотите, тем и топите. Ни один чиновник не рискнул бы какому-нибудь заводу урезать несколько десятков тонн угля в пользу населения, тогда за такой смелый шаг можно было вполне попасть во вредители. А что касалось народа, то он как-нибудь выдюжит, он это умеет, он живучий, из-за него тебя не объявят врагом народа.

И люди, боясь гнева власти, молчали, понимая, что народное хозяйство у нас важней самого существования народа. Хотя мало кто задумывался о том, какое отношение имел народ к народному хозяйству, и какой бы вес оно имело, если бы не было его, народа? В тот страшный бедственный год на растопку людям колхоз выписывал солому, а саму контору отапливали стружкой, сбережённой за многие лета и кузнечным коксом, который не следовало бы расходовать не по назначению. Но Корсаков не жалел, чтобы конторщикам работалось в тепле и уюте.

Ранней осенью за последние годы сгорела вторая скирда соломы. В тот день на птичнике пропало до двух десятков кур, корзина яиц. И люди считали, что пожар учинили воры, чтобы отвлечь птичниц, которые со всеми выскочили посмотреть на пожар.

Корсаков же почему-то не торопился искать воров. И люди были вынуждены под зиму ходить тайком в степь на вырубку кустарника, а в лесополосе, кроме сушняка, спиливали даже хорошие деревья...

Корсаков, зная то, чем могли заниматься колхозники, наряжал в лесополосы объездчиков. Даня Рябинин укараулил за рубкой старого сухого дерева Виктора Зябликова и велел тому добровольно идти на бригаду, не то всё равно доложит. В это время там находился бригадир Назар Костылёв.

— Так, значит, уничтожаем колхозные насаждения? — жёстко спросил его детский приятель, глядя на Виктора единственным зрячим глазом, второй же, незрячий, смотрел куда-то в сторону.

— Слушай, Назар, дома холодно, уголь ещё не привезли, а дерево в прошлую морозную зиму пропало. А тебе жалко его стало?.. — объяснял Виктор.

— Для меня ты, Зябликов, всё равно вредитель. Один отсидел, значит, уголовник. Ты тоже вступил на ту же тропу! — непримиримо проговорил Назар. — И запомни, Виктор, я бригадир и потому тебе неровня, поэтому называй меня по отчеству.

— Быстро ты забыл, как мы в детстве играли, — напомнил Виктор. — Я бы на твоём месте так не возносился.

— А чего ради я должен к тебе хорошо относиться, ты рубишь колхозные деревья? Скажи спасибо, что не вызову милицию. Хочешь замять неприятный случай, вывези из сарая навоз!

— Не много ли себе позволяешь? Когда председатель пошлёт на тракториста, я и землю буду пахать. А навоз вывози сам!

— Хочешь заплатить штраф?

— Не собираюсь...

— Тогда запряги лошадей в бричку и вперёд. Если не осилишь, тебе отец поможет.

Виктор пришёл в бешенство, глаза сверкали, но он с трудом себя сдерживал. С того времени, как Назара поставили бригадиром, тот стал непомерно гордым. Когда жили по соседству, они с Назаром строили на куче песка пещеры и замки. Но уже тогда Назар давал понять, что он сынок председателя, и Зябликовы должны ему подчиняться. Старший брат Денис прогонял его прочь, чтобы не строил из себя принца.

— Не буду! — выпалил Виктор на предложение бригадира, которого он не мог признавать за такового, так как Назар был моложе его на один год.

— Тогда твоё дело передам в сельсовет, а там милиция...

— Что ты из себя корчишь большого делягу?

— Зябликов, за оскорбление бригадира во время исполнения должностных обязанностей, смотри, выпишут штраф больше, чем за дерево.

— Я уже отработал трудодень. У вас есть уголь, а у нас нету...

— Плохой твой батя хозяин! Ну что, если отказываешься возить навоз, завтра жди вызова в сельсовет. Дерево бери на плечо и тащи на ферму, там тоже нечем печку топить.

— Я тебе не слуга, сам неси! — Виктор резко повернулся и быстро пошагал из конторы в посёлок. Ему припомнилось выражение лица Назара, тот не ожидал, что так поступит его бывший детский товарищ, которым и тогда норовил командовать, а Виктор обижался, но подчиняться тому и не думал. И вот сейчас он оставил Назара с глупым и растерянным выражением, а потом его глаза сверкнули злостью. Но Виктор больше не видел того, что он там переживал в себе, и вот на подходе ко двору он постарался успокоиться, почувствовав запах перегоревшего сухого навоза. «Надо бы не признаться своим, а то Борька засмеёт, — грустно подумал он. — Ничего, в другой раз буду осторожней. Не могу терпеть того, кто из себя делягу строит, особенно молодые, как Назар».

Дома Виктор поначалу не смог заговорить со своими. Сестра Нина занималась стиркой, отец, Фёдор Савельевич, одной рукой подшивал валенки, придерживая его обрубком второй руки. Виктор сидел на низенькой скамейке и смотрел на огонь в печи, которую мать протопила кизяками, и от неё исходил прогорклый запах дыма, который изредка пробивался в щели чугунных кружков. Екатерина Власевна ножом чистила

мелкую, с перепелиное яйцо, картошку, которая плохо уродилась в то засушливое лето.

Средний сын Борис собирался на улицу, вертясь перед зеркалом, зачёсывая назад аккуратно подстриженные под полубокс гладкие тёмно-русые волосы. На нём были широкие серые брюки и чёрный пиджак, и от него пахло тройным одеколоном.

— Принёс дровишек? — спросил брат, глядя на Виктора в настенное зеркало, которое висело на стене слева от входной двери.

— Нет, — неохотно ответил младший брат, — дядька Данил поймал и к Назару привёл.

— А я думаю, почему так долго нет нашего Витеньки, — отозвалась Екатерина Власьева.

— И что, отнял? — спросил Фёдор Савельевич, глянув любопытно на сына.

— Да... — Виктор объяснил, что произошло в конторе между ним и Назаром Костылёвым.

— Как хорошо, что я сейчас не в колхозе, — сказал отец. — Иметь какие-то отношения с молокососом для меня унижительно. А вам он ровесник...

Фёдор Савельевич, как инвалид трудового фронта, четвёртый год получал пенсию. Хотя эти деньги были совсем мизерные; сейчас, в трудную годину бескормицы, они как раз и выручали. Хлеб покупали в городе, но и там его отпускали строго по норме, да и тот доставался не всегда. Корова в эту пору мало давала молока, доилась один раз в день, но скоро совсем бросит.

— Витя, ты уж уважь Назару, — заговорила мать с тревогой в глазах.

— Не хочу!

— Милицию же вызовет, — обронил Боря. — Я бы поговорил с ним, если бы не моя судимость.

— Подлец! — возвысил тон до раздражения Фёдор Савельевич, отбросив к печке подшитый валенок, на который с жалостью посмотрела Нина, перестав стирать.

— Хватит вам, — вмешалась она, разгибаясь от корыта.

— А что ты его защищаешь? — спросил недовольно Виктор, зная, как Назар хорошо относился к его сестре. И знать это могла только она, почему он так вёл себя с ней, точно со своей зазновой. Хотя Назар, говорили, уже давно открыто сожительствовал с Мотей Шумаковой, круглолицей румяной девушкой, с которой пока не зарегистрировал отношения.

— Я не хочу слушать вашу ругань из-за какого-то гнилого дерева. И надо было идти тебе в лесополосу...

— А топить чем? — бросил раздражённо Виктор.

— Говорил тебе — поступай в ремесленное — не захотел! А чего хорошего на тракторе.

— Вы сами не поругайтесь, — предостерегла Екатерина Власьева, и рассудительно прибавила: — Ничего, хоть нам без дров плохо, но и бригадиру лучше не станет из-за несчастного дерева.

На следующий день, точно спасая его от наказания, Виктору пришла повестка в армию. На наряде ему её вручила Шура Чернушкина, которая после обеда ездил в сельсовет. Такие же повестки получили ещё несколько парней. А вот Жора Куравин, Пётр Кузнецкин, Миша Серков, Кузьма Бедкин, Иван Курганов и другие уже служили по второму году.

Через три дня состоялись проводы в армию призывников. Зябликовы накануне пригласили к себе соседей. Екатерина позвала и своих баб, с которыми работала в огородной бригаде. Нина пригласила Анфису. Екатерина переживала о судьбе сына, ведь в мире опять запахло войной. Ещё совсем недавно немало тревог пережили после того, как американцы сбросили на японские города атомные бомбы, которые пугали доселе невиданной разрушительной силой. И там, на Дальнем Востоке, опять было неспокойно, а Запад объявил холодную войну коммунизму, который почему-то его неизменно пугал. И опять на горизонте замельтешил призрак третьей мировой войны...

Проводы прошли весело, рано утром на колхозном грузовике со всеми призывниками Виктора увезли в Новочеркасск. От мужа Екатерина услышала, что американцы два

года назад создали оружие пострашней ещё того, которое могут обрушить на нас, как на японцев. Английский премьер Черчилль на весь мир объявил, что они призывают всё мировое сообщество выступить единым холодным фронтом против коммунизма, который угрожает всем странам Европы и Америки. Словом, в мире начиналась новая волна истерии и потому Екатерина, как и другие матери призванных в армию ребят, переживала за судьбу младшего сына.

Через две недели Зябликовы от Виктора получили письмо из Благовещенска, что будет служить в железнодорожных войсках, он пока ни на что не жалуется, и через три года будет дома.

После войны срок службы увеличили с двух лет до трёх, что народом было встречено неодобрительно.

Глава третья

Сразу после капитуляции фашистской Германии Сталин приступил не только к созданию атомной бомбы, но и сплёл из стран Восточной Европы тоталитарную систему, какой за всю свою историю ещё не знало человечество. Эти страны (Восточная Германия, Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Болгария, Югославия, Албания) скоро на весь мир были объявлены — странами народной демократии. И был решительно взят курс на построение социализма по-сталински... (Хотя впоследствии Югославия, а затем и Албания выйдут из-под сталинского влияния и пойдут своим путём).

Из Восточной Европы (главным образом из Германии) войска не были выведены, наоборот, по договорённости с германскими коммунистами, они там должны оставаться как гарант спокойствия и стабильности во всей Европе.

Разумеется, расползание коммунизма по Европе не устраивало ни Европейскую лигу Наций, ни США. И 5 марта 1946 года английский премьер Черчилль своей речью в Фултоне (штат Миссури) стал инициатором похода против коммунизма, то есть против СССР и всей его политики, была развязана «холодная война». Причём она распространялась также и на все те страны, которые Сталин начал строить по распоряжению системы Коминформа, и она как бы подменяла собой упразднённый в 1943 году Коминтерн. В Коминформ, созданный в 1947 году, входили также компартии Италии и Франции.

В результате действий Сталина на мировой арене как в Европе, так и в Азии и расширения территории СССР, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции наращивали гонку вооружений...

Но это на мировой арене. А что происходило внутри страны?..

За короткий срок Сталин мобилизовал народ и восстановил все города, посёлки, сёла, деревни, которые были разрушены и сожжены за годы войны. В срочном порядке надо было возрождать экономику, ведь розничные и коммерческие цены ещё с довоенных пор бешено росли, а за годы войны подскочили в десятки раз. Также выросла инфляция, и в результате обесценивание денег это привело к бешеному росту цен на всё и вся. Понимая, в каких тяжёлых условиях оказался народ, Сталин ещё в 1946 году объявил о первом снижении цен. Хотя ещё в 1944 году, скажем, мясо подешевело с 320 рублей за килограмм до 150. Тогда же вниз пошли и розничные цены. Однако эти меры не могли ни наполнить рынок продовольствием и товарами хотя бы первой необходимости, ни повысить покупательскую способность населения. А если вспоминали, то единственно, как росли цены в середине и в конце 30-х годов. Так что эти понижения цен не очень заметно облегчали жизнь народа.

И Сталину ничего не оставалось, как принять предложение своего зама Георгия Максимилиановича Маленкова проводить поэтапное снижение цен, или провести деноминацию денежной массы. И тот верил, что только эти меры хорошо скажутся на всей экономике.

— Ви это мне говорите, Георгий? — переспросил Сталин.

— Да, Иосиф Виссарионович! — подтвердил Маленков, он лишь водил глазами за неспешным передвижениями вождя по большому кабинету, устланному коврами дорожками. — Это облегчит жизнь народа, который выиграл под вашим гениальным

руководством войны с фашизмом.

— Вот будет пленум, ты там и скажи, что тебе на это ответят старшие товарищи! — слегка усмехнулся Сталин, впрочем, улыбка только тронула его уголки губ. А глаза выражали суровость и жёсткость, затем и всё лицо посуровело. — Ты хорошо наладил самолётостроение. Это твоя заслуга... а моя только отчасти. Так что роль моя в разгроме Германии тобой преувеличена. Хорошо руководить, не нужно никакого гения! Народ сплотился вокруг партии и победил! Я везде не мог успевать. Мне подсказал Берия, что ты хороший политик и организатор. Но я знаю, что вы были и остались друзьями... Я с Кировым тоже дружил, он для меня был как брат. А мои враги его убили. А это значит, и в меня стреляли. Что я должен был делать с ними, смотреть на них и любоваться? Все передо мной на вытяжку, все умные, но... трусливые. Зато за глаза поносили! Я должен был за это терпеть, или заговора ждать? А вот о тебе ещё когда Лаврентий говорил, что ты смутьянов одёргивал и спуска им не давал... Мне это понравилось...

— Товарищ Сталин, мы отвлеклись от темы, — напомнил Маленков, весь покраснев от внутреннего напряжения, так как у всякого, кто общался с вождём, это отнимало много душевных сил.

— Почему мне так говоришь? Такой ты смелый! — Сталин покачал головой, держа курительную трубку за чубук щепотью и плавно водил руку слева направо. Глаза его ещё больше сощурились. — Я тебя за твою смелость в Ташкент направлю, — воздев руку с зажатой трубкой, вдруг сказал вождь. Он понимал, что Маленкова не зря обвиняли в неудачах по испытанию новых самолётов. И впервые об этом он узнал от своего сына Василия, невзлюбившего главного куратора самолётостроения. И считал, что его нельзя было назначать надсмотрщиком ракетных разработок. Но Сталин сберёг своего верного создателя системы кадрового резерва управленцев, поскольку ни один так уверенно не исполнял все его поручения. Сейчас его седая голова с зачёсанными к вискам волосами чуть была приподнята. — Там наладишь партийную работу и кадровый резерв, найдёшь себе замену и вернёшься. Даю тебе на это год. Мы так решили с Хрущёвым и с товарищами. А с Ждановым ти напрасно враждуешь, ти же знаешь какие мы с ним соратники. А ти на него бочку катишь! Зачем? Вот поедешь в Ташкент и там подумай, надо ли?.. Ти думаешь, я на него ставлю, как на преемника? —

— Нет, я такого ничего не думаю! — испуганно проговорил Маленков, часто моргая. — Я готов выполнить ваше любое поручение, и уверенно отвечаю — есть, товарищ, Сталин. Можно идти отправляться?

— Пока нет, в Ташкент успеешь... Ты сначала нам рассчитай, как мы должны опустить цены и провести деноминацию, чтобы при этом обеспечить покупательскую способность народа?.. Если не можешь, тогда попрошу Вознесенского...

— Слушаюсь! Я могу... с ним только посоветоваться...

— Хорошо, советуйся. И не забывай «дэло авиаторов», а то мог бы сейчас со мной не разговаривать. Я исходил из того, что человек не может не ошибаться. Но мы умеем прощать хороших специалистов. А ты хороший специалист! А теперь ступайте, — с этими словами Сталин вложил трубку в рот, но она уже потухла, что стало ему понятно при его попытке раскурить её движениями губ. Он провожал суровым взглядом своего заместителя, которого тайно боялся за его решительность в сложных ситуациях. Напористость Маленкова на всех постах, которые он занимал, Сталину нравилась, он весьма логично мыслил, пытался войти к нему в доверие своей расторопностью и даже некоторой услужливостью и покорностью. Но такие качества, (Сталин знал) приобретали довольно быстро все те, с которыми ему приходилось работать. Поэтому не исключением был и Маленков, хотя от многих его выдвиненцев он отличался не только образованностью, но и смекалистым умом. Хотя его ему предложил Каганович, когда нуждался в хороших управленцах. Начинал в войсках комиссаром и показал себя как разбирающийся в людях военачальник, так как он умел подбирать кадры на разные должности. В Центральном комитете появлялись такие его выдвиненцы, как Брежнев, Подгорный, Косыгин, Громыко и многие другие. Но так ли это?..

Сталин одобрял его работу. А теперь ему надоел со своей «сионистской» женой Полиной Жемчужниковой не один Вячеслав Молотов, но также и Анастас Микоян, Ла-

заль Каганович. Их пора отдалить от себя, а на их место поставить молодёжь, с которой ему будет легче работать. Они не знают ничего о подробностях репрессий, развязанных против его, Сталина, врагов. Если бы не он их, тогда бы они его и всех тех, с кем он сейчас работал. Это Сталин понял, когда полностью изучил историю Парижской революции, когда первые коммунары боролись за власть и пали все от неё до одного. Выходило, революция пожирала своих сыновей и бойцов. А Иван Грозный? Он стал для него кумиром? Нет, только как исторический пример укрепления своей абсолютной власти. И потому Сталин изучал все обстоятельства его жизни и всё самое лучшее из того, что делал этот тиран, брал себе на вооружение...

Партийную демократию, которую Ленин считал необходимой при партийном строительстве и создании, установлении здоровой внутривнутрипартийной атмосферы, Сталин всегда отрицал, так как она расшатывала, на его взгляд, партийную дисциплину, когда мнения, взгляды однопартийцев не совпадали с генеральной линией партии...

На этот счёт Сталин не смел спорить даже с Лениным, которого он никогда бы ни за что не переубедил и не заставил бы встать на его, Сталина, точку зрения, так как Ленин был для него всегда непререкаемым авторитетом в партии, и что порой его очень раздражало, вызывало зависть и ревность к его авторитету. Тем не менее, в отличие от Сталина, Лев Бронштейн (Троцкий) позволял себе спорить с вождём пролетариата. Хотя таковым его сделали соратники по борьбе, поскольку Ленин боролся с режимом не только ради освобождения рабочих и крестьян от гнёта капиталистов и помещиков, он хотел изменить политическую систему меньшинства большинством, используя при этом народ для достижения своей главной цели, поставив наперёд диктатуру пролетариата. Но сам-то Ленин был из привилегированного сословия, в его правительстве не было ни одного рабочего, чтобы полноправно называть свою власть диктатурой рабочих и крестьян.

Сталин это хорошо понимал, и когда из-за болезни Ленина стал генеральным секретарём ВКП(б), он приступил к окружению себя в первую очередь ленинцами, так как Троцкий, Зиновьев, Каменев не были полностью его соратниками и единомышленниками... Впрочем, Зиновьев, например, не всегда верил Троцкому, а одно время он даже поддерживал Сталина.

Спустя годы, став генералиссимусом, он не любил вспоминать то время, когда ни-спровергал и уничтожал своих противников, и тем самым прекратил всякую полемику о партийной демократии. Всякое иное мнение, кроме того, что он думал, им не признавалось. «У партийцев должно быть одно мнение, мнение вождя, — говорил он, — и его выражают только коммунисты»...

Когда Г.М.Маленков представил Сталину приблизительный план наращивания производства товаров для народа и снижения цен на них, а также план проведения денонминации с первого января 1948 года, Сталин при нём пробежал глазами всё, что там было кратко изложено, пыхнул трубкой, и, выпуская кольца дыма, сказал:

— Это ты тут хорошо написал, но ми денежную реформу объявим раньше. И снижение цен проведём в несколько этапов. Пусть наши люди думают, что мы о них заботимся, а не о себе.

— Но мы, товарищ Сталин, на этом немало потеряем. Мне говорят, реформу провести, а цены не трогать, то есть снизить, но не подгонять под новый курс рубля...

— Георгий, это так могут говорить враги! — Сталин поднялся и стал ходить. Маленков тоже встал и было видно, что он ростом выше вождя и заметно шире в плечах. — Ты мне назови их, — и он сурово, жёстко посмотрел тому в глаза и продолжал: — Снижение цен приведёт не к падению экономики. А к её повышению у населения покупательской способности. Ты почему так не подумал, а я должен за тебя думать...

— Я назову: наша молодёжь! Она не понимает. Ну и Молотов, Каганович, Микоян... Они устали от власти и так говорят...

— А почему не называешь Вознесенского? Ты был должен его назвать в первую очередь. А ты мне подсовываешь стариков! С Вознесенским ты в противостоянии, а почему-то жалеешь своего противника. А Николай Алексеевич мне прямо сказал, за что я его и уважаю, твоя программа дилетантская, она не отвечает современному этапу

экономики. Он мне представил свой план восстановления народного хозяйства. И я отдал... — Сталин помолчал и уверенно, даже с каким-то вызовом, глядя в упор на Маленкова, договорил: — Ему отдаю пальму первенства. А ты поезжай в Ташкент... Экономист из тебя никудышный... У нас незаменимых нет...

Сталин остановился вполоборота, держа руку в полусогнутом состоянии, из щепоти торчала трубка и он так зорко глянул на Маленкова, что у того по спине побежали холодные мурашки, а сердце похолодело и за грудиной что-то тяжело заворчалось.

— А эти старые перхуны пойдут в отставку. Они мне надоели, чувствую — играют на руку Западу. Молотов был в США. Его там приняли с помпой! К чему бы это? Неужели он думает, что я уже из ума выжил, когда заговорил о понижении цен? Экономике, как сказал товарищ Вознесенский, будет тяжело. Зато народу станет легко! Они думают, я на старости лет стал сентиментальным? Не один из них не будет моим преемником, а дело идёт как раз к этому... Я тебя и всех пошло по стране с миссией: узнать о наших резервах и ресурсах экономики. Говоришь, ми снижением цен понесём убытки? Тогда что предлагаешь сделать, чтобы этого не случилось?

— Неустанно производить больше товаров, чтобы не было дефицита, ни в чём недостатка. В село должна поступать новая техника. Убрать посредника — МТС. И поднять налог за счёт увеличения доходов населения, полностью перевести на денежную оплату труда, упразднить трудовни. Ко мне стекается информация: колхозники больше работают на себя, чем в колхозе, трудовни выхаживают не все, чтобы на своей усадьбе произвести продукцию и продать на рынке, чтобы получить деньги...

Сталин, наклонив голову к ковровой дорожке, молча расхаживал, изредка поднося трубку ко рту, задумчиво выпускал из ноздрей дым и продолжал ходить слегка в раскачку, что говорило о наступившем головокружении.

— Это всё у тебя? — остановился он. — Но мы это тоже знаем, мне Хрущёв и Булганин советуют тоже снизить расходы на аппарат, а ты как считаешь, надо ли их слушать или... дулю им показать? — и Сталин ткнул в Маленкова трубкой.

Маленков впервые не мог ответить вождю; он растерялся оттого, что с Булганиным и Хрущёвым они говорили именно об этом...

Потом за поздним ужином на даче в Кунцево, куда съезжались все члены политбюро, Сталин, выпил полбокала вина. И Хрущёв, и Булганин, и Маленков, и Каганович, и Микоян пили в честь вождя за здоровье и многие лета. Сталин молча слушал льстивые тосты и грустно усмехался в усы. Сейчас он подумал о Берии, который почему-то в последнее время норовил избегать этих ужинов, ссылаясь на свою занятость. Но и то было правдой, так как Лаврентию Павловичу Сталин доверил курировать все ядерные разработки, надо было создать как можно скорей, во что бы то ни стало атомную бомбу. Хотя работы проводились в нескольких направлениях... А Королёву под кураторством Маленкова было поручено конструировать космические летательные аппараты и ракетносители. Но космос Сталина, можно сказать, по большому счёту пока не заботил. Хотя понимал как важно эту новейшую отрасль наладить. И вместе с тем он не представлял, зачем надо было находиться в глубинах космоса, не противник же там? А вот на Земле их, врагов, полно. Одни США чего стоят! И вот Берия днём и ночью не выходил из лаборатории, самочинно выезжал на полигон, где проводил пробные испытания, пока маломощных, ядерных зарядов. И потому Берии за не почтение его, Сталина, вождь пока прощал. Он был первым из наркомов карательных ведомств, кто избежал репрессий. И не потому, что считался его, Сталина, близким по крови, просто Берия прослыл умным организатором, за что бы не брался, всё у него получалось... И то, что он уходил из под его личного контроля, Сталина это и заботило. Ведь и вся охрана была под его кураторством, и как было не тревожиться. Поэтому надо было что-то срочно предпринимать.

Однако Сталин не признавался себе в том, что боялся Берии, и только по этой причине он перевёл его из силового ведомства в контролирующего куратора. Впрочем, не только из-за своего страха он отнял у Берии пост председателя МГБ, к нему стекались многочисленные жалобы от женщин, которых Берия принуждал к сожительству. Этого

ему Сталин не мог простить. Он сам имел только одну любовницу, но после самоубийства жены Надежды Аллилуевой, Сталин больше не женился. Хотя подхалимы, да и тот же Берия, подсовывали женщин и даже совсем молоденьких. А Берия набрался наглости, стал соблазнять его, Сталина, медсестру Валентину Истомину, а потом и опорочил? Этого вождь уж никак не мог терпеть. Она ему сама признавалась, как Берия склонял её к близости. Вот тогда Сталин и принял решение убрать Берию из Кремля, чтобы его духу здесь и близко не было.

Но была ещё и другая, не менее существенной, чем эта причина отстранения и удаления Берии от «партийного двора». Сталин боялся заговора, который Берия, возглавляя МГБ, мог организовать против него. Потому Лаврентия надо было отстранить, и случай представился, когда поручил Берии кураторство ядерной и космической программ. Но и кто лучше Берии мог справиться с важной государственной задачей по созданию атомного щита. Маленков? Но он тоже при не менее важном деле. Думал поставить его на место Берии во главе госбезопасности. Однако передумал. Хотя он всегда придерживался принципа, что у нас нет не заменимых. На сей счёт он было хотел посоветоваться с Жуковым, что тот думает о Берии. Однако в последний момент Сталин передумал, так как Жукова он так же побаивался, если даже не больше, причём Георгий Константинович для него всегда представлял загадку. Хотя Жуков никогда не криводушничал, а всегда говорил довольно взвешенно и убедительно, что касалось военных операций. Но Жуков был намного нравственней Берии, который прославился любовными похождениями. Впрочем, оба по этой части были хороши! А всё равно Берия всех заткнул за пояс своей жестокостью. Но и эти женщины далеко не все против своей воли были Лаврентием совращены, ему докладывали, как Лаврентий удовлетворял их желания получить хорошее местечко то ли для себя, то ли для их мужей. Поэтому Сталину своеволие Берии всегда претило... И почему-то Сталин нечасто вспоминал, как его жена Надежда Аллилуева просила, чтобы Берия не бывал у них дома, которого органически не переносила за одно то, как тот сверлил её линзами пенсне, отчего ей казалось, будто он её раздевал змеиным взглядом. Но ей всегда приходило на ум одно и то же, что этот человек против их семьи что-то задумывает плохое, или доверил ему наблюдение за ней? И когда Берия брал дочь Светлану на руки, Надежда гневно польхала глазами. «Иосиф, я этого не могу вынести, ты же посмотри, как он её держит? Это же вампир, бес, он надорвёт Светлане здоровье». «И что ты такое говоришь, у тебя нэрви расстроились, пойдй да поспи. Я тут рядом работаю, а Берия у меня под наблюдением. Не бойсь, иди, иди, Надя». И она уходила. Но с каждым появлением у них на даче этого человека, Надежда менялась в лице. Почему она думала так бездоказательно, что Берия не надёжный человек. Эти подозрения жены у него вызвали недоумение, и в то же время он думал, что Надя хотела его с ним рассорить, так как в то время Сталин уже начинал не доверять не одним своим противникам, но и своей жене. А к тому было серьёзное основание, ведь она пыталась раскрыть ему глаза на то, что происходило в стране. Народ живёт в страшной нищете, цены растут, а улучшение жизни не наблюдалось, наоборот, коллективизация породила голод и нищету. И её обвинением его политического курса он был очень огорчён, что Надежда совсем не понимает его конечной цели. Он растолковывал, что крестьянам вредно давать самостоятельно распоряжаться результатами своего труда, поскольку страна так никогда не получит от них в достатке хлеба и продовольствия. Народ надо держать в узде и постоянно его понукать, чтобы служил партии и государству, а не своей кубышке...

В то время Берия был нужен Сталину, так как ещё при Ягоде зрел заговор, а при Ежове мог вот-вот осуществиться, об этом ему докладывали люди Берии. Так что только при Лаврентии он почувствовал себя несколько спокойным. И ему одно сильно не понравилось, когда Берия стал усердно выпускать из лагерей якобы безвинно посаженных Ежовым политзаключённых. Он ему сам подсказал разобраться, всех ли заговорщиков расстрелял Ежов, которых к уничтожению готовил ещё Ягода? Тогда ему Власик говорил, что Ежов для чего-то сохранял их в живых. Берия каким-то образом узнал об этом и пошёл на опережение, то есть избавился от них и доложил Сталину. Неужели Лаврентий его прослушивал? А ведь он лично исполнял его поручения по

разоблачению последней «заговорщиков Тухачевского»...

Когда Берия пришёл к власти в картельном органе партии, Сталин поставил перед ним задачу – выпустить из лагерей до двухсот тысяч неправоммерно арестованных Ягодой и Ежовым, чтобы очиститься самому и показать народу, что партия восстановила справедливость и социалистическую законность... И вот в Кунцево, глядя на членов политбюро с саркастической улыбкой, Сталин старался на время забыть о Берии. Хотя в такие минуты, думая, что Лаврентий всё равно от него никуда не убежит, любил над своими соратниками подшучивать, а то от души и посмеяться. Он даже не гнушался поиздеваться над Хрущёвым, когда заставлял Хрущёва, прихоти ради, залезать под стол и оттуда издавать то ли собачий лай, то ли кукареканье, а то и заблеять козлом.

Между прочим, в такие минуты Сталин инстинктивно ненавидел Хрущёва за его неуёмный темперамент, который он проявлял особенно, когда возглавлял Московский горком партии. «Ты лучше козлом поблей и попрыгай, — про себя думал Сталин, — мне твоя самостоятельность нэ нужна. Я должен тебе подсказывать и тобой управлять. А тебе остаётся лишь слушать меня!»

Сталин входил в раж, так что Хрущёву ничего не оставалось, как самому прикидываться шутком и тогда не один Сталин покатывался со смеху, но и все участники ночных дачных застолий...

Глава четвёртая

Далеко не над всеми своими гостями Кунцевской дачи так куражился Сталин, как он это вытворял над бедным Хрущёвым. И тот, испытывая страх, охотно подыгрывал диктатору, за что Иосиф Виссарионович жаловал того своим вниманием, поручая важные партийные мероприятия, так как Никита Сергеевич мог произносить речи зажигающе, и при этом каждый раз цитировал речи самого вождя.

Но больше всех от Сталина доставалось грубыми подшучиваниями обыкновенно тем, кому хозяин не очень доверял. А кому совсем не доверял, тех в его окружении давно уже не было. Одним из первых поплатился, и кто больше кого бы то ни было спорил с ним, кто имел целую систему своих воззрений, кто считался теоретиком и стратегом партии, кто создал, наконец, Красную армию — был Лев Троцкий. А ведь Красную армию они строили вместе. Но Ленин отдал все лавры Льву, за что Сталин втайне ненавидел и того, и другого. После смерти Ленина Троцкий мечтал сесть на его место. Но он не имел большинства и Сталин переиграл того. И хорошо понимал: приди тот к власти, он бы не церемонился с ним, Сталиным, и устранил бы в два счёта. Не зря же против него организовал и направлял оппозицию. И Каменев, и Зиновьев были готовы присягнуть Троцкому, если бы он, Сталин, дрогнул. Но тогда все они просчитались. Уже спустя годы, переоценивая свои действия, Иосиф Виссарионович ни на секунду не пожалел, что устранил явных противников, в том числе и Бухарина, со своего пути. Николай Иванович шатался между Троцким и Сталиным. И выступал против отмены нэпа и насильственной коллективизации. Сталин не терпел его за одно то, что Ленин в своём письме к съезду окрестил того «любимцем партии», и прочил его в руководители партии и правительства. А ведь этот выскочка только и кричал на каждом углу: «Развивайтесь и обогащайтесь!» «Он поддерживал мелкобуржуазные ценности. И потому мне такой соратник, любимец Ленина, не нужен, — думал тогда Сталин, — но пока пусть поработает. Я ему докажу, что колхозы, а не ленинская кооперация необходимы стране». И как он мог сохранить «ленинскую гвардию», которая только и мечтала, как насадить ему ленинский стиль руководства. А с таким подходом получилась не партия единомышленников, а партия анархистов, и все бы поступали как в басне Крылова рак, щука и лебедь...

Возле Бухарина тогда толпились и М.П.Томский, и А.И.Рыков, и Ф.Ф.Раскольников. Это было уже опасно одним тем, что Николая Ивановича любила молодёжь. А Г.Е.Зиновьев всех их ненавидел, и Сталин против них того использовал. А когда Зиновьев снова сошёлся со своим противником Каменевым, Сталин был взбешён. Его терпение лопнуло, вот они и сложили головы...

Как бы Сталин ненавидел Бухарина, его интеллект и ум, были тогда ему на руку.

Ведь само окружение «вождя народов» по своему облику уже сложилось. И все в отдельности они представляли собой закоренелых партократов, которые стояли на консервативных позициях. Но при этом надо сказать, что и Каганович, и Микоян сумели так себя поставить, что даже при наличии своего мнения, которое каждое по-своему хоть и не совпадало с его позицией, они всё равно разделяли и всем сердцем поддерживали политику Сталина, которого воспринимали как вождя-богоносца. И чтобы он не говорил, они выслушивали его в безропотном молчании, и, как некоторые историки считают, благодаря этому и уцелели. Но разве могло так быть, если известно, что Сталин ценил и уважал самостоятельно мыслящих людей, которые имели выработанное мировоззрение и собственные взгляды? Впрочем, умение ценить позицию, ум, самостоятельность к нему придёт позже, когда его партийный деспотизм воспитает у «соратников» безропотную покорность, и он тогда пожалеет, что не знает истинную позицию любого из своего окружения. Но это приведёт его к пониманию того, что он сам создал предпосылки к возникающей опасности, намного позже. И вот оно после войны и наступило...

Как бы на самом деле эта пятёрка не относилась к хозяину, Сталин точно знал — они есть ступени его трона, по которым он пока уверенно ступает, не опасаясь оступиться. Убрав с дороги всех тех, кто до конца не разделял его линию руководства, однако с годами Сталин настолько уверился в своём могуществе, что и сам стал себя считать самым верным и последовательным ленинцем, причём непогрешимым. А все те жертвы, которые исчислялись сотнями тысяч, были также оправданы целесообразностью его выработанной политики. Хотя последователем Ленина он никогда не был. Если некоторые историки думают, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил наследникам (хотя их никогда в помине не было, он их не намечал, просто это молва их создавала), с атомной бомбой и ракетами, то это не результат его тридцатилетнего правления, а всего лишь ответы на вызов времени. И будь на его месте хоть тот же Бухарин или Вознесенский, или даже Киров, то они бы делали то же самое, только другими методами...

Сталина считают гениальным руководителем, но такой набор средств, как интрига, шантаж, подстава, провокация, какими он пользовался в достижении своих целей, не имеет себе равных даже в мире. Может быть, создание тоталитарного режима, и выражает его «гениальность»? Но ещё Чингисхан почти по той же схеме построил свою Золотую Орду, когда дисциплина в войсках против провинившихся насаждалась жестокими пытками. То же самое вытворяли Иван Грозный и Пётр Первый, биографии которых Сталин пристально изучал, и недаром одними из первых фильмов были сняты о диктаторах — это «Иван Грозный» и «Пётр Первый».

Так что система подавления страхом своих подданных не требует никакой гениальности. Хотя в большей степени это относится к изощрённости и гибкости ума. Проводя коллективизацию, выбив под корень лучший цвет крестьянства, Сталин добил и уничтожил сельскую общину, поскольку деревня веками держалась на своих корнях и всегда существовала на принципах самоуправления. Но как раз такая самостоятельность крестьян правящему режиму большевиков была не нужна.

И в результате партийного диктата сложилась колхозная деревня, но вековые традиции пахарей и сеятелей навсегда были подорваны. В войну на оккупированных территориях, если верить советской пропаганде, колхозы были распущены и вновь их организовали сразу после изгнания врага. Хотя в действительности немцы поддерживали идею колхозов и старались делать всё, чтобы они работали и кормили немецкую армию. Когда Сталину об этом доложили, он приказал всех председателей и старост отдать под военный трибунал. Но чем это обернулось, мы увидели на страницах предыдущих книг.

Если некоторые историки считают, что война изменила мировоззрение Сталина в сторону гуманизации общества, то в этом они глубоко заблуждаются. На оккупированных врагом землях колхозы, как и сами деревни и сёла, были разорены до основания. Казалось бы, надо было сделать колхозникам налоговые послабления. Но нет, наоборот, их необоснованно в несколько раз увеличили. А всё оттого, что страна остро

нуждалась в продовольствии. Огромная армия партийной и чиновной бюрократии работила исключительно о себе и только в последнюю очередь о городском населении, которое получало далеко не всё самое лучшее. Необходимо было наполнять магазины продуктами, прилавки которых за годы войны опустели. И не успели отменить карточки, как после засухи опять грянул голод, и вновь резко ограничили продажу продуктов.

А первое снижение цен, как выше уже было сказано, вождь и сам понимал, что оно ненамного облегчало жизнь народа. Но он надеялся, что в своей массе малограмотный народ не разбирается в экономике и давно забыл, какие были довоенные цены. А ведь Сталин и рассчитывал на зыбкую память народа, и потому понижение цен воспримет, как его несомненное благодеяние. И он оказался прав, поскольку и поныне в памяти народа он остался благодетелем. Так что, каким бы Сталин ни был тираном, он отдавал отчёт тому, что в коллективизацию почти полностью раскрестьянили деревню, разорил миллионы дворов, а кулаков, середняков и несговорчивых единоличников отправил на стройки социализма...

«Если они дёшево не захотели отдать хлеб государству, — думал тогда Сталин, — а хотели только наживаться за счёт государства, то этого мы не могли им позволить. Личные интересы не должны быть выше государственных! Все князья и цари на Руси это хорошо понимали и потому крестьян, этих смердов вонючих, держали в чёрных рубахах, не давали им спуску. Кто говорил, что колхозы приравниваются к крепостному праву: Бухарин или Рыков? А вот Троцкий был готов продолжать военный коммунизм. Но мы ему не дали. Это уже средневековым пахло, Троцкий мегил крестьян в рабов обратить, мы заставили мужиков и баб коллективно работать, как было у них в общине. А Столыпин ещё раньше нас выгонял крестьян из общины, давал деньги и чтобы от своих деревень ехали подальше на отруб. Ленин боялся Столыпина-националиста, который замахивался на серьёзные реформы. До него мало кто на них решался пойти. И вот, когда его избрали премьером вместо Горемыкина, мы обсуждали с Лениным, как его убрать. А то стал мешать своими успехами революционному подъёму масс. Поддавил революцию эсеров. На него покушались не раз, но мой главный соперник всех переиграл... Помещики тоже были против реформ Столыпина, мы бы его не поддерживали, не одобрили. А тогда бы власти нам никогда не видать...»

Троцкий, этот каналья, искры метал, когда уезжал на Украину. Ленин, говорят, и приказал Лейбе найти подходящего в своих кругах человека. И кто-то предложил дурака Богрова, который боялся царя и его премьера, что начнут притеснять евреев, как отец царя Николая-кровоавого. Хотя тот ни в кого не стрелял, и опять эти эсеры свиньи подстроили Николаю, когда собрали толпу во главе пьяницы и авантюриста попа Гапона. Троцкий тогда доказывал, что это не он сделал, а сионисты, которые его, Троцкого, ненавидели. И оклеветали отщепенцем. Впрочем, они всех евреев-большевиков так и окрестили – отщепенцы. А я всегда считал, что этот поклёп для отвода глаз, а сионисты и революционеры одного поля ягода. Говорили, что Троцкого за Столыпина и ещё каких-то генералов сослали в Сибирь, откуда ему всегда удавалось бежать. Собственно, мне в этом тоже везло – пять раз бежал с помощью товарищей. Хотя я никому не доверял. Только на себя располагал...»

И вот уже почти полвека миновало, а всё кажется, что это было как в дурном сне. Иосиф Виссарионович на склоне лет нет-нет да подумывал о мемуарах, но сразу после войны садиться за них ещё было не досуг, так как на повестке дня стояла неотложная работа. Да и какой историк не возразит, дескать, Сталин никогда не собирался писать мемуары, поскольку понимал, чего ему предстояло коснуться, то есть никак нельзя было обойти тему борьбы за абсолютную власть и того, как эти люди его преследовали в мыслях и во сне, и потому он должен был их физически уничтожить. А как ему хотелось, однако, оправдаться в своих ненаписанных воспоминаниях, и поскольку их нельзя было оформить на бумаге, он их исключительно мысленно только и проговаривал, анализировал события, которые даже не все войдут в учебники истории. И так исключительно хотелось одному ему, поскольку правду народу нельзя доверять. Но он представлял, когда-нибудь о нём напишут и о том, чего вообще не было. Хотя вместе с тем тогда он не предполагал, что будет твориться за его спиной, поскольку был по-

чти полностью убеждён: политический заговор при его жизни почти невозможен, не каждый из приближённых покусится на его власть, не рискуя своей жизнью. А тем не менее этим утверждением он как раз себя и обманывал, поскольку больше всего боялся заговора и продолжал от себя это скрывать, что в дальнейшем сыграет с ним роковую роль, когда станет терять бдительность. И он так и не поймёт, какую штуку с ним сыграет надвинувшаяся старость, которую всячески старался не признавать, отодвигать от себя...

А тогда, после войны, не зря он подключил Берия к организации восстановления народного хозяйства, уничтоженного войной. План по восстановлению был предложен Н.А.Вознесенским, к которому — Сталин знал — Берия относился с ревностью и даже с боязнью, так как Николай Алексеевич, хоть и не был боязливым, к нему всегда относился настороженно. Но свои выводы вслух не проговаривал, считая Берия авантюристом. Однажды Сталин, дорожа прямой Вознесенского, строго спросил у него:

— Товарищ Вознесенский, как вы относитесь к товарищу Берии?

— Хорошо бы относился совсем, если бы Лаврентий Павлович не был в душе авантюристом.

Сталин внимательно посмотрел на Вознесенского, молча кивнул и велел тому идти, а сам стал раскуривать трубку. Именно после этого обмена мнениями Сталин и снял Берия с поста министра МГБ и поручил курировать атомную промышленность. Мнение Вознесенского по личности Берии для Сталина сыграло как последняя капля для смещения его и поручения ему ответственного дела, с которым лучше его никто бы не справился, и даже Жуков, которому, правда, это дело он не предлагал. Но Сталин никогда никого просто так не снимал и не назначал заново, о чём будет сказано ниже...

Берия с порученным делом справился за два с половиной года. А после гражданской Троцкому и Дзержинскому на это потребовалось шесть лет. К тому же Дзержинский не выдержал колоссальной нагрузки, отчитался на съезде и умер в 1926 году...

После войны Сталин почувствовал страшную усталость и душевное опустошение. Он испугался, что стал сдавать; но, должно быть, сказалось военное напряжение, спал совсем мало, а курил много. И Сталин, чувствуя зябкость ног и рук, подумывал бросить совсем курить, на что решился впервые в своей жизни. Но окончательно это получилось только через два года. Он как-то глянул на себя в зеркало, чего делал редко и его взгляд тотчас выхватил не бледность щёк, а их подозрительную под глазами желтизну, а вокруг глазного яблока тёмные фиолетовые круги и сеточка прорезавшихся глубоких морщин как трещины на запечённом яблоке. Словом, цвет жёлтого лица, морщины, тёмные круги и всё чаще повторяющаяся зябкость рук и ног даже в тёплом кабинете, как никогда Сталина серьёзно насторожили. Да ещё мучило головокружение, вот оттого и стал он носить присланный братом Валентины Истоминой (только им он и доверял) овчинную тужурку, которую надевал, когда не ожидался приём и снимал, когда кому-то назначалась аудиенция. Он охотно принимал дельные предложения Маленкова, Булганина, Хрущёва. А последнего почему-то вдруг стал даже обожать, впрочем, за то, что Сталин, хорошо разбиравшийся в людях, вдруг стал считать, что этот шут не способен организовать против него заговор. И он с удовлетворением отмечал рабскую покорность в глазах троицы. Он стал полагать, что ни один из них не смог бы управлять страной так, как он и потому быстро сломают его систему управления. Но он не спешил об этом им признаться и оттягивал, выжидал, как они себя поведут дальше?

И не исключено то, что Сталина уже не могло не волновать своё здоровье, а тем поразительно, что он не счёл нужным сообщать об этом своим лечащим врачам, а тем более товарищам по партии и членам Политбюро. Хотя по уставу должен был поставить их в известность. Но как раз это признание, что он сдаёт, пугало его больше всякой оппозиции. О состоянии своего здоровья он никогда не докладывал своим лечащим врачам. Он настолько боялся отравления, что не принимал без консультаций с Валентиной Истоминой выписанных таблеток и лекарств. И просил её выезжать с ним в аптеку, он тогда переодевался в старую одежду простого старика и они не на машине, а шли пешком из Кремля, о чём знала только личная охрана...

Со дня смерти пролетарского вождя Сталин боялся врачей как огня, ведь кто-кто, а

он точно знал, что ускорило кончину Ленина. До него слухи доходили, что это сделал он, Сталин, дескать, не мог простить того, кому Ленин завещал передать его власть генсека партии ВПК(б), чем, собственно, и посеял среди соратников по партии затянувшуюся вражду. А потом, когда он стал во главе партии и правительства, завещание Ленина и расколело партию. И создались ему две оппозиции: одна во главе Троцкого, вторая во главе Бухарина, к тому же Зиновьев, Каменев со своими сторонниками объединились так же против него, Сталина, и одно время метались между ними, не зная к кому примкнуть. И даже на какой-то миг встали к нему в оппозицию, и к этим двум группам Троцкого и Бухарина. Впрочем, больше они симпатизировали Троцкому как в его лучшие политические годы. Но бывало, выступали и против его оголтелой «перманентной революции». Хотя были не против того, что революцию можно было экспортировать в страны Европы и Америки. Но они хорошо знали, что там по вопросу революции, их соплеменники к единому мнению не сходились...

Сталин был всегда в курсе еврейского разногласия не только в мире, но и внутри большевистской партии, что умело использовал в своих целях. Он и сам искусственно ссорил между собой всех своих противников. Ведь еврейская сплочённость у всех вызывала большую тревогу, они благодаря этому и смогли взять власть в России. В первом правительстве евреев было большинство. Поэтому надо было исправить ситуацию, расколоть их единство и постепенно вытеснить из правительства.

Вот почему Сталин не терпел, когда партийные вожди женились на еврейках, как это сделал Вячеслав Молотов, Иосифу Виссарионовичу кто-то донёс, что Полина Жемчужникова по линии международного антифашистского еврейского комитета сотрудничает с международным сионизмом и встречалась с Голдой Меир. Сталин пришёл в бешенство, вызвал министра иностранных дел Вячеслава Михайловича. А тот, как увидел устремлённый на него долгий жёсткий взгляд хозяина, так внутри у него всё похолодело и дрогнуло, забилося сердце, лицо покраснело. Ведь обычно Сталин встречал его с добродушием, глаза мягко светились, но что же теперь случилось?

— Вызывали, Иосиф Виссарионович? — строго спросил Молотов.

— Вызывали, Иосиф Виссарионович? — строго спросил Молотов.

— А тебе ещё нэ верится? Садись, в твоих ногах тэперь я знаю точно — правды нет!—

Сталин ткнул в его сторону чубуком трубки. Ты скажи, кому сегодня можно верить, как себе? Выходит — некому? — Хотя Сталин тогда уже всё реже курил, но всё равно с трубкой не расставался, чем демонстрировал, что со здоровьем у него пока всё в порядке. И сейчас он развёл в стороны руки и тут же их свёл, присел на край стула сбоку Молотова и спросил: — Ты часто видишь свою Полину?

Разумеется, Вячеслав Михайлович сейчас ожидал всё, что угодно, но не этот странный вопрос. О жёнах своих соратников Сталин ни у кого не интересовался, а тут вдруг заговорил. Значит, неспроста, думал Молотов, но его лицо было настолько каменно-непроницаемым, что было невозможно понять, какие чувства теснились у него в душе. Молотов давно научился говорить кратко, но исчерпывающе точно, как робот-автомат.

— Мы с ней видимся каждый день!

— И ты всё знаешь, чем она занимается, с кем встречается?

— Так точно!

— Тогда ты не знаешь, а почему? Да, помню твой визит в США в 1946 году. Я беру все основания утверждать, что тебя там завербовали наши бывшие союзники! Почему? Тебя там хорошо приняли, я бы сказал — слишком хорошо! Меня так не встречал Рузвельт ни в Тегеране, ни в Ялте. Сдержанно они вели себя, я бы сказал — почтительно и только. А тебя в объятиях сжимали. Почему? А Трумэн... говорят, твоей женой интересовался... Полина и Голда Меир — эта связка мне не нравится. Мировой сионизм — это не наша политика! Полина заходит далеко. Вредная эта политика — сионизма! Так что, я советую тебе с Полиной развэстись...

— Слушаюсь! — Молотов привстал и снова сел. — Иосиф Виссарионович, могу я высказать своё мнение?

— Что ты хочешь сказать, ми знаем; ти хочешь её защитить! Тогда уходи с поста и

становись мировым адвокатом, — Сталин так зорко и холодно посмотрел, и Молотов под его взглядом неприятно поёжился. Но он опять взял себя в руки, взглянул и сухо заговорил:

— Приём в США проходил согласно протоколу, как того требовало...

— Я тебе ещё не выдвинул обвинение, — перебил Сталин ровным тоном. — Я пока тебя предупредил. Это касается всех вас — старых большевиков. Хочешь сказать, и меня тоже? Но я никуда не выезжаю. Врачи советуют больше отдыхать, посещать южные курорты, здравницы. Это хорошо? Хорошо! Но кто за вами будет смотреть? Думают, Сталин стареет, рычаги управления шатаются в его руках. Да, у нас есть хорошая молодёжь! Вот, например, Вознесенский, Попков, Родионов, Кузнецов и кто там ещё в очередь уже становится? Мне так говорят. А я этим шептунам вроде того же Маленкова, Хрущёва, Булганина, Берии не хочу верить. Они имеют цель — рассорить меня с молодёжью. А я ссориться не буду. Хрущёву только бы паниковать, а сам он только и годится, что быков и коров сводить вместе! Мне Ленин не доверял в управлении не государством, а партией. Ленин её расшатывал своим демократическим централизмом, а я цементом её скрепил. Вот я уже старый, ушёл бы, уступил бы нашей талантливой молодёжи управление партией. Но уверен — завалят всё дело... Вознесенский высоко ценит партию, но он великий экономист, увлечён идеей политической экономики социализма и забудет про партию, выпустит уздечку и её понесёт по ухабам и все шишки набьют. Я его воодушевил на написание политэкономии. Я и сам имею на неё виды. Да всё никак не могу собраться. Вот поеду на юг и там засяду!

— Вам не надо никуда уходить! Вы незаменимы на любом посту, — подхватил Молотов. — Я бы и сам был рад уйти...

— А что мешает? Полина у тебя в советниках? Мы её у тебя заберём. Кто её сделал государственным деятелем, поставил во главе еврейского антифашистского комитета? Кстати, фашизм разбит. А комитет действует! Фашистских преступников мы и без него повесим. А комитет разгоним...

Молотов был немало удивлён, Сталин до этого всегда мало говорил, он и сам учился у него немногословно. А теперь его будто подменили? Вячеслав Михайлович это связывал со снятием Берии с поста председателя МГБ, поскольку Сталин боялся, что тот мог его прослушивать. Но он не был уверен в том же, что этого не будет делать и его преемник Виктор Абакумов, его замы Игнатьев и Серов...

Однако Сталин просто так не бросал слова на ветер, Полина Жемчужникова была исключена из партии, Молотов развёлся с ней, не прекращая в душе ею дорожить. Говорили, что он тогда впервые заплакал, так как знал, что жена хоть ни в чём и не виновата, но всё равно не избежит ареста, что, впрочем, через год и произошло. Тем не менее за это Молотов не возненавидел Сталина, он остался ему верен, несмотря на то, что был снят с поста министра иностранных дел. А его место занял — А.Я. Вышинский — бывший эсер и соратник Керенского...

Глава пятая

После того дня, как Фадей Ермолаев на подворье Волковых учинил самостоятельный обыск, не прошло и трёх дней, как он поздним вечером, выйдя за двор, возле двора лавочницы, увидел свет автомобильных фар. Фадей жадно затянулся горькой махоркой, скрученной козьей ножкой и, не спуская глаз, смотрел и смотрел в заветном направлении и думал, что же там сейчас могло происходить? «Ох, и хитрюга же Фаинка, — думал он, затягиваясь сигаркой, глотая до одури горький дым, — нешто надула меня, есть у неё ещё схоронка? Чую — есть! А то бы разве ходили к ней наши начальники? Городского покроя баба, всё знает, окаянная! Чем-то Домну мне напоминает, одёжка на ней вся фасонистая, вся опрятная, это, поди, не моя замарашка, Фёкла. Пойду, прогуляюсь, гляди, что угляжу и тогда...»

Но он не договорил. В это время из темноты вышла чья-то женская фигура.

— Дорка, это ты чи, что ли? — спросил удивлённо, с протягом он.

— А то кто же, я батя! — отозвалась дочь. — Меня всё выглядываешь иль слизнуть куда хочешь? — спросила насмешливо, даже с какой-то вызывающей бойкостью.

— Да ты во то не выдумывай, чего, куда и ради кого! Ты же ранёхонько не заявлялась, вот и спросил. Я это так... курю. Смотрю, откуда пойдёт холод. А ты бы сваму Ивану сказала, чтобы на растопку соломы привёз.

— Батя, а тебе чего делать? Возилку выпроси, нагребви скока надо, да и все дела!

— Дак на машине быстрее. Ты меня не учи, а то заставлю саму с матерью, нашли моду мне ума вставлять. А сами замарахи! — сердито, разобижено, проговорил отец.

Дора больше его не стала выслушивать, за ней щёлкнула с лязгом щеколда входной двери в хату и она скрылась в коридоре, точно в тёмной пасти огромного зверя, какой ему сейчас представлялась крытая чаканом крыша. Фадей от досады ещё разок глубоко затянулся самосадам, потом бросил окурочку сигарки в сторону, несколько искр брызнули и тут же погасли и он нехотя, словно раздумывая — идти или не идти — сделал несколько шагов. И вот он зашагал по уже хорошо укатанной грунтовой дороге, шагал размашисто, уверенно. Воздух пах стылой землёй и от балки веяло сухой полынью, чередой и репяхом. Было тихо, правда, откуда-то тянуло дымком перегоревшего бурьяна и доносился ленивый лай собак. На тёмно-сером небе — ни звёздочки.

В хатах кое-где ещё светили керосиновые лампы. Фадей вышагивал, но уже не спеша, фары машины потухли, дорога уже шла неровная, местами после дождей образовались колеи. В октябре стояла в основном тёплая и сухая погода. Зато в ноябре прошли дожди, под конец даже выпали заморозки. И земля вновь схватилась заду-белой крепью. С деревьев листья давно облетели, в палисадниках у всех в основном росли акации. А садов почти ни у кого в ту пору ещё не было. До войны Полосухины, Глаукины да Половинкины было стали разводить фруктовые деревья, а тут тебе из района уполномоченный и описал все деревья. Говорили, дескать, для социалистического учёта, а потом на них прислали самообложение. Хотя деревца только начали тянуться кверху. Хозяева уж и не знали, что им делать с садом. Но раз записали, не спешили пустить их, неокрепших, на растопку. Потом грянула война, не до садов стало. А после войны опять пришли с описью всех построек, деревьев, скота, птицы. Люди уже думали, не будут облагать налогом, но не тут-то было, в несколько раз подняли в денежном выражении...

Фадей отвлёкся от того, о чём думал, так как увидел полуторку, стоявшую перед самым двором Фаины Волковой. Он осторожно подошёл к машине, однако в кабине водителя не было, тогда Фадей встал на подножку и заглянул в кузов, но там было пусто, лишь пахло бензином да пылью, да зерном или половиной. Но на этом Фадей не успокоился и пошагал ко двору Волковых, в хате которых горел в дальней комнате свет «керосинки». Но на выходивших на улицу окнах из-за плотно задёрнутых цветных занавесок он ничего не сумел разглядеть, что там происходило, какой мог состояться важный разговор между хозяйкой и гостем? К тому же на дверном проёме также висели длинные до пола шторы. Тем не менее он видел передвигающуюся тень женщины: это была сама Фаина Николаевна. А потом женская тень исчезла, и только сквозь ткань штор сеялся мутно-жёлтый свет.

Фадей решил посмотреть со двора, куда выходило одно окно, и только он вошёл в калитку, сделанную из штакетника, как у соседей Верстовых вдруг раздался громкий лай собаки. Фадей замер, злобно в досаде сплюнул и не знал, что теперь ему делать. Но желание подсмотреть, какого гостя принимала хозяйка, было настолько велико, что он стал пробираться пригнувшись вдоль хаты к дальнему окну передней комнаты. Собака Верстовых сидела на цепи и всё громче, всё настойчивей лаяла.

«Ах, ты чертовка проклятая, да чтоб ты слюной захлебнулась!» — проговорил в сердцах про себя Фадей. Между тем азарт шпиона отчаянно толкал его вперёд. Вот уже до окна осталось сделать несколько шагов, и в этот момент дверь хаты Верстовых вдруг скрипнула, и тут же послышался приглушённый бас невнятно говорящего старого хозяина:

— И ты чево, Шарик, разорался? Какого вора учуял? — это был сам Селеван Егорович, отец Тимофея Верстова. Он был такой же крупный, широкой кости, что и сын. Но о них будет рассказано в потоке нашей хроники. А пока ограничимся некоторыми замечаниями. После войны с ногами Тимофея что-то случилось, и тогда отец Селеван

поехал проведать сына. Агапка, жена его, не ладила со свёкром ещё на родине в селе Сумской области. Но с его переездом была вынуждена смириться. Свекровь умерла от истощения ещё в войну, но родня ещё там осталась...

Фадей как только услышал голос Селевина, присел на корточки и тотчас превратился в каменное древнее изваяние. Этот дед, хотя весь седой, но с виду был ещё крепким. Он занимался тем, что ходил по балкам рубить на растопку хворост, за что на него покрикивали бабы, так как старик смахивал топором кусты тёрня, шиповника, боярышника, барбариса, айвы, чего они себе не позволяли. И Корсаков лично приезжал к Верстовым и предупредил старика, что его ожидает за уничтожение полезных ягод. И тогда стали поговаривать, мол, Селеван прислушался и теперь уходил далеко в степь и приносил на себе две больших вязанки хвороста, которые могли занять всю возилку с её широкими перилами. Так что поселчане неподдельно дивились его выносливости, а невестка Агапка, когда услышала восхищённые отзывы о её свёкре, бросила горячечное, что лично слышала Фёкла. А потом ему, Фадёю, со смехом рассказывала.

— Ух, полоумная, Агапка, то ругается со свёкром, а то вон как защищает, — она покачала головой. — Говорит, вы только бы завидовали, и больше мне не смейте так говорить, хотите своей чёрной завистью свалить его. Вот вам — не видели! Своих мужиков гоняйте. А на моих рот не разевайте!

— Правильно баба серьёзно, вам бы только чужую удаль замечать. А своих не видите, — заметил тогда серьёзно Фадей.

С появление хозяина собака умолкла и только заискивающе повизгивала. — Ну всё, всё, хорошо служишь, шмыгай в будку, покормлю завтра. Еды самим нема. Так что, помолчи. Ворам всё равно не за чем шататься по чужим дворам. А то смотри, как бы тебя, собачья душа, не утащили, — проговорил с добродушной суровостью хозяин и скрылся в дверях, и опять с подвывом она закрылась, а пёс заскулил и скоро замолчал.

Фадей воспользовался заминкой пса и быстро очутился возле окна, и тут же собачий лай опять зазвенел отчаянно, надрывно в стылом воздухе. «Да чтоб ты околел!» — выругался Фадей, приподнимаясь с присядок. И Фадей, как глянул в окно, так почти тут же столкнулся глаза в глаза с председателем Гаврилой Корсаковым, тот мгновенно в оторопи, а скорее всего, в недоумении замер. Фадей почувствовал в груди страшные удары сердца с болью отдававшиеся в рёбра, причём как раз там, где сидел вражеский осколок. И ему вдвойне стало страшно, как бы он не стронулся с места, тогда на месте погибнет. Он быстро осмотрел стол и тут же упал на холодную землю, точно сражённый вражеской пулей. А может, осколком, мелькнула страшная догадка, но нет, пока, слава богу ещё жив. Фадей, елозя животом по шершавой земле, полз к забору, слыша непрерывное тьяканье собаки. И тут снова послышался досадный голос хозяина:

— И что же ты думаешь, своим лаем заработаешь жрачку? Никого тут нет! На улице стоит грузовик, а ты думаешь, хлеб привёз? А правда, чёго он тут стоит? — Селеван пошёл к калитке. Где-то на краю улицы перекликались собаки. А в стороне города небо ближе к горизонту матово-жёлтым светилось.

Селеван постоял, справил малую нужду и пошагал грузной фигурой обратно в хату, больше не обращая внимания на лай собаки. Фадей привстал с холодной земли, которая пахла пылью и навозом. Он опрометью побежал к калитке, очутившись, не помня себя, вскоре на улице, так как в коридоре Волковых звякнула металлическая щеколда. И послышались приглушённые женский и мужской голоса. Но Фадей смекнул, что Фаина Николаевна о чём-то договаривалась с Корсаковым, а затем он быстро вышел из калитки и также быстро пошагал к машине. А собака прямо-таки рвалась с цепи в безудержном лае. Он стал вертушкой заводить мотор и тот вскоре загудел. Корсаков сел в кабину. Вот ярко полыхнули фары, вот машина резко, надрывно газанула и тронулась в путь.

«Ишь ты, мать твою, председатель сам чинно гоняет грузовик, — то ли восторгался, то ли изумлялся Фадей, сидя под забором двора Ильи Климова, который купил хату у брата Гурия Треухова, недавно уехавшего из посёлка навсегда, прожившего тут всего какой-то год. Об этом Фадей думал, когда бойко шагал домой, где он рассказал жене Фёкле о своём ночном приключении, которое представлял себе как вылазку во враже-

ский стан.

— Ты подумай, такой сурьёзный мужчина, а туда же себе в блуд! — поразилась Фёкла. — А Костя-то что, вон жа блаженный? Рази при нём они могли? Можат, ты врешь, Фадей?

— Дак его там и близко не было! Значит, дрыг, парень! А ты меня всё чихвостишь, вона чего делает Гаврила! — Фадей визгливо засмеялся.

— И нешто он тебя взаправду узрел? — восхищённая рассказом мужа, переспросила жена, желая ещё раз услышать. — Как ты сказал: глаза в глаза столкнулись? А-ха-ха, батюшки. Это же он тебя из пастухов телят выгонит! — спохватившись напомнила она.

— Да и что из того! Ты только языком бабам не положи, и не мели что зря. Я-то запросто умолчу!

— Ой, да ладно, буду молчать... А чего Гаврюшка на машине прикатил к ней? Может, что ей сгрузил, ты чи, не видел, а про это молчишь?

— Как «не видел», заглядывал в кузов — пустой! Может, раньше, ещё до моего прихода? Файку надо прижучить, с ним вместе и жульничает. Селеван Верстов и тот караулил, знамо до меня учуял нечистое, дважды из хаты на лай кобеля выходил. Так что, ежели не ты да я, то он разнесёт по посёлку. Его невестка не хуже тебя языком полощет...

Дора к приходу отца уже спала, натянув на голову ватное в цветном пододеяльнике одеяло, так как в хате было нежарко. Углём топили два раза в неделю. Иногда и ночью слышалось утробное мычание коров. Вот и сейчас из сарая Фадей с женой услышал как мычала отчаянно их корова. Кормить почти было нечем. Многим в посёлке приходилось запаривать соломенную полову, посыпать её для запаха жменей макухи и скармливать скотине. А некоторым хозяевам приходилось даже забивать коров, к примеру, у Бедкиных оказалась яловая. Но если бы и не яловая, то и тогда пустили бы под нож, так как кормить было нечем, а морить скотину голодом это было сверх всяких сил.

— И что же нам делать? — всплеснула Фёкла натруженными руками.

— Может, до весны как-нибудь дотянем? — и Фадей пятернёй провёл по выбеленным раньше времени тёмно-русым волосам.

— А ежели нет, тогда придётся под нож.

— Это называется ты выход нашёл, кто тебя назовёт в своём уме? Красотке скоро телиться, — завершала жена, притопнув ногой, обутой в шерстяной чувак.

— Дак молчи тогда. Люди режут, а нам рази лучше животину замучить голодом?

— Какие люди? Бедкин, говорят, уже полкоровы пропил. Первый алкоголик в посёлке и ты с ним равняешься? Вот только тронь Красотку, я тебя самого пушу под нож! — пригрозила серьёзно Фёкла.

— Бешеная! Что тебе ещё сказать? — бросил он, доставая с кислым огорчённым видом кiset.

Фадей скрутил сигарку козьей ножкой, стал прикуривать.

— Ступай на двор и там дыми да послушай Красоткины голодные мыки! Сердцем мается, а дымить тебе край надо, — она отчаянно покачала головой. — Осколок строится, что тогда делать, а?

Фадей махнул рукой с видом человека обречённого и быстро пошагал из горницы в тёмный коридор, на ходу зажигая спичку, и небольшое пламя враз раздвинуло чёрное облако темени, точно перед ним распахивался чёрный овчинный тулуп...

Глава шестая

В декабре под самый Новый год снег выпал чистый, глубокий, пушистый. В сером воздухе последние снежинки кружили, как мелко нарезанная фольга; дул пронизывающий холодный ветер. Пахло перегоревшими кизяками, хворостом, каменным углём. Люди, кто на быках, кто на лошадях везли, а кто и на себе несли солому от дальней прошлогодней скирды. И старались уберечь, удержать скотину и живность от падежа. К подворью Потапа Бедкина почти каждый день тянулись люди, чтобы купить кусок говядины. Его жена, Пульхерия, сухошавая, по-вологодски окающая, с мелким ещё нестарым лицом, всякий раз, как Потап шёл с кем-то из покупателей к сараю,

истошно кричала из коридора:

— Ирод ты, проклятый, своих детей хочешь уморить! И сколько ж можно! А вам не стыдно, люди, хотя бы деньгу несли. А то зельём его ублажаете!

— Умолкни, Пулька, и нашим тут хватит! Ты видишь, какая стоит погода, мясо испортится, хоть я и засолил сколько надо, а то и это может пропасть,— махал он яростно рукой. Потап был тоже подстать жене — поджарый, с ввалившимися щеками, рано постаревший с тёмно-русыми волосами с сильной проседью особенно на висках.

— Терёшина Мария тоже корову извела. А чего-то к ней не идут...

— Дура ты, у Машки ящурная, люди боятся! — отвечал низким охрипшим голосом Потап.

— Хорошо... а Зябликова Катька с Федькой расстались с коровой, да мясо не раздавали как ты. А у них и малых деток-то нет! А у нас — трое! Ирод ты, проклятый.

В трудный год корова Зябликовых так же, как и у других хозяев оказалась яловой. Хотя была ещё нестарая. Ласточка к тому году хозяевам восемь телят принесла. А завели её ещё перед самой войной. И вот пришлось пустить на мясо, для чего Фёдор Савельевич пригласил Мартына Кораблёва и его сына Кондрата. Сам хозяин, не любивший кровопускание, отстранился, зато средний сын Борис, которому уже шёл двадцать первый год вызвался в подсобники, на что ни мать, ни отец не стали возражать. Мужчину должен выполнять и такую работу. Екатерина украдкой плакала, жалко было Ласточку. И она думала, настанет ли когда такое время, чтобы коров-кормилиц было резать тяжким грехом. Ещё девушкой Екатерина слышалась предсмертного бледения овец, которых резал брат Егор, и всякий раз ей остановилось не по себе от убийства животных. Но истребление парнокопытных, к сожалению, не запрещала Библия, и вообще не считала это преступлением, так как Бог создал разную живность для человека. И всё-таки ей было всё равно жалко животных, зверей, птиц, ведь они тоже имели право на жизнь. А Бог, выходит, это право отнимал, что трудно было постичь сердобольному человеку. Но те, которые истребляли не только домашних животных, считали, дескать, чего тужить, ведь как распорядился Бог, как он установил такой порядок, значит, так тому и быть. И потому им трудно было постичь, что они истребляли всё живое ради одного того, чтобы самим выжить. Этого они натерпелись в голод пятнадцать лет назад и больше года жили тогда буквально впроголодь. Тогда всех кур, петухов извели, корову продали, чтобы в три дорога в городе покупать хлеб, муку.

Вот и сейчас неужели опять повторяется то же самое, а ведь колхоз подчистую сдал государству всё зерно, только оставил на семена. И сторожили его Прон Овечкин да Василий Треухов; из-за последнего Гаврила Корсаков попросил Фёдора Зябликова наняться пасти коров жителей посёлка в паре с Андреем Перцевым, который тоже потерял на войне по локоть руку...

И вот поговаривали, будто семенное зерно потихоньку убывает, точно его кто-то просеивает сквозь решето. Молодой бригадир Назар Костылёв не стал жаловаться председателю на сторожей, его же тогда обвинит, дескать, плохо контролирует, попустил, вот все и тянут. Однако до Корсакова слух всё рано просочился, и тогда Гаврила Харлампиевич, сохраняя спокойствие, велел обоим сторожам идти дежурить на коровник и свинарник. А на ток отправил на пересмену Зябликова и Перцева.

Между прочим, Корсаков ценил Фёдора Савельевича за безупречную честность, да и Андрей Николаевич был спокойный, прямодушный. К тому же между собой они превосходно ладили. Однако Назар Макарович как-то подсказал председателю, что те, как Прон и Василий уж очень сговорчивые, потому и ладят. Если что, один другого обязательно покроет и оправдает. Потому их следует распаровать.

— Ох, Назар Макарович, и молод ты, а всё хочешь своим аршином мерить, — сказал Корсаков. В своё время он поставил парня бригадиром исключительно из уважения к его отцу. — Я, конечно, ценю тебя за находчивость, но пусть они пока работают, как я их расставил.

— Так Овечкин первый зерно утянет. У него на физиономии написано, что он очень хитрый, изворотливый... Его надо поставить с Зябликовым...

— А кто не хитрый? Возле тебя, я смотрю, ошиваются и Панкрат Полосухин, и его

братец Давыд, и Кондрат Кораблёв, и девки тоже крутятся. Я же тебе ничего не говорю. Смотри, чтобы Мотя не обижалась...

— Я на них не обращаю внимания. Работу просят полегче, на птичник все хотят. Я же не отстраню свою ради них?..

— Надо бы на бухгалтера послать способную к счёту деву. Подумай, кого бы ты предложил? Может, свою? Она у тебя умница. Алёшка Жернов хоть и справляется, но ещё нужен на ток один счетовод...

— Нет, Гаврила Харлапиевич, Мотя пусть остаётся при своём деле. А то вон, поговаривают, что скоро наш колхоз мишкинским отдадут, что на это скажете?

— Я ещё не буду об этом говорить открыто. Ежели Прищурин молчит, значит, нечего пустословить. Об укрупнении колхозов разговоры ходили ещё год назад. У нас три бригады, а у мишкинских хутор большой да соседние хутора Малый Мишкин и Александровка. У них одних пастбищ в несколько раз больше наших... Но нам-то они зачем, у нас своей земли... А я так думаю: чем больше колхозов, тем трудней ими управлять, поэтому выиграют не колхозники, а начальство. Они делают себе жизнь легче, мать их так. Значит, и председателей станет меньше, а кем мы с тобой станем? —

— Вы правы, эх мать твою! — Назар чесал затылок, глаза бессмысленно лупали, словно у него отняли способность мыслить и он позавидовал председателю, что тому пришла такая догадка.

— Но ты смотри, что я тебе сказал, держи за зубами... — предупредил Корсаков и пошагал своей дорогой. А Назар всё чесал озадачено затылок, к нему дошло: его могут лишит бригадирства... — но дальше он не стал размышлять.

Как бы там народ ни судил, ни рядил, будет ли укрепление колхозов, в районе уже точно знали, что укрепление колхозов не миновать: это необходимая стадия развития села. Укрепление преподносили не как укрупнение, чтобы не будоражить народ, а как обеспечение села интеллигенцией: высокообразованными агрономами, зоотехниками, организаторами сельского производства, врачами, учителями. По этому поводу в Москве даже состоялся Пленум партии «О мерах по ликвидации последствий разрухи народного хозяйства на территориях, которые попали в зону оккупации, вызванные войной». И одним из основных вопросов стоял — это укрепление колхозов и создание новых совхозов, направленных на резкое увеличение выращивания хлеба, что и связывалось как с укреплением колхозов обученными специалистами, так и с поднятием целинных земель не только в диких степях Оренбургской области, Алтайском крае, Восточной Сибири, за Уралом, но также и в степях Казахстана и на Дальнем Востоке.

Партия велела поднимать, кроме целинных так же и пустующие земли во всех регионах, которые были оккупированы в Великую Отечественную войну. В результате этого тысячи гектаров были брошены из-за нехватки техники и людей, так как почти всё мужское население было призвано на фронт.

Укрепление колхозов, как считали партийные функционеры, должно было увеличить расходы на поставки селу техники, горючего. Эти меры предполагали также ускорить освоение брошенных за годы войны земель и тех диких угодий, которые из-за нехватки тракторов, плугов, борон, культиваторов, сеялок не могли быть обработаны и засеяны.

Ещё в 1947 году из областного центра во все районы области пришло постановление, чтобы с такого-то числа и года начать и осуществить в короткий срок это самое пресловутое первое укрепление колхозов, которое, забегая наперёд, можно уверенно сказать, ненамного повысило и урожайность за счёт улучшения обработки почвы, и увеличения пахотных угодий, а значит, и хлебосдачу, так как произошло всего лишь соединение земель. Впрочем, на первых порах соседние колхозы слившись в одно хозяйство (а то и три в один) только условно усиливали свой технический и людской потенциал. А на самом деле результат был тот же. В те времена о классе единоличника уже редко поминали, так как селяне по всей стране давно стали единым классом колхозников. И потом вдруг было объявлено — разукрупнить колхозы.

Однако нарождалось такое новое явление как производственник не только в хуторе Большой Мишкин, они появлялись по всей стране, если город был рядом. И вот здесь

они работали в Новочеркасске и Ростове на стройках крупных заводов. К примеру, на Ростсельмаше к концу 1950 года уже выпускали обновлённый комбайн «Сталинец», и с каждым годом намечалось производство увеличивать. А для этого нужны были специалисты. Но сельским жителям уйти тогда в город ещё было не так-то просто. Однако молодёжь приходилось посылать на обучение разным профессиям в ремесленные училища, а после получения аттестатов, как правило, выпускников направляли на стройки и заводы. Особенно острую потребность в молодых рабочих кадрах испытывали новые заводы, производственные площади которых продолжали расширяться...

Но мы несколько забежали вперёд, так как к весне 1948 года не только в посёлке Новом засушливое лето 1946-1947 годов для людей впоследствии обернулось голодом, но и для многих регионов страны. И поэтому первая кампания уже не укрепления, скоро была заменена на укрупнение колхозов. Но сообщения о тысячах и десятках тысяч смертей от голода по всей стране, на время остановили эту кампанию. Сталин и слышать не хотел о голоде, он говорил о вредительстве и саботаже, что кому-то очень выгодно, чтобы село терпело бедствия. «А нас вынуждают объявить новые реформы на селе, чтобы дать зелёную улицу частному производству продуктов, чтобы подорвать нашу политику развития колхозного движения. Значит, на селе ещё живуч вирус частнособственнической психологии. А в городе мелкобуржуазные элементы организуют спекуляцию. Ми понижаем цены, о народе заботимся, а нам палки в колёса! Я предлагаю товарищу Маленкову поездить по сельским житницам и посмотреть, что там делается, а товарищу Хрущёву ми поручаем изучить, что мешает развитию колхозов и совхозов, почему имел место голод, когда его не должно быть? Мне пишут труженики, что зерно всех видов продаём за границу, когда сами ещё не накормили село. Надо и с этим разобраться! Патоличев мне подсказывает: надо провести укрупнение колхозов, поскольку мелкие колхозы не поддаются управлению. Товарищу Маленкову ми поручаем изучить это предложение. Если оно действительно сулит хорошие результаты, почему бы не провести укрупнение?»

Политики того времени находили причины голода не только в засухе, но и в том, что ещё не все колхозы после войны смогли встать крепко на ноги. Однако тогда мало кто мог не только знать, но и догадываться, что наша страна заключила торговые соглашения, по которым только одной Франции было экспортировано миллионы тонн зерна. Между прочим, СССР во все времена своего существования продавал зерно на мировом рынке и в то же время в отдельные периоды своей истории также закупал зерно золотом. Не в этом ли уже тогда вставала насущная необходимость распашки новых земель, как неизбежность развития сельского хозяйства? Хотя беспрецедентная кампания по освоению целинных земель в то время ещё только витала в головах некоторых политиков. И может быть, она бы началась раньше, если бы Сталин был моложе и не был бы тогда фанатически озабочен укреплением обороноспособности страны, чтобы избежать третьей мировой войны, призрак которой уже витал. И кое-где враги проверяли крепость наших границ, устраивая провокации. Но была ещё и другая существенная причина того, что в послевоенный период внутренние проблемы борьбой за власть правительством были оттеснены, к чему мы скоро обратимся...

Виктор Лесков
чл. Союза писателей России
г. Брянск

РОСЧИСТЬ

быль

I

Кому нужны вымыслы? Душа человека живёт только правдой. Откуда все полезные уроки жизни? Из фантазий? Увы! Что не изнашивается и не стареет с веками? Только правда! Единственно допустимое, чтобы не обижать человека — изменить его имя и фамилию. Итак...

После того, как Дуняшу, само святое смирение, замели в тюрюгу, по деревне пошли нехорошие толки: вот так зада-

вать вопросы лектору.

А может, лектор тут совсем ни при чём?

Уполномоченный из района по налогам и недоимкам Самусенко Сергей Сергеевич чисто одетый, в галстуке, розовый лицом живо и складно говорил о великих свершениях народа, о грандиозных достижениях страны. В клубе наших глухих, никому неведомых Вялек, заочкарившихся в хмызниках Брянщины, шло торжественное собрание, посвященное Дню солидарности трудящихся всех стран. Вяльки, к слову сказать, от слова «вьяликие», то есть высокие — на высоком месте, на семи холмах. Эти холмы казались богатырями в шеломах, обкружившими со всех сторон озеро — будто стояли славяне в глубокой скорбе по бежавшей из полона голубоглазой сестре своей, перелицковавшейся от преследователей в воду. Но так и осталась голубка нерасколдованной ластиться у ног родных братьев.

И народ в Вяльках, надо сказать, не из хилых...

Дуня хорошо слушала лектора. Ей годков за двадцать пять, а на погляд — не столько молодлица, сколько девица: мало-мальски мужичок пальцами общепит её талию. На лицо она протяжка, лупоглазенька. Светлые, с рыжинкой косы, заведены в куксу на потылице. Как ни старалась, а ниспадавшие на лоб завиточки образывались в золотистый венчик.

Самусенко о перспективах, а у Дуни в голове один-единственный вопрос. И картина перед глазами: вынутый из пыла-жара печки чугунок, откинута сковородка. Из чугуна клубами пар, а сквозь пар видны разомлевшие, густокоричневые, с прижарком, ломти гарбуза.

Сергей Сергеевич закончил выступление, с нежностью посмотрел на благодарных слушателей:

— Пожалуйста, кому, что не ясно?

Дуня встала, и сильно смущаясь, не поднимая головы, задала свой вопрос. Лектор сразу не расслышал. Он призвал присутствующих к тишине, хотя тишина уже установилась сама по себе — расползающимся мёртвым пространством, в центре которого стояла Дуня. Она повторила вопрос — не громче, но теперь её слышали все:

— Правда люди говорят, что Сталин каждый день и весь год ест гарбузную кашу с молоком?

По голосу она пискля и вопрос прозвенел в немоте клуба серебряным колокольцем.

Два года как кончилась война. По весне вся детвора собирала по полям выветрившиеся после сошедших снегов картошины. Мать их сушила, толкла в ступе и пекла тошнотики. Чем не еда, когда на зуб больше нечего кинуть?

За давностью лет не установить, но вполне возможно, что после упоминания о гарбузной каше с молоком у всех деревенских потекли слюнки. Май же, наше золото в земле. Все запасы кончились. Такая каша у нас, конечно, не диво. Но по осени.

Тогда желтопузые тыквы млеют на солнышке в картофельной ботве, точно молочные поросята. По осени и корова даёт хорошо молоко. А так, чтобы круглый год?

Где гарбузов набраться? И корове до телей минимум два месяца надо переходить в запуске. Какие каши без молока?

По тем временам клуб на общественно-политических мероприятиях забит битком. Ответ интересен не только Дуне, а и всему трудовому народу.

Самусенко прямо на трибуне из розового стал лиловым. Он непроизвольно оглянулся на президиум, а за президиумом висел большой портрет тогда ещё сурово правящего, в полном здравии, Иосифа Джугашвили. «Отвечай!» — по-отечески, с прищуром, улыбался в усы вождь. Самусенко повёл себя достойно. Он собрался с мыслями и толково объяснял:

— Чтобы ответить с полной достоверностью на прямо поставленный вопрос, я не располагаю достаточными сведениями. Прошу меня извинить.

Всё! Как говорится, инцидент «исперчён»! Мир вашему дому!

Однако все видели, что после ответа Сергей Сергеевич вытащил из нагрудного карманчика пиджака «самописку», блестящую держателем, и сделал какую-то пометку в своих бумагах.

Взял Дуню на «карандаш»? Или видел, что рядом с Дуней сидел на лавке бригадир Прозоров и отметил его как скрытую контру? Разве могла сама Дуня додуматься до такого вопроса? Сомнительно! Явная же политическая провокация. Не кто иной, как Прозоров этот грамотей и книжник, подзудил Дуню, ляпануть какой-то кашей по генералиссимусу.

Бывает же такое: о Прозорове можно говорить, что он боец и мудрец, философ и тиран — только в умелом сочетании этих качеств был он до войны хорошим председателем колхоза — но чтобы двурушником? Никогда! По правде живи — по правде и душа будет вылазить!

А вон какие подозрения могли на него пасть!

Да просто всё: ничего смашнее гарбузной каши с молоком для Дуни на свете не было!

Не слишком ли увлеклись домыслами? Может, Самусенко поставил галочку о проделанной работе? Или чиркнул на память, чтобы посмеяться дома с женой? А почему бы не предположить, что задумал человек большую книгу и собирал для неё типаж?

Нет, версия, что Дуню арестовали за вопрос лектору, не убедительна. Что тот лектор! Только появившись в деревне форменный картуз, любой из наших благонамеренцев во все времена с великой гордостью за оказанную честь, расскажет о каждом, что у того было на завтрак, что в обед ел, что вечером пил, где и о чём говорил, и даже о чём думал! И правильно, что в деревне никогда не держали штат от НКВД, КГБ, ФСБ. Зачем?

Такая вот святая простота. Или это по-другому называли «знатоки» природы «великороссов»?

Рассудим здраво: вопрос Дуни был задан в мае, а повязали её в августе. Столько времени вычисляли? Бросьте об этом думать.

Дуню подкузьмил железный звяк из посконного мешка, в такт с её шагом.

2

Трик-дрык, трик-дрык... Точили ржу меж собой змеевик холодильника и трубка отвода пара из бака. По этой трубке, когда закипала в баке брага, пар свистел в холодильник, а на выходе из холодильника уже готовое бодрило. В кино показывают какой-то мутняк. Не в курсе дел! При умелом производстве чистейший, как слеза, продукт.

Августовское солнце столбит с зенита. Чуть колыхнётся встречным движением воздух, и в лицо жар, будто отодвинули заслонку полыхающей печки. Нет спаса от пекла! Коснись дороги тыльной стороной ладони и руку отдернешь от пыли, как от огня. Куры сбились в тень сараев, привалились набок в лунки под нижними венцами. Раскрыв клювы, гоняют зобами на манер кузнечных мехов, выхолощенный сухойей. Крылья у всех на отлёте, открывая голые подмышья, головы пригнуты к земле — точно с покаянием перед судным часом.

Дуня шпарит по деревенской улице босиком. Что ей эти жары? По ржевникам, сенокосам, чернотропам подошвы до таких нестираек задубели — из лука не пробить!

Дуныша среднего росточка, миловидна, гладка телом, крепка здоровьем. Одета в бе-

лую кофточку с кружевным опоясом по вырезу ворота; саян тёмной ткани на четверть от пятки, от солнца платочек шалашиком.

Почему тогда были длинные одежды? Так не знали ж стрингов. Что на женщине видно, то и всё на ней. Явьсь какая в мини полоть на поле бураки, мужики всей округи рассадятся за ней как в театре. Хоть и голоден, но ядрён был мужик...

Через загорелое плечо Дуни тугая скрутка мешка, схваченная, как за горло, сильной рукой работающей бабы. Трик-дрык, — звякали себе железки.

Оглянись, Дунечка, посмотри, милая, кто тебя следит. Горюшко горькое, тяжкая неволюшка, чужбина лютая скалится за твоей спинушкой.

Шагах в двадцати за Дуней, назирком, уполномоченный Самусенко. Всё он видит насквозь и сразу смекнул, что волокёт баба в меху. Не посередке улицы, а обочь, чтобы в случае чего хильнуться за кусты, выслеживает он Дуню. Баба и приведёт его к своей хате, а дальше он знает, как разбираться.

Не за страх, а за совесть трясёт тёмный люд Самусенко, выколачивает недоимки. Страна в полной разрухе, вон какое враждебное окружение...

Не по приказу, а сообразно глубоким убеждениям поддерживает он политику партии и правительства в беспощадной борьбе с пьянством, этим позорным пережитком проклятого прошлого. С подачи Самуся уже отправили перед Казанской куда Макар коз не гонял Федора Оказина. Сам Самусенко учуял, как из вишняка самогонный дух тянет, и прихватил на месте преступления несознательного элемента. Той же дорогой отправился перед Спасом и Фёдор Мармазов. Верные люди подсказали, где схоронена бочка с брагой.

Если бы оглянулась Дуняша, если бы узрела Самуся... Как бы рванула она куда глаза глядят, и только бы пятки сверкали: мимо своей хаты, сквозняком через деревню, в непроходимые кущи Тарановщины. До вечера тряслась бы от страха. Только бы ради сыночка, да из нужды доить корову вернулась бы она в потёмках на свой двор.

Нет, идёт, улыбается себе... Всё у неё складывается ладно. Она первой в бригаде выжала серпом свою резку жита: дед Павел с доброй душой дал ей холодильник. Всего на деревне три холодильника. Начнут готовиться к Пречистой, ей за мужиками очереди не добиться! А теперь и управится раньше всех.

Дуняша живёт одна, то есть без хозяина. Отец не вернулся с войны, мать вскорости после похоронки умерла. То ли от хворей, то ли от двойного горя. Вторым горем стало для неё то, что дочка в подоле принесла дитёнка. Нечаёнок из соседнего Вязовска, явившись на побывку, блеском офицерских погон ослепил ей очи, лишил рассудка. А женился на другой. Но от Санька своего не откидывался. Нет-нет да и заедет к Дуне, одарит сына гостинцами, похилившийся шулак у фортки выправит.

На Пречистую, мечтала Дуня, только проклюнутся на небе звёзды, стуком в окошко и заявит Нечай о себе... Вот будет праздник...

3

Змеиным хвостом притянулся на Дунин двор уполномоченный Самусенко. Только когда загородил собой свет в проёме ворот пуни, Дуня вздрогнула:

— О, господи...

Видит: кто-то чужой, не по-деревенски одет. Несмотря на жару, в костюме, брюки заправлены в сапоги брезентовых голенищ, на голове картуз защитного цвета.

А когда признала, едва не лишилась чувств. Брови, как ни до ушей разошлись, лицо пошло пятнами, затряслись руки!

— Дяденька! Дяденька! Милый... Хороший...

Дяденька лет на пять старше её, роста выше среднего, по крутым плечам чувствуется зрелая сила.

— Христа ради, дяденька, — старалась Дуня заглянуть ему в глаза.

Одно его слово и Дуня пала бы перед ним ниц.

Самусенко ноль внимания. Шагнул мимо неё, скользнул взглядом по заугольям сарая и сразу определил где схова. Несколько жердин друг над другом, от стенки к стенке, отгораживая угол — и ясли, куда закладывают корове сено, готовы. Там и припрятала Дуня болтуху.

Самусенко ногой ковырнул наваленную горкой тырсу и вот тебе дубовая кадушка, прикрытая сверху «трехполкой» овчинной выделки. Такой шубы хватало женщине и себя согреть, и ребёнка на груди укутать.

— Кто соседи? — жёстко спросил Самусенко.

— Леванид, — потерянно пролепетала Дуня.

— Знаю такого. С другой стороны?

— Хролик.

— Тоже знаю. Зови обоих!

Пока Дуня искала свидетелей своего преступления, Самусенко на чурбаке посреди двора, положив на колени офицерскую планшетку, выписал бумагу.

Первым припыхтел Хролик, родной дядька Дуни по отцу. От горшка два вершка, полный животом, хриплый голосом:

— Доброго здоровьица! — выпучивал он красные глаза.

— Доброго, доброго... — мельком взглянул на него Самусенко. Не заставил себя ждать и Левонид. Он явился бесшумной тенью, лёгкий, ловкий в работе. Тоже не чужой человек Дуне — муж родной тётки Акулины. Тогда жили семьи кустами.

— Возьмите из ясель и выливайте вот тут! — показал Самусенко перед собой.

Ни слова, ни полслова дядья. Завели пальцы под дно жбана, по одним только им ведомым знакам одновременно подняли посудину и перевернули её на глазах уполномоченного. Брага расплзлась по двору пыльными потёками.

Откуда только прыть — куры летаком из-под сараев, на поживу, хватъ куски пареной картошки и даваясь на ходу, прятаться в палисадник.

— Подписывайтесь!

Дядьки осторожничая, чтобы не загрязнить документ, вывели свои каракули под путёвкой Дуняши в места лишения свободы.

— Можете идти...

Но тут же передумал:

— Холодильник из сарая сюда! — И про Дуню не забыл: — А ты топор давай!

Жара, видно, допекала и самого Сергея Сергеевича. Он снял пиджак, повесил на штaketину, сверху накинул картуз.

— Сколько вас можно учить! — С явным душевным подъёмом пошёл он крушить топором на чурбаке холодильник деда Павла!

— Ой, лишенько мне! Ой, лишенько, — всплескивала руками Дуняша.

4

В разгар разбоя Самусенко явился к Дуниному двору бригадир Николай Прозоров. Самусенко спиной к нему, весь в упоении работой. Только щепки брызгали от клёпок холодильника.

Душа человека не в том, что говорит, а в том, что думает.

«Сукин ты сын! Взять бы этот холодильник, да на голову тебе насунуть. И катануть с Новинки, чтобы ты рассыпался на клёпки, а холодильник остался бы цел...»

Понятно, не мимоходом оказался тут Прозоров. Появление в деревне Самусенко — всё равно, что в древние времена набег татар: у всех ремни на последнюю дырку затянуты. А когда увидели из окон, что пасёт Дуню, к кому первому бежать? К бригадиру.

— Данилович! — в отчаянии метнулась к нему Дуня.

На голос обернулся Самусенко, воткнул топор в чурбак.

— Пришёл? За тебя работаю! — без обиняков поставил Самусь Прозорова виноватым.

Не первый раз, значит, встречаются.

— Здрав желаю, мил человек! — не входило в планы бригадира собачиться с уполномоченным. Скандалом Дуню не вызволить.

— Как за меня работаете?

Прозоров высок, длиннорук, худ, как палка. Стоит в гимнастёрке навыпуск, синем офицерском галифе; галоши с красным зевом на босу ногу. Может быть, из-за обеденного стола дёрнули, и кепку забыл одеть. С тюрьмы у него мода стричься под машинку, седина тёмным серебром поблескивает на солнце.

— Ты первым должен бороться с гнилью! Кому, как ни тебе знать, кто тут чем занимается! Нет, он, видите ли, хороший, а я тут всем враг из врагов...

Как тут не признать: зрел в корень Самусенко, истину говорил: с бедой можно справиться, только поднявшись всеми миром.

Надо знать род Самусенок. Корнями из Баклани, километрах в десяти от Вялек, но знатен на всю округу своей грамотностью. Дядька Сергея Сергеевича вышел в Москве в большие учёные, брат — за главного прокурора в районе. Потому уполномоченный и смел так в просвещении масс.

— Сергей Сергеевич! Не мной придуманы престольные праздники! Не я завёл обычай наведываться к родне.

— Ты на те обычаи давно должен плюнуть и растереть.

От «тыканий» Самусенко у Прозорова всё кипит, но пока терпит.

По возрасту у них разница лет в двадцать, а по жизни — целая эпоха. В то время, когда Прозоров водил в атаки красные эскадроны, Серёжа Самусенко в люльке пузырьки пускал.

Попробуй тогда кто тыкни... Думалось ли в те годы Прозорову, что так его жизнь повернётся... Но в одной из атак разрывом снаряда вздыбилась перед ним земля. Только недели через две госпитального лечения вернули его в память. Ещё месяца три провалялся, но на ноги так и не поставили. В бричке на резиновом ходу — наградой за героизм! — привезли его в родную деревню, накатом сгрузили на носилки. А куда же ещё? Где родился... Был пламенем революции, стал шлаком.

Дочка конокрада Середы, злюка из злюк, красавица из красавиц, выходила его и присвоила на всю жизнь, нарожала в любви и нежности к мужу семерых деток.

5

На войну Прозорова не забрали по непригодности. Перед приходом немцев вызвали в район и предупредили: будешь старостой?

Вот тут он и «перекинулся через голову»: «Расстреливайте сразу!» Глаза исподлобья торчком, в психе слюной брызжет: «Расстреливайте!» — Видно обжегся уже на беззаветной вере... Настаивать не стали, но предупредили: «Не думай отсидеться!»

После войны были разговоры, что якобы печка Прозорчиха хлеб партизанам, но правда это или брехня толком никто не знает.

— Дуня за полбригады тянет! — хмуро отстаивал свою лучшую работницу Прозор. — Время видишь, самое уборка. Дитенка пожалеи, сиротой оставляешь.

Что бы ни говорил Прозоров, уполномоченный имел про себя вопрос: «Где ты, шукура, был, когда меня, студента третьего курса истфака московского университета, вместе с другими рядовыми полка ополченцев, необученных и безоружных, давили под Вязьмой немецкие танки, как вытряхнутых из пеньковых свивов розовых мышат.

Войну Самусенко закончил капитаном, командиром стрелковой роты после тяжелого ранения под Гомелем, осколком снаряда садануло под правую лопатку. Где был этот Прозоров, когда его рота шла в разведку боем?!

По возрасту не взяли? В полку ополченцев профессора были далеко не младше его. По здоровью? И те профессора далеко не богатырями были. С передовой никого домой не выгоняли.

Партизанил... Известно, как партизанили. Детей одного за другим клепали. От самогонки не просыхали...

Да, по тем временам фронтовики не очень уважали тыловых. Но Самусенко не давал волю злобе, он больше полагался на вразумление.

— Может, от дедов слышал Прозоров, что прадеды рассказывали. Вот тут, — повёл он рукой по горизонту, — царили сплошь непроходимые дебри. Только огнищем брали! Толокой, стар, и млад, выдирали корчевья, чтобы на росчисти хату поставить, хлеб растить. С росчисти начиналась Россия, — подался вперёд Самусенко, возвышая голос. Надоели ему эти разговоры.

Прозоров понял:

— Тогда всю деревню одним цугундером. — И у него кончалась дипломатия.

Самусенко уже стоял возле штакетника, натягивал пиджак:

— Не одну — пять, десять деревень одним цугундером и паху б этой заразы не было. Ты не знаешь, а я знаю: ротой жертвуют, зато армия цела.

По людской молве шло, что Самусенко строг и неподкупен. Он и в самом деле был коммунистом кристальной чистоты и безупречной честности. Если бы все такие были, давно бы во всем мире утвердился коммунизм. Но не судьба. И таким как Самусенко не дают шибко разжиться...

Перед уходом, отряхивая об колено картуз, буркнул уполномоченный в сердцах:

— Бабу пожалел... Чем забористей, тем другим больше наука.

Прозорова задели его слова. Да и ясно стало, миссия спасения провалилась и уже нечего миндальничать:

— Ты сюда как волк в кошару уладился, одного за другим таскаешь. Ни сеять, ни жать..., — срывался Прозоров на скандал. — Бабу свою взамен давай! Росчисть придумал... Не росчисть, а злаки губишь! С корнями рвали хозяев от земли, стгоня в колхозы, безродную пустыню зачинали.

Самусенко приостановился, посмотрел пристальней на Прозорова, но не ответил грубостью на грубость, а культурно урезонил:

— Забыл, как парашу таскал? Говори да не заговаривайся! А то опять туда отправишься! — И пошёл вразвалочку с Дуниного двора. Что Прозоров, брыкнул выше головы? Ничего подобного! Как по хребтине его дрючком перепустили: ссутулился, согнул голову...

Месяца через два, перед Покровом, нашли у Довгого моста уполномоченного Самусенко с простреленной головой.

Как было не предположить, что Прозоров хоть и поджал хвост после предупреждения Самусенко, но затаил злобу и уллучил момент, чтобы отомстить человеку.

Крутили-вертели Прозорова, но никаких следов его участия в злодеянии не нашли. Может, пока сидел в тюрьме, арестанты научили ловко замечать следы?

Кстати о тюрьме... Восемью годами раньше, опять-таки на майском торжестве, а если точно, 1 мая 1939 года, директор местной школы, молодой ещё человек, сделал праздничный доклад. Председатель колхоза Прозоров счёл необходимым после его выступления уточнить:

— Ты, сынок, тогда ещё мальцом был, а я в революцию кровь проливал. Не знали, слыхом не слыхивали мы тогда Сталина. Были Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Рыков.

Скажите на милость, кому нужно было это уточнение? Мужикам? Бабам? Да абсолютно всё равно им, кто там первый, кто десятый. Изменил что-нибудь? Повернул вспять ход истории? И не надеялся! Но такая натура: хлебом не корми — дай сказать правду. И гордыня, наверное, выиграла: дескать, не все тут дураки сидят. Какие-то желторотики будут учить уму-разуму. А раз гордыня, то получай...

Той же ночью, по досветку вели красноармейцы Прозорова к шляху, где их ждал «воронок». И держал в руках лихой рубака собственные портки, поскольку пуговицы на них все до одной, обрезаз предусмотрительный капитан НКВД.

На Прозорове сельчане уже и крест поставили, а он через четыре месяца вдруг явился. Как ему удалось выкрутиться — другая история. Но уже исключительно любовная... О, если бы вы услышали, как играет Прозоров, да как поёт — женская душа возносится им до заоблачных высей. Любую бери голыми руками.

По возвращении из тюрьмы Прозорова председателем уже не ставили — мало ли что прилюдно может брякнуть в районных верхах. А бригадиром — самая от него польза; в этом курятнике тасуй твою головушку.

Подозревать Прозорова в убийстве могли сколько угодно, а на самом деле к тому времени он довольно-таки образумел. С годами уверовал Прозоров, зарубом стало по его понятиям, что бог в каждом человеке: поднимая меч на другого, прежде разишь того же бога в себе. То есть, первого, кого убиваешь — себя!

А он по жизни большим был энтузиастом.

Да мало ли кто мог мстить Самусенко? Тот же отчаюга Нечай за Дуню, те же сыны Мармаза. Да не только в Вяльках наводил чистоту Самусенко и другие деревни не про-

ходил мимо. Крайний фанатизм, увы, оказывается, тоже не добродетель...

А то, что Прозоров осёкся в последнем споре с уполномоченным, легко объяснить: хоть и не был трусом, но ещё раз видеть небо в клеточку ох как не хотелось... Да и подошла пора выводить деток в люди...

7

Несколько подрасхлябалась карательщина послевоенного МГБ по сравнению с довоенным НКВД. Прозорова брали в глухоту ночи, а за Дуней приехали, когда бабы уже выгоняли коров со двора в стадо.

Солнце поднялось на вершок над деревней. Золотистые лучи перьями жар-птицы распустились веером на полнеба. Радуйся всё сущее явлению нового дня.

Железноклёпаный «бобик» догнал посреди деревни стадо коров, требовательно заиграл: «Дорогу! Дорогу мне! Кому говорят!» Как не своим голосом поднял крик дурачок. Крепко испугались его бурёнки: как болтали вправо-влево метёлками хвостов, почти заматавая за собой пыль, так и продолжали болтать. Только лопухи ушей, как по команде, настроили на сигнал.

Зато Язык в белесой от дождей куфайке с надорванным под мышкой рукавом, скачок-кузнечик, местный Дерсу, всполошился не на шутку. Выскочил вперед стада, замалхал перед мордами коров скрученной в кольцо пугой. Те ладно, делать нечего, сошли в ровок.

Мотор у «бобика» троил, постреливал, тем не менее, резвехонько припылил к Дуниному двору. Шофёр быстренько под капот, а конвой совсем не торопился. Молоденький светлицы офицерик выйдя из машины, зажмурился, потягиваясь улыбнулся солнцу. Видно, никакой опасности эта операция собой не представляла, привычным было делом собирать по деревням государственных преступников.

Два красноармейца казались старше своего начальника и ответственнее. Без команды, зная своё дело, один прошёл к калитке сада, держа в поле зрения торцевое окно хаты, другой стал возле сенец.

Дуня только что вылила поросётам мешку и вышла из сарая с помойным ведром.

— Ой, приехали... — растерянно стала она посреди двора. — Я же ещё курам не сыпанула. — И заторопилась к чулану. Обернулась, притормозив шаг: — Что брать с собой? Я же не знаю?

Офицер, скучая, ответил:

— Там все дадут...

Приволоклись понужаемые Языком коровы, чуть не впритир обходя с обеих сторон машину. Дуня кинулась отцеплять свою с брончика, и тут её как прорвало:

— Ой, Субботочка! Ой, Зоренька моя! — заголосила она, обнимая скотину за шею, прижимаясь щекой к шёлковой шерстке. — Кто тебя теперь встречать будет, кто жалеть, кто холить?

С воплями и стенаниями спровадила корову в стадо, пошла заламывая руки в сарай.

— Ой, Марточка моя, телёночек, мой миленький, ой, свиночки мои, ой, курочки мои, ой, цыплятки...

Отголосила в сарае, порывалась было идти в сад. Там и яблоньки и груши, и сливы посажены её руками. Растила, надеясь, что Санёк наберёт силу, поженится, детки у него свои пойдут. Им в радость будет яблочко своёское с ветки сорвать.

Красноармеец привстал с перевернутых ночевок и в сад Дуню не пустил: «Не положено!»

— Хватит вам, собирайтесь! — подал голос офицер. — Не вы одни!

Дуня оделась как на праздник: плисовый саян с блескучей золотом ниткой, атласная беленькая кофточка, на шее газовая косыночка. Вышла с сыном на руках, точно пшеничный снопик у неё Санёк. Да и не снопик, а сноп уже, шестой год шёл пацану, ноги до колен матери свешивались. Смотрит бесштанная команда смышлёнными глазами на красивых военных, крутя головой: спросонья не возьмёт в толк, что за дела?

На причитанья Дуни подтянулись и ближние и дальние соседи. Как же, такое диво! Разве останется без внимания? Тут же и Прозоров замаячил над всеми своей арестантской стрижкой.

— Тётъ, возьмите Санька! — давась слезами, подалась Дуня к Кулине. — На ваши руки тётъ, оставляю, пусть со Светкой гуляет.

Светка, младшенькая из Левонидовских детей, поскрёбыш, тут же у ног матери.

— Мама, я с тобой хочу на машину! — заупрямился Санёк, отворачиваясь от всех, крепче обхватывая Дуню за шею! — Мама, я с тобой! — прильнул он к матери всеми клеточками.

Кулина худенькая под стать Левониду, высохшая и согнутая в стручок, ринулась со своей ретивостью брать Санька. Только коснулась руками спины, его как шилом ширнули. Получилось на противоходе, со всей дурью вмазал внучок той бедной Кулине пяткой в подбородок. Та опешила от неожиданности, стоит рот раскрыла. А Санёк другой ногой, да в то же место. Что вы думаете? «Поплыла» Кулина, повело её назад, пока не уселась на придорожную бровку. Да так, что саян задрался выше колен.

— О, господи! — сконфузилась она, быстренько вставая и одёргивая одежду: — Во як наши косють...

На подмогу жёнке кинулся Левонид. Захватил мальчика поперёк, силой отодрал от Дуни. Тот перевёрнутым на спину тараканчиком задохал в воздухе руками и ногами:

— Мама, хочу с тобой! Ма-ма-а-а...

Разве вырваться было из Левонидовых клещей? Со своей неизменной улыбкой, обращённой к себе, уносил Левонид, ни на кого не глядя, Санька в свою хату.

— Простите меня, люди добрые! — бухнулась Дуня перед миром на колени. — Простите меня глупую! Не знала, не ведала, что робила, — била она поклоны.

Офицер кивнул красноармейцам: сколько можно на это смотреть?! Те двинулись было к Дуне, но Прозоров раньше приподнял её за плечи:

— Не убивайсь, девка! С горем надо мириться! Я тебе говорю: везде есть люди!

Шофёр опустил капот, завёл мотор.

— Ой, хаточка, моя сироточка! Ой, вишенки мои, ой, травушка-муравушка...

Дуню усадили в машину как королеву: и по левую ручку и по правую личная охрана.

«Бобик», постреливая синим дымком, тронулся с места, лихо набрал скорость, наворачивая за собой серую кудель пыли.

8

Дуне по суду отмерили две с половиной «пасхи», но ударным трудом добилась она выхода «на свободу с чистой совестью» раньше срока.

Считай день в день, таким же бедовым августом, идут бабы с граблями на плечах к Демьяновому логу грести сено и слышат: кто-то разоряется на Дунином дворе. Пригляделись! Лестница приставлена к хате, а на ней какая-то городская краля крест-накрест забивает горбылем закрытые ставни.

— Эй, девка! Ты что на чужом дворе делаешь? — остановилась Маша Кирияёноква. Когда в девках гуляли — ближайшая товарка Дуни. Нет такого в деревне, чтобы видели что-то несурзное и равнодушно проходили мимо... Девка оглянулась на зов, и молоток из её рук упал. Катком с лестницы скатилась:

— Ой, бабоньки! Машенька! Анюта! Тоня!

По голосу прежде признали: так это же Дуняша!

Пообнимались бабы, расцеловались, подолом саянов слёзы повирали. Маша Кирияёноква, пока Дуня там парилась, ещё себе дочурку нашла, слегка расплнела, веснушек на розовом лице почти не видно стало. Но сердцем как была нежной, так и осталась:

— Дуняшенька, миленькая моя, как же тебе на той проклятушей каторге терпелось, маялась?!

И Дуня вся в тех же радостных чувствах встречи, со всем простодушием:

— Ой, бабоньки! Если бы вы знали: як же там хорошо!

Бабы решились дара речи. Смотрят на Дуню, глаза вылупили: что она такое несёт? Умом тронулась? А Дуня всё в том же счастливом восторге, с синими звёздочками в глазах сокочет своё:

— Там же бабы не надо в три часа ночи вставать и волочься на гумно, затапливать

овин, молотить снопы...

Дуня и не Дуня... По деревенской жизни все в кофтах, да саянах, а эта в сарафане синего горошка, выточки подчеркивают талию: не косы, а стрижка короткая, оказывается шея у Дуни лебедушки, плечи княгини. А Дуня, не замечая их оторопи, делится воспоминаниями:

— Там же не надо на ранки вставать доить корову. Аж, в шесть часов поднимаются. А какая там чистота! Постель меняют каждую неделю! Хлеба вволю. Живи на всём готовом!

Кажется, она стала замечать недоумение своих подруг, но отнесла это на другой счёт:

— Вы думаете, купленное платье? — отвела в сторону подол, как при реверансе: — Нет, сама шила! Всё сама: от выкройки, до машинки. Меня же там научили: я хоть по чёрной, хоть по белой ткани...

Где бригада, там и бригадир. Причапал за бабами и Прозоров:

— Дивлюсь, глазам своим не верю! — издали признал он Дуню. — Рад радёшенек видеть свою стахановку.

Здравствуйте, здравствуйте, Данилович! — и без стеснения к нему на шею! Три раза, как водится по обычаю, расцеловала.

— Вот и хорошо, Дуняш! Не знаю, кто как, а тебя я ждал! Вот умница! Раньше срока явилась! Когда на работу загадывать?

Дуня несколько смутилась, опустила глаза.

— Данилович! Я бы с дорогой душой! Да работаю же! Мне по освобождению и па-спорт выписали и на швейную фабрику, считай, за руку отвели. Я у них там в хорошем почёте.

Теперь пришла очередь Прозорову получше рассмотреть свою бывшую работницу. И по наружности изменилась, и ведёт себя совсем не так, как было два года назад. Голову вон прямо держит, смотрит смело, грудь вперёд, как напоказ, нисколько не смущаясь, что сарафан чуть ли не лопаётся.

— Ты... это... шутишь?

— Не-е-е. Правду говорю! Сто раз вас, Данилович, добрым словом поминала. Верно вы тогда сказали: везде люди! — светилась счастьем Дуняша.

— А это, это... понимаешь... где-как... с жильём? Хата вот..., — кивнул она на усадьбу.

— Дали нам, дали квартиру...

— Кому нам? — наострился Прозоров.

— Да человек нашёлся мне, слава богу, ни гоняет, ни бьёт. Мастером по машинам там у нас...

Раз человек нашёлся — тут, понятное дело, Дуню не удержать.

— Да-а-а, — скучнел на глазах бригадир. — Во как оно бывает. Пошёл за лычком, а нашёл ремушок... Дунь, может хоть на недельку, пока погода стоит?

— Билеты на руках, Данилович! Я за Саньком прилетела. Перед школой обшить надо, обувь, одеть... Вечером убудем...

— И далеко будешь?

— В Пермьский край...

В наших местах хорошо растёт пустырник.

Вымахивает так, что на коне заедешь в кущи и головы не видно.

И чтобы та Дуня терпела крапиву на дворе, пустырника выше окон? А сейчас и не смотрит. Всё равно ей, какое тут бодыльё буйным лесом разрослось...

— Вот тебе и тюрьма, — заглядывалась на баб Кирыёнчиха.

— Машенька! — отозвалась Дуня. Я себе думаю, захватить по дороге к тому Самусю да в ноги ему поклониться. Человек же в люди меня вывел.

— Нет, Дуня, Самуся! Прибрали его к рукам. Богу душу отдал.

— Ой, какое горе! Ой, горе! А кто и как? — искренне горевала Дуня.

— Не ведомо! До сих пор ищут, но не находят.

— Вот беда так беда, — ахала Дуняша. — Ладно, буду в церкви — свечку поставлю.

Царствие ему небесное.

Диву давались бабы. Видели же все, помнили, как она голосила, когда её забирали, как прощалась с каждой травинкой и былинкой, цыплёнком и курёнком, телёнком и поросёнком. Как на коленях ползала, моля бога, чтобы вернуться сюда. Тысячами нитей была привязана к своей земле, людям, хате, двору, живности, к этому озеру, лугам, полям, небу. И на тебе вернулась... как косой всё отхвачено. Ни одной жилочки в ней не дрогнет по утраченному.

Удивлялся про себя мудрец и философ Прозоров. «Ты смотри-ка! Много оказывается и не надо. Как то же растение: выдерни один раз с корнем, дай корням усохнуть и как потом ни сади, как ни поливай — уже не приметя! Сухостоиной так и отчезнет! Надо же! Только один раз, только чуток подорви...»

А вслух поддержал Дуняшу:

— Что, понимаешь, тут поделаешь. На всё воля Божья...

И как вернул своих бригадных к заботам дня.

— Что же это мы, бабы! Як делать нам нечего! — воспрянула Киряёнчиха. — Давно роса высохла! Счастливо тебе, подруженька, там устроиться...

Вслед за Марусей наперебой загалдели остальные бабы:

— Хорошо тебе добраться...

— Деток здоровых и умных...

— Не забывай нас...

— Худо будет — знаешь куда ехать...

Вскинули ружья свои на плечи и двинулись к Демьянову логу. Была Дуня да сплыла. Теперь у них разные дороженьки. За ними, как гнал гусей, следовал Прозоров.

Какое-то время Дуня смотрела им вслед. И у нее холодная волна подкатила к сердцу. Сколько помнит себя — все с ними. Были детьми — пропадали на речке; подросли — стали гонять гусей на ржевник; в школе сидели за одними партами, у одних учителей учились. Заневестились — одним голосом пели: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...»

А теперь стоит она одна былинкой на юру, осталась выпавшей из гнезда малой птахой. Вроде бы и обнадёживают наметки на будущую жизнь, но как не крути, а всё равно чужбина. А тут, куда глаз не положи — всё родное: и люди свои, и хаты эти, и вербы, и речка. В другое место можно уехать, а как от себя? Жить там, а только во снах на родине?

«Нет, нет, нет...» — не дала Дуня волю своей горечи и заторопилась дальше заирать окна горбылем.

Вечером того же дня, забрав Санька, покинула Дуня Вяльки...

9

Раза три, подгадывая к Радонице, наезжала ещё Дуня в деревню. Расстилала белые скатерти на могиле матери, затем прибавились могилы дядьки Хролика, тётки Кулины. Кучковались бабы возле неё, говорили о детстве, вспоминали покойных, когда те были молодыми. В расстроенных чувствах смахивали слёзы концами белых платочков.

Ни через год, ни через два, но спохватились её сверстницы: а Дуня? Где Дуня? Чего-то давно не показывалась их бедовая ударница?

Канула Дуня ключом в воду. Ни слуху, ни духу. Жива ли? Если жива, то как сложилась её жизнь? Какая семья, какой муж, что с Саньком, были ещё дети или нет? А если были, то, как устроились в жизни, кем стали? Как самой Дуне живётся, какие видит сны?

А может, давно нет её на белом свете? Если нет, то как умерла, кто хоронил, как похоронил? И спросить не у кого, и с тех чужбин никаких весточек. Разве что спросить ветра в поле...

...Ещё прошло время, и уже не стало на земле и тех, кто помнил Дуню...

10

Много, ох как много воды утекло с тех времён. Нет давно ни Дуни, ни бригадира Прозорова, ни тех баб, что растили хлеб, косили траву, гребли сено. Но осталось то, что было и пятьдесят, и сто лет назад: даёт народ тягу из деревни. Теперь уже послед-

ние — кто ползти может...

Никакой другой народ не уничтожал себя так, как русские русских. Тайно и явно, открыто и исподтишка, из высоких побуждений и из мрачных злонамерений.

Никакие чужеземцы не могли силой одолеть Россию. Освобождались от ига, изгоняли захватчиков, однако было куда возвращаться воинам, строить дом, заводить семью, растить детей.

Только теперь, в двадцать первом столетии, пала Россия. Обошлись завоеватели без вторжения армий, танковых сражений, звёздных войн. Как заклинатели змей дудочкой, так и наших доморощенных иуд сманили в один мешок плотоядным звоном злата-серебра. Богатые в стяжательстве ещё большего богатства отхватили у деревень России земли по капели. Захоти кто вернуться на родину — кол вбить некуда. Все. Чужие земли. Кто эти новые хозяева? Из каких стран-континентов? Шито-крыто, никто не знает! Росчьисть по всем статьям!

Во все времена была деревня первой опорой России; оттуда и рабочий класс, и воины, и учёные, и вся мощь государства.

Без народа нет деревни, без деревни нет России. Как ни бескрайная Вселенная, но без России и она со щербиной.

Мирослав Хоперский

г. Кубинка, Московская область

"АМЕРИКАНЕЦ С РУССКОЙ КРОВЬЮ"

Документальная повесть

Ночью в июне 1943 года самолёты союзников бомбили Нюрнберг.

Первыми шли истребители, вызывавшие огонь на себя, за ними волна за волной шли тяжёлые американские и английские бомбардировщики.

Тёмное небо содрогнулось, раскололось, вспыхивая новыми яркими звёздами – взрывами снарядов. Завывание городских сирен слилось с рёвом моторов, резким хлопанием зениток. Огненным вихрем пронеслись самолёты союзников над огромным городом барakov за колючей проволокой и сторожевыми вышками международного лагеря – лазарета "Лангвассер" на восточной окраине Нюрнберга. Но "люди – номера" не имели права свободного выхода из барakov ночью.

Тысячи глаз смотрели сквозь решётки окон.

Тысячи голосов, на всех языках, радостно кричали, словно лётчики услышат их: "Так его гада", "Смерть Гитлеру".

Радостно бились сердца. "Смерть Гитлеру", "Давай! Давай! Давай, брат!".

Нюрнберг – "гнездо нацизма" горел. Казалось, горит багровое небо.

Самолёты союзников прошли ещё раз над "Лангвассером". Рёв моторов покатил в удаление.

Вдруг внимание военнопленных привлекли лучи прожекторов, направленных в одну точку. Мощные потоки света слились в один огромный луч, казалось, осветивший полнеба. Все прожектора Нюрнберга метнулись в эту точку. Американский истребитель, пойманный прожекторами, кувыркнулся словно человек, споткнувшийся со всего размаха на бегу.

Резко берет вправо. Переворачивается. ... Идет к земле.

"Лангвассер" замер в отчаянии. ... Сейчас взорвется.

Но мотор истребителя взревел с новой силой.

Самолёт выпрямился. Пронёсся над лесом.

"Город бараков" облегчённо вздохнул: "Парень ещё поживёт!"

На рассвете в лазарет "Лангвассера" эсэсовцы втащили носилки.

На них лежал в забытии молодой крепкий парень в изодранной американской лётной форме. Худощавое лицо посинело. Под рыжими ресницами залегли глубокие черные тени. Он вырвался из клещей прожекторов. Дотянул до земли. Посадил разбитую машину. Но сам, тяжело раненый, выбраться из кабины не смог. Эсэсовцы, следившие с земли, за его полётом, окружили подбитую машину, чтобы взять его живым. Лётчик оказался на редкость упорным – отстреливался до последнего патрона, забыв оставить этот патрон для себя.

В "Лангвассере" американцем занялся сам эсэсовский капитан: высокий, с пронзительным взглядом серых ледяных глаз. В "Лангвассере" капитана эсэсовца прозвали "Штойбхен" – "Пылинка". Отличался капитан особым пристрастием: появляясь в бараках, орал "Штойбхен" (ему всюду виделась пыль) и начинал "урок".

"Штойбхен" надел черные перчатки. На теле американца добавились раны.

- К утру этот будет "смотреть на картофель снизу" - заключил "Штойбхен"

В операционном блоке раненого спасали военнопленные врачи – югослав Изо Яковлевич Нейман, украинец Владимир Мазуренко, армянин Артём Назикян, Вячеслав Козьмин - русский живший в Югославии. Операция прошла успешно. Но американец погибал от большой потери крови. Лазарету военнопленных кровь для переливания не поставлялась.

Никогда ещё за свою долгую жизнь доктор Изо Нейман не чувствовал себя таким безнадежно беспомощным. "Стар ты, Изо, стар, твоя кровь не спасёт этого парня-ты не можешь дать частицу своей жизни умирающему" думал Изо Яковлевич. Не мог доктор обратиться к военнопленным – ведь они уже длительное время держатся на голодном лагерном пайке. Взять у них кровь – подписать им смертный приговор.

"Изо Яковлевич! Доктор!" - Нейман вздрогнул. Перед ним стояли санитары советские военнопленные Пётр Кошкарлов и Александр Кириллов.

- Доктор! Может быть, у нас одна группа?

Времени для раздумий не оставалось. Срочно сделали анализ. Группы совпадали. В последнюю минуту нашёлся ещё один смельчак, советский военнопленный Михай Дрожаный. Днём, когда главный врач лазарета немец разобрался, что врачи сделали все, чтобы спасти умирающего, строго приказал – "изолировать американца от русских". Американский лётчик медленно возвращался к жизни.

Его молодой, закалённый организм победил.

"Кого мне благодарить"- поинтересовался лётчик у санитаря Сергея Хохлова, советского военнопленного офицера, владеющего английским.

"Докторам Нейману и Козьмину скажи спасибо - Сергей хитро улыбнулся – и русским офицерам. Они тебе кровь свою дали. Теперь ты, американец с русской кровью".

"Русские?!" – в возгласе американца прозвучали все оттенки – от недоумения до восхищения. – "Русские?!- Покажи мне этих русских! Пожалуйста, приведите этих людей".

Они сейчас не могут прийти.

Александр Кириллов, Пётр Кошкарлов и Михай Дрожаный теперь боролись за свою жизнь, темнело в глазах, стоило приподнять голову, отчаянная слабость сковывала их.

Русские офицеры кровью своей американского лётчика спасли,- весть эта облетела весь "город барак".

Команда французов, разбиравшая после бомбардировки завалы на улицах

Нюрнберга, тайком принесла и передала доктору Нейману консервы,

печенье: "Русским офицерам, давшим кровь". С американцем и его спасителями де-

лились от своих скудных и редких посылок Красного Креста чехи, итальянцы, сербы, французы. Вскоре американца увезли в другой лагерь. Им не довелось встретиться, обменяться адресами. Михай Дрожаный видел, как конвоиры вели лётчика по коридору

из колючей проволоки, разделявшему бараки. Дрожаный высоко поднял руки "Брат! Брат!". Шедший под конвоем услышал. Подбежал к проволоке, всем телом упал на колючую паутину, разделявшую их : "Рус! Рус! Рус!". Слезы текли по лицу лётчика.

И столько горького отчаяния звучало в прощальном крике.

Военнопленные югославские врачи чудом сохранили медицинский журнал "Лангвассера". В нём записано имя американского лётчика – Джон Дюпон.

Победе уже 67. А в России помнят тебя, Американца с русской кровью.

Очень хочется верить, что отзовёшься ты, боевой лётчик, или твои дети, или твои внуки, или твои правнуки. Ведь родственной крови притяжение великое.

Иван Муругов
чл. Союза писателей Дона
Ростов-на-Дону

ДУБ И ВИШНЯ

рассказ

Могучий, развесистый дуб с резанными узорчатыми листьями и с крупными желудями говорил рядом стоящей Вишне: «Какая ты тоненькая, слабая, да и плоды маленькие «дичка» да и только»

Вы не правы, смотрите, ко мне приходят ребята за моими вишенками, я радуюсь вместе с ними, когда они лакомятся моими

плодами.

- Тоже нашла чему радоваться, - пробурчал Дуб.

Пришла весна, зазеленели листья на дубе, Вишня расцвела, как молоком облитая, как невеста в белом платье. Вдруг она увидела парня с девушкой. Они подошли к Вишне: « Здравствуй, Вишенка. Я люблю свою девушку - будь свидетелем». «И я его люблю. Будь и моим свидетелем», - проговорила девушка. Парень обнял девушку, поцеловал её и, обнявшись, пошел дальше, а Вишня зарделась своими бело-розовыми цветочками и помахала им веточками вослед. Потом прибежали дети, они, схватившись руки за руки, танцевали вокруг Вишни. Весело смеялись, и она радовалась с ними. Пришло лето. Облетели бело-розовые лепестки, а вместо них появлялись небольшие зеленые шарики. Несколько дней Вишня грустила о белом наряде, но потом солнце приласкало ее своими лучами, и она успокоилась. А маленькие шарики дружно повернулись к солнцу и превратились в вишенки темно-розового, красного цвета. Это и есть вишневый цвет. Весёлая стайка ребят прибежали к Вишне. Первой подошла девочка, обняла ее и тихо попросила: « Вишня, дай нам вишенок твоих». Она улыбнулась, покачала своими тонкими веточками в знак согласия. Весело собирали ребята вишенки: одну в рот - другую в ведёрочко, а то и две в рот - одно в ведёрочко, и шумной стайкой убежали, крича: « Спа-сибо тебя, Вишенка! Мы ещё придем к тебе!»

А Вишня и Дуб всё продолжали свой разговор. Дуб величаво размахивал своими могучими ветвями, шелестел узорчатыми листьями и сыпал жёлуди на землю.

Пришла осень. Нахмурилось небо, заревела буря, Вишня в страхегнулась, а Дуб ворчал на нее:

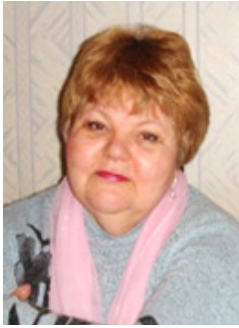
- Уж слишком тонкая и хрупкая.

Вишня загрустила, а Дуб всё продолжал сыпать жёлуди на землю «Смотри, Вишня, урожай какой».

В один из погожих дней к Дубу пришло стадо свиней. Они поели жёлуди, раскопали и повредили его корни, потёрли свои спины о Дуб и Вишню, содрав кору со стволов деревьев, и ушли. На Дубе пожелтели листья, больно было и Вишне, трудно зарастала кора на стволе.

В дождливый Октябрь налетел ураган, пригнул Вишню до земли, вырвал Дуб. Вишня плакала о Дубе, ведь он хоть и ворчал, и хвастался, но иногда прикрывал её от ветра.

Тем и закончился разговор Дуба и Вишни.

Ольга Губарева

чл. Союза писателей России
с. Сандата, Ростовская область.

Дни проходят мимо, мимо,
Ускользают в никуда.
За сплошной стеною дыма
Прячутся мои года.
Я ль на песни не скупилась,
Я ль старалась не тужить?..

А, поди ж ты, не сложилось
Жизнь возвышенно прожить.
Все обыденно и просто:
Дом, работа, сын, друзья...
Где же принц в два метра ростом,
Где балы и где князья?
Суета земного быта
По судьбе досталась мне.
Приз не выпал. Карта бита.
Принц промчался на коне.
Конь копытами отцокал.
Время- камни собирать.
Сын мой- Финист Ясный Сокол-
Учится во сне летать.
Скоро-скоро станет взрослым,
К юной Золушке во сне
Принцем –под два метра ростом-
Он приедет на коне.
Я махну ему рукою
По- над речкой голубой: -
Поезжай! Господь с тобой!
И моя любовь с тобой!

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Мне приснились, венками увенчаны
В окружении яблок и змей
Две фигуры: мужчина и женщина
В звездопаде небесных огней.
Первозданного мира дыхание,
Без любви и без радости дни...
Лишь великих чудес ожидание
Да запреты, что Богом даны.
Но уже искусителя-змея
В злой усмешке ощерился рот,

И , от дивного чувства хмеля,
Ева пробует сладостный плод.
Он так сочен и спел, и в итоге,
Хоть запрет был усерден и строг,
Позабыл и мужчина о Боге
И из рая их выставил Бог.
С той поры для любого в награду—
Вождельень и сладость, и страх.
И всегда привкус яблок и яда
На открытых для страсти губах

На дне бокала полыхает пламя.
Ноябрьский день согрет его теплом.
Хочу сейчас войти в твой дом
стихами,
Негромкой песней, пламенным
вином.
Тебе и мне досталось счастья мало,
Но крохи те, что все- таки даны,
Пусть не иссякнут с выпитым
бокалом,
Продлив теплом охваченные дни.
Ты смотришь нежно, слушаешь и
куришь,
В душе припрятав и слезу, и смех,

На слове «жизнь»- печально брови
хмуришь,
На слове «милый»- вскидываешь
вверх.
Рука твоя спокойна, не блудлива-
Тебя за кротость, видно, ждут в раю,
И все ж вино осеннего разлива
Хмелит и кружит голову мою.
Ты слушаешь, ты куришь, ты в
печали.
Горят бокалы россыпью драже...
Ты слушаешь, а я стихи читаю,
Что не тебе посвящены уже.

Виктор Каикин
 член Союза писателей России и
 Академии российской литературы
 Москва

* * *

Как хорошо вчера на крестном ходе
 В колокола храм на Кулишках бил,
 И преподобный с нами был
 Мефодий,
 И преподобный брат его Кирилл.

И Патриарх всея Руси молебен
 Учителям Словенския служил.
 И я глядел, как белый голубь в небе
 Над православным городом кружил.
 Со школы нас водили мимо храма
 Под анекдоты про церковный клир,
 И предназначена была б мне слава
 Хама,

Когда бы не Мефодий и Кирилл.
 Как хорошо вчера на крестном ходе
 Радели обо всех, кто приходил,
 Святый равноапостольный Мефодий,
 Святый равноапостольный Кирилл.
 Вещали дикторы не ту метеосводку,
 Внушали мне, что всё не так у нас:
 И здешний климат, и налог на водку,
 И смута, что затеяли на Спас.
 Как хорошо вчера на крестном ходе
 С хоругвями плыла Святая Русь.
 Мне каждый день врут о моем народе,
 А я ответить всё не соберусь.

Россия дальше Енисея,
 Повсюду, где её судьба.
 И там, где внуков Моисея
 Согрела русская изба,
 И там, где стала заграницей,
 Такой уж выпал ей формат,
 Что даже у себя в столице
 Она живёт как эмигрант.
 Оставили ей сарафаны,
 Простили ей колокола
 И предлагают за бананы
 Забыть какой она была.

Забыть о Куликовом поле,
 Полтаве и Бородине,
 И про Заступницу, в чьей воле
 Радеть о нашей стороне.
 Россия дальше Енисея,
 За Волгой тоже наша речь,
 И под созвездием Персея
 Мы русскую топили печь
 В Архангельске и Магадане,
 За Доном и за Иртышом –
 Везде, где Родина за нами
 И уцелевший русский дом.

* * *

Едва подкрался вечер,
 Воруя краски дня,
 Как сразу был засвечен
 От вспышки фонаря.
 С досады, что испорчен
 Его лукавый труд,
 Он под покровом ночи
 Чернила вылил в пруд.
 И умыкнул орешник,
 Что на краю села,
 А у меня – подсвечник
 И спички со стола.

Луна зажгла лампадки
 На куполе небес
 И, наплескавшись в кадке,
 Зашла за ближний лес.
 И водится, как в сказке,
 Рассвет не обманул:
 Украденные краски
 Палитре дня вернул.
 А сам покинул утро,
 Испив ночной росы,
 И таял в небе смутно
 След красной полосы.

*Виктория Семышева
Брянск*

ТАКИХ БОЛЬШЕ НЕТ

Не смотрите на них удивленно,
Не шепчитесь с восторгом им вслед.

Два счастливых, безумно
влюбленных,
Да, я знаю, таких больше нет.
Не завидуйте вы им злорадно,
Не желайте в душе насолить,
Ведь для них никакой нет преграды –
Будут вечно друг друга любить.

Не судите вы их слишком строго.
Да и вам ли дано их судить?
Это чувство, что послано богом,
Они ценят и будут ценить.

Не пытайтесь в отчаянной злобе
Вы найти их волшебный секрет.
Они дети небес и природы.
Просто знайте, таких – больше нет!

ДВОЕ

Так необычны эти двое:
Их судьбы сложены в одну.
Они, подобно двум героям,
Смогли создать свою страну.
Открыли новое пространство,
Где нет реальности вне сна,

Где всё так чисто и прекрасно,
Любовь в обоих влюблена
Живут вдвоём одним дыханьем,
Одной душою на двоих,
Ведь чувства их – небес посланье,
Любовь...похожая на миф.

ДАВАЙ...

Давай на миг проникнем в
сновиденья,
И спрячемся от всех, закрыв глаза,
Укроемся от страха и волненья
А если не понравится – назад!
Тебя я украду у сильных ветров
А хочешь, буду петь перед дождём?
Давай «перезагрузим» километры,
А если не понравится –

вернём!
Давай сбежим с тобою на край света,
Став птицами, мы пролетим весь мир,
Откроем на двоих свою планету,
Я – твой солдат, а ты мой командир.
Давай мечтать с тобой не перестанем!
Давай смеяться, каждый миг ценя!
Давай, я – Космос твой,
ты – мой Гагарин.

ТЫ МОЙ СМЫСЛ

Я так долго искала смысл жизни,
Смысл бесследно пропавших шагов,
Суть своих бесполезных капризов,
Толкованье несбывшихся снов.
Я искала ответ столь желанный
В облаках, чуть открывших

рассвет,
В звездном блике ночи долгожданной.
Но они не давали ответ...
Я просила у неба подсказки,
Руки в кровь я разбила, моля
Дать мне веру и силу, как в сказках,

МОЙ - МОЙ

Я хочу стать ветром в жаркий вечер,
Каплями дождя среди пустынь –
Только будь со мною вечно-вечно,
Только будь всегда моим-моим!
В день холодный стану тёплым
плодом
И улягусь возле твоих ног.

Мир тебе открою, где ты не был,
Разделю с тобою пыль дорог.
Только будь всегда со мною рядом,
Будь таким чудесным и родным,
Чтобы было лучшею наградой
Называть тебя Моим-моим!.

Леонид Ханбеков
член Союза писателей России,
Президент Академии российской
литературы. Москва

РОДНАЯ СТОРОНА

Время дни считает неустанно.
В памяти я свято берегу
Маленький таёжный полустанок
На крутом байкальском берегу.
Жил мальчишка, вечный непоседа,
Загорелый, в свежих синяках.

Мокша. Вечер. У излуки
пересверк луны с рекой.
Опадают звёзды в руки,
Ясность в сердце и покой.
Не об этих ли минутах
мы мечтаем испокон?
И прощение кому-то,
и признание легко.

Всю жизнь пытаюсь я понять,
В какой проклятый миг
Бросает мужество меня,
Чтоб резать напрямик
Всё зло отступнику в лицо,
Всю истину – лжецу,
А место рядом с подлецом
Оставить подлецу?
А правда – это не мура
И с ней не станешь в круг.
Зачем в загадочность играть
Поднаторели, друг?

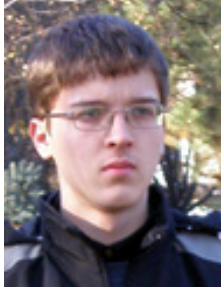
Заблуждения в словах
Все от заблужденья тела.
А душа всегда права:
Делай, что она велела!
Недостойное круша,

И ему уделом были беды —
В шишках лоб, мозоли на руках.
Боль пройдёт — как не было печали,
Ни забот, ни горя, ни невзгод.
Не стояла лодка на причале:
Что ни день, он вновь с зарёй
— в поход.
...Пробежит состав звенящим утром,
Кинет в горы радостный гудок, —
И Байкал заблещет перламутром,
Как разбитой радуги кусок.
За составом вслед мечты летели,
Первые мальчишечьи мечты, —
И гудели зимние метели,
И цвели июньские цветы.
Память детства, что тебя дороже?
Там я рос и набирался сил.
Кедр у дома, он меня моложе,
Я в ладошках пить ему носил.
Звёздочкой зажётся спозаранок
Старый верный портовой маяк...
Маленький таёжный полустанок
Родина далёкая моя.

Тишина. Её законов
напряжённая струна.
Для поэтов и влюблённых
как награда – тишина.
Словно край земли – излука.
И молчать легко двоим.
Тишина. Её стозвучье
чутким сердцем различим.

Всегда бы правде быть с тобой,
Со мной, и с ним, и с ней...
И даже пусть не завтра в бой,
Нам было бы видней:
Где враг, где друг...
Ничейных зон как не было, так нет.
Есть мужество – смотреть в лицо
И не смотреть – позор.
Не оправдать и до седин
Двуликости людей...
Как часто остаюсь один
Средь множества... друзей.

Не кручинься, что за дело?!
Оголтело правит тело,
Если в сумерках душа.
Делай, что душа велела –
Сами выплывут слова!

Дмитрий Ханин
чл. Союза писателей России
Ростов-на-Дону

Сорвалась жизнь нечаянно с пера
Строкой на удивлённую бумагу.
Входили мысли с тёмного двора,
Не приняв тихой совести присягу.
И шёл обыкновенный белый снег,
Такой же, как и в прошлое столетье.

Была среда. А может быть четверг.
Я ждал десерт из грёз моих – на третье.
Сидел у одинокого стола,
Поставленного в скучный дальний угол.
И думал, что «печаль моя светла»,
Но за окном куда белее – вьюга.
Кто друг для всех – тот никому не брат,
Кто всем слуга – тот над собой не
властен.

Но если нет ни зла и ни добра,
То нет и между ними разногласий.
И нет вины сознательной ничьей –
Есть только равнодушные причины.
Я собираю жизнь из мелочей,
Выкладывая бисером картину,
Где пирогами держится изба,
Где на заре лучи не терпеливы... ..
да кто сказал, что нам нужна борьба?
Я быть хочу не первым,
а счастливым...

Доктор, выпиши мне рецепт:
Что-нибудь от ночных сомнений.
Я в тебе, как в Святом Отце,
Постараюсь найти спасенье.
Что-то стало звенеть внутри,
Может, это душа – послушай...
Ты смеёшься, ты говоришь –
Отрицает наука душу.
Ну и пусть отрицает, пусть, –
Я и сам-то в неё не верю...

Отбивает чечётку пульс
И себя не даёт измерить.
Доктор, выпиши мне очки:
Близорукость – такая малость...
Не могу разглядеть в ночи
Устаревшее слово «жалость».
Да зачем ты даёшь бальзам –
Не излечишь мои потери:
Раньше верил я лишь друзьям,
А теперь – только небу верю...

ДЕВОЧКА

Всему виной, как водится, начало.
Всему венец, как сказано, финал.
И ничего весны не предвещало,
А может, я о времени не знал.
Но воробьи чирикали негромко,
Был горизонт надломлен вдалеке...
Стояла конопатая девчонка
С берёзовую веточкой в руке.

Так солнце в золотом своём уборе
Сквозь паутинку кажется родней!..
Она ещё не думала о горе,
И горе не задумалось о ней.
На ветерке душа слегка дрожала,
Бежала рябь по медленной реке,
И девочка судьбу свою держала
Берёзовую веточкой в руке...

Как вуаль, лучи заката
Опадают тихо с плеч.
И разбросаны по датам
Недомолвки наших встреч.
Променял я на манежи
Свой копеечный уют.
И друзья заходят реже,
И пока не предадут.
Только, знаешь, я подумал –

Всё бывает неспроста:
Мы не знали бы Иуду,
Если б не было Христа...
Как вуаль, лучи заката
Опадают тихо с плеч.
Разбросало нас по датам,
Запиваю жизнь мускатом –
С кем теперь делить утраты,
И кого ещё беречь?...

ПРОБА ПЕРА

Второй год подряд в Новочеркасск съезжаются юные литераторы на церемонию награждения победителей литературно-творческого фестиваля-конкурса «Взлёт» детей и молодёжи Ростовской области (см. www.vzlet-novochek.narod.ru).

Представляем лучшие работы лауреатов и дипломантов 1-го литературного праздника, проведённого в мае 2012 года. (Данные об авторах соответствуют году проведения мероприятия).

Виктория Толстопятенко
Лауреат
Шк.-инт. № 28, 4 кл.

БЕРЁЗЫ

Белоствольные берёзы.
Вы стоите у реки.
И у вас такие грёзы,
Словно небо глубоки.
Вы, берёзы, одиноки,
Как любовь в глуши лесной,
От меня вы так далёки.
Но в душе всегда со мной.

Алёна Кирпилянская,
Лауреат
шк.-инт. № 28, 5 кл.

ЗИМА

Вот зима настала,
Все дворы в снегу,
Радужные сани
У детей в ходу.
Все дома пустые,
До ночной поры –
Дети неустанно
Катятся с горы.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ПРАЗДНИК 8 МАРТА

Есть чудный праздник в этом мире,
Он небывалой красоты.
Стоит букет цветов в квартире, –
Его принёс любимой ты!
И подарил мне эти розы,
Чтоб вспоминала я тебя.
Шипы похожи на занозы,
Но ты принёс цветы любя.

ДОЧЬ НОЧИ

Ночное небо. Тишина.
За горизонт ушла луна.
Ей вслед слезой блеснула ночь:
– Люблю тебя, родная дочь.
Хочу побыть ещё с тобой,
Ведь мы живём одной судьбой.

А гора всё выше,
Выше возросла
И следы от санок
В небо унесла.
И смеясь взирает
Облако с горы,
И снежки кидает
В спины детворы.

БОЛЬНИЦА

Больница – штука скучная,
Лежишь, лежишь и ждёшь:
«Когда же доктор выпишет
И ты домой пойдёшь!»
К тебе пришли родители,
Поговорил, и всё ж,
Когда с больницы выпишут,
И ты домой пойдёшь?»
И вот конец лечению,
И ты бежишь домой
С улыбкой и свечением...
Болезни все – долуй!

Ксения Харламова
Лауреат
шк.№ 10, 8 кл.
г. Новочеркасск

ЭТОТ МИР

Пусть стихи превратятся в прозу
И рассеются серым пеплом.
Но любви моей будут грёзы
Тлеть и помнить дыхание ветра.

Вот и окна мороз расписал
и за окнами снег.
Мне Всевышний сегодня послал
только спам по «эмейлу».
И сейчас, и потом будет тот же
бессмысленный бег.
Только право на счастье
я больше, увы, не имею.
Из открытых и старых широт,
из распахнутых вен

Орел двуглавый, мудрость и свобода.
Как русский дух велик и полон сил!
Как много территорий и народов,
Российский герб в себе соединил!

Наталья Михеева
Диплом 1 степени
шк.№ 23, 7 кл. г. Новочеркасск

Пеленою окутает сон,
Тишину закроет туман.
В этом мире есть только он,-
В мягком сумраке спрятан обман.

Припев:

*Улететь, забыться во мгле,
Раствориться в вечных мечтах.
Этот мир существует во мне,
Просытаясь лишь в красочных снах..*

В сотый раз день сменяет ночь,
Но сквозь тучи не виден свет.
Нам не сможет никто помочь!
Продолжения, просто, нет!
Догорает уже закат,
Вновь все ждут с нетерпением
рассвет.

Может стоит взглянуть назад!?
Может в прошлом найдем ответ!?

Веет, даже не то чтобы радостью,
просто улыбкой.
Ветер мысли несёт, ветер песни поёт
Но не видно ни блеска, ни смысла
за этой картинкой
Вот же он – первый снег.
Самый белый и чистый.
Я пачкать его не посмею...
Разливается сон, раздаётся лишь звон.
Рядом нет никого.
Я как будто бы даже смеюю.

ГЕРБ

Как много душ стоят за гербом этим!
Мы патриоты и Руси нужны!
Жизнь отдадим – проверено столетьем-
За честь и счастье милой мне страны.

НОВОЧЕРКАССК

Родные купола Новочеркаска
И узких улиц свежий аромат, –
Всё манит нас домой, как будто
в сказку,

И глаз весеннему порыву рад.
Я в город мой с рождения влюбилась,
Надела сердцем обручальное кольцо,
Мила мне в нём осенняя унылость,
И в радость лета красного лица.
И как бы далеко не уезжала,
Всегда я с радостью вернусь домой.
Здесь сколько б ни жила – всё время
мало...

А в воздухе запахло вновь весной!

ВЕСНА

Пришла в неубранную хату,
Бело вокруг, метель, пурга,
Взяла широкую лопату,-
Убрать решила все снега.
Лучи у солнца подогрела,
Ведь власть природой ей дана.

Деревья в листья придела,-
Цветут мимозы у окна...
Набухли почки у сирени,-
Еще чуть-чуть и расцветут.
Ушли с ветрами злые тени
И снова соловьи поют.

МИР МЕЧТЫ

Есть мир – на наш он непохожий,
Там нет печалей, нет тревог.
Он самый дивный и пригожий,
Он легок, нежен, как цветок.
Любовью воздух там пропитан,
В нем исполняются мечты,
Давно был радостью испытан,
В нем было много доброты.
Но не найти к нему дорогу,-
Пропала карта навсегда.

Искать не надо, брось тревогу,-
Ты не отыщешь никогда.
Тогда ведь карт не рисовали,
Она была в сердцах людей,
Хотя не все об этом знали,
Забыли мы дорогу к ней.
Есть мир – на наш он непохожий,
Там нет печалей, нет тревог.
Он самый дивный и пригожий,
Он легок, нежен, как цветок.

*Екатерина Ивановская
Лауреат*

шк.№ 31, 10 кл. Новочеркасск

РАДУЖНЫЙ МИР

Посмотри на десятки и тысячи лиц,
Мимо рядом идущих прохожих!

И прислушайся, друг, в шелест
разных страниц,
Меж собою ничем не похожих.
Здесь вершина горы не глядит
свысока,
Обмотавшись оранжевой синью,
Здесь и жизнь, и игра, лишь
немые века
Растворяются сказочной былью.
Облаков фиолет, многоцветье – пора
Голубых и салатových красок ...
Продолжается бал, и его мишура
Отразит суть прообразных масок.
Посмотри на десятки и тысячи лиц,
Растворившихся в сладком эфире.
Цепь оттенков ликует, не зная границ,

ЛЮБОВЬ

Теряясь во свете бескрайней Луны,
Пустой, но до боли кричащей,
Фальшивыми чувствами души
полны, –
Не видят любви настоящей.
Лазурные отблески призрачных глаз
Не вспомнить, отдавшись прибою...
И слёзы, прозрачные, словно алмаз...
Без сна, без небес и покоя...

И золотом жидким сияет песок,
Изящно омытый волною,
И кровь, словно сладкий кокосовый
сок,
Смешалась со звёздной струною.
Волшебный нектар для души
приготовь,
Забывшись в прозрачнейших лентах,
И пусть моё сердце заполнит любовь,
Воспетая в древних легендах...

НЕНАВИЖУ

Ненавижу! За то, что люблю,
Изо дня в новый день проклинаю.
Ненавижу! Ночами не сплю
И в объятиях твоих умираю.
Ненавижу! Осталась лишь роль
В беспощадном театре для смерти...

Ненавижу! Уйму эту боль
И растаю в тени круговерти.
Ненавижу! Быть может, в аду,
Ты мой облик увидишь из рая...
Ненавижу любви ерунду...
И под ласковый стон засыпаю.

Ты волк, по сути, волк по плоти,
В ночи твой громкий слышен вой,
И на одной и той же ноте
Ты наслаждаешься луной.

В великолепной серой шкуре
Ещё остался дивный свет.
Ты скрытный, по своей натуре,
Твоя душа – луны ответ.

*Татьяна Шмидт
Диплом 1 степени
гимназия № 46, 10 кл.
Ростов-на-Дону*

ДУШНО

Пламя свечи -
Ослепительно яркое.
Ночь за окном -
Темнота многоцветная.

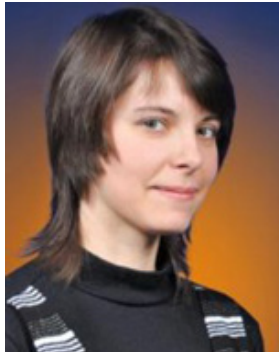
И одеяло-
Пуховое, жаркое,
Душит меня,
Словно жуть
Предрассветная.
Плотным сукном
Мои сны обращаются,
Даже луна
Смотрит как-то
Неискренне.
Мысли в коробку одну
Умещаются,
Кажутся редкими алыми
Искрами.
Пахнет фиалка ночная
Пугающе:
Талой водой и
Увядающей зеленью.
Тихо вокруг,
Лишь часы угрожающе
Меряют время,
Да сразу неделями.

ПОЭТ НА ЧАС

Пить туман и играть словами,
Даже если они из снега...
Чтоб качали дубы главами,
Разливалась по жилам нега.
Чтобы ветер кричал от боли,
Бился птицей упавшей в стекла.
Чтобы сердце дожди кололи,
Пусть я даже насквозь промокла.
Чтоб не знать никогда покоя,
Потерявшись в апреле где-то...
Чтобы резать и шить строкою,
Чтобы стать - хоть на час - Поэтом...

МНЕ НУЖНО

Мне нужно небо с дымкой облаков,
Увявшие цветы в пыли дорожной...
Тогда смогу, ступая осторожно,
Сорвать себе хоть парочку стихов;
Чужие сны, как ягоды, собрать
И ускользнуть в задумчивые дали.
Звать давних рифм бесчисленную
рать,
Что на веку так много повидали.

Юлия Квашук
диплом 1-й степени
клуб «Взлёт», г. Новочеркасск

А звезды пахнут лучше роз -
романтикой.
Обрывком лета обёрнут
леденец планеты
с начинкой из метаморфоз.
Луна - молочный чупа-чупс -
На языке зари растает,
Ночь Млечный Путь опять сметает
Рецепт звезд помня наизусть.
Ведь звезды пахнут словно грусть -
французской булкой, крепким кофе,
стихом и ладанкой с Голгофы.
Их аромат всегда так густ...
На темном блюде без каймы
дары природы - неба праздник,
У каждой звездочки вкус разный,
мы все попробовать должны

ПОТОК НОЧНОГО СОЗНАНИЯ

(и не спрашивайте почему без зпт)

кабель флешка ноутбук...
чай печенье думы думки...
коль соседи не уснут
будет свет на переулке
из окна где нет гардин...
ленты лестницы заточки
дом доживший до седин
да луны одна цепочка

да тюрьма для фонаря
что внутри горит как пламя
говорят горит он зря
разрешая жить мечтами
думы обручи фонарь
дом жена мечты порука
битый кластер и хрусталь
свет экрана ноутбука...

бежит по блокноту немой
карандаш -
спешит записать, что навеяно
жизнью,
я знаю, ты рядом и ты не предашь,
но нем карандаш и точилка капризна.
и мысли торопятся – снова в

кольцо
и в мыслевороте кружатся как перья
обрывки из памяти, ты и лицо,
сгоревшее вновь от стыда и терпенья.
а мой карандаш высекает черту
она не сгорит – это рукопись сердца,
и я от тебя никогда не уйду,

Пиши, налетай и терзай
беззащитное слово.
Ты мне говоришь - не щади
и бумаги не жалко.
Но что ни скажу - не модно,
не нужно, не ново.
И жизнь бьет ключом,
и слово как в голову палка.

Все фразы просты, неуклюжи,
порою суровы,
Мой грубый пассаж уносят
пугливые галки.
Зачем же писать, и так мои песни
не нужны.
И кто-то вдали, убегая,
мне крикнет: не жалко.

ПРИХОДИ

Приходи на час целоваться с вечностью,
Потушу закат – будем греться свечками,
Наедемся слов вперемешку с мыслями,

Разогреем кровь и сопьемся истиной.
И когда рассвет тихо хлопнет окнами
Нарисуем свет... приходи только...

КРАЕВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРА

Владимир Шумов, чл. Союза журналистов СССР

ПЕРВЫЕ ДОНСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ

В первом же году существования Новочеркаска здесь была открыта гимназия. Некоторые выпускники ее продолжали учебу в Харьковском университете. Это высшее учебное заведение было на протяжении более столетия основной кузницей кадров из уроженцев Дона по гуманитарным специальностям. Многие донцы учились на отделении словесных наук, превратившемся вскоре в историко - филологический факультет. Здесь имелось шесть кафедр, среди них — красноречия, стиховорства и языка русского; древностей и языка латинского; истории, статистики и географии Российского государства. Сверх того, изучались французский, немецкий, английский языки, а также «приятные искусства и гимнастические упражнения» (рисование, танцы, фехтование, верховая езда, резьба по меду). В 1809 году в Харьковском университете образовалось землячество донских студентов. «Между студентами, — писал в своих воспоминаниях профессор Роммель, — молодые и красивые донские казаки отличались расторопностью и скромностью, иногда даже поэтическими талантами...».

Другой современник Д. И. Багaley подтверждал, что, действительно, уже у студентов первых лет существования университета распространилась «страсть к стиховорству, носившая эпидемический характер — все с увлечением стремились на Парнас...». Несомненно, способствовало этому увлечению и то, что уже с 1805 года при университете стала работать типография, имевшая, кроме русского, латинский и греческий шрифты. Типографщики Гек и Дрегер, приглашенные из Петербурга, печатали извещения, циркуляры, предписания властей, а потом начали выпускать и книжную продукцию. Так, в 1811 году из университетской типографии вышли «Сочинения воспитанников Войска Донского в императорском Харьковском университете». Это было первое печатное издание произведений первых донских литераторов. Таким образом, Харьковский университет по праву можно считать местом зарождения донской литературы. В эту тоненькую книжечку, насчитывающую немногим более 30 страничек, вошли «Описание местопребывания и свойства казаков Войска Донского» студента Степана Гречановского (первая работа по истории Дона донского автора!) и «Зрелище во время открытия порта в Таганроге» студента Василия Кондратьева и его же стихи - «Донской осетр», «Вечер», «Осень», «Виноград», «Во сне и наяву», «произнесенные в торжественном собрании оногo университета июня, 30 дня, 1811 года». Трактат Степана Гречановского являлся попыткой рассказать о возникновении донского казачества, о жизни и быте казаков. Василий Кондратьев откровенно подражая Г. Р. Державину, стремился в поэтических строках воспеть неповторимую красоту донской природы. «Сочинения воспитанников Войска Донского в Харьковском университете» издавались затем в 1819, 1820 и 1821 годах. Их авторами являлись студенты Николай Севостьянов, Андрей Карасев, Иван Золотарев, Алексей Карасев, Александр Иловайский и другие. Наиболее интересным из написанных в ломоносовском «штиле» произведений является ода «Мир» Алексея Карасева, человека, несомненно, одаренного. В ней юный стихотворец воспевал миролюбие, осуждал зачинщиков войн между народами, обрушивался на тиранов, по вине которых «в презренье люди стонут». Алексей Карасев с удивительной для его времени смелостью осуждал крепостнические порядки, заявлял о грядущем возмездии: Потомки ненавидят зло И сердцем не блажат Неронов, Виновникам печалей, стонов Дают проклятие одно. К сожалению, до нас дошли весьма скудные сведения об этом вольнолюбивом, оригинально мыслящем человеке. Известно лишь, что по окончании университета Карасев вернулся на Дон. Обычно выпускники университета сразу же назначались на чиновничьи должности в Новочеркасске. Однако Карасев, видимо, уклонился от этой «чести», поселился в родной станице Островской, где и умер в чине сотника от холеры в июле 1833 года. Его сын Алексей Алексеевич Карасев, как и отец, окончивший впоследствии Харьковский университет, был известным на Дону

прогрессивным общественным деятелем, журналистом и писателем, смело ратовавшим за уничтожение остатков крепостничества. Из стен Харьковского университета вышло немало ученых, юристов, педагогов, врачей. Этому высшему учебному заведению принадлежит заметная роль в формировании донской интеллигенции, развитии культурной жизни нашего края.

(Шумов В. *Первые донские литераторы // Знамя коммуны. – 1980. – 20 марта.*)

Владимир Репников

чл. Союза журналистов России, краевед.

ДОМ РОЛЛЕРОВ

Впервые я увидел это здание в 1947 году и был поражён его архитектурными и скульптурными деталями. Изображение подобного дворца встречалось мне в какой-то книжке о Ленинграде. Позже довелось узнать, что это не случайная схожесть, так как архитектурный облик новой столицы донских казаков формировался под влиянием города на Неве. С «умышленным» Петербургом, как его называл Достоевский, город на Бирючем куте роднили и регулярная система планировки, и застройка в виде сплошных шеренг парадных фасадов по красным линиям широких проспектов и улиц. Всё это было заложено в генеральном плане Нового Черкаска, который составил петербургский инженер и градостроитель Франц де Воллан. Многие здания Новочеркаска, построенные в 19-м - начале 20-го века, в основном по проектам петербургских архитекторов, несмотря на небольшую этажность, отличаются столичной парадностью, изысканностью деталей, присущих архитектуре классицизма и барокко, которыми славен старый Петербург.

Вот и двухэтажное здание под номером 65 на Платовском проспекте, поразившее когда-то меня, производит впечатление дворца эпохи расцвета стиля барокко (с итальянского – вычурный). Особенно впечатляет его центральная часть. По сторонам сквозного проезда, закрытого ажурными металлическими воротами, - могучие торсы атлантов поддерживают пьедесталы изящных колонн. Между колоннами не менее изящное арочное окно. Выше – сложный антаблемент и необычный аттик, завершённый дугообразным карнизом. Двери слева и справа от проезда размещены между пилястрами дорического ордера, а окна второго этажа над ними – между трёхчетвертными колоннами коринфского ордера. Левое и правое крылья здания расчленены ризалитами, оформленными подобием двухколонных портиков того же ордера.

Это бывший дом провизора Войска Донского Федора Ивановича Роллера. Построен дом Роллеров, как его потом стали называть, в конце 19 века предположительно по проекту архитектора В. И. Зуева. Того самого, что в 1890 году перестроил дом ротмистра Н.И.Клунникова на улице Московской под Офицерское собрание (теперь это Центральная городская библиотека имени А.С.Пушкина). Там балкон большого двухсветного зала тоже поддерживают атланты, а отделка стен и потолка выполнены в стиле барокко. Дом Роллеров был многофункциональным. Кроме квартир большой семьи Роллеров, в нем находились аптека-магазин и мастерская по ремонту роялей. Сын хозяина Иван Федорович занимался здесь частной медицинской практикой, а брат Федора Ивановича архитектор Николай Иванович Роллер имел архитектурную мастерскую. По его проектам в Новочеркасске были построены:

Лютеранская кирха, Школа торговых казаков (в соавторстве с В.Я.Волошиным) и, предположительно, ряд других зданий. Значителен его вклад в строительство корпусов Донского политехнического института (ЮРГТУ (НПИ)).

Во время Первой Мировой войны часть здания занимал войсковой штаб, а позже оно полностью перешло к военному ведомству. Многие годы в нём раз-

мешаются подразделения Военного госпиталя. Гриф «МО РФ» на вывесках свидетельствует о принадлежности здания Министерству обороны Российской Федерации. К сожалению, главный фасад здания, являющегося объектом культурного наследия регионального значения, находится в запущенном состоянии. Покраска, а местами и штукатурка осыпаются, начинают разрушаться архитектурные

детали. Свежевыкрашенные бронзой атланты резко выделяются на этом неприглядном фоне. У медиков есть замечательное правило: «Болезнь легче предупредить, чем потом лечить». Не мешало бы руководствоваться подобным правилом и тем, кто эксплуатирует здания.

Фото Виктора Бессарабова

Иван Кравченко

чл. Союза писателей России, чл. Союза журналистов России

САЖА

Из семейных архивов. Заметки (записки) краеведа

Он зашел в комнату грузным шагом, солидный, степенный. Южное солнце коснулось загаром лица и рук, будто обрызгало бронзой. Представился:

- Бочков, Борис Никитович. Прибыл из Ставрополя, сын инженера-строителя. Отец в двадцатые годы учился в Новочеркасске. Хочу добрать о нём кое-какие материалы, создаю рукопись, основанную на семейной хронике. О нём мало кто теперь в городе знает. Прошло ведь столько времени.

Показал фотографии. На одной отец в белой рубашке-гимнастёрке и в тёмном «картузе» с лакированным козырьком, плотно подпоясан на манер армейцев. На другой - уже состарившийся, при галстукке и авторучке в кармане пиджака. Интеллигент. Серьёзный, замкнуто-задумчивый.

- А это,- указал гость на третье фото,- здание ставропольского железнодорожного вокзала, которое мой отец, Никита Александрович Бычков, восстанавливал вместе с архитектором Чекмотаевым, когда во время войны немцы после временной оккупации, а потом нажима наших войск покинули город.

Развернул газету «Вечерний Ставрополь». В корреспонденции «Затемнениям вопреки» Елена Пономарёва повествовала о человеке, жившем в Новочеркасске, но вынужденном уехать с молодой женой в 1929 году подальше, в предгорные степи.

Почему «Затмениям вопреки»? Утром 15-го февраля 1961 года ставропольцы наблюдали солнечное затмение. Оно длилось всего несколько минут. В эти минуты ушел из жизни Никита Александрович Бычков. Через два дня множество людей собрались на улице Дзержинского, неподалеку от его дома. Инженер Бычков много сделал для города. Теперь город провожал его в последний путь.

Да, на фасадах зданий не пишут имена архитекторов и строителей. Но пока в этих домах живут люди - жизнь создателей домов не кончается. Не кончается всем жизненным затмениям вопреки.

Сложную жизнь прожил наш земляк. Преграды вставали одна за другой. Первая встретила в родном городе – Новочеркасске. Был большой отчий дом. Большая семья... Подворье. Мастерские. И вдруг - радуга, нет, радужная россыпь отблесков в

оконом проёме церкви... и счастье, и детская гордость. Ведь это всё сделано руками его отца и дяди - стекольных и зеркальных дел мастерами, славящимися по всему Новочеркасску. Он обязательно будет таким же, он научится, он сумеет. И Никита учился на «отлично» - и в реальном училище, и потом, в политехническом институте на инженера. ..

Тот же дом с массивной старинной мебелью, с огромной библиотекой... и теперь живет здесь Соня, его жена, его первая и на всю жизнь любовь. Он встретил её тогда, когда девушка со своей матерью умирали от голода. Но теперь она с ним, и у него так много замыслов, которые в кабинете с огромным столом воплощаются в расчёты, чертежи, проекты...

А теперь этот же стол трясётся вместе с его семьёй в подводе, увозящей их в незнакомый город. Это единственное из мебели, что они с Соней взяли с собой. Кто бы мог представить себе всего несколько дней назад. В газете наткнулись совершенно случайно на сообщение всего в одну строчку: «Дом Бычковых подлежит конфискации.» Буквы запрыгали и слились в одно черное пятно. Мир, казался, померк. Но оставалось то, что конфисковать невозможно, - знания, силы, талант, работоспособность. Что ж, нужно начинать всё с начала. И вот они едут в Ставрополь. 1929 год.

Да, к ставропольской, по-деревенски непритязательном жизни придётся привыкать. Да и к малюсенькой комнатке, где они впятером приютились, тоже. Никита Александрович назначен руководителем строительства машинно-тракторных станций в Ставрополе и крае. 1930 - 1933 -й годы били страшными годами. Телега ездил по дворам и собирала умерших за ночь. Некоторые дома, были заколочены. Это означало, что в доме больше никого не осталось... Мёртвая женщина и заходящийся криком ребёнок... Но в работе он, Бычков, забыл обо всём.

Многочисленные МТС, потом Балхашский рыбокомбинат в Казахстане, детские сады, общежития педагогического института в Ставрополе, его учебный корпус, жилые дома. Стройки, проекты, снова стройки... Сколько умных, талантливых людей прошло мимо. Скольких из них унесло время. Новочеркасцу помог ставропольский архитектор Кусков.

Кусков был инженером горкомунхоза... Всеми вопросами строительства вершил горкомунхоз. На заседаниях его зачастую решался вопрос, быть или не быть. Андреевские собор явился, пожалуй, единственные счастливым исключением. Не поднялась рука у членов комиссии принять решение о разрушении собора в присутствии Кускова - человека, который его создавал... Потом встал вопрос о разборке более старого собора Ставрополя - Троицкого. Аргументировалось это тем, что камень нужен для строительства школы №2. Руководить разборкой собора и строительством школы было поручено инженеру Бычкову.

Всего лишь за несколько месяцев до этого Никита Александрович был в Москве. Он любил Москву - её архитектуру, театры, золоченые купола церквей. В последнюю поездку он взял с собой сына. Когда привел его на место, где раньше находился храм Христа Спасителя, не смог сдержать слёз... Теперь же он сам должен выполнять вандалистское по сути постановление. Он прекрасно знал, с каким тяжелым сердцем ставили под ним свою подпись члены комиссии, в частности, и инженер Кусков. Уже после заседания они с Георгием Павловичем долго обсуждали, как спасти то, что еще возможно спасти. Выполнять работы должны были заключенные исправительно-трудовой колонии НКВД. В предписании, которое Никита Бычков отправил в ИТК, значилось: «Запрещаю взрывы, камень аккуратно отделять, бой принимать не будет. Иконостас передать в музей. Створы окон аккуратно вынуть и перевезти».

Впоследствии не раз приходилось посылать докладные, что снятые детали отделки собора никем не охраняются и зачастую растаскиваются населением. Ответа, впрочем, как и позитивных действий в этом направлении, Никита Александрович так и не дождался. Типовой проект школы предполагал кирпичную кладку, поэтому его пришлось переделать. В работе ему помогал архитектор Кусков. Из вышестоящих инстанций одно за другим сыпались уведомления о недопустимости использовать Кускова в проектных работах, но Георгию Павлович по-прежнему оставался главным консультантом

по многим вопросам строительства. Никита Александрович считал, что опыт и знания одного из лучших архитекторов Ставрополя куда более важны, чем пресловутый закон о недопущении совместительства и угрозы разного рода чинов о привлечении к ответственности за его нарушение.

Объект был сдан в срок.

Его дома...Он привык называть их ""объектами». Но для него они, как дети ...Кинотеатр «Родина», полиграфический комбинат, химбакинститут. Он участвовал в проектировании последнего. Полностью подготовил и проект городской больницы.

Когда немцы оставили город, пришлось восстанавливать здание бывшего крайдрамтеатра. Много довелось поработать над проектом фасада, чтобы приблизить к оригиналу памятник архитектуры. Потом были железнодорожный вокзал, пивоваренный завод, здание крайкома ВКП/б/... Строительство новых цехов завода «Красный металлист», завод маслосыроварения...

На то, что во время войны он находился на оккупированной территории, на многие годы сделали Бычкова не выездным. Скоро Никита Александрович стал понимать, насколько губительным может оказаться осуществление ряда проектов для экологии края.

Подошло новое дело - строительство газопровода Ставрополь - Москва, компрессорных станции и заводов по переработке газа. Шел 1950 год. Командировки в Москву к тому времени ему уже были разрешены. Но запомнились они длительным томлением у начальственных кабинетов и пустым непонимающим взглядом их хозяев. Инициативы не требовалось - нужно было лишь четкое, в срок исполнение, «Реплики с мест» воспринимались все более агрессивно. В результате между московским руководством и начальником ОКСа Бычковым возникло устойчивое противостояние. Апогея оно достигло в конце 50-х, когда был прислан проект возведения в Ставрополе сажевого завода. Новочеркасск предоставил три своих - более щадящих для экологии города. Доказать ничего не удалось. Сроки строительства были ограничены - объект вводился в строй к очередной годовщине революции...

Гроза грянула, когда Бычков отказался подписать акт о сдаче объекта в эксплуатацию, мотивируя тем, что опорная стена может не выдержать вибрации и рухнуть. Тогда его предпочли из состава комиссии исключить. Спустя два года была авария - стена действительно не выдержала. Тогда же специалистам стало ясно: на заводе изначально установлено устаревшее оборудование, растительность вокруг предприятия оказалась практически выжжена, производство стало неперспективным. Словом, всё, что старался доказать инженер Бычков, оказалось верным...

Только Никита Александрович об этом уже не узнал.

Утро 15 февраля 1961 года памятно ставропольцам приглушенным мраком, повисшим над городом. Солнечное затмение длилось несколько минут. В эти минуты ушел из жизни Никита Александрович Бычков.

Такова судьба нашего земляка инженера-строителя Н. А. Бычкова. Сквозь закопченное сажей стекло лучше смотреть на затмение. Ущербное солнце рисуется четким контуром и не слепит глаз. Не знаю, собрал ли нужный материал к семейному архиву Борис Никитович Бычков, но то, что мы узнали имя еще одного старожилы нашего города примечательно.

Новочеркасск готовится к очередной годовщине, и это ли не штрих к его истории.

- Я буду надеяться – сказал прощаясь сын инженера-строителя. - Авось, кто-нибудь да расскажет мне что-нибудь об отце, откликнется.

Возможно.

Елена Мезина
чл. Союза журналистов России

МАЯКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Маяковский 23 ноября 1924 года в 7.45 вечера пришёл выступать в «Радиогазету». Вошёл в студию. Остановился у пульта.

- А много там слушателей? – спросил, показывая палкой на микрофон.

- Весь мир.

- А мне больше и не надо...

(Исторический факт)

Маяковский. Человек с такой фамилией просто обязан быть выше и светить ярче. Творческий огонь маяка, зажженного Владимиром Маяковским в начале прошлого столетия, осветил своим лучом море поэзии. Блеснул он и в нашем городе. Его творческий

эксперимент многим показал путь к собственному стилю, ритму, рифме. И пусть в наше время шелест купюр заглушает шелест книжных страниц (считать деньги «авторитетней, чем читать книги»), интерес к хорошему слову, к поэзии – жив.

Как правило, в ноябре в ЮРГТУ (НПИ) проходят, уже ставшие традиционными, «Маяковские чтения», собирающие поэтов, бардов и любителей поэзии. В 2011 году мы уже отметили 85 лет со дня посещения В. Маяковским Новочеркаска и его выступления перед публикой в I-й химической аудитории НПИ.

«Поэзия – вся! – езда в незнаемое», - декларировал В. Маяковский, говоря о своих неустанных поисках новых художественных форм, как о добыче радия. Я «до путешествий очень лаком», писал он в автобиографии, «... продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю: Новочеркасск, Винница, Харьков, Ростов, Тифлис, Париж, Берлин, Казань...». Он не только знакомил провинциального читателя со своим творчеством, но и прислушивался к его суждениям, знакомился с местными поэтами. В своей гражданской исповеди «Я сам» Маяковский поставил Новочеркасск на первое место, предпочтя его не только «буржуазным» столицам – Парижу и Берлину, но и городам вновь рожденных тогда республик. Таков был дух нашего города.

«двигая быстро за ним свои ноги».

Маяковский дважды приезжал в наш город – в ноябре 1926 и 1927 годах. Первый приезд поэта 27 ноября 1926 года был коротким - всего один вечер, но зато это выступление стало исторически самым продолжительным по времени – оно длилось более 4,5 часов.

Посетив в впервые наш город осенью 1926 года, он написал:

«Здесь жить и я бы начал».

27 ноября 1926 года он выступил с лекцией и чтением своих стихов в I-й химической аудитории НПИ. Афиша гласила, что поэт поведет разговор на тему «Поп или мастер», а это означало, что будет дан бой «литературному поповству» и «шаманству», культу вдохновения и волшебной лирике, тому, что отрывает творчество от трудовой жизни.

Вот текст афиши: ПОП ИЛИ МАСТЕР?

Владимир Маяковский

I. Выступит с докладом: Поп или мастер? Темы: О чем шумит Москва? Стихийные бедствия. Нот в поэзии. Что читать? Есенинство и пивные. Как в 5 уроков выучиться писать стихи? Можно ли рифму забыть в трамвае? Львицы с гривами и марш с кавычками. Что надо знать литературному молодняку? Как нарисовать женщину, скрывающую свои годы? Поэты, зубные врачи и служители культа. От «желтой кофты» до красного Лефа.

II. Прочтет новые поэмы и стихи: Разговор поэта с фининспектором. Сифилис. Сергею Есенину. О парикмахерах. Письмо Максиму Горькому. Хулиганщина. Ялта и море. Кулак в 4 кило. Лев Толстой и Ваня Дылдин. Критика. Десятая. Если не везде, то во всех местах. Строго воспрещается.

Маяковский был убежден, что поэзия – это трибуна, с которой нужно призвать к борьбе с недостатками и слабостями, мешающими жить хорошо. Надо отметить, что это выступление было одним из самых продолжительных во всей биографии поэта-трибуна и длилось 4,5 часа.

Это была встреча не только с вузовцами, но и со всеми жителями города. Билеты на вечер продавались свободно. Аудитория была забита до отказа, слушатели заняли все проходы.

Публика собралась и та, которая разделяла взгляды поэта, и та, которая не воспринимала ни стиль, ни форму его творчества. Было много записок и выкриков с мест. Пикировка между лектором и слушателями произошла серьезная. Сохранилась стенограмма вечера. В ней находим: один из студентов выкрикнул: «Маяковский! Вы что, думаете, мы все идиоты?». Поэт за ответами в карман не лез, они были достаточно колкими и обидными: «Почему все? Пока я вижу перед собой одного». Зал смеялся вместе с поэтом. «Многие делают вид, будто не понимают меня, - это смешно» – сказал он. «И мы с женой не понимаем вас», - раздался вдруг голос пожилого ученого в очках. «Нужно иметь умную жену!» – парировал поэт в левый угол, где, по-видимому, собралась оппозиция. Оттуда поступали записки: - Маяковский, как вы относитесь к поэту Есенину? – я уже сказал в стихах, что он «звонкий забулдыга». – А почему выпишете стихи лестницами? – Другие поэты не пишут лестницами, а я пишу. По ним я спускаюсь вниз к массам! – Маяковский, почему Вас еще недостаточно понимают, не так, как Пушкина? – Пушкина изучают сто лет и то не все поняли. Не поняли, например, его фэбов, эолов, венер, сцилий, купидонов, мадон... И то, скучно слушать, так это только не скучные боги, а еще две дивизии скучных. Если отбросить это – то, в других стихах Пушкин иногда и гениален. Меня изучают пять лет, и хотят всего понять!

Один из мужей науки принялся яростно критиковать Маяковского. Тогда вышел пожилой профессор, простоявший у эстрады более 4 часов и отказывающийся присесть в присутствии выступающего поэта. Он громко с достоинством сказал: «Люблю Маяковского». И привел веские доводы в его пользу. А вопросы все сыпались:

- Кто ваш любимый поэт?

- Пушкин! Вот – пустили сплетню, тешат душу ею. Александр Сергеич, да не слушайте Вы их! Может, я один действительно жалею, что сегодня нет вас в живых.

- Маяковский, ответьте, кто выше – классический писатель или советский?

- Это вам ответят потомки – люди 2000 года. Они будут выше нас в культурном отношении и выше классиков, потому что овладеют мастерством классиков и советских мастеров.

Было много вопросов и ответов. Встреча длилась около 5 часов. Расходились в половине первого ночи. Заканчивая выступление, В.В. Маяковский обещал приехать в Новочеркасск через год. Свежие впечатления от посещения нашего города мы находим в одном из его писем, которое поэт написал через три дня после выступления, 29 ноября 1926 года: «В 10 часов приехал в Ростов... Ростов тоже не роза! Местный хроникер сказал мне, гуляя по улице: «Говорят, гений и злодейство несовместимы, а у нас в Ростове они слились вместе». В переводе это значит, что у них несколько месяцев назад прорвались и соединились в одно канализационные и водопроводные трубы!... Можешь представить, что я делал в Ростове. Я пил нарзан, и мылся нарзаном, и чистился - еще и сейчас весь шиплю.

Такова интеллектуальная жизнь. С духовной и романтической стороны тоже не важно. Единственный романтический случай, и тот довольно странный. После лекции в Новочеркасске меня пригласил к себе в кабинет местный профессор химии и усердно поил собственным вином собственных лоз из мензурок и пробирок, и попутно читал свои 63-летние стихи. Так как вино было замечательное, а закуски никакой, кроме разных «марганцев и ангидридов», то пришлось очень быстро повеселеть и целоваться с

Скажи, пожалуйста,
город маленький,
а сколько студентов!»

Так он описал свой приезд в стихотворении «Голубой лампас».

Поэт распрощался с извозчиком, и вместе с П. Лавутом пошел по Платовскому проспекту. Его поразило то, что повсюду на вывесках многих предприятий названия писались по-немецки, по-французски, мелькали заграничные фамилии.

«Будто на западе где-то рожден
Город по-разному окрещен.
Кино «Поте», кино «Солей».
Заводы немцем каким-то названы.
Нет ли здесь Елисейских полей?»

Не любил Маяковский российскую страсть перенимать все заграничное, не соображая, порой, как это отзовется в будущем.

Разместился поэт в гостинице Южная (ныне торговый центр «Южный»). Комната была на втором этаже и выходила окнами на угол Платовского проспекта и улицы Московской. Под окнами собирался народ, добиваясь аудиенции с поэтом. Расспрашивали о новых стихах, а многие просто мешали, ходили за ним толпой.

«Свеж молодежи воздух осенний,
Гуляет по улице города – житель –
народ наблюдений, народ обобщений –
студент энергетик, биолог, строитель.
Идет Маяковский, а юный народ,
Споры, забыв, о науке и боге,
разноголосой речкой течет,
двигая быстро за ним свои ноги» (В. Сердюков).

Выход Маяковского на улицы города всегда проходил в сопровождении молодежной свиты. В свите бывали и милиционеры, дружившие с поэзией. Однажды на улице Московской к Маяковскому подошли два милиционера попросили поставить автограф на книгах со стихами поэта. Подписывая, Маяковский усмехнулся: «Я – любимый поэт милиции». И получил ответ: «Ну, а как же, - улыбаясь, сказал один из них, - мы вас в клубе каждый день читаем». И цитирует, на удивление Маяковскому, строки из стихотворения «Московский Китай». А строки этого произведения сегодня с новым акцентом – очень современные.

Выступал поэт в этот приезд много: в клубе ВУЗов (ныне городской ДК), в школе №1, в центральной городской библиотеке, в драматическом театре (ныне строительный техникум), в кинотеатре «Солей» (ныне торговый центр «Победа»), были встречи с членами литературных групп зооветеринарного, политехнического институтов.

Когда он вошел в здание «Солея», то увидел лестницу, битком набитую публикой. Люди расступились, пропуская Маяковского, и двинулись за ним в большой зал, где он прочитал цикл стихов «Даёшь изящную жизнь!»

«У каждого класса
своё понятие,
особые обычаи,
особое платье». .

.....
«В моде
в каждой
так положено,
что нельзя без пуговицы,
а без головы можно...»

Прошелся он и по быту студентов:

«Зевнёт
и спит.

Излюбнен, испит...

От хлама
в комнате
тесней чем в каюте
и это называется –
живём в уюте...»

Афиши вызвали недоумение организаций, которые устраивали вечера поэта. Город, ожидавший поэта, был взбудоражен. Было понятно, что в аудиториях не будет спокойных и пассивных слушателей. Поэт жаждет диалога. Он бросает вызов публике, касаясь острых вопросов морали, быта, культуры, где от издевательских лозунгов «Даёшь изящную жизнь!» и «Долой искусство, да здравствует жизнь!», он переходит к тому, «Как писать стихи». Тема этих беспримерных разговоров Маяковского с городом всегда была одна: Маяковский.

Увидев на афишах имя Маяковского, уже знали – готовится нечто особенное, будет схватка нового со старым, выходящая далеко за пределы искусства.

Особенно любила Маяковского молодежь. И это закономерно. Он был поэт нового мира, нового строя.

Маяковский был гениальный лектор-культпросветчик. Он умел «сиять заставить заново» повседневные, висящие в воздухе вопросы и темы, важные для новой страны.

Он проводил баснословную работу. Из писем: «Читать трудновато. Читаю каждый день. Например, в субботу читал в Новочеркасске от 8,15 вечера до 12,45 ночи, просили ещё в 8 часов утра выступить в университете, а в 10 ч. в кавалерийском полку, но пришлось отказаться, так как в 10 часов поехал в Ростов и читал с 1,45 в РАПШе до 4,50, а в 5,30 уже в Ленинских мастерских, и отказываться нельзя никак: для рабочих и бесплатно».

О поездках и выступлениях Маяковского знают, главным образом, то, что они были шумные и триумфальные, своего рода, увеселительные путешествия. Это было не так. Поэт никогда не жаловался, если выступления проходили в нетопленных, набитых до отказа помещениях или вагонах. Ему приходилось мерзнуть без тулупа в повозках и ночевать в привокзальных буфетах в ожидании поезда. Когда спрашивали, зачем? Он говорил: «Мне необходимо ездить, общение с живыми вещами заменяет мне чтение книг». Действительно, многие его стихи были написаны под впечатлением увиденного и услышанного. И что удивительно – до сих пор звучат современно.

Маяковский был и будет интересен, прежде всего, как новатор поэтического языка...

Ведь в начале 20 века в поэзии классический стих стал уходить на второй план. Касается это не только России. И во Франции, и в Италии – везде говорят о поиске нового языка. Все искали этот язык – и акмеисты, и символисты. Искали и товарищи Маяковского по футуристическому движению. Но лишь Маяковскому было суждено его создать.

Мы знаем, что такое речь. Она ограничена законами грамматики, и так будет всегда. Часть футуристов – как например, Кручёных – считали, что язык нужно освободить от любого внутреннего обоснования, отбросить грамматику. Однако в результате его поэзия стала сводиться к какому-то набору звуков. Примерно так же хотел «расковать речь» Бенедикт Лившиц. Но речь расковать нельзя – законы языка вырабатывались тысячелетиями или, может, вообще были даны свыше. Маяковский не так уж много попытался поменять в самом языке: убрал некоторые глаголы, использовал инверсию для большей экспрессии. Главным же оказалось его метафорическое мастерство. Он умел создавать совершенно невероятные метафоры из любого явления. «Угрюмый дождь скопил глаза» или «Ночи вливались на спинах дней» – такой образ в прежней поэзии просто непредставим.

Один из критиков налетел на Маяковского:

— Как вам не стыдно! Вы сравниваете себя с Пушкиным, вы не понимаете, что от великого до смешного один шаг. Маяковский, шагнув в сторону критика, сказал:

— Я делаю этот шаг!

Маяковский был гениальным пиарщиком собственной личности. А гении, как правило, не совсем обычные люди. Владимир Маяковский был левшой, хотя весьма умело управлялся обеими руками, в том числе, играя в бильярд. Застрелился он левой рукой — это показала экспертиза. Когда после смерти взвесили его мозг, получилось 1700 грамм, хотя обычный для мужчины вес мозга 1300 — 1400. Поэт был очень брезгливым, не любил рукопожатий, двери открывал, взявшись за ручку платком, и пил пиво только левой рукой, чтобы не прикасаться к тем местам на кружке, которых касается большинство. Поэт любил собак, и им было позволено всё, даже лаять на соратников по поэтическому цеху. Маяковский любил всех угощать и однажды в Ростове накрыл огромный стол прямо на вокзале, и чуть не опоздал на поезд. Он написал жуткое стихотворение «Я люблю смотреть, как умирают дети», за него ему сильно доставалось от критиков. Но в жизни, говорят, детей он любил, угощал конфетами и крупными купюрами. И дети звали его дядя Маяк. Он очень много курил, особенно после одиннадцатимесячной отсидки в одиночке, в Бутырке. Выкуривал папиросы одну за одной, о чём свидетельствуют фотографии, на одной - в правом углу его рта их сразу две. При внешней крепости здоровья Маяковский часто хворал, кашлял. Однажды он решительно бросил курить и написал стихотворение по этому поводу «Я счастлив».

Это известный факт. Однажды, выступая в Политехническом музее, Маяковский получил записку: «Ваши стихи слишком злободневны. Они завтра умрут. Вас самого забудут. Бессмертие – не ваш удел...»

- А вы зайдите через тысячу лет, там поговорим, - отпарировал Маяковский.

Тысяча, не тысяча, а сто лет прошло, и он продолжает звучать «во весь голос».

Я хочу быть понят родной страной,

а не буду понят —

что ж?!

По родной стране

пройду стороной,

как проходит косой дождь.

Итогом поездки Маяковского в Новочеркасск - стало его стихотворение «Голубой лампас», впервые опубликованное в феврале 1928 года.

Наш город поразил Маяковского не только количеством студентов на душу населения:

В 1926 году на 60 000 жителей было 7000 вузовцев, каждый 9-й, но и творческим потенциалом.

Сейчас на 170 тыс. жителей 34 000 студентов-вузовцев – это каждый 5-й. Естественно вырос и творческий потенциал. В нашем городе много поэтов, художников, музыкантов их на душу населения гораздо больше, чем в других городах.

СТО ЛЕТ ОЖИДАНИЯ

Девяносто пять лет тому назад, 27 февраля 1918 года, в революционном Петрограде от паралича сердца скончался наш великий земляк, один из руководителей Товарищества передвижных выставок (Передвижников), академик живописи Николай Никанорович Дубовской. Потомственный казак, родившийся в Новочеркасске, он в течение всей своей жизни душой и сердцем был здесь, в родном краю, всячески способствовал развитию художественного творчества на Дону. Его заветной мечтой было создание в Новочеркасске художественного музея.

20 декабря 1913 года Дубовской послал голове Новочеркасской управы А.С.Дронову письмо, в котором предлагал в качестве основы такого музея большую коллекцию картин и этюдов (70 своих и 129 собранных им работ художников-передвижников). Он писал: «Я, обдумав вопрос о деталях передачи коллекции, пришёл к следующему заключению: коллекцию свою я могу передать родному городу только после того, как будет решено и закончено в своей постройке здание Донского художественного музея...». Городская управа приняла условия художника, и тогда же ассигновала в качестве аванса 40 тысяч рублей на проектирование и строительство первой очереди музея. Под строительство был выделен участок напротив здания Офицерского собрания (теперь Центральная городская библиотека им. А.С.Пушкина), а племянник художника В.Е.Дубовской, бывший тогда главным архитектором Новочеркасска, взялся безвозмездно составить проект музея. Казалось мечта Николая Никаноровича начала обретать реальные черты. Но... в 1914 году началась Первая мировая война; в 1917 году случились Февральская и Октябрьская революции, потом - Гражданская война. Не до музея было.

В 30-х годах минувшего века вопрос о необходимости создания в Новочеркасске художественного музея поднимали художник И.И.Крылов, писатели К.А.Тренёв, А.С.Серафимович и другие. А тут опять война...

После победоносного завершения Великой Отечественной войны Музей истории донского казачества (МИДК) решил принять на временное хранение завещанную Дубовским художественную коллекцию. По поручению тогдашнего директора музея Н.М.Титова весной 1946 года в Ленинград поехал доцент НПИ художник А.М.Зыков. Александр Михайлович удачно провёл переговоры с сыном Дубовского Сергеем Николаевичем и П.К.Балтуном - директором Русского музея, в котором находились завещанные Новочеркасску картины и этюды. В том же году они поступили в МИДК. Поначалу значительная часть этой бесценной коллекции входила в экспозицию музея, но так как его профиль иной, картин и этюдов в залах постепенно становилось всё меньше. А вопрос о строительстве здания для художественного музея всё не решался.

В феврале 1968 года в горисполком поступило решение Академии художеств СССР с рекомендацией создать Новочеркасский музей изобразительных искусств имени Н.Н.Дубовского. Рекомендация не приказ. Всё осталось, как было. В ноябре 1971 года к этой проблеме обратилась областная газета «Комсомолец», напечатав статью Ю.Немирова «Завещано Дубовским». В 1972 году забрезжила надежда на благополучный исход многолетней канители. Энтузиасты во главе с А.М.Зыковым добились принципиального согласия руководства города отдать под художественный музей здание тогдашнего Продторга на проспекте Ермака или освобождающийся корпус швейной фабрики на улице Московской (тогда проспект Ленина). Но дирекция МИДК посчитала эти здания не пригодными для размещения коллекции Дубовского. Однако энтузиасты-общественники не успокаивались. Выступления в печати И.В.Власова, В.И.Кулишова, Б.А.Плевакина, А.А.Данцева и других, перио-

дически напоминали властям города о необходимости выполнить условие, на котором Дубовской согласен был передать Новочеркасску свою художественную коллекцию.

В феврале-марте 1993 года городская газета «Донская речь» в пяти номерах опубликовала материал журналиста-краеведа И.Кравченко «Судьба коллекции. По страницам монографии А.М.Зыкова «Дубовской и Новочеркасск». В частности, там были такие слова: «Десятилетия сменяют друг друга. Часть картин Н.Н.Дубовского экспонируется в музее, а остальные продолжают томиться в запаснике...». На выступление Кравченко оперативно откликнулась директор МИДК С.А.Сединко. В заметке «Ещё раз о судьбе коллекции картин», помещённой в той же газете 10 марта, она писала: «В настоящее время собрание произведений Н.Н.Дубовского в Музее истории донского казачества является одним из самых полных в стране. Основу коллекции составляет дар самого Н.Н.Дубовского. Музей не только получил дар (который предназначался городу – В.Р.), завещанный художником, но целенаправленно пополнял на протяжении нескольких десятилетий данную коллекцию». Размышляя далее о возможности экспонирования этой бесценной коллекции, Светлана Алексеевна с горечью замечала: «В своё время большие надежды нами возлагались на передачу нам Атаманского дворца, где предполагалось создать художественный отдел музея (выделено мной – В.Р.). Была заказана проектно-сметная документация, однако её тома и сегодня пылятся в музее». К сказанному следует добавить, что в запасниках МИДК и его филиалов, кроме значительной пополнившейся коллекции Н.Н.Дубовского «томятся», т.е. недоступны любителям живописи, произведения И.И.Крылова, М.Б.Грекова, Н.В.Овечкина и других больших художников.

В 2001 году закончилось, растянувшееся на четверть века, строительство здания для городской Администрации. Атаманский дворец освободился, и его передали МИДК. Казалось бы, пришло время смахнуть пыль с папок проекта, о котором упоминала Сединко, и приступить к его реализации. Но не тут-то было. Областное министерство культуры, в ведении которого находится МИДК, намерено было финансировать совсем другой проект. Узнав об этом, группа художников и краеведов (В.Кулишов, О.Лобов, А.Данцев, Л.Елисеев, Н.Шехавцев, В.Грезунов, В.Репников) в марте 2001 года напросилась на приём к только что вступившему тогда в должность мэра Новочеркаска А.П.Волкову. Анатолий Панфилович, сославшись на большую занятость, выслал к нам своего заместителя С.Б.Бондарева. В беседе приняли участие начальник Управления культуры и искусства Г.А.Ерашова и директор МИДК С.А.Сединко. Нас внимательно выслушали и дали понять, что об Атаманском дворце, как возможном художественном музее, следует забыть. Надо искать другие варианты. Была создана рабочая, которой поручили представить конкретные предложения по обсуждённым вопросам. В их числе был и вопрос о необходимости срочных мер по спасению диорамы, временно размещённой в летнем кинотеатре «Ударник». В короткий срок предложения были сформулированы и переданы в Администрацию. Никакой реакции на них не последовало.

В августе 2001 года деревянный кинотеатр сгорел. В огне того пожара погибла диорама «Освобождение Новочеркаска в 1920 году» (автор народный художник СССР Н.В.Овечкин). Одной проблемой стало меньше. Другая, связанная с созданием художественного музея, в преддверии больших юбилейных дат (250-летие со дня рождения М.И.Платова и 200-летие основанного им города) снова отошла на дальний план. Опять надо ждать. Что ж, ждали дольше, подождём ещё.

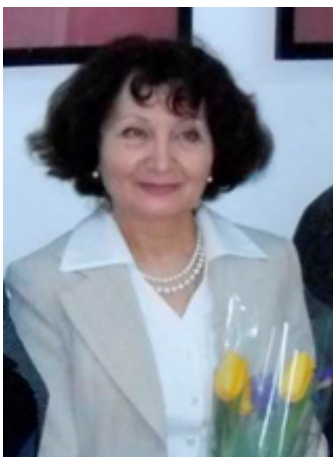
Через три года, 4 августа 2004 года, о застарелой проблеме напомнили мэру во время открытия персональной выставки ветерана Великой Отечественной войны и труда А.А.Редичкина. Волков твердо пообещал в ближайшее время решить наболевший вопрос, и даже назвал здание, которое будет отдано под художественный музей или картинную галерею. Это сохранившееся нижнее крыло Гостиного двора на Платовском проспекте, занятое воинским медицинским складом. Заявление мэра было встречено дружными аплодисментами, т.к. названное им помещение и по размерам, и по местонахождению хорошо подходило для художественного музея.

Говорят, обещанного три года ждут. С момента обнадеживающего заявления А.П.Волкова прошло восемь с половиной лет. Обещание мэра оказалось обычным

пустословием. 150-летие со дня рождения Н.Н.Дубовского было отмечено выставкой его картин, конференцией, присвоением его имени Детской художественной школе. Но исполнение завещания великого художника так и осталось не выполненным. Сменивший Волкова А.И.Кондратенко, удержался в кресле мэра всего два с половиной года, и ему было не до завещания Дубовского. В декабре прошлого года состоялись досрочные выборы мэра. К руководству городом пришла новая команда во главе с В.В.Киргинцевым. Хочется надеяться, что она вместе с городской Думой положат конец вековому ожиданию исполнения обещанного.

Сейчас в городе, как никогда много пустующих зданий. Одно из них – напротив здания городской Администрации и Думы. Бывший кинотеатр «Танаис» около двадцати лет находится в «ремонте». Кинотеатром он, видимо уже не будет, а вот картинная галерея там прекрасно разместилась бы. И какой притягательной стала бы она для горожан и гостей казачьей столицы!

*Владимир Ренников,
член Городского клуба художников,
член Союза журналистов России*

ЗВОНКОСТЬ АКВАРЕЛИ

Людмила Васильевна Оганова – член Союза журналистов и Союза художников России живет в городе Шахты. Она часто устраивает персональные выставки в различных городах нашей области, а так же в Ростове, Москве, Якутске. Активно участвует в областных, зональных, международных выставках. Её работы выделяются по оригинальному образному восприятию, активному цветовому решению, ритму и пластической трепетности. Живописные листы, выполненные ею в акварели привлекают внимание зрителей чистотой, звонкостью, подлинностью материала и несут в себе высокий духовный смысл.

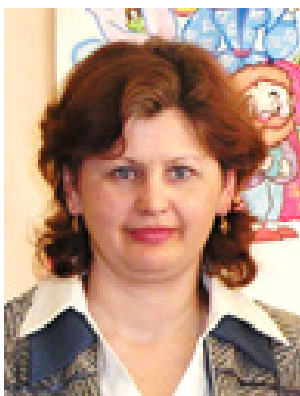
Среди творческих направлений у нее преобладают портрет, пейзаж, историческая тема. В связи с этим Людмиле Огановой полюбился город Новочеркасск: и тематикой казачества, близкой ее духу, и его стариной, и красотой городских мотивов. Она часто проводит свои выставки в нашем городе. Многие любители искусств запомнили ее акварели, посетив выставочный зал доме-музее Крылова и Атаманский дворец. Недавно прошла ее персональная выставка «Война и мир», посвященная 200-летию Отечественной войны 1812 года, в доме-музее М.Б.Грекова.

Героико-романтическая тема представлялась художницей как своеобразное видение истории нашей страны и Новочеркаска. В настоящее время в шахтинском краеведческом музее открылась выставка акварелей Людмилы Огановой, посвященная 400-летию династии Романовых, а также тематический цикл «Античность. Воспоминание о Греции». Вниманию зрителей представлено 66 акварелей. Художница обращается к трогательной для нее портретной теме. Исторические царственные особы в ее работах показаны необыкновенными, красивыми, приподнятыми и одухотворенными..

(см. цветную вкладку)

Редакция журнала «Пролог»

ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ДУШИ

Литература сегодняшнего дня постоянно изменяется, обращается к более широкому, чем прежде, кругу читателей. При этом необходимо отметить, что многие темы и жанры, популярные в советское время, трансформировались, а многие и вообще исчезли. Роль чтения и книги как таковой в современном обществе существенно снизилась. Возможно, книга - один из самых уязвимых объектов материального мира, а возможно - один из самых «стойких» продуктов человеческой деятельности.

Книга - одна из составных частей культуры. Она имеет огромное влияние на общество. Общество, при этом, формирует свою культуру, а общественные отношения - есть показатель, критерий развития личности, а значит, и культуры общества.

Современный человек испытывает чрезвычайно высокие психологические и информационные нагрузки, которые связаны с неблагоприятным воздействием окружающей среды, постоянно возрастающими темпами производства, лавинообразно увеличивающимся объемом информации, воздействующей на личность.

Есть старинное изречение: «Врач лечит травами, минералами, ножом и словом». Слово - это то лекарство, которое мы можем назначить себе сами.

Тем не менее, присущая человеку потребность в общении с прекрасным исключительно высока. Литературные произведения оказывают сильнейшее влияние на духовный мир человека и его физическое состояние. Прочитанное слово способно вызвать самые различные эмоции: горе и печаль, счастье и радость. Наблюдая за читающим человеком, по его мимике, по выражению лица можно почти безошибочно определить, что именно он читает: радостное, веселое или грустное, печальное.

Каждый читающий человек хочет найти в книге подсказки, ответы на свои вопросы, ассоциации со своей реальной жизнью, выход за пределы собственной личности, что является важным психологическим и нравственным опытом. Книга как часть культуры позволяет человеку развивать свой внутренний мир, оперативно реагировать на социальные требования, осознавать их моральный, политический и эстетический смысл, принимать решения и делать нравственный выбор.

В духовном мире многих людей кризисная ситуация в стране породила серьезные социальные противоречия, что отразилось на их читательской деятельности. Вместе с тем известно, что чтение способствует преодолению дискомфортных состояний, стрессов. Поэтому сама жизнь подсказала необходимость осуществления новой функции-библиотерапевтической. Именно библиотеки должны предоставить каждому «лекарство для души».

Библиотерапия (лечение чтением) привлекает в настоящее время все больше внимания научных и практических работников, стремящихся максимально использовать «лечебные» возможности книги.

На самом деле библиотерапия появилась много лет назад. При входе в библиотеку египетского фараона Рамзеса II висела табличка: «Лекарство для души». Так еще в далекие времена понимали значение книги.

Лечение с помощью книг применялось еще в первых библиотеках Греции. Пифагор, крупный ученый-математик и известный целитель, наряду с травами и музыкой успешно использовал литературу, стихи для лечения ряда заболеваний.

В Европе начало излечения книгой положили первые церковные библиотеки, в которых хранились книги религиозного содержания, приносящие верующим успокоение и надежду. Библиотерапия находилась под крылом церкви до эпохи Возрождения.

В эпоху Возрождения библиотерапию стали активно использовать врачи в лечебных целях. Так, английский лекарь XII века Т.Сагейдем советовал своим пациентам

читать «Дон Кихота» Сервантеса.

Однако научное обоснование библиотерапия получила лишь в начале XX века. Первое упоминание самого термина относится к 1916 году, с тех пор появились сотни публикаций как теоретического, так и практического характера. В нескольких странах прошли конференции и симпозиумы по библиотерапии, созданы ассоциации библиотерапевтов. На многих медицинских конференциях библиотерапия освещается как важная часть традиционной медицины.

В России библиотерапия не сразу получила широкое распространение. Ведущую роль в обосновании методов библиотерапии сыграли труды Н. Рубакина, его библиопсихологическая теория. В своей работе «Среди книг» он писал: «Три великие силы содержатся в книге — знание, понимание, настроение».

В настоящее время библиотерапия переживает период осмысления своего предмета, метода, целей.

Алексейчик А. Е. [1] определяет библиотерапию как лечебное воздействие на больного с помощью чтения, литературы в целях нормализации или оптимизации его психических, а через них физиологических и биологических процессов организма. Автор говорит, что лечебное чтение от чтения вообще отличается своей направленностью на те или иные болезненно измененные (для их нормализации) или нормальные (для уравновешивания ими болезненных) психические процессы, состояния, свойства личности. Лечебное воздействие чтения проявляется в том, что те или иные восприятия, связанные с ними чувства, влечения, желания, мысли, усвоенные с помощью книги, восполняют недостаток собственных образов и представлений, заменяют болезненные мысли и чувства или направляют их по новому руслу, к новым целям. Таким образом, можно ослаблять или усиливать воздействие на чувства больного, для установления его душевного равновесия. Преимущества библиотерапии составляют: разнообразие и богатство средств воздействия, сила впечатления, длительность, повторяемость, интимность и др.

«Главное в чтении - не текст сам по себе, а мысли, чувства, образы, вопросы, которые рождаются в душе читателя», - говорит Н.А. Рубакин [4].

Для любого человека литература начинается со сказки, идущей из детства. Можно даже отбирать и рекомендовать не отдельную книгу, а литературный жанр. Для детей часто — это сказка. Поэтому в последнее время стало развиваться сказкотерапия.

Благодаря сказке, дети начинают осознавать главнейшие истины человеческого бытия. Без сказки дети не вырастают, а если это и происходит, — значит, из мира растущего человека ушла мечта, благотворная фантазия, творчество, романтика, сопереживание, необходимые для воспитания Человека в человеке.

А.М.Горький утверждал, что именно через сказку необходимо учить детей гуманности, героизму, любви, справедливости, честности.

Все сказки едины в одном — желании помочь ребенку в первых шагах самопознания, в формировании духовного «Я». Они укрепляют чувство самоуважения, развивают способность «слушать» себя, наблюдать и понимать себя: как я думаю, как говорю, отчего мне бывает грустно, одиноко, весело.

Например, сказка может помочь детям озлобленным, с негативным социальным опытом, неустойчивой психикой, подверженным стрессовым состояниям. Главные лекарства сказки — это добро, радость, справедливость, победа слабого существа над силами зла, утверждение могущества человеческого духа, бесконечно радостное удивление перед красотой мира, твердая вера в способность человека жить мудро, достойно, поступать красиво, гуманно. В сказках отражен глубокий опыт проживания эмоциональных кризисов, характерных для развивающейся личности, и предложены пути их разрешения. Психотерапевтическая значимость сказок заключается в том, что в них всегда обнаруживаются некие необычные средства, помогающие герою справиться с препятствиями, трудностями и преодолеть их.

Возрастные различия не препятствуют полноценному восприятию художественных произведений. Это значит, что даже на взрослых сказка будет иметь благотворное влияние.

Выделим основные ключевые моменты чтения:

* понимание природы чтения художественной литературы, как особого вида эмоциональной творческой жизни. Главная черта этого понимания есть сопереживание читателя героям произведения;

* так называемый «детский способ» постижения мира, как естественная потребность ребёнка в расширении жизненного опыта, в познании себя и других, в возможности пережить пока не пережитое;

* возможность через сопереживание и читательскую рефлексию вскрыть собственный потенциал и направить его на развитие собственной личности;

* увеличение эффективности чтения благодаря включенности произведения в контекст жизни, благодаря соединению (отождествлению) читаемого с субъективным Я человека.

Ю.Н. Дрешер [3] выделяет основные направления психотерапевтического воздействия книги на личность. Обозначим основные из них:

1. Классическая художественная литература, в том числе русская, обладает огромным потенциалом, обеспечивающим разнообразные способы воздействия на социально-психологическую сущность человека. Она способствует формированию устойчивых взглядов на мир, учит человеколюбию, критическому отношению к себе, развивает любовь к чтению, обогащает духовный мир человека.

2. Критическая литература и публицистика помогают правильно воспринимать события, устраняют зависимость от чужих авторитетов, помогают связать события личной жизни с актуальными событиями общественной жизни.

3. Благодаря юмористической и сатирической литературе читатель успешно учится более широкому, объективному взгляду на себя и других людей, а также своеобразной психологической защите. Суть юмора - обнаружение смешных сторон в любых явлениях, даже неприятных, что является предпосылкой для их более здорового восприятия. Юмор позволяет людям более открыто и свободно ввести себя в трудных ситуациях самого разного характера. Более того, он может научить технике компетентного общения.

4. Сборники афоризмов содержат в себе наиболее ясные образы, отточенные идеи, нередко парадоксальные в своей законченности, категоричности. Читая их, человек привыкает спокойнее относиться к крайностям, противоречиям, жизненным катаклизмам.

5. Научно-фантастическая литература, доводя до крайности в своём изображении некоторые способности человека, ситуации, отношения, позволяет читателю лучше понять и принять экстремальность ощущений, чувств, влечений, стимулирует продуктивность его поведения. Важное значение имеют следующие черты детективной и приключенческой литературы: внимание к негативным чувствам, тренировка интуиции, раскрытие тайны как способ познания действительности, «обязанность» читателя подозревать всех, разоблачение романтического восприятия жизни, фальшивых морали и порядочности, демонстрация того, что за красивым фасадом часто скрываются грязь и корысть. Такая специфика произведения побуждает читателя к смелости, риску, находчивости.

6. Философская литература помогает получить разностороннее представление о себе, других людях, окружающем мире в целом. Она дает возможность понять неизбежность определенного конфликта между внешним миром и внутренним. Это понимание дает спокойствие, вносит конструктивность в деятельность человека.

«При чтении подспудно, независимо от желания или нежелания читающего в его сознании происходит отбор мыслей, фактов, событий. На что-то обращается больше внимания, что-то исключается, и таким образом, произведение «отливается» в нашем сознании.... Талантливый читатель не ограничивает себя рамками специальности, профессиональной принадлежности, ему чужда односторонность, та самая односторонность, которая показывает нам мир под одним лишь углом зрения избранной нами специальности», - пишет Ю.Н. Дрешер [3, с.39].

А.Е.Алексейчик в «Руководстве по психотерапии» предлагает подобный перечень

жанров литературы, но располагает их по степени важности для библиотерапии.

Итак, библиотерапия владеет мощным, общедоступным населению инструментом, способствующим формированию у человека навыков и способностей противостоять неординарным ситуациям, укреплять силу воли, наращивать интеллектуальный и образовательный уровень.

Чтение книг, в которых действуют благополучные герои, способствует нервно-психической разрядке, создаёт у читателей спокойное и ровное настроение, снимает последствия стрессов, нормализует процессы торможения. Есть место и психогигиеническому воздействию книг, которое направлено на волевую тренировку нервной деятельности, состояния интеллектуальной работоспособности (особенно у подростков).

В настоящее время библиотерапия — это использование возможностей чтения для решения широкого спектра терапевтических задач. Важно подчеркнуть, что библиотерапия как научная дисциплина особенно полезна и важна еще и потому, что она непосредственно адаптировала и усвоила из психиатрии и, особенно, психотерапии (и этот процесс продолжается) актуальные идеи и приемы, связанные с возможностями через книгу положительно влиять на человека. Как показывают первые исследования, возможности психотерапевтических знаний, идей, приемов и методов содержат много ценного для оптимизации процесса общения человека с книгой (на этапах предчтения, собственно чтения, постчтения). Конечно, чтение не может повлиять на причину органической болезни, изменить её ход; но оно способно снимать стрессовое состояние, отвлекать от боли, успокаивать и тонизировать. Сознательное использование приемов и методов психотерапии и библиотерапии поможет значительно повысить эффективность жизнедеятельности человека. И это немало!

Заведующая «Детской библиотекой им. А.П.Гайдара» Т.К.Толстова

Литература: 1. Алексейчик А.Е. Библиотерапия // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е. Рожнова. - Т.: Медицина, 1985. - С.304-319 2. Библиопсихология и библиотерапия/ Ред. Н.С. Лейтес, Н.Л. Карпова, О.Л. Кабачек. - М.: Школьная библиотека, 2005. - 480с. 3. Дрешер Ю.Н. Библиотерапия: Полный курс: учебное пособие/ Ю.Н.Дрешер. - М.: «Издательство ФАИР», 2007. - 560с. 4. Рубакин Н.А. Среди книг. СПб.: Издание Книжного склада «Школьное и библиотечное дело», 1906. - 345с.

БИБЛИОТЕКЕ им. М. ГОРЬКОГО В ЭТОМ ГОДУ - 60 ЛЕТ

Быть в центре внимания общественной и культурной жизни – непростая задача. Наша библиотека - центр притяжения интересных и творческих людей разного возраста для досуга и общения, центр нужной и необходимой информации, центр чтения и книги.

В 2005 году в структуре библиотеки им. Горького появилось новое подразделение - сектор литературы по искусству. Читателей отдела привлекает богатейший фонд: уникальные ноты и пластинки, книги и альбомы, значительный фонд справочных изданий по искусству, современные носители информации. Найти их порой можно только в нашем отделе, т.к. он единственный в городе. Давно известно, что искусство не только

отражает реальную жизнь, но и одновременно творит новую реальность, стремится усовершенствовать мир, сделать его лучше и добрее. Поэтому так велика роль библиотеки в духовном, культурном и нравственном воспитании личности. Большой вклад в программу эстетического воспитания молодежи и активного привлечения населения к чтению вносят клубы по

интересам. При отделе работают 2 клуба: «Воспоминание» и арт-салон «Творчество». Конечно, особая гордость нашего отдела – это арт-салон. Сначала, с образования отдела, выставки проходили просто, даже без участия художника, затем это стали презентации, а в 2009 году мы получили статус «арт – салона».

А что же так привлекает «клубников»? Конечно же, музыкальные и литературные вечера, концерты, выставки прикладного искусства. Это разумеется и возможность приобщения к информационной, и просветительской, а в большей мере нравственной, духовной жизни нашего города.

Сколько же всего интересного было за эти годы! Обо всем рассказать невозможно. Вспомним лишь некоторые. Так в апреле 2011 года прошла встреча с поэтами Новочеркаска, посвященная Белле Ахмадулиной «Вспоминая Беллу», а в марте 2012 года в клубе «Воспоминание» с большим успехом прошел творческий вечер нашей поэтессы Л.Н. Ломтевой. А сколько молодых, талантливых людей впервые «открыли» именно в нашем отделе: Ю. Прокопенко «Люмирель», У. Керимова, А. Миткалева, Н. Балакший, Т. Дубинец и др.

Незабываемы и встречи с художниками Л.В. Елисеевым, А.А. Редичкиным, В. Канаевым, В.Н. Репниковым, Г. Лисовской, К. Сидениным, Л. Мироновой, Н.Мамонтовым и др. Такие мероприятия заранее обречены на успех, т.к. они эмоциональны, красивы, интересны и предоставляют читателям не просто информацию по вопросам искусства, а дарят ее, взяв в союзники музыку, театральные жесты, кисть, перо и танцевальные движения. На каждой встрече обязательно присутствуют наши новочеркасские поэты: А. Кириченко, Б.И. Львов, А. Озеров и музыканты-барды: Ян Гур и С. Миткалев.

Обеспечить высокий профессиональный уровень мероприятий позволяют дружеские контакты отдела с творческими коллективами: клуб народных умельцев «Золотые руки» при ДК НЭВЗ, литературный клуб «Вдохновение» им. И. Пушкирева, литературный клуб «Озарение» рук. Чекулаев А.А., клуб художников «Мольберт» ДК НЭВЗ, клуб фотохудожников «Юпитер», творческое общественное объединение «Новочеркасский городской клуб художников», музыкальный коллектив «Вера. Надежда. Любовь» при городском Доме культуры, музыкальный коллектив Дома учителя под рук. Л.М. Доброхотовой, а так же вокальной группой музея им. Калмыкова «С песней по жизни».

И напоследок несколько записей из тетради отзывов:

«... Это был еще один радостный момент в моей жизни. Спасибо работникам библиотеки за прекрасную встречу в клубе «Воспоминания».

«... Отложив свои дела и проблемы, спешим на встречу почитателей кумиров прошлых и настоящих лет. Тепло и уют, лирический настрой, вкусный чай с домашними пирогами, создают отличное настроение, хочется радоваться жизни. Очень приятно, что в нашем городе есть место, где отдыхаешь душой, где тебе всегда рады».

Приятно осознавать, что библиотека сегодня – жизнеспособное учреждение, многопрофильное по своей сущности и структуре, стремящееся к первенству в интеллектуальной культуре города. Мы искренне надеемся на встречу со старыми и новыми читателями. Ждем вас в библиотеке!

Наталья Чёрная, библиотекарь 1 категории

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК КНИГИ

День весенний голубой –
Март спешит к апрелю
И приводит за собой
Книжкину неделю.

В этом году Всероссийский праздник «Книжкена неделя» отмечает 70-летний юбилей. По давно уже сложившейся традиции в последние дни марта в детской библиотеке им. Зои Космодемьянской проходят мероприятия, посвященные детской книге, чтению, юбилейным книгам и писателям, организовываются конкурсы и встречи с писателями.

В преддверии самого праздника был объявлен конкурс «Книга – мой лучший друг», в котором приняли участие 43 учащихся. На конкурс были предоставлены эмблемы книжной недели, отзывы, презентации, рисунки. Лучшие работы участников были отмечены подарками (Васюкова В. «32-8а», Огнева Л. «11-5в», Чернов А., Страданченко А., Кирюшкина А. «32-5г», Бозинян М. «22-5б», Бахчина Н. «11-3б», Девницкая В. «9-3а»).

Шла бурная работа в библиотеке – кто репетировал, кто рисовал, кто читал, но брать книги домой не забывали.

Для младших школьников праздник «Книжная ярмарка» прошел 20 марта. Гостями у участниками праздника стали учащиеся, учителя школы №22 и родители.

Самые маленькие участники праздника – ученики 1а класса (кл. рук. Зинченко Т.Н.) прочитали стихи и призвали гостей читать и любить книжки. Далее юные читатели встретились с героями произведений: пиратом, Гарри Поттером, Котом в сапогах, Суок, дядей Федором и его друзьями, Маленьким принцем, Снегурочкой – и другими сказочными героями. Учащиеся 4а и 4б класса МБОУСОШ №22 пели, танцевали, заигрывали со зрителями, делали праздник веселым и интересным. Украшением праздника стали песня «Кто не любит сказки» (Лебедева А, 22-2 кл.) и танцевальная латино-американская композиция (Коржева А. и Панфиловой Л.). Королева книга (Бозинян М.) и фея (Поминарнева Е.).

21 марта гости в лице школьников 5-7 кл. (школы №11, 32) встретились с «Ненаглядной шпаной» Кассиля, Пантелеева, Белых. Ведь праздник «Книжечина неделя» предложил Л.Кассиль. Учащиеся познакомились с литературными героями произведений 40-60х годов. Инсценировки показали участники театрального кружка «Маска». Гости услышали об интересной творческой судьбе Л.Кассиля.

Самым интересным на празднике была встреча с новочеркасским поэтом А.А. Чекулаевым, давним другом библиотеки. Анатолий Александрович рассказал о роли книги в его жизни, читал свои стихи, отвечал на вопросы детей.

Вниманию всех читателей была предложена электронная презентация об истории книжной недели в нашей библиотеке. В презентацию были включены фотографии праздников с 1970 по 2012г.

По Указу Королевы Книги награждены самые лучшие и активные читатели и классы. Самыми активными классами 2012г. названы 3б и 4б МБОУСОШ №22 (кл. рук. Маначина Н.В. и Гаврильчук Л.А.), 7а СОШ №11 (кл. рук. Чубанова Н.В.), 7а СОШ №32 (Яновская И.Ю.). Среди активных читателей библиотеки отмечены Бахчина Н. (11-3б), участники театрального кружка «Маска» (Бозинян М., Поминарнева Е., Носова Ю., Демьяненко Н., Гамаюнов И., Домашов К., Рожков В., Калинина О., Архипов К.), участники кукольного театра (Апрелева А., Диденко Д., Борисова Е., Новикова Н., Шоп Д.). Лучшими читателями 2012 г. стали: Кабаков М. (11-4в), Арькова Л. (22-4а), Лемешко К. (22-3б), Лукьянова С. (11-4а), Бахчина Н. (11-3б), Великородная В. (11-7а), Киреева И. (11-7а). Супер читатель библиотеки – Мясникова Настя (11-7а).

Всем участникам праздника, активным классам и лучшим читателям вручены дипломы и книги. Авторами презентации праздника, его организаторами стали все библиотекари Данильченко Е.А., Кузнецова Л.А., Шалимова В.И. во главе с зав. библиотекой Башкировой И.Г.

Эта «Книжечина неделя» прошла, а впереди уже «Книжечины именины – 2013», которые ждут в гости всех читающих детей.

Валентина Шалимова, библиотекарь

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

Более 60-ти лет ее двери открыты для всех желающих.

Библиотека открылась через два года после Дня Победы в Великой Отечественной Войне и сразу стала центром для школьников, студентов, рабочих промышленного района Новочеркаска. В полуразрушенном и голодном городе библиотека, где можно было почитать газету, посмотреть журнал и даже взять с собой книгу стала местом встреч читателей. Именно с той поры появились громкие чтения, то есть чтение вслух.

И какие бы функции не возлагались на библиотеки в разные времена основная из них - литературная деятельность. Как не печально, но сегодня более чем когда-либо необходимо приучать молодежь к чтению. Именно это является основной задачей библиотек.

Составляя годовые планы, мы, конечно, не забываем о патриотическом, экологическом и нравственном воспитании, но основное направление – литературные вечера, викторины, громкие чтения, «Чеховские салоны», как форма продвижения чтения.

Так как библиотека носит имя великого русского писателя, нашего земляка, Антона Павловича Чехова, то и пропагандистами чеховского наследия в городе является наш коллектив. Имея самый богатый фонд по чеховской тематике, мы предлагаем своим посетителям различные мероприятия. На чеховских салонах, например, можно узнать о малоизвестных фактах из биографии Антона Павловича, «услышать» по-новому его произведения. И какие бы мероприятия не проходили в нашей библиотеке, почти все они наполнены поэзией. Стихи здесь читают библиотекари, посетители и сами поэты.

За шестьдесят пять лет существования библиотеки в ее стенах побывало много писателей и поэтов, о чем говорят дарственные книги с автографами: Петр Лебедев, Анатолий Калинин, Борис Плевакин, Геннадий Семенихин, Сергей Сартаков, Борис Изюмский, Владислав Ефремов и другие.

Когда-то в читальном зале часами просиживал Иван Пушкарев, работник НЭВЗа. И наверняка в наших стенах зародились многие строчки его стихотворений. Сегодня библиотека открывает новую форму встреч «Пушкаревские чтения», где по нашей задумке с подачи активиста библиотеки Виктора Семеновича Бессарабова, мы будем читать и слушать стихи Ивана Пушкарева, признанных классиков, а так же поэтов Новочеркаска. Надеемся, что на наши встречи будут приходить люди разных поколений и очень хотелось бы услышать голоса молодых, начинающих талантов.

Как бы интересно библиотекари ни рассказывали о Великой Отечественной войне, экологии или истории, когда звучит голос поэта, читающего свои стихи, аудитория замирает. Мы благодарны поэтам Олегу Шатунову, Вениамину Обухову, Борису Львову, Анатолию Кириченко и другим, которые неоднократно принимали участие в библиотечных вечерах. Интересные встречи происходят у нас с литературным Шолоховским клубом «Тихий Дон» НПК, руководитель Ермак Надежда Петровна. Члены клуба прекрасно читают стихи свои и поэтов классиков.

В 2012 году отдел СИТ библиотеки выпустил дайджест «Лирический росчерк пера», в который были включены сборники стихов, подаренные поэтами библиотеке за последние годы. После выхода дайджеста фонд сборников стихов увеличился.

Конечно, сегодня век компьютеров. Но как же можно жить без книги. Только живые страницы смогут раскрыть вам тайны зашифрованные знаками-буквами. Удивительное состояние души, когда ты переворачиваешь страницу – «А, что же дальше?». Конечно: чтение это труд, но вознаграждение того стоит!

И где, как ни в библиотеке любой желающий сможет найти книгу по душе: учебную, научно-популярную, энциклопедическую и просто для отдыха. А в нашем городе много библиотек и они все востребованы. Значит наш город читающий.

Л.В.Острорерхова, зав.библиотекой им. А.П.Чехова

СОДЕРЖАНИЕ:

Иван Скоморохов. «На очной ставке с прошлым». Роман.	6
Лилия Головченко. «Бабка-Рябушка». Рассказ.	97
Раиса Иванова. «За туманом ничего не видно». Рассказ.	98
Ариадна Юркова. «Целую ваши руки». Семейная история.	100
Станислав Александровский. «Посвящение клубу «Взлёт».	
Стихи.	101
Татьяна Анисимова. «В глубинах памяти своей». Стихи	102
Анна Антипова. «Зов предков». Стихи.	103
Людмила Волкова. «Я с весной на «ты». Стихи.	104
Валерия Голованова. «Человек». Стихи.	105
Ирина Городецкая. «Художник и поэт». Стихи.	106
Яков Гуревич. «Там». Стихи.	107
Татьяна Залозная. «Скамейка». Стихи.	108
Валерий Калмацуй. «Донской пейзаж». Стихи.	109
Виталий Кузнецов. «Единственной». Стихи.	110
Александр Свеколкин. «Донская степь» Стихи.	111
Эльмира Сизякина. «Стоят три розы на столе». Стихи.	112
Валерий Старз (Стариков). Стихи.	113
Анна Хопрянинова. «Уеду в Муром». Стихи	114
Тамара Ядрова. «Что романтик я –знаю». Стихи.	115
Анатолий Чекулаев. «Посадите цветы. Стихи.	116

НАШИ ГОСТИ

Павел Бойчевский. «Волки». Быль.	117
Владимир Владыкин. «Расслоение». Роман.	120
Виктор Лесков. «Росчисть». Быль.	144
Мирослав Хоперский «Американец с русской кровью»	
Документальная повесть	154
Иван Муругов. «Дуб и Вишня». Рассказ.	156
Ольга Губарева. «Дни проходят мимо, мимо». Стихи	157
Виктор Кашкин. «Как хорошо вчера на крестном ходе». Стихи.	158
Виктория Семьшева. «Таких больше нет». Стихи.	159
Леонид Ханбеков. «Родная сторона». Стихи.	160
Дмитрий Ханин. «Сорвалась жизнь нечаянно с пера». Стихи.	161

ПРОБА ПЕРА

Виктория Толстопятенко. «Берёзы». Стихи.	162
Алёна Кирпилянская. «Зима». Стихи.	162
Ксения Харламова. «Пусть стихи превратятся в прозу». Стихи.	163
Наталья Михеева. «Новочеркасск». Стихи.	163
Екатерина Ивановская. «Радужный мир». Стихи.	164
Татьяна Шмидт. «Будет август... а может, сентябрь». Стихи.	165
Мария Скларова. «Я многое люблю на голубой земле». Стихи.	166
Юлия Квашук. «А звёзды пахнут лучше роз». Стихи.	167
Елена Шевченко. «Сбылась мечта - не как мечталось»	168

КРАЕВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРА.

Владимир Шумов. «Первые донские литераторы». Статья.	169
--	-----

Владимир Репников. «Дом Роллеров». Статья.	170
Иван Кравченко. «Сажа». Из семейного архива. Заметки (записки) краеведа.	171
Елена Мезина. «Маяковские чтения». Очерк.	174
Владимир Репников. «Сто лет ожидания». Статья.	180
От редакции журнала «Пролог». Заметка о художнике Л.В.Огановой.	182
Татьяна Толстова. «Лекарство для души». Очерк.	183
Наталья Чёрная. «Библиотеке им. М.Горького в этом году – 60 лет». Заметка.	186
Валентина Шалимова. «Юбилейный праздник книги». Заметка.	187
Людмила Островерхова. Библиотека имени Антона Павловича Чехова». Заметка.	189